Краснодарский университет МВД России

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ: ФИЛОСОФСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции

(24 ноября 2017 г.)

Краснодар
2017

УДК 343.326
ББК 66.3(0)
П83

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:
С. Ф. Самойлов, доктор философских наук, профессор (председатель);
Н. В. Нарыков, доктор философских наук, профессор
(заместитель председателя);
И. П. Скворцов, доктор философских наук, профессор
(ответственный секретарь);
Е. М. Куликов, доктор социологических наук;
А. В. Якуба, кандидат социологических наук

Противодействие экстремизму и терроризму: философские, П83 социологические и политологические аспекты : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (24 ноября 2017 г.) / редкол.: С. Ф. Самойлов, Н. В. Нарыков, И. П. Скворцов, Е. М. Куликов, А. В. Якуба. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2017. – 410 с.

ISBN 978-5-9266-1292-6

В сборнике содержатся материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной проблемам, связанным с противодействием экстремизму, терроризму и организованной преступности.

Для профессорско-преподавательского состава, докторантов, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 343.326
ББК 66.3(0)

ISBN 978-5-9266-1292-6

© Краснодарский университет
МВД России, 2017

Алексеенко Игорь Леонидович,
начальник Центра по противодействию экстремизму
ГУ МВД России по Краснодарскому краю

ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Угроза проявления национального экстремизма, а также наличие предпосылок к возникновению конфликтов на межнациональной почве, продолжает оставаться одним из основных факторов, негативно влияющих на обстановку, складывающуюся в регионе, что в немалой степени связано с сохранением высокого уровня внешней и внутренней миграции, недостаточным ее контролем со стороны уполномоченных органов.

В 2016 году на территории края иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 1591 преступление, что на 135 или 9,3% больше по сравнению с 2015 годом.

За 10 месяцев текущего года данной категорией лиц совершено 1128 преступлений.

Часть мигрантов и переселенцев, прибывших на территорию края преследует быстрое получение прибыли с использованием различных видов деятельности, не редко выходящей за рамки закона и не заинтересована в дальнейшем обустройстве на новых территориях, игнорирует местный уклад жизни и культурные традиции, что провоцирует возникновение конфликтных ситуаций с местным населением и создает дополнительные возможности для реализации экстремистскими организациями и отдельными радикальными элементами преступных планов по разжиганию межнациональных конфликтов.

Социальные и политические события последних лет позволяют утверждать, что мы находимся на пороге нового всплеска националистических идей в обществе, который, с одной стороны, спровоцирован миграционными потоками, с другой, - активной пропагандой национализма экстремистскими организациями в сети Интернет. Военные действия на Ближнем Востоке и агрессивная политика, проводимая властями Украины в отношении русскоязычного населения на Юго-востоке республики, еще больше усилили межэтническую напряженность, как в целом по стране, так и в Краснодарском крае в частности.

В ходе масштабных социологических исследований, проведенных в 2015 и 2016 годах совместно с учеными Кубанского государственного университета, было опрошено около 2,5 тысяч жителей края в возрасте от 14 до 30 лет[1], большую часть из которых составили учащиеся и работающая молодежь *(94,6%)*.

[1] Из них 73,9% - подростки в возрасте 14-17 лет и 26,1% – молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет.

Результаты опроса с наибольшей долей вероятности позволили предположить, что за последние два года, заинтересованность подавляющего большинства респондентов социально-политическими процессами не претерпела резких изменений и снизилась лишь на 10%. Однако на 1,6% *(с 6,2% до 7,8%)* увеличилось количество жителей Краснодарского края испытывающих неприязнь по отношению к представителям различных национальностей и на 1,7% *(с 7,4% до 9,1%)* - по отношению к представителям других религиозных конфессий.

При этом почти на треть, по сравнению с предыдущим годом, уменьшилось количество молодых людей, интересующихся учебой, книгами, вопросами смысла жизни, что, по мнению специалистов, ведет к снижению качества обучения. Чем ниже качество учебы, тем выше вероятность вовлечения молодого человека в различного рода противоправные и асоциальные процессы за счет неправильно распределенного свободного времени, отсутствия социальных обязательств *(в виде обучения)*, недостаточно развитого критического мышления и объективного восприятия социальных процессов. А если к указанным критериям оценки социальной позиции молодежи добавить возросшую увлеченность Интернет-технологиями, то распространенный стереотип вовлеченности подростков в различного рода деструктивные организации, находит свое подтверждение, как и в том, что в 2016 году за преступления экстремистской направленности, в том числе совершенных по мотивам национальности нетерпимости, к уголовной ответственности привлечено 15 жителей Краснодарского края, 11 из которых *(или 73,3%)* – молодые люди в возрасте до 30 лет.

Вместе с тем, только за 10 месяцев 2017 года за совершение преступлений данной направленности к уголовной ответственности уже привлечено 13 жителей Краснодарского края, из которых 9 в возрасте до 30 лет.

Еще более тревожная ситуация складывается с возросшим участием молодых людей в совершении административных правонарушений экстремистской направленности *(31правонарушение в 2015 году, 101 – в 2016 году и 144 – за 10 месяцев 2017 года)*, более 90% из которых совершены посредством информационно-коммуникационных сетей и были связаны с распространением экстремистских материалов[1] и с публичным демонстрированием нацистской атрибутики и символики[2].

С учетом сложного этнического состава населения края, наличия на его территории большого числа трудовых мигрантов и переселенцев из других регионов РФ и сопредельных государств, можно с уверенностью говорить о наличии достаточно высокого конфликтного потенциала, который, при желании, может быть активизирован экстремистки настроенными агентами влияния.

[1] По ст. 20.29 КоАП РФ - 86 (+42) правонарушений.

[2] По ст. 20.3 КоАП РФ - 58 (+16) правонарушений.

Вместе с тем, проводимая работа по гармонизации межнациональных отношений и профилактике межэтнических конфликтов способствовала сокращению количества бытовых конфликтов между представителями разных национальностей, проживающих на территории края, с 13 – в 2013 году до 2 – в 2016 году[1].

В текущем году конфликтов на межнациональной и межконфессиональной почве не допущено. Однако имеющиеся к ним предпосылки наглядно подтверждают необходимость принятия дополнительных совместных усилий по профилактике и предупреждению на Кубани конфликтных ситуаций на межнациональной почве.

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации «Об обеспечении межнационального согласия» *(от 07.05.2012 № 602)* руководством Главного управления внутренних дел проводится целенаправленная работа по оздоровлению обстановки в сфере межнациональных отношений, в рамках которой постоянно развивается диалог с лидерами национально-культурных образований, общин и землячеств, с которыми, в 2017 году проведено 58 рабочих встреч, конференций и «круглых столов» по вопросам гармонизации межнациональных отношений и профилактики межнациональных конфликтов.

Так, в период с 25 по 27 октября 2017 года совместно с УИ и ОС ГУ МВД России по Краснодарскому краю и Общественным советом при ГУ МВД России по Краснодарскому краю, принято участие в семинаре «О практике и задачах органов исполнительной власти и общественных объединений Краснодарского края по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

В мероприятии, которое состоялось в городе-герое Новороссийске, участвовали представители администрации Краснодарского края, г. Новороссийска, управления Минюста России по Краснодарскому краю, Новороссийской епархии, учебных заведений региона, лидеры национально-культурных объединений региона, заместители глав и специалисты муниципальных образований Краснодарского края, курирующие сферу реализации государственной национальной политики.

---

[1] В 2016 г. на территории края зарегистрировано 2 групповых конфликта, совершенных на бытовой основе, участниками которых являлись лица разных национальностей, а их последствия могли повлечь за собой развитие конфликтов на межнациональной почве:

- 16.06.2016 на территории г. Сочи конфликт на бытовой почве между лицами армянской и грузинской национальности, в котором приняли участие 7 человек. В ходе возникшей драки двое участников конфликта получили ножевые ранения, от которых один из них (Кроян В.С.) скончался.

- 19.09.2016 на территории Белореченского района пресечен конфликт на бытовой почве между казаками Белореченского отдела Кубанского казачьего войска (около 300 человек) и представителями местной курдской общины (до 200 человек), имевший предпосылки к перерастанию в конфликт на межнациональной почве.

Совместно с органами исполнительной власти на региональном и муниципальном уровнях, представителями традиционных религиозных конфессий и национально-культурных объединений в учреждениях системы образования края и массового отдыха детей проведено 53 семинарских занятия и лекции по вопросам предупреждения экстремистских проявлений в подростково-молодежной среде.

Так, 12.10.2017 во взаимодействии с сотрудниками УИ и ОС ГУ МВД России по Краснодарскому краю и представителями департамента образования МО г. Краснодар, на базе МБОУ Лицей № 4 г. Краснодара принято участие в городском родительском собрании на тему: «Семья и школа за сохранение жизни детей». В ходе родительского собрания была озвучена информация о деятельности органов внутренних дел Краснодарского края в сфере противодействия интернет-преступности.

В целях контрпропаганды экстремистских, в том числе террористических проявлений, профилактики межэтнических и межконфессиональных конфликтов, во взаимодействии с УИ и ОС ГУ МВД России по краю в средствах массовой информации и коммуникации опубликовано 323 материала (Из них: на телевидении – 25, на радио – 25, в печатных СМИ – 25, на ресурсах сети Интернет – 248 материала).

Основываясь на результатах анализа складывающейся на территории края оперативной обстановки в сфере противодействия национальному экстремизму, а также результатах социологического опроса, построенного на теме межнациональных отношений, можно предположить, что, например, на Кубани через «сети» вербовщиков экстремистского и националистического толка могут проходить до 5-6% молодежи, которые доверяют Интернет-ресурсам в области национальных взаимоотношений. А это порядка 25 тысяч молодых жителей региона.

Конечно, не все они по ряду субъективных причин подвержены идеологической обработке, к тому же деятельность многих таких ресурсов оперативно пресекают правоохранительные органы. Однако эта тенденция свидетельствует о необходимости планомерной работы, как минимум в двух направлениях:

- продолжение системного мониторинга Интернет сети в целях выявления и пресечения деятельности запрещенных ресурсов с расширением объема проводимой работы;

- формирование у молодежи устойчивого иммунитета к таким видам ресурсов, понимания их противоправности и критичности восприятия представляемой этими ресурсами информации.

Работа по указанным направлениям должна носить системный, наступательный характер, основанный на межведомственном взаимодействии со всеми субъектами профилактики экстремизма в Краснодарском крае, что позволит сохранить контроль за оперативной обстановкой в регионе, снизить риск возникновения конфликтных ситуаций между представителями различных национальных групп.

Маршак Аркадий Львович,
главный научный сотрудник Института социологии РАН,
почетный работник высшего профессионального
образования Российской Федерации,
доктор философских наук, профессор
Красина Яна Сергеевна,
аспирант
Института социологии РАН

ДОЛЯ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ МИГРАНТОВ В СИСТЕМЕ ПРЕКАРИАТА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН

Аннотация:

В статье дается анализ основных процессов включения трудовых мигрантов в систему временной занятости населения. Приводится описание социально-культурных аспектов ценностей и норм, характеризующих специфические черты культуры мигрантов, показан механизм взаимодействия данных элементов культуры с культурой прекариатных слоев страны пребывания. Показано как на основе этих процессов происходит культурное взаимообогащение представителей различных национальных диаспор и формирование общественной культуры. Статья опирается на материалы исследований межэтнических отношений в регионах России, проведенных учеными ИС РАН.

Ключевые слова

Прекариат, трудовые мигранты, социокультурная адаптация, миграция, культурные ценности.

Abstract

The article gives an analysis of the main processes of inclusion of labor migrants in the system of temporary employment of the population. The article describes the socio-cultural aspects of values and norms that characterize specific features of the culture of migrants, shows the mechanism of interaction of these elements of culture with the culture of prekarious strata of the host country. It is shown how, on the basis of these processes, there is a cultural mutual enrichment of representatives of various national diasporas and the formation of a public culture. The article is based on materials of researches of interethnic relations in the regions of Russia, conducted by scientists of IS RAS.

Keywords

Prekariat, labor migrants, sociocultural adaptation, migration, cultural values.

На современном этапе развития общества, в динамично меняющемся мире мы находимся в центре всеобщей трансформации, болезненного построения глобальной рыночной экономики. Подобного рода трансформация началась в 1980-х годах, с видением открытых либерализованных рынков. Процессы глобализации мировых социально-экономических отношений, стремительное развитие и совершенствование транспортных сетей и средств коммуникации, либерализация движения товаров, капитала и финансовых потоков стали серьезным испытанием для сферы трудовых отношений.

В последние десятилетия в результате проводимых в стране демократических и рыночных преобразований произошли значительные изменения в социальной стратификации российского общества.

1. Коренным образом изменился сам характер стратификационной системы. Если в советском обществе преобладала этакратическая система, построенная на властных иерархиях и формальных рангах, то в современном российском обществе формирование стратификационной системы происходит на экономической основе, когда главными критериями становятся уровень доходов, владение собственностью и возможность осуществлять самостоятельную хозяйственную деятельность.

2. Сложился многочисленный предпринимательский слой, высшие представители которого составляют значительную часть хозяйственно-экономической элиты, а в ряде случае даже входят в политическую элиту страны. Независимо от качественных оценок этого слоя, ясно одно: переход к рыночной экономике породил новые социальные группы, не только обладающие экономической свободой, но и претендующие на самые высокие места в общественной иерархии.

3. Заметно изменилась социально-профессиональная стратификационная структура в связи с появлением в ходе реформ новых престижных, высокооплачиваемых профессий и видов деятельности (предпринимательской, коммерческой, финансово-банковской, управленческой, юридической и др.).

4. Наметилось полярное расслоение общества, вызванное резкой дифференциацией доходов населения. Так, если незадолго до распада Советского Союза децильный коэффициент равнялся пяти, то в 1997 г. он повысился до двенадцати, а в настоящее время – до двадцати пяти.

5. Несмотря на существующую социальную полярность общества, начинает формироваться средний слой, основу которого составляют высокообразованные, инициативные, предприимчивые социальные категории (бизнесмены, менеджеры, представители аппарата государственного управления среднего звена, лица интеллектуальных профессий, фермеры, высококвалифицированные рабочие и служащие). Средний класс определяет стабильность общества и одновременно обеспечивает его динамичное развитие. В современном российском обществе, считающемся переход-

ным, а потому нестабильным, доля среднего класса не очень высока и, по разным оценкам, составляет 12-25%. Но есть надежда, что по мере осуществления экономических реформ и демократического развития общества удельный вес среднего класса в перспективе будет возрастать.

Если принять за основу тот факт, что основанием для стратификации является стабильность на рынке труда, наличие полной узаконенной занятости, то в данной системе будет выделено несколько групп занятых в экономике. В последнее десятилетие стало очевидно, что мы не можем подойти к анализу, пониманию и объяснению новых социальных явлений и процессов, используя прежние мерки, ранее сложившиеся теоретико-методологические приемы. Без поиска принципиально новых подходов мы не сможем ответить на вызовы времени[1].

Одним из новых явлений в социальной структуре общества является прекариат, на который стали обращать внимание исследователи как за рубежом, так и в нашей стране только в конце XX - начале XXI вв.

Прежде всего, следует сказать, что понятие прекариат образовано от двух слов (от лат. precarium – неустойчивый, нестабильный, негарантированный) и слова «пролетариат», который в свое время представлял класс, отчужденный от результатов труда и подвергающийся эксплуатации в интересах господствующего класса – буржуазии.

В научный оборот слово прекариат было введено профессором социологии Мюнхенского университета Ултрихом Беком[2]. Под прекариатом У.Бек понимал и неустойчивую, непостоянную занятость, и людей, которым навязана такая форма занятости. Связано это понятие было с обществом риска, где какие-либо гарантии исчезают под влиянием зарождающегося постмодерна и глобализации.

Нужно обязательно отметить, что осознание возникновения нового класса/слоя произошло не сразу. Сначала это были сомнения в старой формулировке классов. Появились теории, объясняющие коренные изменения социальной структуры общества. А. Горц писал о «конце рабочего класса»[3].

Наиболее полные сведения о таком новом социальном классе как прекариат изложил британский экономист Гай Стендинг[4] в своей книге «Прекариат – новый опасный класс». Согласно Г. Стендингу, прекариат характеризуется нарушением гарантий в сфере труда: безопасность рынка труда; гарантии занятости; гарантии рабочего места (труда); безопасность

---

[1] Наемный работник в современной России / отв. ред З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. 388 с

[2] Beck, Ulrich World Risk Society, Cambridge, UK/Malden, MA: Polity Press/Blackwell Publishers, 1999.

[3] Gorz A. Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism. London, 1982.

[4] Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.

труда; безопасность воспроизводства квалификации; безопасность дохода; безопасность представительства интересов.

Британский исследователь Гай Стендинг выделяет пять групп на основании трудовой принадлежности: 1) Элита, в которую входит весьма ограниченное число свербогатых людей; 2) Салариат (от англ. salary – зарплата) – высший средний слой, имеющий стабильную полную занятость и зарплату, в него входят руководящие работники корпораций, государственных учреждений, государственной службы; 3) Профессионалы – работники, имеющие стабильное положение благодаря своим знаниям и умениям, занятые на основе контракта; 4) Сердцевина – «старый» рабочий класс; 5) Прекариат – социально неустроенные люди, не имеющие полной гарантированной занятости.

В западной социологии труда получила распространение точка зрения, согласно которой новая техническая и информационная реальность влечет за собой коренное изменение всех ключевых понятий индустриальной социологии, таких как «нормальный рабочий день», «трудящийся» и даже «предприятие». В место них выдвигается понятие «флексибильность» (гибкость) социально-трудовых отношений, подразумевающая, с одной стороны, – гибкость в организации рабочего времени и политике занятости, с другой – многообразие умений работников и способность работников приспосабливаться к изменениям.

Идеологи глобализации предполагают, что флексибильная (непостоянная, не стабильная) система трудовой занятости превратится в норму и постепенно вытеснит стабильность восьмичасового рабочего дня и пятидневной рабочей недели.

Необходимо признать, что одним из результатов такой гибкости является усиление власти работодателя, заинтересованного в переходе на краткосрочные трудовые контракты, снижении оплаты труда и понижении уровня социального страхования в условиях конкуренции работников.

Для работников это означает неустойчивая трудовая занятость, в большинстве случаев имеющая неформальный статус.

Предшествующий советский период развития нашего государства и непосредственно трудового права, укрепил в сознании образ работника как человека, имеющего гарантированную и стабильную работу, базовые трудовые права, который работает на своем месте постоянно и без веских причин его не меняет. Такой работник старается, полностью отдается работе, вкладывая в нее все свои силы. Благодаря своему добросовестному отношению он приносит прибыль работодателю и одновременно улучшает собственное благополучие, повышает свой заработок и материальный достаток.

Всеобщее право на труд для советского человека, с одной стороны, было гарантом стабильности, с другой отнимало право на самозащиту и профессиональное самоопределение.

Приватизация 90-х годов ознаменовала отказ от гарантий занятости и переход к новым «рыночным» правилам игры. С началом рыночных реформ в нашем государстве появился совершенно иной тип работников, которые для того, чтобы заработать вынуждены, что называется, «крутиться». С большим сожалением приходиться констатировать факт, что вынуждены «крутиться» учителя, врачи, научные работники и другие. То есть те, труд которых, в силу определенных причин, перестал достойно оплачиваться. Кроме того, их ряды стали пополняться молодежью, у которой нет гарантий занятости, а также огромным количеством сокращаемых работников.

В результате в обществе сформировалась целая прослойка людей, которые «непонятно где и чем заняты». Со слов Ольги Голодец, таких у нас 38 миллионов[1]. Эти люди не имеют «нормальной» и постоянной работы, стабильного заработка, социальных гарантий, которые бы им обеспечивали работодатели и государство.

В отечественной науке прекариат рассматривается как социальная группа в структуре российского общества. Основным признаком принадлежности к этой группе считается отсутствие у работающих индивидов узаконенных отношений с работодателем.

С учетом российской реальности, это, прежде всего временные работники, либо имеющие частичную занятость и не заключившие трудовой договор с работодателем. Как следствие – они не имеют никаких гарантий (таких как лимитированный рабочий день, оплачиваемый отпуск, больничные листы, работодатель не вносит пенсионные и социальные отчисления и др.). К прекариату отнесены и следующие категории работников: выведенные за штат (аутстаффинг, лизинг персонала); работающие (по инициативе работодателя) неполное рабочее время; вынужденных безработных; отчаявшихся найти работу.

В последние годы прекариат активно пополняют научные работники и преподаватели, которых переводят на краткосрочные контракты. С преподавателями вузов, например, всегда заключался срочный трудовой договор. Но если раньше это компенсировалось достойной оплатой труда и всеобщим уважением, то в настоящее время редкий рост заработной платы сопровождается существенным увеличением нагрузки. Преподаватель обязан не только вести образовательную деятельность, но и одновременно с этим искать гранты, публиковать научные труды, разрабатывать методические материалы. Многое, что раньше считалось учебной нагрузкой, сегодня либо снижено по количеству рассчитываемых учебных часов, либо полностью исключено из расчета. Поэтому чаще всего приходится мириться, что потраченное время просто никто не оплатит. Переход на систему

[1] Голодец О.Ю. 38 миллионов трудоспособных россиян заняты непонятно чем//Российская газета. 2013. 3 апреля.

«эффективного контракта» также не способствует улучшению ситуации. От «чистого» прекариата педагоги пока еще отличаются только тем, что большинство из них все же не утратили своей профессиональной принадлежности.

На временную, случайную работу, не соответствующую их квалификации, вынуждены соглашаться выпускники вузов. Некоторыми чертами прекариата обладают фрилансеры: журналисты, программисты и представители других креативных профессий, а также люди, занятые лизинговым, то есть заемным трудом (музыканты, артисты, спортсмены). Они составляют в совокупности около 8 % занятого населения. При такой системе найма работники не всегда считаются сотрудниками фирмы, в которой фактически заняты, поскольку зарплату им выплачивает и социальные гарантии предоставляет другая организация, агентство по найму. Отметим, что люди, работающие в условиях лизинга, подвергались изощренным формам эксплуатации, что привело к его запрету с 2016 года, как форме, не предусмотренной российским трудовым законодательством [1].

Новой категорией работников, пополняющей прекариат, можно назвать тех, кто в виду отсутствия на локальных рынках труда возможности найти достойно оплачиваемую работу, вынужден искать источники жизнеобеспечения в более крупных городах.

Прекариат по своему национальному составу многообразен. Здесь основную массу составляют лица страны пребывания, но также ряды прекариата пополняются мигрантами из стран ближнего зарубежья и из регионов страны пребывания.

Трудовые мигранты – это, в широком смысле употребляемого термина, все иностранные граждане, прибывающие на территорию Российской Федерации не с туристическими целями. Под мигрантами можно понимать как высококвалифицированных специалистов из стран Запада (ученые, банкиры, финансисты, менеджеры, инженеры и др.), так и средне- и низкоквалифицированную рабочую силу из СНГ, Китая, Вьетнама и других стран третьего мира.

Высококвалифицированные специалисты прибывают в Россию преимущественно для работы в российских представительствах иностранных компаний, компаниях, работающих на международных рынках, а также для замещения вакансий, не имеющих надлежащего предложения на внутреннем рынке труда.

Трудовые мигранты средней квалификации прибывают к нам преимущественно из СНГ, чаще всего из государств с культурно близким населением, к которым можно отнести Белоруссию, Украину, Казахстан, Молдавию. Это специалисты с высшим и средним специальным образова-

[1] Тощенко Ж.Т. Зарождение нового социального класса//Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 3. С. 95-107.

нием, полученным еще на советской образовательной базе. Среди прибывших встречаются крайне востребованные врачи, учителя, инженеры, специалисты в промышленном производстве, строительстве, науке и других отраслях.

Низкоквалифицированная рабочая сила – это рабочие, имеющие среднее (школьное) образование или не имеющие образования. Чаще всего такие мигранты не владеют русским языком или владеют крайне плохо, не имеют даже минимальных правовых знаний, знаний особенностей российского общежития, русской культуры и истории. Большинство из них родилось уже после распада СССР, и воспитаны в духе регионального национализма, процветавшего во многих республиках бывшего Союза.

Именно последняя группа мигрантов является питательной почвой для роста прекариатных слоев населения России.

Несмотря на то, что российское население издавна было полиэтничным, его этнокультурное разнообразие еще более усложнилось, когда сразу после развала Советского союза Россия принимала беженцев и вынужденных переселенцев из новообразованных независимых государств. Кроме того, последние десятилетия внесли свой вклад в усложнение этнокультурного состава российского населения и трудовой миграции. В результате этих процессов на территории нашего государства к уже сложившимся этническим группам добавлялись новые[1].

Миграция для России – процесс естественный. Уже никого не удивишь гражданами другой национальности, которые выполняют ремонтные работы, трудятся в сфере услуг или просто торгуют на рынке. Объяснить это просто: даже несмотря на кризис во всем мире, наша страна входит в пятерку государств, которые больше всего привлекают мигрантов.

После начала экономического роста в стране в 2000-х годах, основную часть миграционного потока стали представлять иностранные трудовые мигранты. Большинство иностранцев, временно находящихся в России – граждане из наиболее бедных стран СНГ, преимущественно Украины, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Молдавии. Работодатели пользуются их безвыходной ситуацией, используя их рабочую силу с нарушением законодательства (не оформляя им разрешение на работу, не платя налогов) и ставя таким образом в прекаризованное положение. Сами трудовые мигранты из республик Средней Азии и Закавказья зачастую не владеют русским языком, не имеют профессии. Среди государств, не входящих в СНГ, наибольшее количество мигрантов в Россию поставляют Китай, а также Вьетнам, Афганистан, Турция.

В списке мигрантов на лидирующих позициях значатся также США и Канада. Механизм приема таких граждан на каждой территории разный.

[1] Адаптация и интеграция полиэтнического пространства регионов России: проблемы, рекомендации /Дмитриев А.В., Воронов В.В. – М. Новый хронограф, 2017. – 184 с.

Если в Соединенных Штатах нужно пройти множество комиссий и доказать свою квалификацию, то в Россию можно просто приехать без образования или даже базового знания русского языка.

Такая ситуация довольно сложная, ведь выгода тут имеется для обеих сторон. Наша страна получает выгодную с экономической точки зрения рабочую силу, а мигранты – возможность получить пути для развития, улучшения условий жизни. Но сегодня, в 2017 году, число иностранных граждан, въехавших на территорию России для получения ПМЖ, составляет 6 миллионов человек. Статистика показывает, что около 60% из них попали в страну нелегально или у них уже истек срок действия разрешения. Согласно данным статистики в 2017 году, к странам, для жителей которых миграция в Россию является наиболее типичной, относят:

1. Узбекистан (более 2 миллионов человек).
2. Украину (более 2 миллионов).
3. Таджикистан (около миллиона).
4. Казахстан (45 тысяч).
5. Армению (30-35 тысяч)[1].

Мигранты являются носителями своей культуры, своих ценностей и норм и находясь в России они неизбежно распространяют элементы культуры на окружающих, а также впитывая культуру страны пребывания создавая социально-культурную интеграцию. С другой стороны, в некоторых регионах мигрантов так много, что они создают целые отдельные поселения, что затрудняет их ассимиляцию в российском обществе.

Культурный аспект интеграции мигрантов представляется одним из наиболее важных, поскольку именно в области социально-культурных различий лежит корень тех проблем и, вместе с тем, возможностей, которые открылись для общества в условиях роста потоков миграции.

Мигранты, уезжая из своей родной страны в другую страну, оказываются в большинстве случаев в пограничном положении, в положении маргинала. Они часто чувствуют дискомфорт, ущемление в своих правах, дискриминацию и неприязнь со стороны коренного населения. Мигранты часто сталкиваются с проблемой трудоустройства, поиска жилья, оформления необходимых документов, важных для проживания на территории России, изучения русского языка и сохранения родного языка. Все это влияет на уровень адаптации иностранных граждан и в ряде случаев тормозит данный процесс, вследствие этого они плохо интегрируются в иноязычную для них среду. Изучение адаптации мигрантов и факторов, от которых зависит данный процесс, является очень важным в настоящее время. Только в результате успешной адаптации мигранты могут нормально функциони-

1 Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 12 месяцев 2016 года с распределением и регионам // Министерство внутренних дел РФ: [сайт]. URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9359228/ (дата обращения: 20.11.2017)

ровать и развиваться в личностном, культурном и профессиональном плане в обществе, как и коренные жители страны. Из всего этого, следует тот факт, что различные показатели адаптированности иностранных граждан, мигрировавших в Россию, оказывают воздействие на социально-экономическое, культурно-нравственное и демографическое положение страны в целом.

На социальную адаптацию мигрантов влияют не только социально-демографические и экономические факторы, но еще социокультурные. Социокультурные факторы включают в себя две наиболее главные составляющие – религиозная принадлежность и национальность. Каждый представитель своей этнической группы имеет свои традиции, религию и хочет их сохранить. В условиях этнического и религиозного многообразия, часто возникают национальная нетерпимость и конфликты. Мигранты, переселяясь в Россию, чаще всего попадают в иноэтническую, инокультурную и иноконфессиональную среду. Вместе с тем они являются носителями своей культуры, религии и языка, привносят свои обычаи и традиции. Значительное влияние конфессиональный фактор приобретает на этапе вхождения мигрантов в новое для них российское общество. Названный фактор проявляется в следующем: появление новых для региона конфессий на волне разного рода миграций, вливание мигрантов в сложившуюся конфессиональную структуру и присоединение к единоверцам, надежда на поддержку.

В заключении можно сказать, что религия и национальная принадлежность являются одними из основополагающих факторов социокультурной адаптации мигрантов. Религиозные организации и структуры власти создают специальные центры для адаптации мигрантов, помогая им в изучении русского языка, истории России и основ культуры новой для них страны. Такого рода центры позволяют не только адаптироваться мигрантам в неродную для них среду, но и сохранить свою культуру и язык. Помимо этого, подобного рода этнокультурные объединения, формируя особое культурное пространство, обладают немалыми возможностями и предпосылками для того, чтобы совместно с органами власти выступать своеобразными социальными регуляторами в адаптации мигрантов в региональном сообществе и профилактике девиантного поведения. Представители различных наций являются инициаторами этнокультурных центров, а также многие из них – активными участниками мероприятий, направленных на сохранение своей этнической идентичности и ознакомление представителей других национальностей с их традициями, обычаями через проведение районных праздников.

Подводя итог, хотелось бы отметь, что стабильность любого, в том числе и российского общества будет зависеть от того, каким будет включение мигрантов в систему социокультурных связей и отношений. Известно, что адаптация мигранта проходит в двух сферах: формальной, куда

можно отнести обретение легитимного статуса, разрешающих проживать и работать в России документов, легального места жительства и т.д., и неформальной, к которой относится усвоение культурных кодов и эффективная коммуникация с коренным населением при повседневном взаимодействии. И это, несомненно, является одной из главных проблем, с которой сталкиваются мигранты, осваивая новое место жительства. Проблема социокультурной адаптации, представляет собой сложный, многоаспектный и часто длительный процесс, связанный с переживанием мигрантами перемен, культурных различий, изоляции и депривации. Но, тем не менее, очевидным является факт так называемого социокультурного обмена между категорией трудовых мигрантов и прекариатных слоев страны пребывания. Происходит поэтапная адаптация в социокультурном плане, взаимный обмен ценностями, культурными традициями, что, в конечном счете, позволяет сформировать социокультурное пространство качественно нового формата.

Литература:

1. Beck, Ulrich World Risk Society, Cambridge, UK/Malden, MA: Polity Press/Blackwell Publishers, 1999.

2. Gorz A. Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism. London, 1982.

3. Адаптация и интеграция полиэтнического пространства регионов России: проблемы, рекомендации /Дмитриев А.В., Воронов В.В. – М. Новый хронограф, 2017. – 184 с.

4. Голодец О.Ю. 38 миллионов трудоспособных россиян заняты непонятно чем // Российская газета. 2013. 3 апреля.

5. Наемный работник в современной России / отв. ред. З.Т. Голенкова М.: Новый хронограф, 2015. 388 с.

6. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.

7. Тощенко Ж.Т. Зарождение нового социального класса//Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 3. С. 95-107.

8. Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 12 месяцев 2016 года с распределением и регионам // Министерство внутренних дел РФ: [сайт]. URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/ statistics/migracionnaya/item/9359228/ (дата обращения: 20.11.2017)

Ковальчук Олег Геннадьевич,
заместитель начальника
Центра по противодействию экстремизму
ГУ МВД России по Краснодарскому краю.

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РАМКАХ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЭТАПА МЕЖДУНАРОДНОГО СПОРТИВНОГО МЕРОПРИЯТИЯ

Опыт реализации комплекса мер по обеспечению безопасности спортивных мероприятий международного уровня на территории края позволяет говорить о выработке к настоящему времени алгоритма эффективного взаимодействия уполномоченных органов государственной власти по противодействию противоправным устремлениям деструктивных сил по подрыву имиджа России, как страны организатора Чемпионата мира -2018.

В рамках подготовительного этапа органами внутренних дел во взаимодействии с другими субъектами правоохранительной деятельности и органами исполнительной власти субъекта РФ принимаются меры, направленные на предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений и правонарушений экстремистской направленности, а также преступлений террористического характера в соответствии с согласованным с органами исполнительной власти и заинтересованными ведомствами (администрацией субъекта, УФСБ, УТ МВД России, МЧС, ГУ Росгвардии, частями и соединениями ВНГ России) совместным планом организационно-практических мер.

Производятся расчеты сил и средств, утверждается состав межведомственных рабочих групп.

Личный состав оперативных подразделений и оперативные источники ориентируются на получение упреждающей информации противоправного характера, сбор сведений о лицах, которые вынашивают намерения спровоцировать групповые нарушения общественного порядка и экстремистские акции.

Организуется непрерывный мониторинг сети Интернет и комплекс мер по информационному противоборству экстремистским проявлениям, в открытых телекоммуникационных источниках.

В органы прокуратуры и подразделение Роскомнадзора направляются материалы экстремистского содержания, выявленные в сети Интернет, для принятия мер прокурорского реагирования и ограничения доступа к данным Интернет-ресурсам.

Публикуются соответствующие материалы в СМИ в целях контрпропаганды экстремистских, в том числе террористических проявлений, профилактики межэтнических и межконфессиональных конфликтов.

В целях предупреждения конфликтов на межнациональной и межконфессиональной основах, выявления и пресечения нарушений законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях, во взаимодействии с органами исполнительной власти на региональном и муниципальном уровнях осуществляется постоянный мониторинг деятельности зарегистрированных в регионе национально-культурных объединений и религиозных организаций.

С лидерами национально-культурных объединений и религиозных организаций Краснодарского края проводятся встречи и круглые столы по вопросам гармонизации межнациональных отношений, недопущения провокаций по разжиганию межконфессиональных конфликтов.

Результатом принятых превентивных мер на территории субъекта должно стать отсутствие конфликтов на межнациональной и межконфессиональной почвах.

В рамках проводимых совместных специальных операций во взаимодействии с УФСБ России по субъекту проводятся оперативно-профилактические мероприятия, направленные на выявление, предупреждение и пресечение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.

Особое внимание уделяется гражданам, прибывающим на территорию края по каналам миграции и туризма.

Отрабатывается механизм взаимодействия со средствами массовой информации с целью информирования населения о принятии мер личной безопасности в период проведения публичных мероприятий.

Проводимая предупредительная работа обеспечивает контроль за оперативной обстановкой в регионе в период подготовки и проведения мероприятия, снизить риск возникновения массовых нарушений общественного порядка.

Во взаимодействии с органами безопасности обеспечивается непрерывный контроль за проведением общественно-политических мероприятий, соблюдением установленного порядка их проведения.

На постоянной основе осуществляется анализ поступающей оперативной информации, а также мониторинг средств массовой информации и сети Интернет с целью выявления лиц, призывающих к проведению несогласованных публичных акций, совершению действий экстремистской направленности с принятием мер профилактического характера.

Во взаимодействии с Министерством образования, науки и молодежной политики субъекта, представителями традиционных религиозных конфессий и национально-культурных объединений в учреждениях системы образования и массового отдыха детей проводятся семинарские занятия и лекции по вопросам предупреждения экстремистских проявлений в подростково-молодежной среде.

Совместно с органами безопасности и другими субъектами правоохранительной деятельности края принимаются организационные и практические меры по противодействию нелегальной миграции, обеспечению контроля иностранных граждан, соблюдение ими порядка пребывания, а также меры по привлечению к установленной законом ответственности юридических и физических лиц, способствующих незаконной миграции.

Непосредственно на спортивных объектах на регулярной основе проводятся комиссионные обследования антитеррористической защищенности, отрабатывается весь задействованный персонал.

Вашрова Наталья Владимировна,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД
Республики Беларусь,
кандидат социологических наук

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ОСНОВЫ ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Изучение особенностей проявлений различных видов экстремизма в современном мире раскрывает специфическую взаимосвязь целого ряда социокультурных, национально-этических, экономических и политических факторов, каждый из которых приобретает особое значение в зависимости от конкретного социального контекста, способствующего появлению убеждений и деятельности экстремистского типа. Это означает, что внешние формальные признаки экстремистских групп, используемая ими риторика, озвучиваемые идеи и цели не обязательно являются единственными и даже главными мотивами их деятельности. Решающая роль может принадлежать другим социальным факторам, которые не так явны для поверхностного наблюдения. Поэтому исследуя данный феномен необходимо рассматривать как внешние социальные предпосылки формирования радикальных установок, так и внутреннюю динамику группы, ее социально-демографические признаки и характеристики социального статуса ее целевой аудитории[1].

[1] Рязанов Д. С. Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2014. – Т. 7. – С. 177-184.

Одним из примеров ярко-выраженной внешней характеристики экстремизма может быть ее религиозная окраска[1]. В данном случае под «религиозным» подразумевается отношение к уже существующим организационным формам традиционных религий, религиозных сект, новых религиозных движений, а также связь с идеями сверхъестественного или божественного порядка, сакральными практиками и культами. Вследствие наличия легко фиксируемых религиозных признаков становится возможным выделение отдельного экстремистского направления – религиозного экстремизма. Под религиозным экстремизмом подразумевают разновидность экстремизма, в основе которого лежит определенная религиозная идеология и деятельность лиц, принадлежащих к какой-либо религиозной организации, которые проявляют крайние радикальные и фундаменталистские взгляды в отношении других религиозных традиций и светского государственного устройства[2].

Однако кроме религиозного экстремизма как такового, имеющего религиозные причины и преследующего именно религиозные цели, существуют различные виды экстремисткой деятельности, активно использующие религиозные мотивы, как важную, но не единственную основу своей деятельностью. Поэтому принято выделять такие виды экстремизма как: религиозно-национальный, религиозно-этнический, религиозно-политический, а также взаимодействие социально-экономического и религиозного аспектов в рамках проблемы социального неравенства и неравномерного экономического развития регионов мира или страны[3]. В перечисленных видах экстремизма религиозный фактор может играть специфическую роль, становясь идеологической и организационной основой или дополнением для радикальных установок и действий. Как основа формирования идеологической базы экстремистских взглядов религиозный фактор может выполнять ряд функций.

Во-первых, способствовать конструированию специфического протестного мировоззрения, противостоящего убеждениям и ценностям других социальных групп или общепринятым тенденциям общественного развития какого-либо социума. В рамках такого мировоззрения строится упрощенная картина мира, в рамках которой дается четкое и однозначное объяснение причин неудовлетворительного положения какой-либо соци-

---

[1] Кадиева А. М. К проблеме религиозного экстремизма // Гуманитарные исследования в ДонГАУ (Научный ежегодник). – 2006. – Вып. 4. – С. 22-36.

[2] Кузнецов К.В. Понятие и основные признаки религиозного экстремизма – необходимое знание для формирования умений антипропаганды религиозного экстремизма у студентов гуманитарных вузов// Гуманитарные научные исследования. 2012. № 6 [Электронный ресурс]. URL: http://human.snauka.ru/2012/06/1331 (дата обращения: 29.09.2017).

[3] Алиев А. К., Арухов З. С., Ханбабаев К. М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. – М.: Наука, 2007. – С. 20-32.

альной группы или общественных проблем в целом. Рисуется идеализированная картина мирового порядка и обозначаются простые пути его достижения, которые заключаются в устранении препятствий в виде доминирующей общественной силы или групп-конкурентов. То есть, благодаря, религиозной составляющей экстремистская идеология образует осмысленное целое, в котором даются ответы на фундаментальные вопросы о цели человеческой жизни и его предназначении, повышая тем самым статус специфического набора взглядов до целостного мировоззрения.

Во-вторых, религиозный фактор играет легитимирующую роль для крайних радикальных убеждений. Утверждая связь с высшим (божественным) авторитетом, подобная идеология обозначает свою истинность и правомочность. Данная особенность может создавать установку на ослабление личной ответственности в осуществлении каких-либо действий, либо вообще снятие ответственности, интерпретация личности как орудия высшей божественной силы.

В-третьих, следует отметить наличие миссионерской установки, которая в контексте экстремистских взглядов приобретает агрессивные черты навязывания собственной идеологии социальному окружению. Необходимость распространения собственных идей может трактоваться как единственное спасение для какой-либо социальной группы или большого сообщества. Объединяясь с мировоззренческими аспектами, данная черта может приводить к идеализации образа носителей идеологии, при этом демонизировать образ своих идейных противников, обезличивая и дегуманизируя их, сводя к понятию зла, которому необходимо противостоять.

В-четвертых, религиозный фактор может оформлять и усиливать идентичность представителей какой-либо социальной группы с экстремистскими взглядами. Соединяясь с различными видами социальных идентичностей, религиозная составляющая создает дополнительную связь с представителями референтной группы на основании общности их веры и религиозной практики. Если некоторые социальные группы трактуют свое положение, как ущемленное в национально-политическом, этническом или экономическом смысле, то, опираясь на религиозные представления, становится возможным обоснование несправедливости такого положения вещей и необходимости борьбы с ним. Кроме этого, стоит учитывать тот факт, что для ряда религий и религиозных взглядов не свойственно разделение на религиозное и социальное поле общественной жизни, поэтому в таких системах любые социально-политические и экономические интересы, а также социальные идентичности будут связаны с религиозными чертами, мотивацией и аргументацией.

Наряду с влиянием на формирование идеологии экстремизма религиозный фактор может играть специфическую роль и в отношении организационных аспектов экстремистской деятельности.

Во-первых, следует отметить интегративную функцию религиозного фактора. Благодаря общности религиозной веры и практики, повышается уровень сплоченности группы. Религиозные символы, памятные даты и места, ритуалы и обрядовые действия объединяют членов группы, а в некоторых случаях становятся отличительной чертой, на основании которой выстраивается противостояние с социальным окружением или другими социальными группами. Иногда религиозным взглядам и практикам придаются эзотерические черты, и тогда их носители считаются приобщенными тайного знания, недоступного непосвященным, тем самым еще больше объединяя группу и утверждая элитарность их общей миссии. Хотя даже в тех случаях, когда представители экстремистской группы исповедуют ту же религию, что и те, кому они противостоят, то привлекая религиозный фактор, они настаивают на собственной более правильной интерпретации религиозного учения, оправдывающего их действия.

Также считается, что значимость религиозного фактора увеличиваться в тех случаях, когда одна этническая группа или нация находится в конфликте с этнической группой или нацией, исповедующей другую религию. Тогда приверженность людей своей религии будет усиливаться из-за того, что их группа находятся в конфликте с теми, кто поклоняется чужому богу[1]. Таким образом, религиозный аспект становится дополнительным дифференцирующим фактором, демонстрирующим деление на «своих» и «чужих».

Во-вторых, регулятивная функция религиозного фактора проявляется в упорядочивании и регламентации поведения членов экстремистской организации. На основании религиозного учения формулируется набор правил, и моральных норм, следование которым является обязательным. Благодаря отсылке к высшему (божественному) авторитету, усиливается степень важности соблюдения принятых норм. Также на этом основании может отрицаться возможность изменения или даже обсуждения правил деятельности организации простыми членами. В данном контексте персоны лидера и представителей высшей иерархии (если таковая есть) также приобретают сакральные элементы и высокий авторитет среди последователей. Подчинение решениям руководства рассматривается не только как исполнение распоряжениям вышестоящих лиц, но и как следование божье воле. Все это позволяет экстремистским организациям оставлять в своих ряда более послушных сторонников и формировать необходимую дисциплину внутри группы.

В-третьих, религиозный фактор обеспечивает более эффективную мобилизацию ресурсов группы. Данная функция выражается в побуждении людей к определенным действиям. Для многих типов религиозной ритори-

[1] Bruce S., Modernization, Religious Diversity and Rational Choice in Eastern Europe / Steve Bruce // Religion, State & Society. – 1999. – Vol. 27. – P. 265–275.

ки свойственно обращение к речевым средствам и примерам, призванным повлиять на эмоциональное состояние аудитории, вызвать сильные чувства прилив воодушевления, вдохновения или, так называемого, праведного гнева. Убеждения, основанные на вере, придают последователям религиозного учения уверенность в собственных силах, так как верующие рассчитывают не только на себя, но и на помощь свыше. Поэтому глубоко религиозная группа может верить в возможность осуществления небольшими силами значительных изменений и пытаться их добиться. Однако не стоит считать, что в религиозных призывах отсутствует и рациональная аргументация. Религиозные образы способны в значительной степени влиять на разум и чувства людей, на их образ мыслей, способы и критерии оценок, стиль и конкретную мотивацию поведения, предлагая альтернативу светскому мировоззрению.

Таким образом, религиозный фактор может использоваться для идеологической и организационной основы различных видов современного экстремизма. При этом ряд экстремистские организаций или групп, опирающихся на религиозную составляющую, не имеют первостепенных религиозных мотивов и ставят перед собой сугубо политические цели, ведут борьбу за передел собственности и экономические рычаги власти, за реализацию собственных геополитических устремлений[1]. Однако вследствие привлечения религиозного фактора становится возможным сконструировать определенный тип мировоззрения, обосновывающий и оправдывающий крайние радикальные взгляды, агрессию и насилие во имя борьбы со злом, интерпретирующий подобные действия как защитные, возвращающие назад когда-то дарованные богом права на реализацию политической и экономической власти. Консолидируя и мобилизуя группу, религиозный фактор создает дополнительную мотивацию для членов экстремистских организаций[2]. Посредством религиозной риторики осуществляется воздействие на мысли и чувства людей, акцентируется внимание на борьбе с негативными социальными явлениями, артикулируются наиболее острые социальные проблемы.

Учитывая перечисленные особенности экстремизма, связанные с религиозным аспектом, в целях эффективного противодействия экстремистской деятельности необходимо различать религиозные черты и непосредственные мотивы и цели экстремистских организаций, не связанные с религией как таковой. С одной стороны, это поможет избежать дискримина-

---

[1] Юсупова Г.И. Роль идеологического фактора в противодействии религиозно-политическому и этническому экстремизму. Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Мах-ла, 2008. – С. 444-446.

[2] Демиров К. К. Криминологическая характеристика религиозного экстремизма: по материалам Республики Дагестан / автореф. дис . канд. юрид. наук. – Махачкала: Дагестан. гос. ун-т, 2005. – С. 3-20.

ционных действий в отношении религий и религиозных учений, которые не содержат призывов к агрессии и насилию. С другой стороны, позволит выявить истинные причины формирования экстремистских настроений в конкретном социальном контексте.

Литература:

1. Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. – М.: Наука, 2007. – 583 с.

2. Демиров К.К. Криминологическая характеристика религиозного экстремизма: по материалам Республики Дагестан / автореф. дис. канд. юрид. наук. – Махачкала: Дагестан. гос. ун-т, 2005. – 22 с.

3. Кадиева А.М. К проблеме религиозного экстремизма // Гуманитарные исследования в ДонГАУ (Научный ежегодник). – 2006. – Вып. 4. – С. 22-36.

4. Кузнецов К.В. Понятие и основные признаки религиозного экстремизма – необходимое знание для формирования умений антипропаганды религиозного экстремизма у студентов гуманитарных вузов// Гуманитарные научные исследования. 2012. № 6 [Электронный ресурс]. URL: http://human.snauka.ru/2012/06/1331 (дата обращения: 29.09.2017).

5. Рязанов Д.С. Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2014. – Т. 7. – С. 177-184.

6. Юсупова Г.И. Роль идеологического фактора в противодействии религиозно-политическому и этническому экстремизму. Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Мах-ла, 2008. – С. 444-446.

7. Bruce S., Modernization, Religious Diversity and Rational Choice in Eastern Europe / Steve Bruce // Religion, State & Society. – 1999. – Vol. 27. – P. 265-275.

Рожкова Лилия Валерьевна,
профессор кафедры
экономической теории и международных отношений
Пензенского государственного университета,
доктор социологических наук, профессор
Дубина Альбина Шагидулловна,
доцент кафедры прикладной и бизнес-информатики
Пензенского казачьего института технологии (филиала)
Московского государственного университета
технологии и управления ми. К.Г. Разумовского,
кандидат социологических наук

КРАЙНИЕ ФОРМЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ, РАСПРОСТРАНЕННЫЕ СРЕДИ РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ПЕНЗЕНСКОМ РЕГИОНЕ

Базовыми принципами взаимодействия личности и любого предприятия, в том числе и промышленного, являются психологические и экономические контракты, благодаря которым можно определить степень психологического и экономического внедрения работника в повседневную деятельность предприятия. Которые проявляются в ожидания личности – привлекательные условия труда, высокая оплата, благоприятный психологический климат, хорошее отношение в коллективе, удовлетворенность трудом и прочее.

Девиантное поведение – представляет собой систему поступков или определенные поступки личности, контрастные устоявшимся в обществе нормам права и морали.

Важен тот факт, что само по себе девиантное поведение не заложено у человека на генетическом уровне, оно также не появляется спонтанно и нежданно, его появлению способствует значительный ряд этапов и факторов. Такие как:

- психобиологические особенности, которые вкачают в себя индивидуальные и врожденные качества личности;
- психолого-педагогические особенности, которые проявляются в нарушениях школьного, семейного или общественного воспитания.

В научных кругах выделяют следующие виды дивиантного поведения: созидательного и разрушительного вектора. Так, советский, российский ученый-юрист Я. И. Гилинский, одним из первых рассмотрел созидательный, положительный феномен девиантного поведения: «Девиации являются всеобщей формой, механизмом, способом изменчивости, а следовательно, и жизнедеятельности, развития каждой системы» [1].

[1] Гилинский Я. Социология девиантного поведения и социального контроля. В: Социология в России/ред. В.А. Ядов. Изд.2-е. М., 1998. С.587-609;

Созидательные девиации (социальные инновации, нововведения и т.п.) – к ним относятся, такие социально значимые поступки личности, в основе которых лежат отклонения от общепризнанных норм поведения, дающие движение более прогрессивным поступкам в энергетическом, следовательно, и в адаптационном плане, направленность скачкообразного развития общества на новый, качественно лучший уровень. Благоприятными девиации воспринимаются тогда, когда они могут дать основание для прогресса системы, улучшают уровень ее организованности, способствуют преодолению устаревших, консервативных, не нужных, возможно, реакционных стандартов поведения.

Отрицательная форма девиации как в прямом, так и в переносном виде направлена на преодоление ситуаций несоответствия желаний имеющимся возможностям путем неадекватного в сложившейся обстановке перераспределения социальных благ, достижение цели без учета интересов общественности, несправедливое решение проблемы в пользу одной из взаимодействующих сторон за счет ухудшения адаптационных условий другой. Девиантное поведение разрушительного вектора - социальное деяние, совершенное одним человеком или группой лиц, отклоняющихся от сложившихся в обществе социокультурных ожиданий норм и правил исполнения социальных ролей, которые могут привести к сдерживанию темпов развития общества.

Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что всякое явление или аспект поведение человека склонен к полярной трактовке. Для одних людей определенное поведение, может выступать нормой и отклоняющимся от нормы для других. Всякому коллективу присуще свои негласные, сложившиеся нормы и правила поведения, свой психологический климат. Однако, на предприятиях можно встретить работников, абсолютно разных в мировоззрении, темпераменте и т.д.

Социолог А. Я. Кибанов считает, что работник должен самостоятельно решить для себя, необходимость принятия действующих на предприятии форм и норм поведения, а также ценностей и философии, сложившиеся в данном коллективе[1]. Любой тип поведения сотрудника, возможно охарактеризовать объективными и субъективными мотивами. Это зависит от взаимодействия базовых компонентов поведения индивида. Так, существует четыре основных типа поведения человека в организации:

Первый тип поведения, характеризуется лояльным и организованным сотрудником организации, способным принять сложившиеся ценности и нормы поведения организации.

[1] Кибанов А.Я. Составляющие организационно-экономического механизма формирования системы управления персоналом организации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 2896–2900. – URL: http://e-koncept.ru/2013/53584.htm.

Второй тип поведения – это сотрудник, способный приспосабливаться к сложившимся ценностям и нормам поведения организации, но сам не разделяет их. Такой сотрудник, следует правилам, но не является надежным, если эти нормы будут противоречить его личному интересу.

Третий тип поведения, является оригинальным, то есть такой член организации может разделять ценности организации, однако его поведение противоречит принятым нормам, что может повлечь за собой разного рода сложности в общении с коллегами. С другой стороны, если на предприятие сменятся нормы поведения, такой тип работников будет представлять повышенную ценность для организации.

Наконец, *четвертый тип поведения*, это бунтарь, нигилист, сотрудник не способный и не желающий принимать сложившиеся в организации норм и правил поведения, а также ценностей. Такое поведение ведет к конфликтным ситуациям и напряжению в организации.

Следовательно, в ситуации, которой работник не разделяет ни ценности, ни нормы поведения говорится об отклоняющемся поведении[1]

Что касается работников промышленных предприятий, то согласно проведенному глубинному интервью с рабочими крупных промышленных предприятий г. Пензы «Социально-экономическое положение рабочих крупных промышленных предприятий в современном обществе» (2017 г., n = 10, ОАО «Маяк», ОАО «Пензтяжпромарматура», ОАО «Пензмаш», ООО «Заря»).

Получается, что наиболее распространенными формами девиации на предприятии выступают:

Алкоголизм назвали 65,5%, среди опрошенных респондентов. Как известно, это тяжелое заболевание, которое происходит в процессе злоупотребления спиртных напитков.

Основной ущерб от алкоголизма:

- прогулы;
- опоздания;
- ошибки и несчастные случаи;
- низкая производительность труда;
- неэффективность труда;
- потерянные деньги на обучение.

Результаты интервью с рабочими обследуемых предприятий также подтверждают о существовании данной проблемы на заводах.

Интервью № 1 (муж., 54 года, мастер ОАО «Пензтяжпромарматура», отвечая на вопрос, об ущербе от употребления спиртных напитков, со сто-

[1] Дубина А. Ш. Динамика удовлетворенности трудом промышленных работников (на примере крупных промышленных предприятий г. Пенза) / А. Ш. Дубина // «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии». – 2014. – № 4

роны руководящего состава предприятий, он ответил: «…директор, страдающий от алкоголизма может принести больший вред, чем рабочий или мастер. Его распоряжения могут быть неадекватны, не продуманы и не ясны, что увеличивает вероятность больших производственных потерь. Тем более, начальника почти невозможно уволить».

Наркомания (2,6%), данная проблема не настолько сильно распространена на территории Пензенского региона, однако данное явление имеет место быть. Главный вред употребления наркотиков для человека, это нарушение здоровья и деградация личности наркозависимого человека.

Интервью № 2 (муж., 38 года, демонтажник ООО «Пензмаш»): «…было на моей памяти, разбирательство по поводу того, что наша уборщица начала обнаруживать следы приготовления или употребления наркотиков. Ну, что там было: одноразовые шприцы, закопченные ложки, иглы…»

Главную опасность на производстве наркозависимый человек может представлять в плане несоблюдения техники безопасности, галлюцинаторных явлений и в силу этого формируется неадекватное отношение к коллегам и возможно нанесение телесного вреда сотрудникам. Кроме того, в случае наркозависимости человек может практиковать воровство как один из способов добывания денег на наркотики.

Воровство. Среди опрошенных - *25,2%* выбрали данный вид отклоняющегося поведения в организации. Факт присутствия воровства в организации описывается в проведенных интервью.

Интервью № 5 (муж., 54 года, установщик ЧПУ ОАО «МАЯК»): «…чаще всего воруют работники, имеющие доступ к материальным активам компании, оборудованию или информации.» Интервью № 6 (муж., 59 года, мастер ООО «Заря»): «… хуже всего, что воровство влияет на зарплаты честных сотрудников…. работник, научившийся воровать, будет это делать пока его не поймают за руку….многие нечистоплотные работники, даже считают, что берут заслуженно то, что им принадлежит по праву, компенсируя маленькую зарплату».

Воровство на предприятии может характеризоваться следующими фактами:

- высокой должностью и нечестностью индивида, возможностью получения прибыли за счет ресурсов организации;
- низкой оплатой труда – как источника, позволяющего получить денежные средства от реализации похищенного имущества;

Невыполнение обязанностей (14,7%) Невыполнение обязанностей объясняется либо нежеланием работать, либо самоуверенным и безответственным отношением к выполняемым обязательствам.

Интервью № 4 (муж., 44 года, токарь-фрезеровщик ООО «Пензмаш»): «Обычно свои обязанности не выполняют руководители и администрация завода или наоборот, самые неграмотные и низкооплачиваемые работники».

С целью истребления преступников государство располагает следующими структурами, это полиция и суд. Для наказания и исправления лиц, пересекших закон, существует пенитенциарная система. Целесообразно, организовать в рамках организации эти функции. Службе безопасности необходимо выявлять работников, демонстрирующих вышеописанные формы поведения, руководству - определять степень ущерба и негативных последствий, а службе персонала необходимо внедрить адекватные меры по выявлению и ликвидации, вплоть до увольнения, либо обращения в соответствующие инстанции.

Таким образом, становится очевидным, что данная проблема нуждается в дальнейшем ее изучении.

Рачипа Андрей Валерьевич,
заведующий кафедрой социологии, истории и политологии
Института управления в экономических,
экологических и социальных системах
Южного федерального университета;
Янкина Ирина Анатольевна,
заведующая кафедрой управления
Таганрогского института управления и экономики,
доктор социологических наук, доцент.

ДИНАМИКА ОЦЕНОК ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН: ВЗГЛЯД РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Настроения и социальные установки, распространенные в молодежной среде являются достаточно интересным для исследования индикатором. Это связано с тем, что представители молодого поколения «не отягощены» опытом прошлого и фиксируют текущие события в социальной среде с не столько с событиями прошлого (не сравнивают с тем «как было раньше»), сколько с уровнем комфортности. Таким образом, любые изменения в составляющих социально-экономической и политико-правовой сферах оцениваются с точки зрения того, что произошло с качеством и уровнем жизни населения. Таким образом, оценки представителей молодого поколения дают не историческое сравнение эффективности государственного управления и безопасности граждан, а соответствие их уровня и качественности запросам современной ситуации. Нужно отметить, что молодежь, согласно современным социологическим исследованиям, представляет достаточно мобильную часть российского общества. Деятельность, максимализм, гибкость сознания и открытость новому делают молодежь объектом многих исследований. Социологические исследования, которые позволяют поднять данный «пласт» проблем, обладают большим

гносеологическим потенциалом для органов власти и позволяют задать правильный вектор совершенствования механизмов развития молодежной политики.

Выше сказанное обосновывает актуальность исследования состояния социальных установок, которые регулярно проводятся среди молодежи города Таганрога. В частности, результаты исследований, которые проводилось в г. Таганроге в студенческой среде Инженерно-технологической академии «Южного федерального университета», позволили выявить динамику оценок молодежи по поводу эффективности государственного управления. Обратимся к сравнению результатов, полученных при реализации проектов в 2016 и 2017 годах. Выборка опрошенных составила в 2016г. 855 человек, а в 2017г. – 835 человек. В ходе исследований было проведено социологическое исследование (анкетирование), с целью определения ценностных установок российской молодежи. Объектом исследования выступала социальная группа как молодежь (в возрасте до 25 лет). Предметом исследования было отношение молодежи к составляющим экономической сферы и политико-правовой сферы.

Эффективность государственного управления предопределяет оценки восприятия молодежью экономической ситуации в стране. В ходе исследований было выявлено, что растет число тех представителей молодежи, кого не устраивает общее состояние российской экономики (если в 2016 году отрицательные оценки дали 56%, то в 2017 г. такую оценку дали 62%). Эти оценки сопровождаются снижением положительных ответов (с 2016 г. в 18% до 14% в 2017г.). Сравнивая оценки экономической ситуации в регионе за последние 1-2 года, можно сделать вывод о повышении числа молодых людей, которые не определились с ответом. Ухудшение ситуации отметили в 2016г. - 53%, а в 2017г. -52%. Улучшение ситуации отмечает только четвертая часть опрошенных (в 2016г.- 28%; в 2017г. -25%). Фиксируемая опросом ситуация демонстрирует небольшое «сползание» оценок в зону «неопределенности». Этот же эффект зафиксирован в отношении оценок удовлетворенности уровнем жизни населения России. Если число опрошенных, давших негативные оценки, осталось неизменным (54%), то позитивные оценки несколько сократились (в 2016г. -26%; в 2017г. – 22%). Данная тенденция фиксируется и в отношении оценок эффективности государственного управления страной: респондентов, выбирающих положительные ответы, стало несколько меньше (с 46% в 2016г. до 44% в 2017г), а число недовольных немного выросло (с 26% в 2016г. до 28% в 2017г). Но в целом, молодежь воспринимает текущие государственные процессы управления нашей страной в качестве эффективных. Вопрос об эффективности государственного управления достаточно важен для данной социальной группы в связи с тем, что практически треть опрошенных (в 2017г. – 31%) считает, что «государство существует для обеспечения благосостояния граждан». Вместе с тем уровень социальной защищенности, по мнению опрошенных, невысок.

Таблица распределения ответов на вопрос:
«Каковы наиболее эффективные способы защиты своих прав?»
(возможен выбор одним респондентом не более 3-х вариантов ответа)

№	Варианты ответа	Масштаб	
		2016г.	2017г
1	Обращение в суд	48%	43%
2	Обращение в государственные и иные органы, которые должны решать Ваши проблемы	30%	28%
3	Забастовки, митинги и демонстрации	8%	7%
4	Использование личных связей и знакомств	24%	26%
5	Участие в деятельности политических партий и движений	7%	9%
6	Участие в деятельности профсоюзов	6%	6%
7	Решение проблем с помощью вознаграждения кому нужно	6%	9%
8	Эффективных способов нет	20%	18%
9	Затрудняюсь ответить	25%	25%

Масштаб группы демонстрирующей негативные оценки растет с 32% в 2016г. до 36% в 2017г. Это сопровождается снижением численности тех, кого устраивает уровень безопасности граждан в стране (с 54% в 2016 г. до 48% в 2017г.). На данном фоне у молодежи стал немного снижаться уровень доверия к органам власти. Исключение составляют органы Госбезопасности, которым в 2016г. доверяли 16% опрошенных, а в 2017 г. уже 19%.

Следствием этой ситуации стало то, что респонденты в 2017 г. стали меньше доверять формальным и легитимным способам решения своих проблем. Сравнивая ответы на вопрос анкеты: «Каковы наиболее эффективные способы защиты своих прав?» можно сделать вывод, что эффективные способы решения есть, но все чаще в сознании молодежи связываются с коррупционными практиками («использование личных связей и знакомств»; «решение проблем с помощью вознаграждения кому нужно»). Вместе с этим агрессивные методы отстаивания своих интересов по-прежнему непопулярны, но число желающих прибегнуть к ним немного выросло. Параллельно с этим в молодежной среде зафиксировано небольшое смещение социальных установок в сторону правового нигилизма. В частности, в 2016г. среди молодежи было выявлено 28% тех, кто считал, что «закону нужно подчиняться при любых обстоятельствах». В тоже время в 2017г. это мнение в ходе опроса поддержало всего 26%. Данные также отражают отсутствие, с точки зрения опрошенной молодежи, социального функционала у профсоюзного движения. Несмотря на то, что профсоюзы рассматриваются в качестве организационного движения, направленного на решение проблем работников, респонденты не видят в нем силу, способную решить их проблемы и отстоять их права.

Таким образом, проведенные исследования позволили выявить некоторые отрицательные тенденции. В частности, в молодежной среде зафиксирован незначительный рост негативных оценок. На текущий момент он не существенен (в сравнении с данными за 2016г.). Настораживает тот факт, что это происходит в отношении всех показателей, выстраивающих образ эффективности государственного управления. Молодежь все чаще считает приемлемым решать свои проблемы иллегальным способом и игнорировать существующие для этого законные механизмы. Масштабность этого процесса еще невелика, но должна стать сигналом для активизации работы органов власти с молодежью, чтобы не растерять все еще существенный запас доверия к власти, который фиксируется сейчас у представителей молодого поколения.

Кобец Петр Николаевич,
главный научный сотрудник ВНИИ МВД России,
доктор юридических наук, профессор

О СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ПРОЯВЛЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА, ЕГО ПРИРОДЕ И ПРИЧИНАХ

На протяжении последних несколько лет заметно усилились проявления терроризма. По мнение большинства ученых и практиков, исследующих вопросы терроризма, подобные проблемы будут возникнуть и в будущем, а нестабильная ситуация на Ближнем Востоке и в Северной Африке может стать еще одним из факторов, оказывающих на рост рассматриваемой преступности. К то тому же в последнее время и положение в Афганистане остается нестабильным. Изобилие наркотиков может легко стать источником финансирования для проявлений нового религиозного насилия. Такое насилие, финансируемое наркотиками, может возникнуть и в Южной Америке, где продолжающие богатеть наркобароны продолжают финансировать деятельность террористических организаций[1].

Чтобы разобраться в современных тенденциях, связанных с проявлением терроризма и реагировать на ситуацию адекватно, необходимо понять природу терроризма и ее причины, что крайне редко делают современные аналитики. Очень часто терроризм рассматривается просто как иная проблема безопасности, которая решается так же просто: обычные меры безопасности, более высокие заборы, больше полиции и строже наказание.

[1] См.: Кобец П.Н., Краснова К.А. Особенности государственной политики Королевства Испания в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и финансированию терроризма (часть 1). Противодействие терроризму, проблемы XXI века – COUNTER-TERRORISM. № 3. 2017. С. 6.

Традиционные формы безопасности ориентированы главным образом на захват или недопущение действий преступников, которые действуют из соображений весьма предсказуемых – корысти и алчности: такие действия характерны для девиантных субкультур и часто имеют форму психопатии и антиобщественного поведения. В противоположность им террористы не такие, даже если они заключают стратегические союзы с преступниками или ответвляются из организованной преступности. «Обычные» преступники часто стараются быть предусмотрительными (неболтливыми), скрывая свою личность. Террористы же, напротив, часто реагируют на общественно-экономические и политические проблемы и не проявляют никаких признаков уничижения.

Кроме того, чем больше террористы сражаются в условных рамках «войны», тем более серьезной становится проблема, поскольку такое военное насилие прибавляется к «экономическому насилию» со стороны глобализации. Успешные компании по борьбе с терроризмом «разгадывают» террористов, а не «добивают силой», поскольку терроризм бросает вызов всем нормальным правилам ведения войны. И это действительно так, потому что часто террористы намерены показать, какими по-настоящему слабыми оказываются обычные вооружения перед лицом средств ведения войны, лишенных традиционности. Эти думают, что демократическое общество и рыночная экономика не может позволить себе этого.

Культура Запада требует мгновенных результатов; она не может ждать годами и проводить долгосрочные кампании или некоторое время ничего вообще не делать. Террористы не нуждаются в том, чтобы выиграть, чтобы преуспеть: им просто нужно быть там и представлять потенциальную угрозу[1].

Глобализация добавляет к числу потенциальных проблем. Не все атаки террористов достигают нужной цели. Следовательно, требуется все больше и больше времени на подготовку и планирование операций по обеспечению безопасности, а это позволяет проводить хорошо организованные операции меньшими силами. Поскольку возможностей осуществить атаки становится меньше, они должны быть гораздо более эффективными по своему воздействию, как в плане причиняемого ущерба, так и освещения в средствах массовой информации[2].

В своей основе терроризм нацелен на средства массовой информации, которые переполнены новостями драматического характера, поэтому для того, чтобы получить достаточное освещение, террорист должен из-

[1] См.: Кобец П.Н. Анализ природы терроризма и его детерминирующих факторов в условиях середины второго десятилетия XXI столетия. // Полицейская деятельность. — 2016. - № 6. - С.598. DOI: 10.7256/2222-1964.2016.6.21353

[2] См.: Кобец П.Н. О современных информационных технологиях, используемых экстремистскими группировками, и необходимости противодействия киберпреступности. Вестник развития науки и образования. № 6. 2016. С. 7.

брать в качестве мишени такие события, которые способны произвести захватывающее впечатление[1]. По прошествии какого-то времени общество оказывается озабоченным проблемой терроризма, активисты начинают постоянно обсуждать тему «террористического фактора», что делает ситуацию более драматичной.

Террористы становятся более беспощадными, а по мере того, как правоохранительные органы и службы начинают действовать более эффективно, растет беспощадность и жестокость, которую демонстрируют террористы. Кроме того, поскольку религиозные террористы утверждают, что они действуют от имени Бога, то сметаются на пути все мыслимые земные ограничения[2].

Это происходит одновременно с расширением возможности применения более опасных видов оружия, совершенствованием технологии их производства и транспортировки, а также ростом числа изгнанников и иммигрантов во всем мире, которые и формируют инфраструктуру сочувствующих и поддерживающих принципы терроризма. Прибавьте к этому хорошо образованный мир с имеющимися в наличии дешевыми и усовершенствованными технологиями, адаптированными к любым потребностям, и «работать террористом» окажется очень просто. Плюс не очень стабильный мир, напичканный оружием и хорошо обученными бывшими или нынешними военными, способными оказать помощь в проектировании оружия или его использовании, планировании и логистике – все это увеличивает угрозу терроризма.

Конечным продуктом является разработка и применение более смертоносного оружия. Есть опасения касательно «грязного» оружия и даже ядерных устройств, например, серьезная озабоченность в отношении некоторых стран положение в которых часто недооценивается, и эффективного мониторинга в области ядерной энергии. Другими потенциальными видами оружия являются химическое и биологическое, а также нападения на электронные и коммуникационные центры. Обе эти проблемы могут приобрести размах катастрофы и привести к параличу в области мировой торговли и деятельности.

Однако, чтобы противостоять таким атакам, требуется тщательно проводить материально-техническую подготовку и планировать операции

---

[1] См.: Кобец П.Н. О необходимости противодействия основным факторам, способствующим распространению экстремизма в социальных сетях – как элементе обеспечения национальной безопасности. // Вопросы безопасности. — 2017. - № 4. - С.39. DOI: 10.25136/2409-7543.2017.4.21741.

[2] См.: Кобец П.Н. Особенности противодействия террористической преступности в крупных городах и мегаполисах. // Урбанистика. — 2017. - № 2. - С.68. DOI: 10.7256/2310-8673.2017.2.22508.

всесторонне, подключая большое количество людей в течение протяженного срока[1].

Такую точку зрения необходимо сопоставить с отсутствием максимально вынуждающего фактора, который влияет на «обычных» преступников: желание уйти с места преступления и пожинать плоды. Для религиозных террористов такие «плоды» связаны с Богом. Они не представляют их в виде вознаграждения какого-то земного характера или выживания, и они не считают себя террористами-смертниками, но теми, кем руководит Бог. Обычные земные ограничения уже не имеют силы, что еще больше усиливает фактор террора. В результате, по мере усиления давления со стороны глобализации ужесточается и конфликт с традиционными религиозными обществами.

Активизация религиозного терроризма может быть связана с событиями на Ближнем Востоке. Так и джихадисты, прибывшие из конфликтных районов в страны Европы, по сравнению другими террористическими группами будут представлять угрозу из-за того, что приобрели опыт и решимость совершать злодеяния. Предполагается, что в будущем организованная преступность будет устанавливать тесные связи с террористами и насильственными экстремистскими группами. Многие сепаратисты, религиозные и правые террористические группы уже тесно связаны с организованной преступностью, и связи между террористическими организациями и преступностью могут усилиться[2].

Опять же глобализация в коммуникативной сфере и быстрое распространение интернета может усилить влияние со стороны экстремистских группировок и позволит им мобилизовать и быстро объединить большое количество людей. В ближайшем будущем они смогут расти в политическом, дипломатическом и военном плане, поскольку интернет расширяет их сферу влияния, увеличивает возможности установления контактов и проникновение в кибер-терроризм[3].

Во многих отношениях мир в условиях середины второго десятилетия XXI столетия в большей безопасности, чем когда-либо был, со средней продолжительностью жизни и качеством жизни, которое улучшается, невзирая на все, в большинстве стран мира. Однако средства массовой ин-

---

[1] См.: Кобец П.Н. Проблемы совершенствования антитеррористической деятельности МВД России. Вестник всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД Российской федерации. № 4(40) 2016. С.15.

[2] См.: Кобец П.Н. Мониторинг и оценка криминальной ситуации, складывающейся в сфере организованной преступности, - важнейшая основа противодействия рассматриваемому феномену. Российский следователь. № 11 2016. С. 39.

[3] См.: Кобец П.Н. Выявлении и мониторинг социальных сетей, используемых экстремистскими группировками, - важнейшая основа противодействия их преступной деятельности. Вестник всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД Российской федерации. № 2(42) 2017. С.19.

формации помогли высветить обязательства (или состояние) тех, кто не разделяет преимущества современного общества. Терроризм отчасти оказывает на это свое влияние. Это реальная угроза, которая не собирается уходить, но признать ее и ее природу – значит сделать первый шаг к борьбе с ней.

Современная среда обеспечения безопасности быстро меняется. В этих условиях необходимо развивать сотрудничество между правоохранительными органами и в целом государствами, иначе мы рискуем стать уязвимыми и беззащитными. И в данной сложившейся ситуации правоохранительные органы должны работать на опережение. Это ключевой момент, лежащий в основе миссии, направленной на борьбу против терроризма. Правоохранительная система любой страны должна работать над слаженностью действий в международном масштабе таким образом, чтобы все сотрудники, занятые в работе по борьбе против терроризма действовали по единым стандартам.

Литература:

1. Кобец П.Н., Краснова К.А. Особенности государственной политики Королевства Испания в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и финансированию терроризма (часть 1). Противодействие терроризму, проблемы XXI века – COUNTER-TERRORISM. № 3. 2017. С. 4-12.

2. Кобец П.Н. Анализ природы терроризма и его детерминирующих факторов в условиях середины второго десятилетия XXI столетия // Полицейская деятельность. – 2016. - № 6. - С.596-602. DOI: 10.7256/2222-1964.2016.6.21353

3. Кобец П.Н. О современных информационных технологиях, используемых экстремистскими группировками, и необходимости противодействия киберпреступности. Вестник развития науки и образования. № 6. 2016. С. 4-9.

4. Кобец П.Н. О необходимости противодействия основным факторам, способствующим распространению экстремизма в социальных сетях – как элементе обеспечения национальной безопасности // Вопросы безопасности. – 2017. - № 4. - С.36-45. DOI: 10.25136/2409-7543.2017.4.21741.

5. Кобец П.Н. Особенности противодействия террористической преступности в крупных городах и мегаполисах. // Урбанистика. – 2017. - № 2. С.65-80. DOI: 10.7256/2310-8673.2017.2.22508.

6. Кобец П.Н. Проблемы совершенствования антитеррористической деятельности МВД России. Вестник всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД Российской федерации. № 4(40) 2016. С.13-16.

7. Кобец П.Н. Мониторинг и оценка криминальной ситуации, складывающейся в сфере организованной преступности, - важнейшая основа

противодействия рассматриваемому феномену. Российский следователь. № 11 2016. С. 38-41.

8. Кобец П.Н. Выявлении и мониторинг социальных сетей, используемых экстремистскими группировками, - важнейшая основа противодействия их преступной деятельности. Вестник всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД Российской федерации. № 2(42) 2017. С.13-19.

Степаненко Василий Васильевич,
доцент кафедры международного
полицейского сотрудничества и борьбы с преступностью
по каналам Интерпола Центра подготовки
сотрудников ОВД для участия в миротворческих
миссиях ВИПК МВД России,
кандидат философских наук, доцент

СОВМЕСТНАЯ РАБОТА ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ЭКСТРЕМИЗМА ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ

Проведение в России Чемпионата мира по футболу 2018 является ответственным моментом для государственных структур Российской Федерации и для всего Российского гражданского общества. В связи с этим на целый ряд подразделений МВД России ложатся задачи огромной важности, решение которых возможно лишь на базе тесного взаимодействия полиции и общества. К числу таких задач относится работа по предупреждению экстремизма футбольных фанатов.

Партнерская модель взаимоотношений полиции с институтами гражданского общества реализуется во многих современных государствах. Процесс совершенствования механизма взаимодействия между населением и полицией предполагает высокую степень вовлечения общества в дело обеспечения безопасности и общественного порядка. Однако наиболее слабым звеном в этой модели является непосредственное участие представителей молодежных объединений футбольных фанатов в поддержании правопорядка на футбольных матчах или своевременное информирование ими полиции о ситуациях, провоцирующих его нарушение.

Министерство внутренних дел Российской Федерации уделяет вопросам профилактики правонарушений среди футбольных болельщиков, реализации комплекса дополнительных мер, связанных с обеспечением правопорядка и безопасности при проведении футбольных матчей в последнее время большое внимание.

Необходимость тесного взаимодействия полиции и общественности в области решения этой серьезной проблемы в фокусе внимания руководства МВД России уже с марта 2006 г. Тогда для детального обсуждения этой проблемы Департамент охраны общественного порядка собрал начальников департаментов МВД России, руководителей МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации, а от общественности к обсуждению были приглашены: президент и члены Российского футбольного союза; представители Федерального агентства по физической культуре и спорту России; Российской футбольной Премьер-Лиги; Профессиональной футбольной лиги России; администраций стадионов, футбольных клубов и фанклубов[1].

Осознание многими аналитиками многогранности данной проблемы нацеливает на детальное рассмотрение всех возможных способов предупреждения противоправного поведения футбольных болельщиков.

Такие авторы как Медников С.В., Мейтин А.А., Иншаков С.М., Илле А.М., Смертин А.Г., Козлов А.Ю., Якуба А.В., Улыбина Е.В. и многие другие считают, что проблема агрессивности футбольных фанатов в полной мере еще не решена. Отмечается недостаточность имеющихся сведений о конкретных проявлениях агрессивности фанатов футбола и внедряемых в практику способов ее нейтрализации.

Так, В. Асаулов считает, что ведущим методом воздействия на фанатов со стороны полиции является физическое препятствие «провокаций, драк, «заведения толпы» на противоправные действия, вандализма и прочих вопиющих нарушений общественного порядка и безопасности людей (...), а работа полиции, служб безопасности стадионов и клубов, стюардов стала едва ли не главной в организации футбольных матчей»[2].

Глава службы безопасности Российской футбольной премьер-лиги А.А. Мейтин, пытается рассмотреть криминологический феномен противоправного поведения футбольных фанатов, определить его понятие и место в криминологической классификации преступлений, выделить специфические признаки, особенности и характеристики[3].

Психологические составляющие агрессивного поведения футбольных болельщиков исследуются С.В. Медниковым, который указывает на все больший рост агрессии среди фанатов, результатом чего становятся постоянные стычки и столкновения с работниками правопорядка, в то вре-

---

[1] Подробнее см.: URL: http://ulitskaya.viperson.ru/articles/aleksandr-chekalin-v-mvd-rossii-sostoyalos-soveschanie-po-voprosu-profilaktiki-pravonarusheniy-sredi-futbolnyh-bolelschikov (дата обращения 15 ноября 2017 г.)

[2] URL:http://www.ormvd.ru/pubs/102/world-cup-2018-the-problem-of-ensuring-public order/ (дата обращения 15 ноября 2017 г.)

[3] URL: http://www.ormvd.ru/pubs/102/world-cup-2018-the-problem-of-ensuring-public-rder/ (дата обращения 15 ноября 2017 г.)

мя как психологических способов предупреждения и управления агрессивным поведением на практике явно недостаточно[1].

Определяя основы взаимодействия и сотрудничества полиции и гражданского общества, ст. 10 Закона о полиции подчеркивает, что полиция при выполнении возложенных на нее обязанностей взаимодействует с общественными объединениями, организациями граждан, использует возможности общественных объединений и организаций, оказывает содействие общественным объединениям и организациям в обеспечении защиты прав и свобод граждан, а также поддерживает развитие гражданских инициатив[2]. Поэтому взаимодействие и сотрудничество полиции с такими представителями гражданского общества как объединения футбольных болельщиков при обеспечении общественного порядка и безопасности людей на стадионах и вне их стен, представляется весьма актуальным.

Множество способов такого взаимодействия и сотрудничества со спортивными болельщиками разработано на Западе, однако в России эта информация пока широко не распространена.

Так, интерес представляет поддержка со стороны полиции творческих сообществ в фан-клубах и оказание им помощи в создании новых социальных идентичностей спортивных фанатов через создание и укрепление в их среде определенных позитивных и конструктивных ценностей. Ценностей, которые открывают пространство для положительных эмоций и творчества, которые противопоставляются агрессивности и противоправному поведению этих групп.

Новый способ отождествлять друг друга и при этом отходить от ригидности и консерватизма, жесткого враждебного противопоставления и противостояния «мы – они» предложили шотландские болельщики из «Tartan Army» и датские «Рулиганы». Их модели поведения и поддержка со стороны полиции, могут расцениваться ими как победа над своими буйными конкурентами.

Так, большинство европейских исследователей связывают проблемы футбольного хулиганства с его освещением в СМИ. Обнаружено, что страны с заметным уровнем футбольных бесчинств сходятся во мнении о том, что хулиганы всячески стремятся попасть на страницы таблоидов, а еще престижнее, - на телеэкраны. Когда их деятельность освещается в прессе, ТВ и в Интернете, они испытывают гордость. Они сравнивают свою «популярность» с количеством упоминаний о враждующих с ними группировках. С помощью такого нехитрого контент-анализа «сенсацион-

[1] URL: http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-01/dissertaciya-psihologicheskie-sostavlyayuschie-agressivnogo-povedeniya-futbolnyh-bolelschikov (дата обращения 15 ноября 2017 г.)

[2] Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции». Российская газета. 2011. 8 февраля.

ных заголовков» и посвященных им колонок в газетах, фанаты укрепляют свой рейтинг в глазах клубных «соратников».

На этой закономерности европейские полицейские, при поддержке социологов, психологов и неравнодушных представителей гражданского общества в лице объединений болельщиков, предложили весьма продуктивный метод профилактики футбольного хулиганства. Речь идет о том, что влиянию СМИ было уделено пристальное внимание в последнем докладе Европейского Парламента о футбольном хулиганстве. В нем прессе рекомендовалось избегать погони за сенсациями, а вместо этого шире и подробнее освещать правомерное и гуманное поведение болельщиков, принципы фэир-плей (честной игры) и спортивные ценности. Результаты такого благотворного использования эффекта стремления к публичности уже дают о себе знать. Так, СМИ на Западе сейчас широко и позитивно освещают новые мирные, «карнавальные» группы болельщиков, а Интернет пополняют сайты, выступающие против футбольного насилия, предлагающие альтернативные формы и оригинальные способы организации поддержки болельщиками своих любимых команд.

Очевидно, в этом есть и результаты доклад Европейского Парламента о футбольном хулиганстве, который настоятельно рекомендовал СМИ распространять планомерную пан-европейскую медиа-кампанию по продвижению ненасильственных карнавальных групп поддержки, с другой стороны, существенно снизить предание гласности действий хулиганских группировок.

Так, СМИ Европы достигли в сотрудничестве с полицией и другими государственными структурами значительных результатов в формировании общественного мнения против расизма среди футбольных фанатов. Это и сейчас проблема достаточно серьезная. Она является, по мнению многих исследователей, источником многих вспышек насилия, в первую очередь, в международных матчах. Тем не менее некоторые организации, такие как Британская Национальная Служба Криминальной Разведки (National Criminal Intelligence Service), полагают, что их влияние на данный момент стало минимальным[1].

Конечно, расистские выходки все еще встречаются в Европе во время матчей, но нигде уже нет того, что было в 70-х и 80-х годах XX века. Тогда черного игрока команды соперников фанаты встречали обезьяньими криками, расистскими лозунгами, кидали на поле бананы. Вероятно, на этот спад частично повлияли кампании гражданского общества против расизма, таких как «Выбьем расизм из футбола» в Великобритании, «Когда побеждает расизм – спорт проигрывает» в Голландии, «Нет расизму» в

[1] Football Violence in Europe (A comprehensive SIRC report) / The Social Issues Research Centre. URL: http://www.sirc.org/publik/fvexec.html (дата обращения 15 ноября 2017 г.).

Италии и всеевропейская программа «Все Разные – Все Равные», организованных в тесном взаимодействии с полицией.

Для того, чтобы с научной точки зрения измерить эффективность таких кампаний, требуется комплексный пан-европейский подход, тем не менее, последний доклад Европейского Парламента четко формулирует общие рекомендации для европейского сотрудничества по борьбе с расизмом, а результаты его использования все-таки сказываются[1].

Еще один важный, на наш взгляд, аспект сотрудничества полиции с гражданским обществом лежит в плоскости разработки проектов «фанатского инструктажа» («fan coaching»). Эти проекты имеет целью повлиять на уровень насилия в конкретных ситуациях, связанных с противоправным поведением футбольных фанатов. Так, привлекаемые социальные работники, как правило, психологи и социальные педагоги, выполняющие роль «коучей» для болельщиков, перемещающихся вместе с группами фанатов, обеспечивают протекание поддержки болельщиками своих команд в других странах в соответствии с социально одобряемым ненасильственным моделям их поведения.

Такие меры практикуют в Европе германские, голландские и бельгийские специалисты. Они более инициативны в своем видении проблемы. Похожие действия используют среди шотландских фанатов, чье поведение заметно изменилось в лучшую сторону за последние 10 лет, и особо примечателен пример Ролиганов из Дании.

Однако, у фан-коучинга в Европе имеется один повсеместный недостаток, - слабая инициатива со стороны больших европейских футбольных клубов. В то время как германские и бельгийские команды вовлечены в сферу проектов фанатского инструктажа, в остальных регионах связь между представителями клубов и фанатскими группами практически отсутствует. Предполагается что, местные собрания фанатов и фанатские форумы в Интернете, которые делают возможным реальный диалог между официальными лицами команд и болельщиками, смогут помочь избавиться от некоторых проблем[2].

У нас в стране взаимодействие полиции и СМИ также рассматривается как действенная форма профилактики правонарушений. Пресс-служба МВД России выполняет задачи объективного освещения деятельности полиции, в том числе по вопросам профилактики правонарушений футбольных фанатов.

---

[1] Football Violence in Europe (A comprehensive SIRC report) / The Social Issues Research Centre. URL: http://www.sirc.org/publik/fvexec.html (дата обращения 15 ноября 2017 г.)

[2] Football Violence in Europe (A comprehensive SIRC report) / The Social Issues Research Centre. URL: http://www.sirc.org/publik/fvexec.html (дата обращения 15 ноября 2017 г.)

Опыт Российских правоохранительных органов и общественных организаций в деле предупреждения несоблюдения правил общественного порядка футбольными болельщиками тоже требует изучения и анализа на эффективность превентивных мер.

Приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов и общественности в лице Всероссийского объединения болельщиков четко обозначена профилактика радикализма в околофутбольной среде и пресечение иных массовых хулиганских действий с участием российских болельщиков. Однако во многих клубных общественных объединениях отсутствует компетентное лицо, которое могло принимать взвешенные ответственные решения по отношению к болельщикам. Тем не менее примеры такой ответственной работы имеются. Их только надо освещать, изучать, тиражировать и прогнозировать возможные проблемы их реализации в массовом масштабе.

Так, 8-19 марта 2017 г. в г. Москве проходила юбилейная Конференция Клуба болельщиков «Динамо». Двухдневный форум собрал динамовские фан-клубы более чем из трех десятков регионов России.

Интересным моментом переориентации агрессивных стремлений к самоутверждению болельщиков было проведение в рамках юбилейной конференции первого всероссийского турнира по единоборствам среди болельщиков «Динамо» - «Путь Воина», а 2 октября 2017 г. в Москве состоялся уже второй всероссийский турнир по боевым единоборствам среди болельщиков «Динамо».

Первый турнир, который состоялся весной этого года и имел большой положительный резонанс во всем динамовском сообществе. Второе мероприятие получилось масштабнее, по географии участников, и более разнообразным по уровню участников. В Москву приехали динамовские болельщики из Пензы, Липецка, Вологды, Воронежа, Калуги, Кирова и Барнаула. Бои проходили в различных видах боевых единоборств – «ММА», «Бокс», «Тайский бокс». Организаторами турнира выступили «Спортивный клуб «Стрела» и «Всероссийский Клуб болельщиков «Динамо».

В целом в лице Межрегиональной общественной организации «Клуб болельщиков «Динамо», которая поддерживает деятельность Совета болельщиков при президенте РФС В.Л. Мутко, а также выражает желание всесторонне сотрудничать в вопросах организации и проведения Чемпионата мира 2018 г., мы видим просторное и благодатное поле экспериментальной деятельности по исследованию и реализации возможностей партнерского сотрудничества в деятельности правоохранительных органов и общественности.

Тем более, что в утвержденной стратегия деятельности этой организации на 17-18 годы, предполагается всестороннее участие болельщиков в мероприятиях, направленных на поддержку Чемпионата Мира по футболу

и выражается желание болельщиков «Динамо» работать над продвижением истинного положительного образа болельщиков в массы[1].

Для этого, по крайней мере, предполагается поделиться информацией о методах продвижения такого положительного образа болельщиков в массы в Европе, на что нацелена данная статья.

В качестве примера, проанализируем контент сайта Европейского сайта по городской безопасности (EFUS), проще - «Безопасный город»[2], который уделяет проблеме работы с болельщиками огромное внимание.

Сайт, наряду с другими вопросами городской безопасности, пропагандирует спорт как мощный инструмент укрепления социальной сплоченности, а также предотвращения насилия, связанного с отчуждением и дискриминацией, с учетом того, что он распространяет ценности, включая терпимость, уважение, солидарность и справедливую игру.

В 2016 году «Безопасный город» организовал Европейскую премию за социальную интеграцию через спорт, чтобы осветить проверенные и перспективные инициативы, с тем чтобы они могли продолжать развиваться и вдохновлять других-на местном, региональном, национальном или европейском уровне.

Европейское жюри оценивает их результативность, инновационный характер, силу партнерства и внимание, уделяемое уязвимым группам. Проекты, которые были сочтены жюри особенно интересными, отбираются для публикации в регулярных сборниках практик.

Именно этот сайт широко пропагандирует идею «фан-коучинга», на нем выложена подробная информация о том, что 6 февраля 2012 г. - Бельгийская ассоциация «фан-коучинга» получила награду европейских футбольных болельщиков за 2011 год за свои действия против насилия в спорте[3].

Основанная в Льеже, организация Fan Coaching преуспевает и в других европейских ассоциациях. Главное, что ее идея направлена против насилия на стадионах, а цели - поиск эффективных действий и мероприятий, утверждающих развитие истинных ценностей спорта: уважение к сопернику, уважение к судье, лояльность к любимой команде, признание поражения и принцип честной игры в самом широком его смысле.

В течение последних 20 лет благодаря партнерству с городом Льежем, Университетом и клубом «Стандарт Льеж», а также при поддержке Федеральной службы внутренних дел Бельгии «фан-коучинговая» ассоциация проводила многочисленные социальные и образовательные мероприятия, направленные на предотвращение насилия среди фанатов. Ее опыт

---

[1] URL: http://fanclubdynamo.ru/18-19-v-moskve-sostoyalas-konferentsiya-kluba-bolelshhikov-dinamo/ (дата обращения 16 ноября 2017 г.)

[2] URL: https://efus.eu/en/ (дата обращения 16 ноября 2017 г.)

[3] URL: https://efus.eu/en/category/policies/national/belgium/page/5/ (дата обращения 16 ноября 2017 г.)

признается международными учреждениями, в частности Советом Европы и Европейским союзом.

Также интересен проект: «Мы - это футбол». Он представляет собой симбиоз искусства и культуры как инструмент профилактики насилия на футбольных матчах

«Мы – это футбол!». Такое незамысловатое название для своего театрального проекта придумали Фредерик Паулс и режиссер Сильвиан Плоутт, в котором выступают начинающие актеры. Все они были выбраны из группы футбольных болельщиков. Данный проект основан на сочетании творчества и поддержке культуры поведения болельщиков, он пронизан юмором, и представляет сценки из жизни обычных футбольных фанатов.

Это шоу показывает здоровое увлечение, в котором принимают участие несколько поколений, и показывает, как можно всем вместе участвовать в спортивной и культурной жизни общества.

Эта проект показывает способ жить здоровой страстью без агрессии, в нем мы можем задействовать все поколения и совместно участвовать в спорте, искусстве и культуре в повседневной жизни общества[1].

Таким образом, к наиболее важным моментам процесса налаживания взаимодействия полиции и гражданского общества по предупреждению экстремизма среди футбольных фанатов, по нашему глубокому убеждению, относится:

1. Работа, ориентирующая болельщика на его внутреннюю мотивацию к ненасильственным и правоправным действиям по поддержке своей команды, его ответственности за способы и результаты своего поведения.

2. Работа, связанная во многом с феноменом мышления, выражающимся в достижении чувства гордости болельщика за свою команду, даже если она проигрывает. С тем, что в гештальтпсихологии понимается как инсайт (от англ. insight — проницательность, понимание). Существенным в этом отношении становится не прямая связь с прошлым опытом, не научение субъекта, а внутренняя переориентация и резкое изменение течения его мысли[2].

3. Работа специальных тренеров - «коучей» с болельщиками и активизация роли институтов, которые поддерживают эти действия как важные меры социальной и образовательной профилактики на местном и международном уровнях.

4. Налаживание связи отечественных фан-клубов с их европейскими аналогами и участие в мероприятиях в борьбе за премии европейских футбольных болельщиков.

---

1 URL: https://efus.eu/en/topics/places-and-times/large-events/partners/3508/ (дата обращения 16 ноября 2017 г.)

2 См.: Касавин И.Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация». 2009. С.281.

5. Укрепление партнерства между государственными учреждениями и клубами болельщиков на почве страсти к футболу.

6. Выработка рекомендаций для местных органов власти и фан-клубов по вопросам профилактики и предотвращения насилия в спорте.

Литература:

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Российская газета. 2011. 8 февраля.

2. Касавин И.Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация». 2009.

3. [Электронный ресурс] http://ulitskaya.viperson.ru/articles/aleksandr-chekalin-v-mvd-rossii-sostoyalos-soveschanie-po-voprosu-profilaktiki-pravonarusheniy-sredi-futbolnyh-bolelschikov

4. [Электронный ресурс] http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-01/dissertaciya-psihologicheskie-sostavlyayuschie-agressivnogo-povedeniya-futbolnyh-bolelschikov

5. [Электронный ресурс] http://www.sirc.org/publik/fvexec.htm

6. [Электронный ресурс] http://www.ormvd.ru/pubs/102/world-cup-2018-the-problem-of-ensuring-public-order/

7. [Электронный ресурс] http://fanclubdynamo.ru/18-19-v-moskve-sostoyalas-konferentsiya-kluba-bolelshhikov-dinamo/

8. [Электронный ресурс] https://efus.eu/en/

[Электронный ресурс] http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-01/dissertaciya-psihologicheskie-sostavlyayuschie-agressivnogo-povedeniya-futbolnyh-bolelschikov

Гулевский Алексей Николаевич,
доцент кафедры философии
Волгоградской академии МВД России,
кандидат философских наук
Гулевская Наталья Анатольевна,
доцент кафедры философии и права
Волгоградского государственного
технического университета,
кандидат исторических наук

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА

Существует несколько подходов к объяснению причин того почему люди становятся террористами. Во-первых, по прагматическим соображениям. Вложи средства в создание террористической организации и ее действия принесут политические, экономические "выгоды" в случае победы.

Во-вторых, по религиозным причинам или культурным причинам. Уничтожь иноверцев или носителей чужеродной культуры и способствуешь распространению своей религии или культуры, окажешь помощь своему Богу или народу, встав на его сторону, попадешь в рай или станешь национальным героем. В-третьих, для восстановления справедливости. Отомсти за оскорбление, унижение, за понесенные обиды своим врагам, накажи их, способствуй возмездию. В-четвертых, в целях выживания. Если враг твой стремится тебя уничтожить, борись с ним для продления своей жизни, своего рода, племени, нации, цивилизации.

Часто, указанные четыре причины переплетаются и дополняют друг друга. Можно обратить внимание на то, что все четыре причины вполне рациональны. Человек действует в экономических, нравственных, религиозных, экзистенциальных интересах. Подобные цели вполне могут быть достигнуты и легитимными средствами, поэтому недостаточны в качестве оснований объясняющих терроризм. Суть терроризма в самом способе достижения данных целей, поэтому должны быть, на наш взгляд, дополнены основаниями, присутствующими в самой природе человека, влекущими его к совершению преступных действий ради вполне понятных всем целей.

В террористическую деятельность вовлекаются люди самых разных профессий, возрастов и половой принадлежности. Что же толкает столь разных людей взяться за оружие, совершать убийства, уничтожать памятники культуры, запугивать общественность?

Рациональных причин явно недостаточно, ведь гибель смертника означает, что для него все кончено и все блага этого мира теряют смысл. Смерть – есть граница рационального, за ее пределами нет прагматизма, и даже фанатично религиозный человек хотел бы жить.

Смерть отрывает человека от общества, разлучает его с ним, поэтому все социальные ценности перестают быть действенными, человек рискует жизнью, рискует все потерять в один миг, но все, же продолжает желать заниматься террором. Рациональность должна привести человека к идее, что лучше не рисковать всем и сразу, а действовать более спокойно, миролюбиво и не рискуя всем. В чем же привлекательность терроризма для человека? Вероятно, ответ на этот вопрос следует искать во внутреннем мире самого человека.

С одной стороны, человек стремится к жизни, к миру и согласию, а значит, его должна страшить смерть и разрушение. С другой стороны, человек отправляется добровольно, например, на войну в Сирии, где он более чем где-либо подвергает себя смертельной опасности. Если бы террор был противен природе человека, то он бы отверг ее. Террор чем-то привлекает человека к себе.

Социальные философы часто делают акцент на то, что сам человек не добр и не зол, но общество делает его злым или добрым, в другом случае они говорят, что человек вообще добр и общество превращает его в

злодея. Августин Блаженный отвергал самостоятельное существование зла, поэтому доброго изначально человека сбивал с пути дьявол, а человек, будучи свободным, выбирал путь греха. Конечно, если изгнать дьявола, если сделать общество добрее и справедливее, то все злое исчезнет, однако верится в это с трудом. Автор статьи полагает, что зло - это часть природы самого человека, наряду с добром, поэтому человек обнаруживает в себе жестокость, ненависть и агрессию. Признать такой довод истинным очень трудно, так как человеку свойственно думать о себе лишь хорошее, однако в действительности такое мнение представляет препятствие к познанию самого себя. Человек ищет оправдание своим поступкам в бедности, плохих условиях существования, несправедливом правителе, однако на самом деле, зло в нем ищет себе дорогу и согласно на любой повод для выхода наружу. Под злом понимается ни нечто мистическое, но совокупность определенных качеств, которые мы не желаем в себе увидеть и которые К. Юнг мог назвать нашей тенью. Среди этих качеств - агрессивность, жестокость, жадность, эгоизм, зависть, жажда власти и доминирования, гордыня, алчность, тщеславие, гнев, похоть, сребролюбие, чревоугодие и другие страсти, которые мы привыкли считать низменными, но одновременно они играют важнейшую роль антропологической основы терроризма, войны, преступности. Все это зло можно сдерживать в себе, борясь с ним самостоятельно, или при помощи окружающих, но его можно также вскармливать внутри, самостоятельно или при помощи извне, чему немало способствует аморальность современного общества потребления, где все эти пороки уже давно перестали возбраняться и даже поощряются.

Однако не только общество влияет на человека, он сам, изначально заражен деструктивным началом, называемым З. Фрейдом «танатос» способным вырваться и начать руководить человеком под влиянием аффекта или сознательно. Важным основанием человеческой деструктивности является субъективность его бытия. Человек по своей природе представляет некую отдельность, он отделен от мира и остальных людей и осознает свою отдаленность от них. Будучи отдельным бытием, человек, понимает, что для своего существования он должен заботиться о себе, о своем благе, так как его существование зависит только от него самого, и никто не проявит о нем столько заботы сколько он сам. Другие в большей степени заботятся о себе, нежели о нем. Человеческая субъективность противопоставлена другим таким же субъективностям в том смысле, что они не являются частью его бытия, а существуют отдельно. Любовь к себе, к своему существу вполне естественна, но она имеет своей противоположностью неприязнь и ненависть к другим. Любовь к себе ограничена субъектом и значит, не распространяется на другого. Разумеется, любовь к другому в какой-то степени отменяет любовь к себе, но тогда она касается пары, ограничена отношением двоих и противопоставлена другим парам и отдельным "Я". Конечно, забота о себе не означает автоматическую враждебность к дру-

гим, но она имеет потенциальную возможность для возникновения такой враждебности. Заботясь о себе человек, может вредить другим, даже неосознанно. Вспомним, как мы неосознанно толкаемся в очереди, на жаре, стремясь быстрее купить то, что нам необходимо или занимая сидячее место в транспорте. Субъективность человеческой природы порождает зависть к тому, что имеют другие, желание опередить других в том, чтобы получить нечто полезное себе. Именно субъективность, оторванность от других и понимание того, что ты нужен, прежде всего, себе порождает потенциально соперничество и жестокость. Уже сам факт существования "Я" говорит о том, что границами этого «Я» выступает «Другой», отличный от меня. Проблемы у «Другого» не вызывает у «Я» такого сопереживания как если бы они были у «Я», так как это проблемы, не касающиеся напрямую бытия субъекта, они часть другой чуждой субъективности. Забота о своем субъективном бытии вызывает зависть и подозрения в отношении других людей. Либо подозрение в том, что они имеют злые намерения в отношении тебя, твоей собственности, твоей территории, еды, самки и т.д., либо субъект сам испытывает зависть к тому, чем владеет другой и хочет это получить. Будучи отдельным существом человек способен быть агрессивным в отношении других с целью защиты собственных интересов. Только субъект способен вступать в борьбу с другими, в том числе применяя оружие. Человек как отдельность видит свою несхожесть с другими людьми, различает себя и их и понимает, что другой человек способен быть его соперником, так как у него свое собственное бытие, и он получает удовольствие от жизни отдельно от других. И. Кант совершенно прав, рассуждая о том, что каждый субъект обладает собственным разумением, поэтому он любит быть в уединении, где он может мыслить сам, отдельно от других, думая о своем счастье и размышляя о том, как его достигнуть. Разум субъекта является ему помощником и поэтому он служит своему телу, оберегает его и проявляет заботу о нем, стремясь сделать жизнь человека лучше. Если бы существование человека автоматически улучшалось от того, что счастливы другие и наоборот ухудшалось, когда другим становится грустно, то проблема раздора, вражды, распри и войны не возникла бы. Субъективность формирует также и различия, позволяющие быть непохожим на других, совершать противоположное другим или противоречить им.

Вторым антропологическим основанием войны является сила, которой наделен человек. Отличие человека заключается в том, что помимо физической силы, он наделен силой разума, способностью к творческому мышлению. Сила не является еще насилием или властью, но насилие и террор невозможны без силы. Нельзя вести борьбу, не имея вообще никаких сил. Сила позволяет человеку жить, действовать, бороться за жизнь. Однако силы человека требуют восполнения, для чего ему нужна энергия в виде пищи, потребляя которую он восполняет силу. Лучше всего сохранять и восполнять силы тогда, когда человек здоров, а для этого он должен

иметь теплый дом, одежду, технику, и многое другое, что поможет ему быть здоровым и сильным. Сила способна себя проявить только в отношении другой силы, силы противодействия. Итак, сила требует восстановления и значит, предполагает борьбу за источники энергии и здоровья, и сила требует противопоставления другой силе или зачем она? Сильный человек способен применять свои силы.

Еще одним существенным антропологическим основанием терроризма является в некотором роде "психологическая привлекательность" этого занятия для человека. Эта привлекательность состоит из так называемого молодежного романтизма, связанного с таинственным образом жизни человека, состоящего в террористической организации, ощущения собственной значимости, так как о тебе пишут в СМИ и от тебя зависит жизнь других. Игра с опасностью также является частью привлекательности терроризма. Человек рискует собой, словно играет в рулетку и надеется выиграть. Ощущение опасности заставляет его сердце замирать, чувствовать прилив адреналина и ощущение эйфории после того, как опасность прошла рядом. Игра с опасностью воспринимается как азартное приключение, что вытаскивает человека из состояния обыденности и включает его полностью в деятельность организации, наделяя его жизнь смыслом.

Наконец человеческое бытие изначально характеризуется конфликтом, так как совмещает в себе природное и социальное начало, которые противопоставлены друг другу, что приводит человека к дисгармонии. Человек борется с дисгармонией по трем основным направлениям в отношении: дисгармонии внутри себя, дисгармонии с космосом, дисгармонии с другим человеком. Человек желает быть сильным, но видит в себе множество противоречий, слабостей и стремится их побороть. Дисгармония с космосом проявляется в том, что он бесконечен и человек не может им обладать полностью, характеризуется неопределенностью, таит множество опасностей (стихии, эпидемии, дикие хищные животные), и существует вечно в отличие от смертного человека. Дисгармония, противоречия человека с человеком возникает по многим причинам. «Другой» имеет двоякое значение, с одной стороны, он может быть близким, но, с другой, эта близость никогда не доходит до полного тождества, что делает человека одиноким, лишенным опоры. «Другой» навсегда остается отличным. Это выражается в различиях в культуре, степени богатства, расе, половой принадлежности, сословии, политической принадлежности и другим основаниям. Преодоление дисгармонии человека с человеком может привести как к дружбе и любви (эросу) так и к конфликту, раздору, если силе одного человека противостоит сила другого человека. Сила, направленная на преодоление другой силы, становится насилием. Противостояние многих сил умственных и физических может привести к борьбе и к такой форме борьбы как терроризм.

Возникает вопрос, способен ли человек изменить свою природу, обрести гармонию внутри себя и с окружающим миром? Сможем ли мы построить мир не на принципах борьбы и конкуренции, а на основе чистого энтузиазма, любви к другим и своему делу? Во все времена важным стимулом к деятельности человека была и остается борьба, и сопротивление - всегда порождало новые усилия. Вероятно, потребуется некий новый стимул, способный заставить человека продуктивно действовать. Будет ли он найден? Не превратит ли любовь человека в подобие робота, неспособного ненавидеть, презирать, ведь чтобы идти, нужно отталкиваться. А может темная сторона человека - есть дар, которым нужно умело распоряжаться, направлять его на победу над экологическими проблемами, освоение космоса, медицину, образование и процветание? Все эти сложные вечные вопросы еще предстоит решить, тем более, что современный мир демонстрирует международную напряженность, насилие и неопределенность будущего.

Скворцов Игорь Петрович,
профессор кафедры философии и социологии
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»,
доктор философских наук, профессор.

СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ В РЕАЛИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В условиях современной России значительную роль в социальном развитии страны и укреплении ее безопасности призваны сыграть социокультурные механизмы обеспечения социального благополучия и безопасности, ориентированные на преодоление культурной дезинтеграции и духовного кризиса общества, восстановление его социокультурного потенциала.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683), указано, что целями обеспечения национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности являются защита конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе.

Из приведенных положений можно заметить, что важное место в политике обеспечения безопасности страны отдается вопросам достижения социального и духовного единства народа, поддержания политической и социальной стабильности, т. е. вопросам социокультурного характера, непосредственно затрагивающим параметры социальности современного российского общества. Это не случайно, так как достижение состояния

безопасности социума невозможно без должного уровня социальной культуры, социального согласия, сплоченности и разделяемой идентичности.

Развитая социальная культура подразумевает баланс общественного и личного, государственного и частного и т. д., характер которого индивидуален для разных стран и народов, в разные исторические периоды, гармоничное сочетание индивидуального благополучия и свободы с благополучием, свободой и безопасностью общества.

Ведущее место при этом занимает, на наш взгляд, дискурс социальной солидарности. Социальная солидарность представляет собой проявление целостности и органичности жизни, это результат осознания людьми общности своего социального положения, ощущения взаимосвязи интересов, целей и ценностей, а также готовность к совместным действиям по их реализации.

На макросоциальном уровне политическим проявлением солидарности выступает, например, развитое общественное самоуправление и действенность контроля за функционированием власти.

Солидарность в экономической сфере проявляется в развитости общественных форм собственности, степени участия государства в решении общественных задач вообще и величине государственных расходов в ВВП в частности.

Одним из духовных измерений солидарности, ее основой выступает идентичность социума. Уровень доверия внутри групп и между группами в рамках национального сообщества становится одним из ключевых ресурсов его эффективного развития.

В социальной сфере зримым проявлением солидарности выступает социальная сплоченность общества. Органическая (не навязанная) солидарность есть условие сплоченности, поэтому социальная сплоченность – результат функционирования солидарности.

Микроуровень проявления солидарности – взаимодействия индивидов, основывающиеся на общих ценностях и представлениях об окружающем мире, общих интересах, сложившихся структурах поддержки солидарности ради реализации совместно разделяемых целей.

В условиях глубоких изменений социальности, происходящих в современном мире, на первый план выступает вопрос о согласовании интересов, ценностей и потенциалов всех участников общественных отношений, поэтому идеи социальной солидарности обретают новое звучание.

С помощью идеи социальной солидарности возможна реализация собственной российской модели социального развития, системы укрепления социальной стабильности и безопасности, основанной на балансе индивидуальных и всеобщих интересов.

Механизм реализации подобной системы предусматривает решение ряда первоочередных задач.

С точки зрения принципов и целей развития можно обозначить, например, следующие.

Во-первых, создание опоры на основополагающие ценности российской цивилизации, что даст нравственные ориентиры, вытекающие из традиций национальной культуры. Это необходимо для уяснения места России в мировой истории, для определения стратегии и тактики сохранения своей культуры в процессе глобализации.

Во-вторых, соблюдение нравственных принципов бытия. При этом важнейшее значение имеют принципы поведения политически и экономически правящего класса, а также практика деятельности институтов культуры и информации.

В-третьих, содействие развитию национальной культуры, призванной утвердить понятия добра и справедливости путем создания у человека внутренней мотивации и потребности нравственного самосовершенствования.

В-четвертых, выстраивание продуманной целостной системы образования, на деле направленной на формирование российской самобытной идентичности.

С точки зрения субъектов и направлений деятельности это создание условий для раскрепощения социальной энергии, образования институтов демократии, компенсирующих недостатки представительной политической системы в принципе и сложившейся в России в частности. В привычном дискурсе – это институты гражданского общества, в исторической традиции России – институты самоуправления на различных уровнях социума и в различных сферах деятельности.

Речь должна идти также и о взращивании стратегически мыслящей, формирующей смыслы подлинной национальной элиты, не отделяющей свои интересы от интересов общества и страны, признающей совместную с обществом и государством ответственность за безопасное социальное развитие и благосостояние граждан.

В настоящее время складывающиеся формы социальной солидарности, уже проявившие себя в российском общественно-политическом пространстве – семейные, родственные, дружеские сети взаимоподдержки, различные гражданские акции и инициативы, – свидетельствуют об имеющемся потенциале российского общества в формировании органичной социальной солидарности. Именно на уровне малых групп, первичных коллективов сохранились отношения солидарности, ткань социальных связей оказалась наименее травмированной, способной продуцировать новые связи и социальные формы[1].

Помимо указанных способов, если исходить из «социетального» смысла понятия солидарности, ее утверждение требует наличия проекта

1 См.: Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса / отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФРАН, 2010. С. 191.

реального развития, «общего дела», общего замысла и общего будущего страны. Необходима постановка в культурную и политическую повестку дня не вопросов очередного выяснения сложных страниц прошлого, а долгосрочных проектов и программ, реализация которых обеспечит достойное качество и смысл жизни ныне живущих и последующих поколений.

Государственной политикой должно стать также формирование патриотизма, чувства гражданственности и сопричастности, сложных идентичностей, обеспечивающих единство нации и страны, укрепление безопасности общества и государства.

Карнаушенко Леонид Владимирович,
начальник кафедры
теории и истории права и государства
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»
доктор исторических наук, профессор

РАДИКАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКСТРЕМИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Социальный институт государства оказывается в центре внимания исследователей, представляющих различные общественные науки. Междисциплинарное поле научного анализа позволяет очертить определенную семантическую доктринальную основу, определяющую круг ключевых индикаторов государства. Речь идет об особой институциональной структуре, обладающей монополией на легитимное насилие и принуждение к исполнению норм права, своим профессиональным аппаратом управления, устанавливающей и поддерживающей на географически локализованной территории правовой порядок, осуществляющей правотворческую деятельность. Атрибутивной характеристикой любого государственного образования выступает наличие суверенитета, применительно к той территории и системе управления, которая отождествляется с тем или иным государством.

Одной из наиболее перспективных проблем (в гносеологическом смысле) является происхождение государства. Здесь не наблюдается какого-либо единства со стороны исследователей, закономерным следствием чего выступает наличие множества теорий генезиса государства. Среди них выделяется ряд концептуальных моделей, далеко ушедших от собственно научных построений, ставших элементом идеологического, агитационного, пропагандистского воздействия на сознание больших масс населения. Особенно остро данная ситуация проявлялась в XX в., однако и в

начале XXIв. ее «отголоски» дают о себе знать – как в научном, так и социально-управленческом пространстве.

В основе ряда концепций государства лежит представление о том, что государство – это «организация ни в коем случае не идентичная самому обществу... она ограничена правительственным аппаратом».[1]При этом работа управленческого аппарата зачастую отождествляется с насилием и навязыванием своей воли гражданам.

Следует подчеркнуть, что на протяжении длительного исторического периода была достаточно популярна концепция, акцентирующая внимание на насилии, принуждении как атрибутивных, критически важных, признаках государства. В частности, Э.Л. Баталов указывает, что государство – механизм принуждения, насилия над человеком.[2]

Весьма закономерен тот факт, что ряд исследовательских направлений негативно воспринимают осуществляемое принуждение со стороны государства. Русский мыслитель, представитель анархистского направления, М. Бакунин придерживался мнения о том, что государство представляет собой институт, который держится «на трех отвратительных вещах: бюрократии, полиции и постоянной армии…это видимое тело эксплуатирующего и доктринерского разума привилегированных классов».[3]

Развитие идеи М. Бакунина и его последователей было осуществлено в рамках марксистского подхода к пониманию государства, представленного в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. Так, в работе «Гражданская война во Франции» К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают, что государство «есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим».[4]

В.И. Ленин продолжает идею К. Маркса и Ф. Энгельса о государстве как антинародном «машиноподобном» сооружении. В работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» он проводит мысль о том, что государство в капиталистическом мире представляет собой инструмент обеспечения господства определенного класса, специальной организацией, создаваемой этим классом с целью подавления своих противников.[5] При этом инструментальные формы принуждения позиционируются, в основном, насильственным образом.

Психологическая теория Л.И. Петражицкогопредставляет государство как результат деления общества по психологическим признакам: одни способны только подчиняться и подражать, другие могут управлять.Говоря о естественных потребностях общества в определенной организации, представители психологической теории считают, что общество и государство

---

[1] Хайек Ф. Общество свободных. Сдерживание власти и развенчивание политики // Открытаяполитика. 1995. №8 (10). С.41.

[2] Баталов Э.Я. Политическое – «слишком человеческое» // Полис. 1995. №5.

[3] Моисеев П.И. Критика философии М. Бакунина и современность. Иркутск, 1981.

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3-х т. М., 1979.

[5] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1965. Т.37. С.252.

как раз и есть следствие реализации этих психологических закономерностей развития человека.[1]

В свою очередь, согласно воззрениям одного из ярких представителей теории насилия Л. Гумпловича, государство образуется вследствие завоевания сильным племенем более слабого. В итоге завоевания возникает рабство: одно племя, победившее в борьбе, становится господствующим; другое, потерпевшее поражение, теряет свободу и оказывается в положении рабов. Государственная власть, по Гумпловичу, возникает из физической силы: господство племени, основанное вначале только на физическом преобладании над другим племенем, постепенно превращается в государство класса, опирающегося на экономическое могущество последнего.[2]

Психологическая теория и теория насилия констатируют не просто факт глубокого неравенства индивидов, социальных групп, классов; речь идет о маргинальных группах «отверженных», для которых оказываются недоступными основные блага государства и общества. При этом сложившееся положение не обусловлено объективными характеристиками социальной действительности, скорее это результат негативного развития глубоких социальных конфликтов и противоречий.

Радикальные теории государства выходят далеко за рамки собственно научных построений. Подвергаясь разностороннему изучению, обсуждению, популяризируясь в СМИ, кинематографе, в публичных общественно-политических дискуссиях, такого рода идеологические конструкты глубоко проникают в сознание людей. При этом проникновение, по сути, представляет собой разновидность процесса массовой коммуникации. В частности, такого рода коммуникативный обмен априори содержит в себе риски так называемого «шума», различных искажений смысла в восприятии социальной информации – к тому же изначально весьма сложной по своей сути. Обыденное сознание человека не всегда является подготовленным к адекватному восприятию подобной информации. Подвергаясь воздействию предрассудков, мифов, стереотипов, подобные теории нередко закрепляются в сознании людей в искаженном виде. При таком сценарии развития событий радикальный потенциал (несомненно, присутствующий в их содержании в том или ином виде) обретает достаточно агрессивные для государства и общества формы, угрожая рядом опасных социальных последствий. Эти последствия наиболее заметны на примере молодежи.

Следует отметить, что молодежная среда представляет собой пространство актуального риска применительно к обозначенной проблеме. Молодежное сознание является лабильным и неустойчивым по своей природе. Молодые люди зачастую отличаются специфическими социально-возрастными чертами: максимализмом, алогичностью, склонностью к аф-

[1] http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/296483 (дата обращения 12.07.2015).

[2] История политических и правовых учений / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1998.

фективным действиям, желанием продемонстрировать свое «я» и т.п. Подобные субъективные социально-психологические характеристики, связанные с молодежным возрастом, способствуют радикализации сознания, создают определенные риски в аспекте социального взросления молодежи, усвоения ей социального и культурного опыта предшествующих поколений.

Усваивая содержание радикальных теорий государства (как аутентичное, так и, нередко, искаженное), молодые люди с их некритичным мышлением и отсутствием жизненного опыта, воспринимают некоторые содержащиеся в теориях постулаты как инструкцию к действию, не принимая во внимание то обстоятельство, что авторы данных теорий создавали их в совершенно другую историческую эпоху, в период индустриального, а не постиндустриального, информационного общества, т.е. не учитывают исторический и социальный контекст генезиса и развития.

Ситуация в молодежной среде современного российского общества осложняется и тем, что некоторые политические силы активно обращаются к радикальным идеям государства в полемике с оппонентами, в процессе осуществления политической агитации, обостряя восприятие молодежью многих социальных, экономических, политических проблем, по сути, гипертрофируя, драматизируя их. Сложившаяся ситуация приводит (в ряде случаев, под воздействием благоприятствующих факторов) к развитию экстремизма в молодежной среде. Острота противоречия видится нам и в том, что части молодых людей импонирует простота, оперативность и кажущаяся эффективность решения острых, системных проблем посредством актуализации и практического применения радикальных теорий государства. Здесь на первый план выходят именно крайние методы и способы управления людьми со стороны государственного аппарата.

Таким образом, проблема негативного влияния радикальных теорий государства на сознание части молодежной среды, наиболее восприимчивой к подобному воздействию, весьма актуальна в современном российском обществе. Подобные противоречивые идеологические конструкты на протяжении веков оказывают серьезное воздействие на сознание людей во многих странах мира, и россияне здесь не являются исключением; более того, история нашей страны непосредственно связана с попытками практической реализации идеологии марксизма в весьма радикальной форме – ленинизма. Октябрьская революция 1917 г. и последовавшая за этим кровопролитная Гражданская война оставили в коллективной памяти нашего народа неизгладимый след. Именно поэтому государство и общество должны идти не по пути запретов идеологии марксизма, ленинизма или какой-либо иной – этот путь ведет к очередному витку конфронтации и радикальной политической борьбы. Необходимо изменять подходы к воспитанию подрастающего поколения, к общей культурной, образовательной политике в России.

В современных условиях необходимо всестороннее обучать молодежь, повышать ее культурный, интеллектуальный уровень – в настоящий момент эти показатели вызывают серьезную тревогу у специалистов. Именно грамотные, «мягкие» управленческие действия помогут сформировать «иммунитет» от подобного рода идеологического радикального заражения сознания молодежи. Следует принимать во внимание тот факт, что опасны не радикальные идеологии, а именно гипертрофированная реакция на них со стороны части российской молодежи.

Литература:

1. Баталов Э.Я. Политическое – «слишком человеческое» // Полис. 1995. №5.
2. История политических и правовых учений / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1998.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1965. Т.37.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3-х т. М., 1979.
5. Моисеев П.И. Критика философии М. Бакунина и современность. Иркутск, 1981.
6. Хайек Ф. Общество свободных. Сдерживание власти и развенчивание политики //Открытаяполитика. 1995. №8 (10).
7. http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/296483 (дата обращения 12.07.2015).

Вакула Иван Михайлович,
заведующий кафедрой гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Ростовского юридического института МВД России,
доктор философских наук, профессор
Контарев Анатолий Александрович,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Ростовского юридического института МВД России,
доктор философских наук, профессор

О СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ И ЮЖНОМ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГАХ

Несмотря на возрастающую экономическую и политическую стабильность Северного Кавказа, этот регион остается все еще проблемным с точки зрения экстремистской и террористической активности части населения. Большую долю в числе лиц связанных с этой преступной деятельностью со-

ставляет молодежь, часть которой по-прежнему подвержена идеологическому влиянию исламского фундаментализма, что объясняет и их участие в бандитских формированиях, террористическую эмиграцию в горячие точки Ближнего Востока.

Социологические исследования, проведенные в республиках СКФО и ЮФО в последние годы, фиксируют противоречивую ситуацию, заключающуюся, с одной стороны, в росте политической стабильности и позитивной оценке населением действующей власти, а с другой стороны, в росте террористической активности и террористической эмиграции в ИГИЛ.

Согласно этим исследованиям явка на избирательные участки республик Северного Кавказа в ходе выборов в Государственную Думу 2016 г. составила 80%[1]. Кроме того, социологические опросы, проведенные независимыми иностранными организациями,отмечают растущую лояльность населения к сложившемуся в республиках государственному устройству,действующим политическим партиям, местным политическим лидерам.Примечательно, что «…социологические исследования прошлых лет показывают, что для жителей СКФО характерно даже более нетерпимое отношение к терроризму и террористам, чем в других федеральных округах. Для респондентов в регионе нехарактерны попытки оправдать террор и террористов, им часто приписывают сугубо корыстные мотивы и связи с иностранными спецслужбами»[2].

В то же время, имеет место и другая картина.Маргинализация террористов и им сочувствующих лиц происходит на фоне достаточно активной террористической эмиграции в ИГИЛ и незатухающей террористической деятельности в СКФО.Так, число выехавших в ИГИЛ из Дагестана и Чечни составляет треть всего количества теорристических эмигрантов из России (1800). Только в 2017 году спецслужбами был предотвращен выезд из Чечни пятидесяти лиц, сочувствующих террористам.

Следует обратить внимание на показатели, характеризующие террористическую активность в регионе. Так, согласно информационному агентству «Кавказский узел», в 2016 году в СКФО произошло 84 боестолкновения, в результате которых погибли 202 человека, среди которых 40 силовиков и мирных жителей[3]. Лидером в этой печальной статистике является Дагестан – 64 боестолкновения, 126 убитых.

В то же время обращает на себя внимание существенное снижение преступности в регионе, которое происходит в большинстве республик Северного Кавказа, кроме Дагестана и Чечни. Что касается террористов, то их число благодаря эффективным мероприятиям, проводимым спецслужбами, существенно сократилось. Как заявил представитель МИД РФ, «На Кавказе осталось 50 –

[1] Мендкович Н. Терроризм и «террористическая эмиграция» в России. М., 2017 с. 25.

[2] Мендкович Н. Там же.с. 26.

[3] Северный Кавказ – статистика жертв / http://www.kavkaz-uzel.eu/rubric/1103

80 боевиков – не тысяча, с которыми мы воевали. Все имена нам известны, вопрос только в том, чтобы их найти»[1].

Развитие религиозного экстремизма и терроризма на Северном Кавказе объясняется историческими особенностями этого региона, проявлением которых является доминирование исламской религии, высокий уровень этнической консолидации, клановость, которые в совокупности с крайне низкими экономическими показателями региона, безработицей и тенденциями урбанизации, межэтническими конфликтами, дают те формы напряженности, с которыми страна сталкивается до сих пор, начиная, по крайней мере, с 90-х годов прошлого века.

Этот регион России характеризуется наибольшей полиэтничностью и поликонфессиональностью на фоне высокой плотности населения. На его территории, составляющей всего 2% площади страны, проживает 11,9% ее населения. По числу жителей (17,7 млн. чел.) Северный Кавказ уступает только Центральному и Уральскому экономическим районам. По темпам роста численности населения в переходный период он опережает среднереспубликанские показатели.Здесь проживает более 50 народностей, отличающихся друг от друга не только языком, но и культурой, менталитетом. Этническое разнообразие наличествует при существовании всех мировых религий. Большинство этнического населения проживает в 7 национальных республиках, в которых, кроме Республики Северная Осетия-Алания, доминирует ислам.

Помимо сказанного, необходимо указать и на долговременные конфликты в связи с не решенными территориальными проблемами, существующими во многих республиках.

Особое значение для объективной оценки ситуации на Северном Кавказе имеют социально-демографические и социально-экономические показатели, анализ которых позволяет прогнозировать тенденции развития региона, роль тех или иных социальных субъектов в обеспечении его стабильности. Так, например, динамика экстремистских проявлений, как правило, связана с молодежной средой и трудностями социализации молодежи, обусловленными как безработицей, так и непрестижностью распространенных в регионе видов трудовой деятельности (сельское хозяйство). Это может стать предпосылкой активизации религиозных экстремистских движений, обеспечивающих привлечение отдельных представителей молодежи в группы, сочувствующие террористам.

Известно, что в республиках Северного Кавказа наблюдается устойчивая тенденция естественного прироста населения при сохраняющемся значительном уровне безработицы, и низким уровнем дохода на душу населения. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики за 2015 – 2016 годы в Дагестане, Чечне и Ингушетии прирост населения составил, соот-

[1] В МИД рассказали сколько боевиков уехали из России в 2017 году // РИА Новости, 7 июня.

ветственно, 12,9, 18,2 и 15,2 на 1000 человек. При этом безработица составляла, соответственно 10,9 %, 17,1 % и 30,2 %. Доля населения с уровнем дохода населения ниже прожиточного минимума соразмерна этим показателям и составляет соответственно – 10,1 %, 14,2 % и 24,9 %[1].

В начале 2017 года было зафиксировано падение финансовых показателей крупных и средних предприятий: Дагестан - на 1423,9 млн. руб., Чечня – на 2245,0 млн. руб., Ингушетия – на 106,8 млн. руб.[2]. Важно, что незначительное повышение доходов населения в январе – феврале 2017 г. (Дагестан – 8,7 %, Чечня – 3,1 %, Ингушетия – 2,9 %) существенно уступало возросшим потребительским расходам на душу населения (Дагестан – 4,3 %, Чечня – 13,8 %, Ингушетия – 4,5 %). При этом реальная начисленная заработная плата в среднем на душу населения в Дагестане составила + 0,5 %, в Чечне -4,4 %, в Ингушетии + 2,7 %. Безработица в марте 2017 г. составила: в Дагестане – 27,3 тыс. чел., в Чечне – 57,2 тыс. чел., в Ингушетии – 24, 9 тыс. чел., что свидетельствует о ее незначительном снижении по сравнению с этим же периодом предыдущего года. В Ингушетии и Чечне безработица составляет значительный процент от экономически активного населения – соответственно, 10,8 % и 9,2 %[3].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что наиболее уязвимой частью населения является молодежь, число которой быстро увеличивается. Безработица бьет по молодежи не только в силу ее быстрого количественного роста, но и в силу того, что население быстрыми темпами переселяется в города. Темпы урбанизации в СКФО чрезвычайно велики. Так, сельское население, быстро сокращаясь,вначале 2017 г. составляло в Дагестане 54,9 %, в Чечне – 65,2 %, в Ингушетии – 58,7%. Но слабое развитие технологичных производств означает то, что городское население в первую очередь страдает от безработицы, и молодежь остается без постоянной работы длительное время. Существует и другая проблема, а именно, слабая профессиональная ориентированность молодежи Северного Кавказа, отсутствие интереса заниматься производительным трудом.

По нашему мнению, решение данной проблемы невозможно не только без всестороннего анализа всей совокупности факторов, обуславливающих трудности нормальной социализации молодежи Северного Кавказа, но и без системы научно обоснованных программных мер, направленных на профилактику молодежного экстремизма посредством создания системы информационных, педагогических, социальных, экономических условий социализации. Поэтому следует поддерживать и развиватьмероприятия, организуемые разными

[1] См.: Социально-экономическое положение Северо-Кавказского Федерального округа. Пятигорск, 2016.

[2] Социально-экономическое положение Южного Федерального округа. Ростов-на-Дону, 2017. С. 219.

[3] См.: Социально-экономическое положение Южного Федерального округа. Ростов-на-Дону, 2017.

государственными и общественными структурами, которые направлены на консолидацию молодежи этого региона вокруг ценностей и идей, составляющих основу современной российской государственности - радио, телевизионные программы регионального уровня, интернет сайты, дающие возможность молодежи приобщиться к российской многонациональной культуре, осваивать исторический опыт нашего народа и пр.

В таком делеважную роль играют форумы молодежи Северного Кавказа, такие, например, как Северо-Кавказский молодежный форум «Машук - 2017», проходивший в Пятигорске с 5 по 19 августа2017 г. Форум собрал молодежь не равнодушную к судьбе региона, которая готова трудиться на его благо. Более пяти тысяч участников предложили свои проекты социально-экономического развития Северного Кавказа, осудили экстремистские идеи, разрушающие единство народов Кавказа и России в целом. На значение этого форума указывает внимание Президента РФ Путина В.В. к его проведению, который приветствовал его участников словами: «Убежден, что вы с пользой проведете эти дни, откроете новые возможности для духовного, профессионального роста, обретете друзей и единомышленников»[1].

Не менее значимой является деятельность, связанная с профессиональной ориентацией молодежи, организацией занятости молодежи в экономике Северного Кавказа. Большой интерес у молодежи Северного Кавказа вызвала акция «Всероссийская профдиагностика-2017», посвященная тестированию профессиональных склонностей молодежи, позволяющего еще в школе определиться с выбором будущей профессии. Еще большее значение имеет организация занятости молодежи Северного Кавказа, что является особенно актуальным в условиях высокого уровня безработицы в регионе, обеспечивая успешную социализацию молодежи. Так, Департамент занятости населения Министерства труда и социальной защиты уделяет пристальное внимание изучению опыта организации трудовой занятости молодежи Северного Кавказа. По словам директора ДепартаментаМ.В. Кирсанова, «УСтавропольского краяимеется очень интересный опыт ярмарок вакансий. Он регулярный и всеохватывающий. ВМахачкалеоткрыт центр занятости населения для молодежи, который называется «Успех». Это примерный аналог того, что делают уважаемые коллеги в Москве. Так что мы очень плотно работаем срегионами Северного Кавказа, поэтому хорошо знаем ситуацию там. Она непростая, но будем работать»[2].

В этой связи следует обратить внимание на региональные программы, создаваемые в целях ранней профориентации, одной из которых является региональная программа «Zасобой». Ее руководитель Н. Алиева сказала: «Активность от регионовСКФОи в части проведения всероссийской профдиагностики, и по участию в программе достаточно высокая. Так что запрос на рас-

[1] 5 августа в городе Пятигорске стартует Северо-Кавказский молодежный форум «Машук-2017»: https://sm-news.ru/news/regiony

[2] «Всероссийская профдиагностика – 2017» // http://www.edustandart.ru

ширение возможностей использования различных профориентационных методик и практик есть. Это говорит о том, что и органы исполнительной власти, и школы, и родители заинтересованы в том, чтобы этой информацией пользоваться и развивать систему профориентации»[1].

Отмечая важность подобных информационных программ в обеспечении успешной социализации молодежи Северного Кавказа, их эффективность и необходимость развития, следует иметь в виду, что они не могут изменить ситуацию коренным образом, которая обусловлена системой социально-экономических факторов, и в первую очередь низкими темпами экономического роста и безработицей, прежде всего, в молодежной среде. Системность указанных негативных факторов требует системного решения данной проблемы, как части стратегии противодействия молодежному экстремизму и терроризму на Северном Кавказе.

Информационные процессы, связанные с профессиональной ориентацией молодежи станут действительно эффективными, способствующими успешной социализации молодежи при условии, что они будут подкрепляться реально создаваемыми рабочими местами на вновь создаваемых или возрождаемых высоко технологичных производствах, требующих высокой профессиональной квалификации рабочих и служащих, и обеспеченных системой учебных заведений соответствующих профилей.

К тому же, дотационные средства, выделяемые из федерального бюджета республикам Северного Кавказа, должны быть направлены на финансовое обеспечения таких программ, что будетспособствовать стабильному социально-экономическому развитию региона, превращению его из беспокойного, терзаемого противоречиями края в процветающий и стабильный регион. Можно предположить, что такая стратегия сведет к минимуму ту совокупность рисков и вызовов, которые связаны с экстремизмом и терроризмом в молодежной среде Северного Кавказа.

Литература:

1. «Всероссийская профдиагностика – 2017» // http://www.edustandart.ru

2. В МИД рассказали сколько боевиков уехали из России в 2017 году // РИА Новости, 7 июня.

3. Мендкович Н. Терроризм и «террористическая эмиграция» в России. М., 2017.

4. Северный Кавказ – статистика жертв / http://www.kavkaz-uzel.eu/rubric/1103

5. Социально-экономическое положение Северо-Кавказского Федерального округа. Пятигорск, 2016.

[1] Участники форума «Zасобой» обратились с предложения в федеральные министерства // http://засобой.рф/news/

6. Социально-экономическое положение Южного Федерального округа. Ростов-на-Дону, 2017.

7. Участники форума «Zасобой» обратились с предложения в федеральные министерства // http://засобой.рф/news/

8. 5 августа в городе Пятигорске стартует Северо-Кавказский молодежный форум «Машук-2017»: https://sm-news.ru/news/regiony.

Бельский Виталий Юрьевич,
доктор философских наук,
профессор, начальник кафедры
социологии и политологии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя, полковник полиции.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ СРЕДЫ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

В прежних войнах важным почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве. Воевать будут не на двухмерной поверхности, как встарь, не в трехмерном пространстве, как было во времена нарождения военной авиации, а в четырехмерном, где психика воюющих народов является четвертым измерением…"

Е.Э. Месснер, военный историк и аналитик

Трагические события в США 31 октября 2017 года, а именно террористический акт в Нью-Йорке, когда гражданин Республики Узбекистан Сайфулло Хабибуллаевич Саипов использовал арендованный автомобиль в качестве орудия массового убийства мирных граждан, следует рассматривать как знаковое событие. Данное событие означает качественно новый этап разработки и применения экстремистских технологий. Мир столкнулся с такими явлениями, как **масштабирование единичных террористических актов и технологизация экстремистской деятельности**.

В условиях глобализации социальные технологии становятся опасными в руках международных террористов и политических авантюристов. Термин «глобализация» был введен в научный оборот в 1983 году Т. Левитом и Р. Робертсоном[1]. Однако, приоритет в отношении введения в научный оборот данного термина оспаривали как Билл Гейтс, так и ряд известных ученых, использовавших данный термин при описании экономических процессов в журнале «The Economist».

[1] См. Robertson R. Globalization, Social Theory and Global Culture. London, 1992.

Следствием процессов глобализации стало появление социальных технологий, ориентированных на так называемое массовое общество – деидеологизированное, отличающееся высоким уровнем плотности социальных коммуникаций, стрессированное, атомизированное и подчас аномичное. Термин «массовое общество» был введен в научный оборот канадским ученым Маршаллом Маклюэном в работе «Галактика Гутенберга» еще в 1959 году и сохраняет актуальность и сегодня.

В настоящее время отчетливо просматриваются два основных варианта развития процесса глобализации. В основе первого - реализация тенденции к становлению однополярного мира и созданию единого центра управления. В основе второго – реализация тенденции к созданию мира регионов. Это обусловливает и подходы к формированию стратегий управления процессом глобализации.

В своем обращении к участникам дискуссионного клуба «Валдай» Президент России подверг обоснованной критике теорию и практику построения однополярного мира. Он отметил, что «тотальный контроль над глобальными средствами массовой информации позволял при желании белое выдавать за черное, а черное за белое»[1].

«Момент однополярности убедительно продемонстрировал, что наращивание доминирования одного центра силы не приводит к росту управляемости глобальными процессами. Напротив, подобная неустойчивая конструкция доказала свою неспособность эффективно бороться с такими подлинными угрозами как региональные конфликты, терроризм, наркотрафик, религиозный фанатизм, шовинизм и неонацизм

В то же время она открыла широкую дорогу для проявления национального тщеславия, манипулирования общественным мнением, грубого подавления воли слабого волей сильного. По своей сути однополярный мир - это апология, апологетика диктатуры и над людьми, и над странами. Кстати, однополярный мир оказался некомфортным, неподъемным и сложно управляемым для самого так называемого самоназначенного лидера»[2]. …«Односторонний диктат и навязывание своих собственных шаблонов приносят прямо противоположный результат»[3].

На фоне фундаментальных перемен в международной среде, нарастания неуправляемости и самых разнообразных угроз необходим новый глобальный консенсус ответственных сил.

Владимир Путин в своей речи предложил миру альтернативу – блоковый принцип цивилизационного развития, предложил основать новые правила мирового порядка, новую модель глобализации на его принципах. Именно поэтому современную историю можно делить на «мир до Валдая» и «мир после Валдая», как это делают многие аналитики.

---

[1] https://rg.ru/2014/10/24/putin.html
[2] https://rg.ru/2014/10/24/putin.html
[3] https://rg.ru/2014/10/24/putin.html

Особую актуальность альтернативные варианты глобализации приобретают в связи с фактическим перемещением мирового центра глобализации из Европы в Северную Америку. Интеграционные и глобализационные процессы не привели к устранению социальных проблем и противоречий.

Если в традиционных аграрных обществах основным инструментом управления были традиция и социальные институты, такие, как семья и религия, государство было относительно слабым и управление было сложным и имело ряд ограничений, то индустриальное общество дало миру новые модели и новое качество управления.

Индустриальное общество стало обществом с высоким уровнем развития политических коммуникаций. В распоряжении субъектов политики уже имелись современные средства массовой информация, политическая идеология, политические партии и социальная политика. Индустриальное общество позволяло выстроить двухконтурную систему управления.

Первый контур предполагал лидерство, использование политических и религиозных идеологий, конкуренцию идей и ценностей, опору на демократию, ориентацию на ограниченное использование социальных институтов.

Второй контур предполагал задействование управленцев, использование норм, конкуренцию людей, опору на бюрократические структуры, ориентацию на максимальное использование возможностей государства и других социальных институтов.

Важным инструментом социального управления в индустриальных обществах стала проводимая государством при поддержке гражданского общества ответственная социальная политика. Социальная политика была направлена на сохранение и воспроизводство ответственной, дисциплинированной, здоровой и образованной рабочей силы. Она позволяла снижать социальные риски и обеспечивать стабильность социальных систем в условиях национального государства. Патерналистская социальная политика позволяла в полную силу использовать политические и религиозные идеологии, выстраивать эффективную систему образования и социализации.

Ситуация изменилась с переходом к постиндустриальному глобальному обществу. На вооружение была взята теория массового общества. Лидеров и управленцев сменили сетевые структуры с распределенной властью. Управление социальными группами уступило место непрямому управлению массовыми общностями. Ряд философов, социологов и политологов констатировали разрушение привычных классов, кризис политических идеологий, дисфункцию религии, кризис традиционной семьи.

Научно-технический прогресс, достижения ученых и совершенствование организации труда сделали возможным создание в самом недалеком будущем социального слоя профессиональных потребителей. В этих условиях стала избыточной ответственная государственная социальная политика. Зачем нужен рабочий класс, если репликация продукта, его тиражирование почти ничего не стоит и не имеет смысла готовить ответственных,

здоровых и дисциплинированных специалистов? Зачем нужно готовить отечественных специалистов, если в избытке прибывают иностранные? Даже само промышленное производство начало перемещаться в промышленные анклавы и регионы, где приемлемая по качествам рабочая сила дешевле?

На глазах современников рушится привычная модель социальной политики. И вот уже король Нидерландов Виллем-Александр заявил в речи перед телезрителями, что «социального государства XX века больше не существует. На его место приходит «общество активного участия», в котором люди должны взять ответственность за свое собственное будущее, заботиться о себе и создавать свою собственную социальную и финансовую безопасность с меньшей долей участия национального правительства.

Переход к «обществу сотрудничества» особенно наблюдается в обеспечении социального страхования и долгосрочном медицинском обеспечении.

«Классическое социальное государство всеобщего благосостояния второй половины 20-го века уже не может поддерживать эти сферы в их нынешнем виде» – сказал король в своей речи перед парламентом»[1].

Трансграничные субъекты политики начали проводить политику деидеологизации и наступления на традиционные ценности. Вместе с политическими и религиозными идеологиями объектом конкуренции стали не только ценности, но и привычные социальные институты – семья, религия, право, государство.

Глобальным субъектам стали тесны рамки границ национальных государств. Поддерживать государства путем выплаты налогов глобальные субъекты экономической деятельности уже не хотят. Им выгоден процесс деградации и дисфункции государства. Нет смысла глобальным субъектам поддерживать и традиционные социальные институты – семью, религию, право.

Дисфункция института семьи открывает новые небывалые возможности для регулирования демографических процессов. Распространение нетрадиционных культов путем внедрения социальных технологий в конечном счете обеспечивает дисфункцию традиционных религий. Политические технологии подменяют демократию действия демократией созерцания и делают управляемым электоральный и другие политические процессы. Отсутствие информации о правовых системах в различных странах и различия в правовом регулировании выгодны глобальным субъектам, которые не попадают в ситуации, требующие правового регулирования.

Под угрозой оказалось даже существование бывшего залогом стабильности и благополучия среднего класса или среднего слоя. Новые тех-

[1] Король Нидерландов заявил об окончании эры социального государства. // http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/83918/

нологии управления человеческим капиталом и человеческими ресурсами делают средний класс избыточным и даже вредным в ближайшей исторической перспективе.

Таким образом, главным источником неизвестных ранее социально-экономических проблем современного мира является навязываемый глобальными элитами вариант однополярного процесса глобализации. По иронии судьбы, он делает избыточным и саму политическую идеологию, в том числе и политическую идеологию либерализма.

В этом случае проблемы адаптации новых иммигрантов оказываются частным случаем использования массовых общностей и аномичных индивидов для разрушения привычных традиционных социальных структур.

Мир без идеологий оказывается жестоким и страшным. В этом мире недобросовестные политики намеренно выдвигают экстремистские лозунги в расчете на поддержку политически активной молодежи. Ведь молодежь, уставшая от обмана со стороны многих политиков, видит в экстремистских лозунгах гарантию того, что политик не откажется от своих слов и не будет менять позицию в зависимости от политической конъюнктуры.

В то же самое время политики будут приглашать всех стать зрителями мирового чемпионата по экстремизму, предлагая технологии массового убийства мирных граждан. Франшиза на экстремистскую деятельность стала пугающей реальностью. Теракты с применением автомобилей получили распространение во всем мире. Выйдя за пределы Европы в США, Возможно, в настоящее время неизвестные молодые люди готовят массовые убийства с применением морских судов, самолетов, закладок горюче-смазочных и взрывчатых веществ в местах массового скопления людей в ходе массовых мероприятий.

Мировые средства массовой информации и всемирная сеть интернет стали в современных условиях невольными заложниками экстремистов и даже проводником и популяризатором простых и доступных способов массового убийства, распространяя информацию о террористических актах и указывая на их подробности. Они же невольно выполняют незавидную роль проводника и инструмента запугивания граждан, создавая благоприятную информационную среду для экстремистской деятельности. В этих условиях отчаявшиеся люди, исключенные из сферы действия социальной политики, становятся трагическими актерами на арене международной террористической деятельности.

В задачу полицейских всего мира входит предотвращение самой возможности превратить спортивные состязания в показательные выступления экстремистов. Изучение информационной среды, совершенствование методов идеологического противостояния, налаживание эффективного диалога с институтами гражданского общества может стать надежным заслоном на пути международного экстремизма.

Шикунов Дмитрий Владимирович,
заместитель начальника кафедры
социологии и политологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат политических наук,
доцент, полковник полиции

ВНЕСИСТЕМНАЯ ОППОЗИЦИЯ КАК ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Говоря о проявлениях экстремистской деятельности в современной России трудно обойти стороной вопрос о работе внесистемной (несистемной) оппозиции в нашей стране.

Термин «внесистемная оппозиция» появился в политическом лексиконе после выборов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 2003 года. Тогда из депутатского корпуса исчезло правое крыло, - «Яблоко» и Союз правых сил, которые не смогли преодолеть 5% избирательный порог и оказались за бортом Российского парламента. Тогда же от власти были «отлучены» бежавшие за границу бывшие олигархи Б.Березовский и В.Гусинский, а М.Ходорковский был осужден за экономические преступления. После избрания В.Путина президентом России в 2004 г. из его команды окончательно ушли представители т.н. ельцинской семьи, например Председатель Правительства РФ в 2000 – 2004 гг. М.Касьянов.

Косвенно к переходу к внепарламентским методам борьбы оппозиционеров подтолкнули и сами победившие на выборах парламентские партии, постаравшиеся закрепить свое лидирующее положение через поправки в партийное и электоральное законодательство. С 2004 г. минимальная необходимая численность для создания политической партии была увеличена в 5 раз (с 10 тыс. до 50 тыс. членов), в 2005 г. был поднят проходной барьер на выборах в Думу с 5 до 7 %, а мажоритарная составляющая выборов, когда в Думу могли попасть «одномандатники», была вовсе отменена. Стало понятно, что в новых условиях «играть на выборах» с вероятной надеждой на успех могли себе позволить только парламентские партии. Остальные политические силы были насильно отодвинуты от парламентской борьбы. Поэтому они перешли к внепарламентским методам.

С середины 2000-х годов многие прежде известные либеральные политические деятели стали терять свою популярность и либо совсем отошли от политики, либо перешли в основном от парламентских к внепарламентским методам борьбы с «ненавистным режимом». В итоге либеральные партии становились все более и более маргинальными, а недовольные потерей влияния либералы и их сторонники составили ядро внесистемной

оппозиции. Они стали организовывать массовые протестные акции, имеющие форму неповиновения властям.

Тогда же либералы стали искать себе союзников среди опытных оппозиционеров, имеющих в России полулегальный статус или полностью запрещенных. Такими явились Национал-большевистская партия Э. Лимонова и Авангард красной молодежи С.Удальцова. Так, возникла внесистемная оппозиция. Уже в 2004 г. прошла первая совместная акция протеста и был организован «Комитет-2008», который возглавил известный шахматист Г.Каспаров. Он же в 2005 г. встал во главе Объединенного гражданского фронта. В 2005 г. молодежное крыло «Яблока» и СПС создали общественное движение «Оборона», возглавленное И.Яшином. Начиная с 2005г основной протестной формой борьбы оппозиции стали регулярно проводимые «Марши несогласных», уличные массовые протестные акции, проводимые под лозунгом смены политического режима. В 2006 г. была предпринята попытка объединения всех оппозиционных сил в единую организацию, получившую название «Другая Россия». В нее вошли Объединенный гражданский фронт, Национал-большевистская партия, «Оборона», «Трудовая Россия», Авангард красной молодежи, «Смена».

С 2010 г. начался следующий этап в истории внесистемной оппозиции. К тому времени «Другая Россия» из-за различий во взглядах лидеров этого объединения была распущена, а название продолжил использовать Э.Лимонов в созданной им партии.

К началу 2010-х годов на место большинства прежних лидеров оппозиции, в свое время в той или иной форме «пробовавших» власть, пришли новые молодые и амбициозные лидеры, жаждущие власти. Причем они в основном стали «выходцами из масс», - блогеры, правозащитники, экологисты и др. Они активно стали привлекать современные методы борьбы, использовать информационное пространство. А так как к этому времени российское интернет-сообщество разрослось до глобальных масштабов, влияние их на массы трудно переоценить. Значительная часть получателей информации переместилась в глобальную сеть и, соответственно, оказалась подвержена влиянию этой информации.

Пик протестного движения пришелся на декабрь 2011 г., когда в ответ на результаты проведенных выборов в Государственную Думу на Болотной площади в Москве собралось более 50 тысяч человек.

Люди, вышедшие на Болотную площадь, требовали немедленных перемен. С трибуны выступали лидеры организаций самой разнообразной, а порой и противоположной политической ориентации, - «Солидарности», Партии народной свободы, КПРФ, «Яблока», «Справедливой России» и др.[1] Формальным организатором акции выступил коммунистический «Ле-

[1] Вы нас даже не представляете. Московский комсомолец, № 25821 от 12 декабря 2011 г.// http://www.mk.ru/politics/article/2011/12/11/651845-vyi-nas-dazhe-ne-predstavlyaete.html

вый фронт». К лидерам, выходившим на сцену, отношение было далеко не однозначным. Лидера «Яблока» С.Митрохина встретили недовольным «У-у-у!» и предложили: «Депутат, сдай мандат!» С изрядным скепсисом принимали выступления лидеров внесистемной оппозиции, - Б.Немцова и Е.Чириковой. Э.Лимонова вообще на сцену не пустили, а представителя КПРФ освистали[1]. Как писали потом многие участники митинга, люди вышли на площадь не послушать тех или иных лидеров, а показать свою небезразличность к демократической процедуре выборов и озабоченность многократными нарушениями закона в ходе ее проведения[2]. Манифестации протеста кроме Москвы прошли в Барнауле, Красноярске, Чите, Екатеринбурге, Новосибирске, Челябинске, Улан-Удэ.

С конца 2011 г. стратегия властей по отношению к оппозиции изменилась. Вначале было значительно либерализовано законодательство о партиях. Главное – были убраны барьеры на пути создания новых партий. Необходимый минимум был сокращен с 50 тыс. до 500 членов. В результате вместо прежних 7 (в первой половине 2011 года) официально действовавших партий к настоящему моменту Министерством юстиции РФ зарегистрировано 71 политическая партия. Затем к следующим парламентским выборам была возвращена смешанная мажоритарно-пропорциональная избирательная модель, а порог снова был снижен с 7 до 5% голосов избирателей. Интересно, что на выборах 2016 г. в Государственную Думу, несмотря на либерализацию законодательства, победили опять те же четыре парламентские партии. Однако, эти выборы смогли привлечь интерес у гораздо большего количества потенциальных участников (партий, официально зарегистрированных на этих выборах, оказалось в два раза больше, чем на предыдущих). Таким образом, значительному количеству политических игроков дали возможность участвовать в парламентской борьбе. При этом по отношению к «непримиримым» стали активнее применять административные и даже уголовные меры воздействия.

«Марш миллионов» в Москве в мае 2012 г., приуроченный к избранию и инаугурации Президента В.Путина, вызвал жесткую реакцию власти. В отличие от декабря 2011 г. здесь лидеры акции попытались подтолкнуть массы к применению насилия и прорыву в сторону Кремля. В ответ демонстрация была разогнана полицией, задержано было около 400 демонстрантов, против 34 были возбуждены уголовные дела по статьям 212 и 318 УК РФ, 15 человек были осуждены и один направлен на принудительное лечение в лечебное заведение закрытого типа[3]. В настоящее

---

[1] Кремль услышал голос среднего класса, но не внял ему. РБК daily. 12.12.2011 г. // http://www.rbcdaily.ru/politics/562949982268238

[2] Вы нас даже не представляете…

[3] См.:https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BD% D0%BE%D0%B5_%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE

время все осужденные либо были вскоре после амнистированы, либо уже отбыли назначенный судом срок.

Активные действия власти привели к постепенному снижению протестного движения в последующий период. Кроме того продолжается тенденция все большего снижения популярности среди населения организаций, представляющих внесистемную оппозицию. Иногда случается подъем протестного движения, как во время митингов, прошедших после событий на Майдане в 2014 г. и изменений во власти на Украине. Но подобные акции носят эпизодический и несистемный характер. Даже убийство одного из лидеров движения – Б.Немцова – не привело к массовым акциям.

Общественный резонанс вызвали слова, которые сказал глава Чечни Р.Кадыров о несистемной оппозиции. Их транслировало множество телеканалов. Он заявил о том, что лидеры оппозиции пытаются приобрести славу на критике президента России и сложном экономическом положении в стране, ведут подрывную деятельность. За это их следует судить по всей строгости закона. То, что сказал Р.Кадыров о несистемной оппозиции, отражает взгляды на нее значительной части населения страны.

В отличие от системной оппозиции внесистемная оппозиция слабо структурирована. Созданный в 2012 г. и распущенный в 2013 г. Координационный совет оппозиции заявлял претензию на руководящую роль, но на деле не имел существенного влияния на основную массу оппозиционеров. Основной проблемой для внесистемных оппозиционеров является неспособность договориться между собой хотя бы о совместных объединенных действиях. Если на словах многие оппозиционеры признают необходимость координации и совместных действий, то на деле они в основном следуют принципу «или по-моему, или никак», в результате чего большинство достигнутых договоренностей вскоре нарушается, что сопровождается размежеванием, выяснением отношений и взаимными обвинениями. Проблематичным для них является выдвижение единого кандидата от оппозиции на выборах: каждый из оппозиционеров видит этим кандидатом исключительно себя, в результате выдвигается несколько человек, и голоса оппозиционных избирателей, и без того немногочисленные, распыляются между ними. Все это тоже не способствует популярности оппозиции.

В 2011 г. внесистемные оппозиционеры предложили символ движения – «белая лента». Эту идею, предложенную А.Ревазовым, популяризировал телеканал «Дождь». Предлагалось начать историю России как бы с «чистого белого листа», без В.Путина. Однако показать массовость белоленточного протеста оппозиционерам не удалось. Поднаготную оппозиционеров вскрыл в 2012 г. телеканал НТВ, показав фильмы «Анатомия протеста» и «Анатомия протеста-2». В последнем была раскрыта связь оппозиционера С.Удальцова и его помощников К.Лебедева и Л.Развозжаева с главой комитета по обороне и безопасности парламента Грузии Гиви Таргамадзе – они обсуждали организацию массовых беспорядков и захват вла-

сти в регионах России, что привело к аресту и осуждению Удальцова, Развозжаева и Лебедева (так называемое дело Удальцова).

В последующие годы любое событие в нашей стране вызывало крайне негативную реакцию у оппозиционных деятелей. На наводнение в Краснодарском крае в г. Крымск в 2012 г. они заявили: «Там 94 % за ЕдРо, так им и надо!». Выборы мэра в Москве в 2013 г. привели к массовому распространению наклеек в поддержку А.Навального. Агитация велась и с помощью спама на мобильные телефоны. На победу российской сборной по хоккею в 2012 г. на чемпионате мира они ответили: «Лучше вместо миллионов, выделяющихся на сборную, накормить пенсионеров!». Широкую известность получило сравнение оппозиционером В.Шендеровичем Олимпиады-2014 с предвоенной гитлеровской Олимпиадой 1936 года, а 15-летней российской чемпионки Юлии Липницкой - с немецкими чемпионами Олимпиады-1936 [1].

Постепенно к 2015 г. накал борьбы внесистемной оппозиции с властью ослабел. Многие акции протеста, проводимые ими, стали собирать все меньшее количество участников. Уехавший за границу Г.Каспаров по результатам митинга в Москве в сентябре 2015 г. сообщил своим сторонникам о «конце протестного движения в России».

В 2017 г. эксперты отметили рост протестного движения в России. Безусловно, это связано с грядущими в марте 2018 г. выборами Президента Российской Федерации. В докладе Центра экономических и политических реформ отмечается, что если в первом квартале 2017 г. было зафиксировано 284 акции протеста, во втором квартале – 378, а в третьем – уже 445. Увеличение недовольных в докладе связывается с неспособностью властей разрешать социальные конфликты в кризисное время [2].

Одним из самых крупных выступлений оппозиции в 2017 г. стала акция протеста 26 марта 2017 г. В Москве один полицейский был ранен, несколько сотен участников манифестации задержаны, А.Навальный арестован, 488 участников привлечены к административной ответственности.

12 июня 2017 г. демонстрация оппозиции прошла в Москве по Тверской ул. и в Санкт-Петербурге на Марсовом поле. В Питере из 3500 участников были задержаны 500. Особенность акции состояла в попытке привлечь на несанкционированные действия подростков. В Москве был задержан подросток, брызнувший в лицо омоновцу перцовым газом, а в Питере одного полицейского ударили ножом в спину.

---

[1] См.: https://ruxpert.ru/%D0%9D%D0%B5%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%BF%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%8F

[2] См.: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2017/11/07/740727-eksperti-chisla-protestnih

7 октября 2017 г. в некоторых городах Центрального федерального округа прошли несанкционированные акции сторонников А.Навального. В Москве в такой акции приняли участие 70 человек, во Владимире – 50 человек, в Курске – 20, в Калуге – 20, а также в Воронеже, Рязани, Иваново, Орле, Белгороде, Ярославле. В основном, акции прошли спокойно, без нарушений [1].

На всю страну «прославилась» группа «Артподготовка» с попыткой неудавшейся революции в ноябре 2017 г. Сторонники оппозиционного политика и видеоблогера В.Мальцева должны были провести 5 ноября 2017г. акции протеста во многих городах России. Предусматривались поджоги административных зданий, нападения на сотрудников полиции. Активнее всего, по данным ФСБ, законспирированная структура действовала в Московском регионе. Всего задержали 380 человек, в том числе члены ячеек в Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, Краснодаре, Красноярске, Перми и Ростове-на-Дону. У одного из них – Сергея Рыжова, задержанного в Саратове, – нашли тротиловую шашку и бутылки с зажигательной смесью. Двух активистов «Артподготовки» в Москве обвиняют в подготовке теракта. ФСБ также обвинила сторонников Мальцева в подготовке массовых беспорядков в Томске и нападениях на полицию в Москве.

Безусловно, накал протестного движения в ближайшие месяцы будет только нарастать, что связано с приближающимися выборами Президента России в марте 2018 г. В связи с невозможностью в настоящий момент объединиться и выдвинуть своего кандидата, главной задачей для них будет дестабилизация политической обстановки в России, по принципу: «чем хуже – тем лучше». Многое будет зависеть от стратегии власти в условиях избирательной кампании. Даже минимальный просчет оппозиция постарается максимально использовать в свою пользу.

Литература:

1. Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 14 ноября 2014 г. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2014;

2. Глобализация и современная Россия: монография / (В.Ю. Бельский и др.); под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014;

3. Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, 06 ноября 2015 г. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015;

4. Бороздин А.Н. Радикализм как социально-политический феномен // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6;

[1] См.: http://www.interfax.ru/russia/582277

5. Терроризм как социально-политическое явление. Противодействие в современных условиях: монография / (В.Ю. Бельский и др.); под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015;

6. Гусев Н.Н. Методологические проблемы определения цивилизационных угроз в условиях модернизации российского общества // Социально-гуманитарное обозрение. №2, 2016;

7. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография / (В.Ю. Бельский и др.); под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

Лягушкин Игорь Владимирович,
доцент кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат философских наук, полковник полиции

ИДЕОЛОГИЯ КРИМИНАЛЬНОГО ЭКСТРЕМИЗМА КАК ИСТОЧНИК УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

На протяжении более чем полутора столетий философы и социологи марксистского направления обосновывают тезис о вытеснении идеологий научным мировоззрением. Начиная с конца прошлого века к ним все более активно присоединяются политические технологи и социологи, настаивающие на том, что технологии сделают идеологии ненужными. Множество политиков и общественных деятелей готовы отстаивать концепцию деидеологизации и провозглашать готовность жить в изменившемся навсегда мире без идеологий. Однако, за публичными дискуссиями и преждевременными заявлениями исследователи без должных оснований идеологии упустили из виду феномен реновации криминальной в сочетании с использованием преступными сообществами современных политических технологий.

Отчетливо прослеживается тенденция к дрейфу криминальной идеологии в сторону экстремизма. Обоснованный научный и практический й интерес к таким явлениям, как экстремизм политический или сектантский (религиозный) в значительной степени способствовал ослаблению интереса общественности, научного сообщества и правоохранительных органов к такому явлению, как экстремизм криминальный. Следует исправить этот недостаток серьезного научного рассмотрения феномена экстремизма с точки зрения социологии и политических наук. Объективный подход к пониманию сущности и природы экстремизма показывает недостаточность узкого правового рассмотрения данного социального явления. Необходимо привлечение средств философии, социологии и политических наук.

Следует отметить, что экстремизм существует на трех основных уровнях: всеобщего, особенного и единичного. На уровне всеобщего экстремизм предстает как идеология определенных социальных групп. Данные социальные группы весьма разнообразны, но имеют общий идентифицирующий признак. Этим признаком является обладание статусом предельного меньшинства или претензия на таковой.

Предельное меньшинство, точнее, его идеологи и представители явно или косвенно заявляют претензию на исключительность в обеспечении их прав и свобод, даже в ущерб интересам представителей других социальных групп.

Объективно предельным меньшинством является лишь молодежь в силу того, что социализация ряда представителей данной социально-демографической группы в основном не завершена. В связи с этим существуют специфические молодежные проблемы, осознается необходимость проведения специфической молодежной политики, молодежь является объектом деятельности различных субъектов политики. Иные социальные группы имеют шанс достичь статуса предельного меньшинства лишь благодаря усилиям идеологов или иных специально подготовленных людей. Если у молодежи статус предельной социальной группы является дескриптивным или предписанным, то у других социальных групп он может быть исключительно достигаемым. Любая социальная группа, являющаяся предельным меньшинством или стремящаяся к достижению такого статуса, обладает специфической идеологией.

В целях решения практических задач представляется необходимым рассматривать идеологию в качестве многоуровневого явления. В узком смысле, в самом общем виде, идеология предстает как совокупность элементов философских концепций, научных теорий, мифов, иллюзий, художественных произведений и элементов обыденного сознания, которые складываются у человеческих индивидов в отражение, не всегда адекватное, объективного мира.

А.А. Зиновьев вводит понятие идеосферы. Идеосферу общества, по его мнению, составляют люди, группы, организации, которые профессионально занимаются идеологией. Они и создают идеологическое поле[1].

В широком смысле идеология включает социальный идеал, систему нормативной этики, динамический стереотип социально приемлемого поведения и механизм социальной реализации, которым является идеологическая социализация.

Идеологическая социализация – это «реальный динамичный процесс участия конкретного человека в идеологических практиках в период дет-

[1] См. Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. М., 2003. С. 31, 32

ства, юности, зрелости и старости с принятием и поддержкой одной или нескольких идеологических теорий (идеологий)»[1].

С идеологической социализацией неразрывно связаны пропаганда, агитация, реклама, информационное противоборство, теории общественного воспитания и правосознание. Идеологическая социализация является важной составной частью и условием политической социализации личности, в особенности – политического сознания.

Экстремистскими с необходимостью оказываются идеологии, социальный идеал которых является утопическим. Чем более оторван социальный идеал от реальности, тем больше степень экстремизма содержащей его идеологии.

Уникальным примером взаимодействия идеологии и политических технологий является феномен движения А.У.Е. («Арестантский уклад един!» или «Арестантское уркаганское единство»)) в современной России в XXI веке. Существует версия, в соответствии с которой движение А.У.Е. зародилось в восточных регионах России, где находится значительное количество мест лишения свободы. Население этих регионов небогато, условия для ведения предпринимательской деятельности сложно назвать оптимальными, а государство усилило контроль за местами лишения свободы. Криминальные авторитеты стали испытывать трудности с формированием «общаков». «Грев», то есть деньги, наркотики, алкогольные напитки, продукты питания и табак приходят нерегулярно и в меньших, нежели ранее, количествах.

В связи с этим оставшиеся на свободе представители криминальных сообществ наладили сбор средств с представителей самой социально незащищенной группы населения – учащейся молодежи. Прикрывается этот процесс, связанный с вымогательством, красивыми легендами об уркаганском братстве, единстве «арестантского уклада жизни на зоне».

Однако, А.У.Е. – это более, чем легенда. Сторонникам А.У.Е. сообщают сведения об идеальном обществе, где наблюдается дисфункция социальных институтов, а власть принадлежит ворам, где сторонники А.У.Е имеют преимущества перед «лохами» - жертвами преступных посягательств и «фраерами» - несудимыми гражданами, как на свободе, так и в местах лишения свободы. Покинуть сообщество, минуя весьма суровые санкции, нельзя – «Тюрьма на отпускает!» Налицо тщательно выстроенная идеологическая структура. А лозунги типа: «Жизнь ворам – смерть мусорам!» не оставляют сомнений в экстремистском характере сообщества А.У.Е.

Представители А.У.Е. путем сбора денег, средств связи и иных предметов с учащейся молодежи исподволь выстраивают достаточно

[1] Кузнецов В.Н. Социология идеологии. Учебное пособие. М.: «Книга и бизнес», - 2008. Стр. 156.

стройную систему аргументаций. Начиная с того, что в современном российском обществе полностью отсутствует социальная справедливость, а государство находится в кризисе и фактически дисфункционально, представители А.У.Е. заявляют о готовности взять на себя заботы по обеспечению социальной стабильности и снижению социальных рисков.

Через школьников старших классов в среде учащейся молодежи распространяется два варианта объяснения своих действий. Первый, для непосвященных, можно свести к системе простых тезисов. Справедливости нет, в местах лишения свободы может оказаться каждый, к тюрьме надо готовиться. С криминальными сообществами надо поддерживать стабильные доброжелательные отношения.

Второй вариант предназначается для «продвинутых, прошаренных» людей, для «пацанов, которые хотят подняться». Им предлагается зайти в политику с черного хода, «отодвинув лохов». Поддавшимся такому влиянию людям предлагают альтернативный вариант криминальной социализации в рамках преступных сообществ для быстрого повышения социального статуса. Государство, семья, традиционная мораль, религия и право объявляются ненужными. В качестве социального идеала А.У.Е. предлагает преполитарное общество без государства, права и семьи и с доминированием криминальных сообществ.

Налицо явное соответствие идеологии А.У.Е. критериям экстремистских идеологий, а практик данного движения – критериям экстремистских практик.

Таким образом, движение А.У.Е. подвергает опасному влиянию личность учащихся учебных заведений, выстраивает параллельную принятой в обществе систему регуляторов, провоцирует экстремистское поведение индивидов, распространяет призывы к физическому уничтожению социально-профессиональных групп и сообществ. Необходимо осознать опасность экстремистских криминальных идеологий и практик, а также выстроить эффективную систему противодействия.

Возможно ли эффективное противодействие описанной выше криминальной идеологии? Безусловно возможно и ключевую роль в этом процессе должно сыграть противодействие криминальному экстремизму в информационной сфере.

Если А.У.Е. в значительной степени порождение социальных сетей и неформальных каналов распространения информации, то и работать специалисты должны с использованием данных каналов.

Простейшим из методов является контрпропаганда. Простые лозунги «Фарту масти А.У.Е – горя всей твоей семье!» «Ваш ребенок А.У.Е.л? Проследите, чтоб не сел!» рассчитаны на семью и на тех членов криминального сообщества, кто еще не порвал с семьей и семья еще сохраняет для них определенную ценность.

Применение концепции стратегических коммуникаций позволяет использовать нарративы типа: «А.У.Е. – путь в блудняк!», «А.У.Е. – путь в гарем!» и мемов типа «Фуфел масти А.У.Е.!», отсекающие нецелевые аудитории и сориентированные на аудитории целевые. Необходимо также разработать и провести серию специальных операций в тесном сотрудничестве с кибердружинами в рамках взаимодействия со средствами массовой информации и институтами гражданского общества.

Намнясев Виталий Владимирович,
доцент кафедры предварительного расследования
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ

Мошенничество с использованием средств мобильной связи с каждым годом становится все более распространенным преступлением, при этом недостаточная осведомленность правоприменителей об особенностях подобного деяния приводит к ошибкам в квалификации. Отрицательно сказывается на следственной и судебной практике тот факт, что отсутствуют исчерпывающие разъяснения Верховного Суда РФ, решающие проблемы квалификации, разграничения смежных составов и другие спорные вопросы, касающиеся особенностей объективных и субъективных признаков.

Понимание объективных признаков преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ (объекта и объективной стороны) невозможно без уяснения содержания таких понятий, как «хищение», «обман», «злоупотребление доверием», «сотовая связь», «мобильная связь», «средства мобильной связи». Если первые три из них имеют законодательное определение и трактуется достаточно однозначно, то толкование последних трех требует обращения к иным источникам. Эти понятия раскрывается в технической литературе.

Мобильная связь - вид телекоммуникаций, при котором голосовая, текстовая и графическая информация передается на абонентские беспроводные терминалы, не привязанные к определенному месту или территории. Различаются спутниковая, сотовая, транкинговая и другие виды мобильной связи[1]

[1] См.: Норенков И.П., Трудоношин В. А. Телекоммуникационные технологии и сети. М., 2000. С. 248.

Сотовая связь, как разновидность мобильной связи представляет собой – многократное использование радиоканалов в системе, для увеличения количества абонентов без расширения занимаемого спектра частот, то есть применение принципа деления территории на зоны. Сеть составляют разнесенные в пространстве приемопередатчики, работающие в одном и том же частотном диапазоне, и коммутирующее оборудование, позволяющее определять текущее местоположение подвижных абонентов и обеспечивать непрерывность связи при перемещении абонента из зоны действия одного приемопередатчика в зону действия другого; – полный набор функций проводной телефонной связи, включая выход на международную и междугороднюю сеть; – возможность для абонента вести телефонные переговоры на всей зоне обслуживания сотового оператора сотовой связи; – возможность перемещения абонента без прерывания разговора по устройству, что обеспечивается переключением соединения от одной базовой станции к другой[1].

Сотовый (мобильный) телефон – абонентский терминал, работающий в сотовой сети. По сути, каждый сотовый телефон является специализированным компьютером, который ориентирован, в первую очередь, на обеспечение (в зоне покрытия домашней или гостевой сети) голосового общения абонентов, но также поддерживает обмен текстовыми и мультимедийными сообщениями, снабжен модемом и упрощенным интерфейсом. Передачу голоса и данных современные мобильные телефоны обеспечивают в цифровой форме.

В качестве абонентских терминалов сегодня могут использоваться также коммуникаторы – карманные компьютеры, снабженные модулем с поддержкой GSM/GPRS, а иногда EDGE и стандартов третьего поколения[2].

Мошенничества, совершаемые с использованием средств мобильной связи, являются одним из способов совершения преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ.

Основным объектом преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ признаются общественные отношения возникающие по поводу владения, пользования и распоряжения собственностью.

Уголовное законодательство определяет мошенничество как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Следует отметить, что при «телефонном» мошенничестве чаще всего используется обман, который можно определить как ложное утверждение о том, что не соответствует действительности. Гораздо реже это злоупотребление доверием, при котором виновный использует определенные отношения, основанные на доверии сторон для получения от потерпевшего

[1] См.: Медведев С. С. Мошенничество в сфере высоких технологий: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 145–146.

[2] http://elenagavrile.narod.ru/LEKC/Lekcciya_8.pdf

денег или иного имущества под условием выполнения заведомо не выполнимых или впоследствии не выполненных обязательств. Это объясняется тем, что при совершении преступления виновный воздействует на потерпевшего дистанционно, используя при этом средства мобильной связи не вступая с ним в визуальный контакт, что существенно затрудняет возникновение доверительных отношений. Однако возможны контакты с использованием программ мобильной связи обеспечивающих визуальное общение между абонентами (Viber, WhatsApp и другие). Злоупотребление доверием взаимосвязано с обманом. Виновный использует особые доверительные отношения, установившиеся между ним и собственником или иным законным владельцем, чтобы обман был более убедительным, либо прибегает к обману, чтобы заручиться доверием потерпевшего.

Можно выделить индивидуальные признаки объективной стороны характерные для «телефонного» мошенничества. Данное преступление совершается посредством активного поведения виновного, то есть действием, которое определяется разнообразными способами, специфичными для данного вида мошенничества.

Способом совершения преступления является, как известно, совокупность действий преступника по подготовке, совершению и сокрытию преступления, охваченная единой целью и преследующая достижение преступного результата. Знание следователем способов совершения таких мошенничеств позволит получить информацию необходимую для раскрытия преступления, сформировать доказательственную базу по делу и идентифицировать виновного.

Можно выделить наиболее распространенные способы «телефонных» мошенничеств:

1. Виновный, аргументируя отсутствие собственного мобильного телефона, при личном общении с потерпевшим, просит его о совершении срочного звонка. При этом звонки осуществляются на платные номера, в результате чего денежные средства попадают на счет мошенников. Обман в данном случае заключается в том, что виновный сообщает потерпевшему ложные сведения относительно необходимости осуществления срочного вызова по телефону, на самом деле преследуя корыстную цель – хищение денежных средств находящихся на балансе личного счета абонентского номера.

2. Мошенник осуществляет вызов потерпевшему, представившись сотрудником банка или сотовой компании, и сообщает ему информацию о том, что в настоящий момент с его банковского счета злоумышленники списывают денежные средства. Для прекращения хищения «сотрудник» предлагает провести определенные действия по блокировки карты. Полученная в результате указанных операций комбинация цифр, позволяет мошеннику осуществить различные манипуляции с денежными средствами, находящимися на счете потерпевшего, например, перевести на другой

счет, оплатить товары, услуги и т.п. Обман в данной ситуации выражается в том, что мошенник выдает себя за сотрудника компании, сообщает ложные сведения о несанкционированном снятии денежных средств со счета потерпевшего и, преследуя корыстную цель, вынуждает его сообщить сведения, используемые в дальнейшем для хищения денежных средств.

3. Направление потерпевшему SMS различного содержания, например с предложением получить услугу на мобильный телефон; отказаться от услуги; изменить тариф т. п.

Абоненту предлагается отправить SMS на определенный номер или пройти по ссылке. При отправке такого сообщения и осуществлении манипуляций со ссылками происходит автоматическое списание денежных средств со счета потерпевшего. Обман, в данном случае заключается в том, что виновный, действуя от имени оператора сотой связи, вводит абонента в заблуждение относительно предоставляемых услуг, преследуя при этом исключительно корыстную цель, которая реализуется в списании денежных средств со счета абонента.

4. Направление абоненту SMS с информацией о том, что он выиграл денежную сумму, квартиру, туристическую поездку и т.п. с просьбой оплатить налоги, страховку или почтовые расходы. При этом мошенник указывает абонентский номер мобильного телефона (либо номер банковской карты), на который необходимо перевести указанную сумму денежных средств. Потерпевший в данном случае вводится в заблуждение относительно выигрыша, которого в действительности не существует.

5. Сообщение абоненту о якобы имеющем место происшествии (обычно о преступлении, дорожно-транспортном происшествии) с участием кого-либо из его близких с последующем требованием перечисления (передачи) денежных средств для «решения» вопроса[1].

В данном случае мошенник предлагает решение проблемы за определенное вознаграждение (взятка сотруднику полиции, компенсация вреда пострадавшему в ДТП), пользуясь шоковым состоянием потерпевшего, настаивая незамедлительно решить этот вопрос, без каких либо правовых последствий для близкого человека. При этом мошенники предлагают различные способы передачи им денежных средств, которые в большинстве случаев заключаются в необходимости перевода определенной денежной суммы на банковскую карту, счет, абонентский номер. Нередко для этого используется курьер. Таких курьеров можно разделить на две группы. К первой относятся случайные лица, которых попросили за вознаграждение забрать посылку в определенном месте или у определенного лица с последующей доставкой ее по указанному адресу. Данные лица не ставятся в известность о том, что фактически перемещают предмет мошенничества.

[1] См.: Репин М.Е. Характеристика преступлений мошеннического характера, совершаемых с использованием сотовой связи // Молодой ученый. 2016. №11. С. 1335-1338.

Ввиду отсутствия субъективной стороны преступления и соответственно состава преступления в целом такие лица уголовной ответственности не подлежат.

Другие курьеры, относящиеся ко второй группе, это лица которые хотя и не принимали участие в обмане, но были осведомлены о происхождении доставляемых ими посылок и их содержимом. Такие субъекты должны нести уголовную ответственность как соучастники мошенничества при условии, что они согласились на подобные посреднические функции до начала выполнения объективной стороны преступления.

Обман в данном случае выражается в сообщении потерпевшему ложных сведений о якобы имевшем место происшествии.

Данные способы мошенничества направлены на обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества и влекут причинение имущественного ущерба.

Самойлов Сергей Федорович,
начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор философских наук, профессор

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ УГРОЗЕ

В настоящее время угроза, исходящая от экстремизма и терроризма, вышла за рамки проблем национального и регионального масштаба и превратилась в глобальную проблему, решение которой требует усилия всего мирового сообщества. Экстремизм и терроризм в любых своих формах и проявлениях превратились в одну из самых опасных по своим масштабам, непредсказуемости и негативным последствиям социально-политических и моральных проблем, с которыми человечество вошло в XXI век. Наше государство совместно с другими странами вынуждено бороться с экстремизмом как внутри собственных границ, так и за ее приделами.

Среди внешних угроз экстремистского характера наибольшую опасность представляют международные исламистские террористические организации, такие как «Джабхат ан- Нусра», «Аль-Каида», «Хизбут-Тахрир» и конечно же «ИГИЛ». Важнейшими внутренними экстремистскими угрозами следует признать сепаратистское движение в республиках Северного Кавказа, осуществляемое под знаменем исламского фундаментализма, и ультраправые группировки, шовинистического и откровенно расистского характера.

Следует особо подчеркнуть, что экстремизм не имеет определенной социальной, национальной, политической или религиозной окраски. Экс-

тремистский способ мышления может исказить абсолютно любую идею и сделать ее социально опасной. Поэтому совершенно недопустимо обвинять в склонности к экстремизму какую-либо нацию, религию или социальную группу. В процессе противодействия экстремизму следует четко отличать само экстремистское мышление и ту форму общественного сознания, которую оно извратило. Только в этом случае станет возможной консолидация общества в борьбе с данным социальным злом, которая предполагает объединение усилий представителей всех национальностей, социальных слоев, религий и политических сил.

Опасность экстремизма и терроризма заключается не только в том, что данные негативные явления социальной жизни связаны с неправомерным и массовым применением насилия, но и тем, что они ставят под угрозу само нормальное существование человеческой цивилизации – отбрасывают ее к самому началу своего развития. И дело здесь заключается не только в том, что последовательное развитие экстремистской социальной стратегии неминуемо приводит к войне межгосударственной или гражданской, но и в содержании самого социального идеала, предлагаемого ею.

Какую бы форму не принимало экстремистское сознание, оно всегда предлагает обществу утопический и главное аморальный план развития, основанный на выживании определенной социальной группы за счет ущемления в правах, угнетения или уничтожения другой социальной, национальной или религиозной группы. В этом отношении все формы экстремистской идеологии мало чем отличаются друг от друга. Все они полагают, что социальное благополучие достижимо путем построения одномерного общества, лишенного социального, этнического, экономического, идеологического или религиозного плюрализма.

В настоящее время экстремизм и терроризм как крайняя форма его проявления, остаются важнейшими угрозами национальной безопасности и социально-политической стабильности нашей страны.

Успешное противодействие угрозам, исходящим от экстремизма и терроризма, возможно только при условии понимания специфики преступлений экстремистской направленности. Без сомнения, данный вид противоправных действий принципиально отличается от других преступлений. В частности, только для данного вида преступлений характерна идеологическая мотивация. В связи с этим правоохранительные органы, стремясь к разработке системы мер предупреждения, раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, должны учитывать мировоззренческие, социальные и политические причины, условия и факторы их возникновения. Решение данной задачи вне применения знаний в области социально-гуманитарных наук не представляется возможным. По этой причине противодействие экстремизму и терроризму нуждается в соответствующем научном обеспечении, которое должны сформировать, прежде всего, социально-гуманитарные дисциплины. Данное обеспечение должно включать в себя:

- анализ социальных, экономических, политических и идеологических предпосылок распространения экстремистских идей и моделей поведения;

- исследование содержания, структуры и логики развития экстремистской идеологии;

- разработка теорий и методов идеологического, социального и политического противодействия экстремизму.

Естественно, разработка такого обеспечения возможна только при условии тесного взаимодействия ведомственной и теоретической науки. По этой причине место проведения данной конференции не является случайным в силу ряда обстоятельств:

во-первых, система МВД представляет собой один из важнейших элементов противодействия экстремизму и терроризму;

во-вторых, профилем нашего университета является подготовка специалистов по противодействию экстремизму, терроризму и организованной преступности;

в-третьих, проведение научно-практической конференции, посвященной проблемам исследования и противодействия экстремизму, на базе нашего ВУЗа позволяет решить две важные задачи. С одной стороны, правоохранительная система может быстро получить результаты новейших научных исследований в области изучения и борьбы с экстремизмом. С другой – научное сообщество может услышать о важнейших проблемах, стоящих перед сотрудниками полиции как субъектами формирования и реализации государственной политики противодействия экстремизму.

Можно с уверенностью утверждать, что одним из эффективных путей дальнейшего развития правоохранительной деятельности в области противодействия экстремизму является широкое обсуждение научных и практических проблем на различных представительских мероприятиях. Данная конференция может стать связующим звеном между теоретическим обществознанием и практической деятельностью в области противодействия экстремизму. Именно поэтому мы стараемся регулярно объединять в стенах нашего университета ведущих ученых в области исследований различных форм экстремистского сознания и поведения. Мы признательны всем, кто откликнулся на наше приглашение и сегодня принимает участие в работе IV Международной научно-практической конференции «Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты».

Следует отметить, что без реализации достижений социально-гуманитарных наук в сфере практической деятельности правоохранительных органов противодействие экстремизму и терроризму будет менее эффективным. Поэтому сегодня актуальным является оптимизация взаимосвязи науки и практики.

Литература:

1. Мирная Е. 9 мая на Украине – день беды. Аргументы и факты. 2017. №19. с.5.

2. Зарубежное военное обозрение // 2017. №4. с.106.

3. См.: Мирная Е. Русских школ на Украине не будет. Аргументы и факты. 2017. №17. с.8.

4. Украинская цензура на русские книги. События недели: итоги и факты. 2017. №50. с.3.

5. См.: Морозова А. Фальсификация истории как метод воспитания военнослужащих вооруженных сил Украины // Зарубежное военное обозрение. 2016. №1. с.45.

6. Полупанов В., Графов А. На украинском «Голосе» победил батюшка - «ватник». Аргументы и факты. 2017. №18. с.17.

7. Зарубежное военное обозрение // 2017. №5. с.109.

8. Зарубежное военное обозрение // 2017. №7. с.108.

9. Зарубежное военное обозрение // 2017. №7. с.110.

10. Зарубежное военное обозрение // 2017. №4. с.118.

Плотников Владимир Валериевич,
преподаватель кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор социологических наук
Кубякин Евгений Олегович,
профессор кафедры психологии и педагогики
Краснодарского университета МВД России,
доктор социологических наук, доцент

ЭКСТРЕМПАРАНТНОСТЬ И ЭКСТРЕМИЗМ: К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: авторы статьи обращают внимание на то, что исходным основанием попадания проблемы экстремизма в объектив научного познания является наличие в обществе комплекса деструктивных явлений, имеющих общую характеристику политической ориентированности, крайней интенсивности выражения (что проявляется как на уровне форм реализуемой деятельности, так и в степени воздействия отдельных явлений на состояние общества) и характеризующихся выходом за рамки социально допустимых форм активности. В статье обосновывается, что экстремистская деятельность это, лишь внешняя, видимая часть сложных социальных процессов современного общества, а, следовательно, на уровне разрешения противоречий необходимо проникать в глубинные основания социальных явлений.

Ключевые слова: экстремизм, экстремпарантность, государство, общество, социальная группа.

Стремление со стороны общества и его управленческой составляющей (института государства) к познанию сущности деструктивных процессов делает эти процессы объектом социальной реальности. Экстремизм как объект социальной реальности характеризуется следующими аспектами:

Сложность экстремизма как явления и его понятийная неопределенность являются причиной преобладания абстрактного, отрывочного представления о его специфике на уровне социального сознания. Это и есть причина возникновения такого деструктивного явления, как неосознанная вовлеченность отдельных членов общества в экстремистскую деятельность.

Адекватное понимание отношения членов общества к конкретным формам экстремизма опирается на общую характеристику структуры общества и его актуального состояния, что отражает вопрос о факторах развития экстремизма. Тогда как адекватное освещение проблемы отношения к экстремизму в социальном сознании предполагает также анализ отношения членов общества к радикальным методам разрешения конфликтных ситуаций, что отражает момент производимой на уровне социального сознания оценки приемлемости или, напротив, неприемлемости радикальной методологии.

Степень развитости социального сознания отдельных членов общества, а также понимание природы экстремизма напрямую определяют степень их подверженности экстремистским установкам, а также отношение к государственной политике по противодействию экстремистской деятельности. По этой причине адекватное освещение социальной ситуации на уровне СМИ, а также предотвращение публикации материалов заведомо деструктивного характера представляет собой важное направление по профилактике развития экстремизма в обществе.

Оценка государственной политики по противодействию экстремистской угрозе складывается из суммы факторов, к числу которых относятся общий уровень доверия к власти, степень осознанности и целостности социального мировоззрения членов общества, понимание ими специфики экстремизма как социального явления. В совокупности это определяет установку на сотрудничество с государством в противодействии экстремизму (либо просто положительную оценку такого сотрудничества) или, напротив, высокую степень неприятия деятельности политической, исполнительной, судебной и правоохранительной структур по пресечению существующих очагов развития экстремизма и профилактике возникновения новых.

Деструктивные процессы в современном обществе, в частности, развитие экстремистских тенденций, вышли на уровень активной самоорганизации, что свидетельствует об угрозе целенаправленного насаждения экс-

тремистских установок. Поскольку в ряде случаев привитие экстремистских установок носит организованный характер целенаправленного воздействия на социокультурное пространство, немаловажно формирование системы мер по противодействию рассмотренным деструктивным процессам, что связано с анализом и оптимизацией структурных элементов общества, ответственных за формирование социальных установок членов общества.

Вся социальная история человечества располагается между двумя полюсами: персонализация и единение. Так или иначе по своей природе общество движется к общему в человеческой природе и, исторически очевидно, чем больше социум дробится – тем активнее он объединяется.

Процессуально это очень болезненное историческое явление как для отдельных народов, так и для человечества в целом, поскольку с необходимостью ведет к уничтожению целого ряда культурных ценностей, равно как и их носителей[1]. Если в условиях истории как мировой, так и западноевропейской, интерпретации социального дисбаланса дробности и единства за давностью времен мудро принимается за нечто безусловно продуктивное, ведущее к более совершенным социальным и культурным формам, которые являет сейчас в частности современность, то к нашему социальному пространству последовательность и категоричность социальных изменений применять не принято ввиду личной заинтересованности исследователей как носителей наличной социальной реальности.

Принципиально одно, современная социальная реальность – такая же социальная и такая же процессуальная, как и все предыдущие и последующие. Основная роль социальной науки – руководствоваться этим принципом вопреки политическим и экономическим интересам современных персон. В первую очередь в социологии как современной и своевременной науки это отражается в последовательном объяснении социальной ситуации наличной. Очевидно, что современная массовая культура – явление безусловно социально-естественное, и если в условиях распада Римской империи или Реформации оно носило локальный и элитарный характер, то теперь посредством имеющихся форм социальных коммуникаций носит подлинно всеобщественный характер.

Естественное социальное редко оценивается конструктивно, за исключением ретроспективной мудрости, однако уникальность современного положения социума прямо вынуждает к пониманию идущих процессов, иначе кризисность будет иметь катастрофичность тотальную, не сравнимую ни с Римом первым, ни с Римом вторым.

Уникальность нынешней социальной ситуации заключается, конечно, не в том, что она современна нашей жизни, в ней обретающейся, а в том, что являет собой социально-исторический финал простого в мысли и

[1] Хрестоматийным здесь является пример покорения Древней Греции Римской империей.

крайне сложного на практике этапа объединения человеческого сообщества. Все современные, крайне заштампованные в псевдонауке реалии, такие как информационное общество, массовая культура, глобализация и пр., действительны в своем существе и крайне противоречивы в представлениях.

Социальное существо всех «современных» общественных явлений и процессов располагается в сфере естественного социального движения к единству человеческого сообщества, и, поскольку никакой государственный институт не хочет жертвовать своей суверенностью, это движение достигается средствами, социальная функция которых – его выражать, а не определять – средствами культуры, принявшей поэтому форму массовости.

Таким образом, социальная реальность наших дней предстает в крайней, практической, сложной форме циклических противоречий политического, экономического и правового характера. И это только вершина айсберга, поскольку подлинная проблема, кризисность располагается в основных аксиологических институтах – семья, образование и религия (этика). Естественность социальных изменений прежде всего реализуется в основаниях общества, а не в пользовательских функционалах власти. Критичность устоев семейных ценностей и образовательных доминант, равно как и традиционности религии, не следствие, а причина происходящих социальных трансформаций. Это индикатор движения общества к самому своему существу – единству человеческой природы.

Кажущаяся безапелляционность приведенных выше утверждений продиктована их действительным положением, это факт, а не оценка. Средства коммуникации и трансляции представлений и знаний достигают такого уровня, что личность в обществе социализируется не государством, как принято считать, а упрощенными и в первую очередь поэтому элементарными алгоритмами общечеловеческого естества. Конфликт государственного и личного (в социологическом смысле) в основном характеризует состояние социального развития сейчас. Верхи еще могут и еще больше хотят, а низы уже не хотят и тем более не могут. Каждый страт полноценно в себе пребывает и не испытывает необходимости в другом социальном – а оно уже другое.

Такое состояние общества, когда единство человеческой природы естественно и с необходимостью вступает в конфликт с существующими социальными формами, называется экстремпарантностью. Не умножая сущности без нужды, отметим, что здесь не термин определяет действительность, а социальное состояние требует определенности в понятии, что в первую очередь служит снятию проблемы через ее определение.

Экстремпарантность как социальное явление характеризует такое состояние общества, когда критическая часть массовой социальной группы – критическая, а не большая[1],– уже содержит в себе социальные характери-

[1] Для социологии как науки она в разных школах составляет от 3 до 10%.

стики естественно-социального единства и неосознанно их постулирует как личные ценности, являя собой деструктивную силу в рамках того института или группы страта, к которой относится их доминантный статус. Проще говоря, носители экстремпарантности, экстремпаранты – социально активная часть общества, представляющая в худшей форме естественные и необходимые фундаментальные ценности социума. Худшей эту форму делают не ценностные ориентиры – а искусственность их приобретения, неосознанность их носителями и прагматический эффект.

Именно прагматическое использование экстремпарантов силами персонализированных социальных групп, таких как государства, тоталитарные секты, торговые полии, превращает естественность экстремпарантов в серьезную деструктивную силу. Ничто не объясняет очевидность этого процесса как феномен экстремизма с одной стороны и экстрим – с другой.

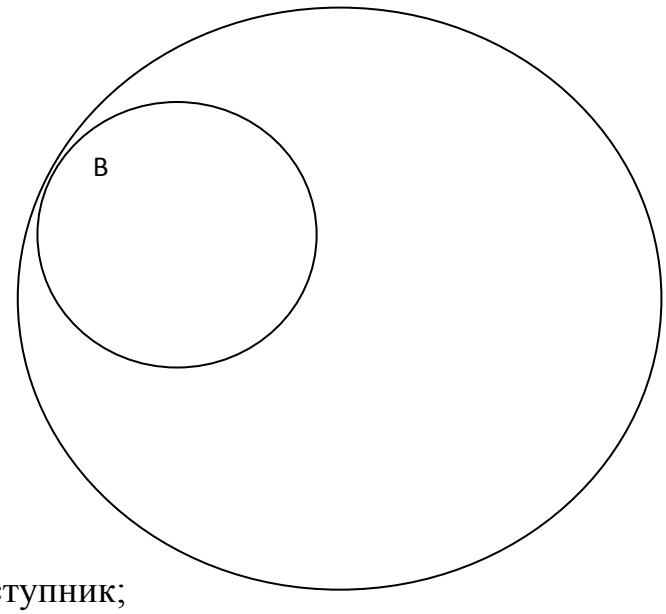
Правовая и политическая оценка природы экстремизма – субсоциальна и полемична до крайности, однако как современный социальный феномен она необычайно проста. Первое, что делает ее простой – отсутствие исторической реальности – экстремист невозможен в обществе, не обладающем современными формами коммуникаций. Возможен шпион, революционер, диссидент, «враг народа», инакомыслящий, преступник, но не экстремист[1].

В условиях экстремпарантности современного общества политические организации транслируют свою волю на граждан другого государства, используя социальный дисбаланс их личной позиции – превращая их в орудие против родного государства – мнимо за лучшие, общечеловеческие ценности. Эти экстремисты и есть самые опасные, поскольку их социальная природа носит хтонический характер и в силу своего естественного, пусть и неправильно разумеемого социального – они борцы за общечеловеческие ценности – к сожалению. Большинство же современных экстремистов – обычные организованные преступные группировки, действующие ради частных целей любыми, пусть и иногосударственными средствами. Игнорирование неоднородности природы проявления экстремизма крайне затрудняет работу по предупреждению государственной целостности.

Визуализируем две существующие в современном социальном пространстве модели понимания экстремизма:

[1] К сожалению, понятие «экстремизм» так же размывают, называя им похожее по форме явление, особенно в истории.

1.

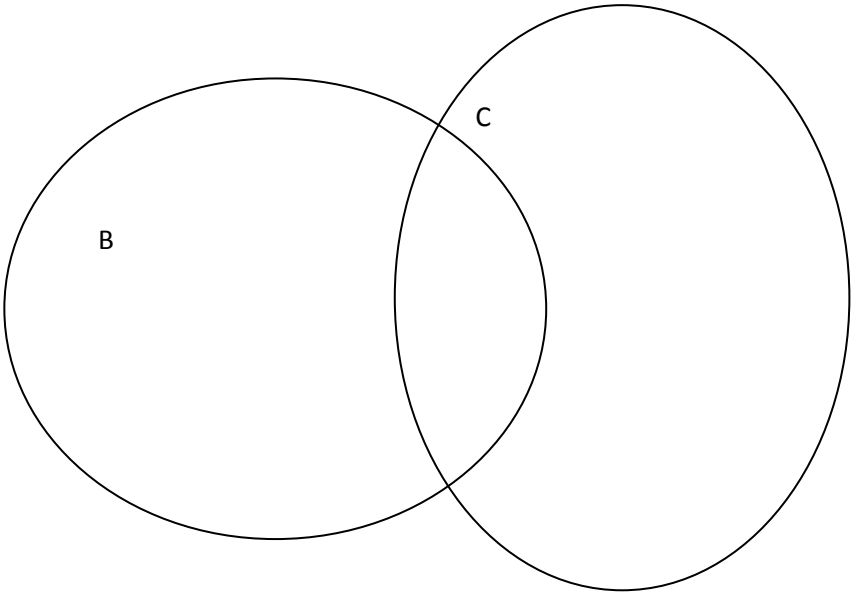

A – преступник;

B – экстремист.

Очевидно, что противодействие экстремизму в данной логической форме сводится к бессмысленному углублению несуществующей разновидности преступников, поиску дополнительных маркеров, регистрирующих эту «особенную» преступность. Это очень сложно и малопродуктивно, поскольку природа преступности экстремистов сводится к современным информационным и в целом техногенным средствам, кстати, как и любых современных преступников вообще. Тем не менее этот путь поиска продуктивен, ведь действительно некоторые преступники действуют в пространстве экстремистской деятельности, правда это не делает понимание их преступной природы чем-то принципиально особенным.

2.

B – экстремист;

C – преступник.

Вот так проще понимать природу экстремизма и так она в лучших существующих формах предполагается. Во-первых, очевидно, что пре-

ступник – это статус личности, не зависимый от социальной определенности в других статусах. Личность совершает преступные действия, согласно социальным закономерностям и никак иначе.

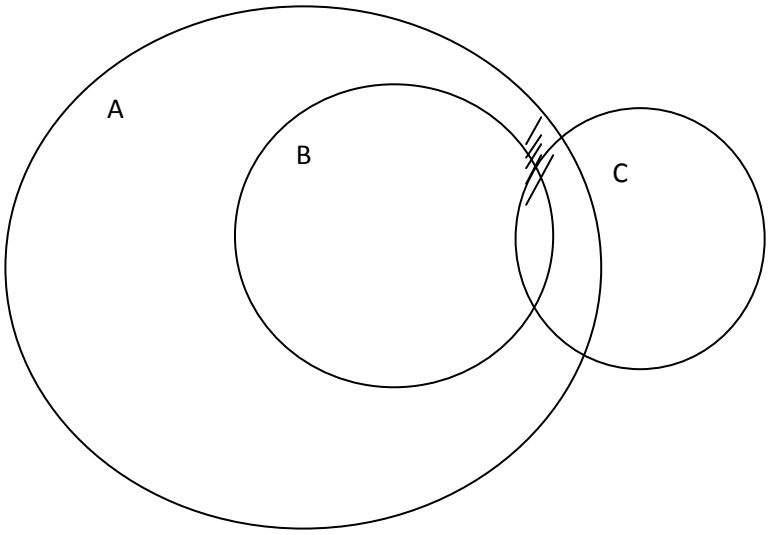
Далее, природа экстремизма (политическая, экономическая, религиозная и т.д.) становится очевидной – в зависимости от социальных последствий экстремистских действий и их разнополитической оценки – экстремисты могут быть как героями у себя на родине, так и борцами за справедливость социальную вообще. Что активно наблюдается в исторической нашей реальности.

Однако и та, и другая приведенные логические модели мало социально информативны и дают только повод к бесконечным словесным и законотворческим баталиям.

Ценностные ориентиры государства принципиально не приемлют иное понимание природы экстремизма по многим причинам, но в первую очередь в естественно-социальном смысле. Власть политическая не способна признать, что социальная природа экстремизма – это она сама, а точнее сама природа государственной власти, а не ее частная определенность. Экстремист – это прежде всего гражданин государства, в котором он экстремизм и реализует. Такова его социальная феноменальность, в отличие от преступника, реализующего себя внеполитически.

Понятия «политический преступник», «диссидент» и пр. – историко-культурные реалии, только размывающие проблему экстремизма. Для современного государства парадокс и неуловимость экстремизма заключаются не в его преступной, а экстремпарантной природе.

Подлинное лицо экстремизма – это политическая агрессия на экстремпарантов, начальных, стихийных носителей упрощенных общечеловеческих ценностей. Это прежде всего проблема межгосударственных отношений, сводимых к противостоянию политических идеологий и локальных политико-экономических интересов. Социально ситуация является следующим образом:

A – экстремпарант;

B – экстремист;

C – преступник.

Эта логическая модель отражает как кризисность современной политико-правовой системы, так и проблематичность борьбы с экстремизмом.

Преступник – внеполитическое, принципиально асоциальное явление – не зависимое от статуса личности. Экстремист – социально не преступник вообще, а скорее жертва тотального политического влияния на экстремпаранта. Он как зона риска подвержен влиянию внешнему, поскольку в силу социальных условий склонен к отторжению своей социальной реальности. Это ни в коей мере не оправдывает его антигосударственных действий, наоборот – позволяет концептуально изменить систему предупреждения экстремизма – современная эффективность борьбы с ним схематично и пропорционально изображена на последней схеме в заштрихованной области.

Экстремизм – явление современное, и, в отличие от современных форм терроризма, его основания располагаются совершенно в иных социальных реалиях. Типичным примером, можно сказать – хрестоматийным, являются хакеры. Эта хрестоматийность заключается, во-первых, в современности средств реализации таланта, во-вторых, в гиперболизации следствий таланта хакера как типичного экстремпаранта.

Хакер может испортить, украсть, помешать – но в зависимости от политических интересов его вроде бы деструктивная деятельность, по сути экстремистская, может как поощряться, так и наказываться.

В социальном смысле это подводит к другой стороне экстремпарантной части современного общества – экстриму. Часто сводимый к единичным спортивным излишествам экстрим принято воспринимать как безопасное социальное чудачество – якобы контролируемое средствами массмедиа. В своей социальной природе экстрим – проявление экстремизма в единичном.

Таким образом, экстремал рискует собственной жизнью, и считается, что это его личная ответственность, его риск, но это общий социальный вызов, что гораздо более опасно, чем экстремизм. Если задача конкретного государства – забота о гражданах в общем, то этих самых граждан надо от самих себя защищать ничуть не меньше, чем других граждан защищать от экстремистов.

Единичность смерти и непоправимость телесных повреждений людей, повторяющих за экстремалами, – социальная, государственная, хотя и неполитическая проблема. Конечно, выгодно адреналин молодежи сводить к якобы спортивным ухищрениям, однако это именно тот конструктивный экстремпарантный резерв, который не будет в своей хтоничности экстремизмом никогда и вообще сам себя изживет.

Социальная реальность экстремпарантности как условие и начальное состояния мирового сообщества перспективна еще в одной области пристального политического и правового интереса – сфере квазирелигиозного влияния, так называемого тоталитарного сектантства.

Следует отметить, что религиозные тоталитарные секты – явление современное только в пролонгации следствий, как остаточные процессы. Принципиальное изменение значения тоталитаризма в аксиологической сфере также связано с современными формами коммуникаций. Более того, называть тоталитарные секты религиозными сейчас – провокация самого института религии, необходимо признать, что «религиозность» локальных тоталитарных образований – такая же ширма, как и яркая обертка блеклой конфеты.

Локальные тоталитарные группы, осуществляющие агрессивную социальную политику, преследуют базовые аксиологические, по Марксу – экономические, цели. В рамках экстремпарантного общества этой интенции достаточно для верификации социального пространства этих групп, кроме этого, очевиден следующий их социальный феномен. Современные многочисленные тоталитарные локальные системы принципиально направлены на модные массовые тенденции – прямая параллель с Голливудом. Любое социально активное произведение, резонирующее в массовой культуре, становится приоритетной сферой их деятельности – будь то удачная подростковая японская анимация «Тетрадь смерти» или кристаллизация экономической модели производства Г. Форда. Продуктивность экстремпарантной производственной деятельности китайской промышленности в значительной степени сдерживает данный кризис, равно как и мешает мировому производству, но от этого проблема тоталитарных проекций в социум только умножается, снижая динамику, но увеличивая ассортимент – полностью приходя в соответствие с реалиями массовой культуры.

Данная проблема занимает медиальное положение между экстримом и экстремизмом как социальными демонстрационными формами экстрем-парантности, а следовательно, в силу своей срединности носит пусть и пассивный, но массовый характер.

Основная государственная проблема, а точнее проблема гражданская, заключается в многоголовости тоталитарной гидры – усечение голов которой не только возможно на современном уровне инфозащиты только ретроспективно, но и порождает только умножение их вариаций.

Социологически эта проблема решается довольно просто – ретроспективно показательно наказываются наиболее «удачные» проявления локального тоталитаризма, они естественно интегрируются со временем и приобретают безопасные формы, менее популярные системы.

Однако такое положение вещей уже нефункционально, хотя политически выгодно и демонстративно. Ситуация в экстремпарантном обществе такова, что хтоничность экстремпарантов естественно сводится к локальному тоталитаризму. Как и в случае с экстремизмом – это не парадокс, а естественное состояние социально обнаженного человека перед лицом различных социальных моделей.

Кризисность данного социального положения заключается в том, что в гражданском обществе конкретного государства наиболее восприимчивая социально, вроде бы незначительная доля населения, экстремпарантная, по сути не является гражданами данного государства – находясь под влиянием других властных воль, при этом и сама власть полагает их полноценными гражданами, и они сами так себя формально определяют. Эта социальная проблема и есть подлинный экстремизм.

Система квалификации, равно как и принципы противостояния локальным социальным образованиям, в целом довольно эффективны с традиционными системами, имеющими в качестве точки своего возникновения годы вплоть до 90-х XX столетия, как уже сказано, они строятся по двум схемам ретроспективного демонстрационного наказания и социальной интеграции, естественного социального защитного механизма. Однако социальные реалии экстремпарантного общества принципиально иные, не новые, а именно иные. Хочется назвать их перспективой, но они уже более чем настоящие – другое дело, что само общественное мнение, как и госсистема, достаточно инертны в отношении «иного» и оправдывают свою социальную актуальность, порождая социальные стереотипы реакций – закрепляя их в зоне среднего страта.

Фундаментальность социального положения экстремпарантного общества порождается не такой социальной реакцией, а совершенно другим социальным процессом, имеющим тотальные следствия только в перспективе двух поколений. Экстремпарантность общества основывается на самой доминантной социальной функции, социообразующей – на институте образования.

Именно социальный институт образования, во всей своей полноте инициируемый частными государственными интересами, делает экстремпарантность хтонической, или даже хаотической силой в гражданском обществе.

Современное замещение воспитания и образования (этимологический акцент) на разнообразное информирование вкупе с узкой, преимущественно производственной специализацией принципиально усугубляет естественность социального процесса развития человеческого сообщества. И если сейчас у ведущих политических держав социально определяющую позицию ведут ученики старых образовательных, но именно образовательных, систем – то, опять же по различным частным политическим причинам контроль образования в них строится по принципу унификации и даже аксиологического нивелирования знаний, не говоря уже о понимании.

Таким образом, целостность как государств – больших социальных групп, так и мирового сообщества, практически формальна, поскольку формально соответствие образовательной системы политическому заказу, хотя это и сиюминутно эффективно с точки зрения настоящих носителей власти. Социальное требование к учителю, всегда выполняющему культу-

рогенную функцию, сводится к количественно-информационным показателям как в оценке эффективности его труда, так и в экономической его целесообразности.

Подобное положение вещей не является всецело социально-естественным, хотя и инициировано не волей человека, а принципами развития социальной системы. Такое состояние внутригосударственной образовательной системы – прежде всего пролонгация данной социальной общности в мировом сообществе, как говорил Гегель, в конце концов, есть народы, которых нет для мировой истории, но они были для себя.

Естественность социального процесса не сводима к политическому мнению о нем, она необратима. Более того, эффективность власти напрямую находится в соответствии с социальной, а не социологической реальностью развития человечества. Как известно, тем более политическая воля эффективна, чем более она органична социальной реальности, это отнюдь не означает, что в переходном социальном периоде она должна быть деструктивной.

Экстремпарантность не что иное, как простое обозначение естественного, органичного периода социального развития. Роль данного социологического понятия прежде всего в опредмечивании социального этапа, т.е. в его ограничении и в том осознании – для более продуктивного участия личности и социальной группы в необратимых естественных социальных процессах совершенствования, в первую и единственную очередь – познании самих себя.

Плотников Владимир Валериевич,
преподаватель кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор социологических наук

ГОСУДАРСТВО И ЭКСТРЕМИЗМ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Аннотация: в статье приводятся размышления автора по проблематике противодействия экстремизму в условиях трансформирующегося российского общества. Производится анализ социальных оснований проблемы.

Ключевые слова: экстремизм, основания экстремизма, предпосылочность социальной деструктивности, государство, общество, социальная группа.

Поскольку экстремизм представляет собой сложное системное явление, интерес представляет не только отношение непосредственно к экстремистской деятельности, но и характер отношения членов общества к

основным вопросам, тесно связанным с проблемой экстремизма. Таким образом, в объектив исследования попадает не только отражение на уровне социального сознания фактических данных по экстремизму, но и социальные позиции относительно объектов экстремистской деятельности, а также распределение оценок и характеристик основных предпосылок формирования экстремизма. Отдельного внимания заслуживает проблема доверия к власти, разрешение которой позволяет пролить свет как на основные предпосылки развития экстремизма, так и на отношение граждан к защитным мерам, предпринимаемым государственной структурой. Также представляет интерес групповой и институциональный аспекты формирования социального сознания, так как это позволяет выработать развернутую теоретико-методологическую базу в отношении исследуемого вопроса [1]. Требует постановки и разрешения вопрос о том, какую роль в формировании, развитии и пресечении деструктивных тенденций играет развитое рефлексивное сознание членов общества, так как это открывает широкую перспективу для исследования качеств и навыков, способствующих выработке индивидуальной резистентности по отношению к экстремистской угрозе.

Наконец отдельного внимания заслуживают механизмы вовлечения в экстремистскую деятельность, реализуемые на уровне социального сознания. Понимание данных процессов существенным образом способствует выработке теоретико-методологических оснований мониторинга информационного пространства общества на предмет источников экстремистской угрозы. Для проведения обозначенного обзора необходимо использование аналитических данных современных социологических исследований, что предполагает как обращение к классическим методологическим работам, так и применение результатов современных специальных исследований.

Социальное сознание представляет собой специфическую форму существования общественной реальности, отражающую основные установки отдельного члена социальных отношений либо группы членов общества, находящихся в непосредственной коммуникации. В зависимости от характера установок социального сознания можно различать развитие определенных тенденций в поведении членов общества. Это связано с тем, что одним из определяющих поведение людей факторов, является наличие у них в актуальном поле сознания конкретных моделей действия, способов отношения к частным сферам общественной реальности, а также ценностных установок [2]. В совокупности это определяет оценку отдельных явлений, а также избираемое членами общества направление социальной активности и формы, в которой она протекает. Рассмотрим специфический характер отношения к экстремизму в социальном сознании членов общества.

---

[1] См. Кубякин Е. О. Молодежный экстремизм в условиях информатизации и глобализации социума: постановка проблемы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 3. – С. 65–69.;

[2] См. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.

Первое, что необходимо отметить в данном отношении, – это то, что на уровне информационного пространства не существует единого, сколько-нибудь определенного отражения проблемы экстремизма. Точнее, отдельные формы экстремизма (такие как разжигание расовой или религиозной нетерпимости, национализм, радикализм) находят отражение в СМИ, являются объектом рассмотрения в рамках юридической подготовки в вузах. Однако общего понимания того, что представляет собой экстремизм, в современном социокультурном пространстве еще не сложилось. Экстремизм традиционно связывается с терроризмом и воспринимается в качестве «далекого» явления, не имеющего непосредственного отношения к обыденной практике социальной деятельности участников общественных отношений. Таким образом, постановка вопроса о собственной причастности к нему членами общества практически не производится: даже будучи носителями отдельных деструктивных установок, члены общества не считают себя экстремистами или участниками процесса развития экстремизма в обществе.

Следует отметить, что отсутствие адекватного представления об экстремизме на уровне социокультурного пространства является естественным результатом его теоретической и понятийной неопределенности. Вместе с тем наличие такой неопределенности является тем фактором, который во многом определяет состояние общественной структуры. Рассмотрим подробнее проблему осознанного и неосознанного участия в экстремистской деятельности.

Для здорового общества естественной является негативная оценка явлений, направленных на дестабилизацию его структуры. Поэтому наличие негативного отношения к отдельным формам преступной деятельности, одной из разновидностей которой является экстремизм, является естественным и закономерным результатом функционирования защитных механизмов общественной структуры. Однако чем более неопределенным и абстрактным является социально порицаемое явление, тем менее действенными являются социальные механизмы, направленные на его предотвращение.

В результате складывается ситуация, когда члены общественных отношений, номинально отвергающие определенные формы социальной деятельности, на деле могут активно в них участвовать, не осознавая собственной причастности к деструктивным процессам в обществе [1]. Отсюда проистекают, как минимум, два важных следствия. Во-первых, степень понимания характера экстремистской деятельности для большинства участников общественных отношений определяет возможности для ее отрицания как модели действия, а также для неприятия лежащих в основе

[1] См. Кубякин Е. О. Молодежный экстремизм в условиях информатизации и глобализации социума: постановка проблемы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 3. – С. 65–69.;

экстремизма ценностных установок. Во-вторых, непонимание экстремистского характера конкретных форм социальной активности негативно сказывается на оценке деятельности правоохранительных органов по пресечению случаев проявления экстремизма: отдельные носители экстремистских установок могут рассматриваться в качестве «жертв политического режима», что представляет собой безусловно негативное последствие социальной неосведомленности населения о сущности экстремизма.

Это свидетельствует о том, что формирование в социальном сознании адекватного образа экстремизма, предполагающее развитие правильных способов суждения о сущности общественного процесса, является важным шагом на пути формирования социальной стабильности. Поскольку экстремизм представляет собой сложное системное явление, недостаточно одного лишь освещения его негативного характера: необходимо не просто привитие отрицательного отношения к экстремизму, важно, чтобы члены общества были способны к трезвой оценке социокультурной ситуации. Рассмотрим, каковы составляющие адекватной оценки проблемы экстремизма в социальном сознании.

Во-первых, для адекватного противодействия угрозе вовлечения в экстремистскую деятельность необходимо четкое понимание сущности экстремизма, его места в общественной структуре. Это требует наличия развитого социального сознания, способного учитывать интересы всего общества, а не какой-либо его частной сферы. Строго говоря, экстремистское сознание представляет собой форму абстрактного отношения к социальной структуре, для которого характерно рассмотрение интересов узко определенной социальной группы, с которыми субъекты экстремистской деятельности производят самоидентификацию [1]. Разделение общества по типу «свои – чужие», являющееся характерным для экстремистских установок сознания, представляет собой сужение социальной структуры до зоны комфорта домашней группы, интересы которой возводятся на уровень общесоциальных.

Прямым следствием такого отношения является абстрактное осознание (а порой даже прямое игнорирование) интересов общества в целом. Важнейшим шагом к установлению социальной стабильности в данном случае является формирование целостной системы социального мировоззрения, содержащей в себе общечеловеческие ценностные установки и отражающей интересы всего общества, а не какой-то отдельной его части. Наличие такого мировоззрения существенно упрощает процесс оценки экстремистской деятельности, поскольку в поле сознания оценивающего попадают ее деструктивные последствия.

Еще одной важной стороной проблемы целостного осознания общественной структуры является момент доверия к власти. Нередко на от-

[1] Там же.

дельных этапах трансформации общества наблюдается ряд кризисных тенденций, ведущих к росту социальной неудовлетворенности и напряженности. Понимание того, что производимые на государственном уровне изменения являются частью системы мер, направленных на удовлетворение интересов всех членов общества, позволяет отдельным людям избежать неконструктивной критики государственной политики. Это, в свою очередь, определяет еще один аспект формирования устойчивости социальной структуры – снижение уровня напряженности, вызванной непониманием мотивов и оснований тех или иных решений представителей политической власти.

В настоящее время отмечается достаточно высокий уровень эклектичности социального сознания, что определяет его сложный и противоречивый характер. Так, например, достаточно большое число опрашиваемых, считающих себя патриотами, одновременно причисляют себя к числу националистов [1]. Это свидетельствует о том, что в их сознании отсутствует четкая определенность относительно деструктивного характера националистических установок. В условиях современного диалога культур, происходящего на чрезвычайно интенсивном уровне благодаря возможностям коммуникационных технологий, одной из ведущих тенденций становится плюрализм мировоззрений, а также эклектичность социальных установок отдельных членов общества. В этой ситуации действительно может иметь место сочетание патриотических и националистических установок в силу неосознанности противоречия между ними.

Безусловно, момент неосознанности социального мировоззрения, его эклектичности и внутренней противоречивости создает благоприятную почву для развития экстремизма. Это напрямую определяет распространение такого явления, как неосознанный экстремизм, носителями которого могут быть широкие массы людей.

Следует отметить, что экстремизм по большей своей части не является беспочвенным деструктивным явлением – в основе его развития лежат реальные проблемы и их искаженное отражение на уровне социального сознания. Таким образом, одним из важных факторов развития экстремизма и противодействия ему на уровне социального сознания является адекватное (или, напротив, неадекватное) отражение социальных проблем и нарождающихся конфликтных тенденций. Поскольку социальные проблемы находят отражение на различных уровнях информационного обмена в обществе, целесообразным является проведение их классификации по масштабу и способу распространения.

Классическая форма распространения социальных установок, оценочных суждений и информационных посланий – это непосредственная коммуникация членов общества, на уровне которой реализуется распро-

[1] См. 2. Кочиева Л. Г. Патриотизм, национализм, экстремизм: сравнительный анализ // Молодой ученый. 2014. № 20. – С. 483–485.

странение информации между ними. Характер, частота и содержание непосредственной коммуникации членов общества определяется их групповой принадлежностью, а также статусной определенностью, детерминирующей разнообразные социальные контакты. На общем уровне можно судить о том, что помимо индивидуального социального сознания можно выделить также групповое сознание, определяющее способ рассмотрения социальной системы, а также ее актуального состояния.

Процесс развития социального сознания на уровне конкретной группы представляет собой результат коммуникации ее членов. Если ранее имела место территориальная определенность социальных групп, на уровне которых реализуется непосредственная коммуникация, то в настоящее время, с возникновением такого явления, как Интернет-сообщества, процессы непосредственного распространения информационных сообщений и содержащихся в них социальных установок приобрели внетерриториальный характер. Онлайн-коммуникация зачастую представляет собой достояние широкой аудитории, что придает общению даже малой группы людей характер массовой трансляции мировоззренческих установок. Иными словами, с развитием Интернет-технологий процесс общения между отдельными людьми зачастую стал приобретать характер альтернативных СМИ, масштаб влияния которых на социальное сознание определяется широтой аудитории конкретных ресурсов.

В приложении к проблеме оснований развития экстремизма следует отметить, что в современном обществе реализуются интенсивные процессы самоорганизации. Это проявляется как на структурном уровне, так и на уровне информационного пространства общества [1]. Непосредственная коммуникация между отдельными людьми, при выходе ее на публичный уровень, приводит к широкой актуализации проблем и вопросов, затрагиваемых участниками коммуникативного акта. При наличии сходных проблем или негативных оценок конкретных сфер социальной действительности происходит кристаллизация существующего социального отношения, что в случае рассмотрения негативных явлений означает обострение существующих проблем посредством их актуализации на уровне социального сознания [2]. Информационный обмен на данном уровне практически не поддается прямому регулированию. Наиболее эффективным средством его оптимизации является формирование у членов общества естественных конструктивных социальных установок, что связано с процессом социализации и деятельностью сферы образования. Иными словами, поскольку речь в данном случае идет о естественных саморегулирующихся процессах, наиболее перспективным является воздействие на условия их возникновения и протекания.

---

[1] Кубякин Е. О. Молодежный экстремизм в условиях информатизации и глобализации социума: постановка проблемы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 3. – С. 65–69.;

[2] Там же.

Еще одним важным уровнем трансляции информации о состоянии общества, оценочных суждений, характеризующих актуальную ситуацию, а также мировоззренческих установок являются средства массовой информации. Их роль в формировании установок сознания отдельных членов общества чрезвычайно велика, поскольку на их уровне реализуется массовое приобщение членов общества к широкому спектру актуальных событий, а также их интерпретация с конкретных социальных позиций. В приложении к проблеме экстремизма это свидетельствует о том, что социальная стабильность (а, следовательно, и состояние определяющих факторов развития экстремизма) в существенной степени зависит от освещения основных социальных проблем в СМИ. Чем более адекватным и последовательным оно является, тем меньше появляется оснований для развития деструктивных тенденций на уровне социального сознания широких слоев населения, относящихся к целевой аудитории отдельных СМИ.

Следует обратить отдельное внимание на то, что зачастую процесс актуализации отдельных проблемных вопросов происходит посредством наложения рассмотренных выше принципов распространения социальных установок: освещение определенных проблем в средствах массовой информации влечет за собой их актуализацию на уровне социальных групп, для которых данные проблемы имеют наибольшую степень актуальности. В результате развивается общественный резонанс, в ходе которого возникает крайне интенсивная актуализация социальных проблем и противоречий, зачастую выходящая на неконтролируемый уровень. Таким образом, основания развития экстремизма, пролегающие на уровне структурных проблем общества и существующих в нем конфликтных тенденций, проходят стадии актуализации в результате деятельности СМИ, Интернет-ресурсов, а также в ходе непосредственной коммуникации.

Рассмотренный выше принцип касается оснований развития деструктивных тенденций в обществе и их актуализации на уровне общественного сознания. Не менее важную роль в процессе формирования экстремистских установок приобретает процесс стереотипизации мышления, что знаменует собой существенный принцип формирования объектов экстремистской деятельности. Связано это с тем, что деструктивная активность является результатом обобщения негативного опыта, в результате которого формируется «образ врага» или представление о заведомо неадекватном характере конкретной социальной структуры. По мнению А. Шюца, процесс стереотипизации социального сознания является естественным результатом группового освоения окружающей социокультурной действительности [1]. Стереотипы превращают частные вариации дея-

[1] См.: Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. Сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; научн. ред. Перевода Г. С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.;

тельности в качестве единственно приемлемых[1]. Однако в данном случае мы имеем дело с формированием негативных стереотипов, распространение которых влечет за собой рост конфликтности в обществе.

На данном этапе нами было рассмотрено распространение на уровне социального сознания таких значимых факторов формирования экстремистских установок, как актуализация социальных противоречий (что относится к сфере оснований развития экстремизма) и формирование негативных стереотипов (что отражает возникновение объектов экстремистской деятельности). Помимо этого следует отдельно обратить внимание на оценки допустимости тех или иных форм деятельности, имеющие место на уровне социального сознания членов общества. Одним из неотъемлемых условий развития экстремизма является расширение отдельным человеком или группой лиц рамок допустимой социальной активности, производимое на основании существующих идеологических установок.

Расширение границ допустимой деятельности на уровне социального сознания означает его радикализацию, что является одним из существенных оснований развития экстремистского мировоззрения. При этом сами по себе основания формирования расширенной модели действия могут пролегать за рамками экстремистских явлений. Так, например, в современном медиапространстве, и в частности – киноиндустрии, широкое распространение приобрела информационная продукция, на уровне которой демонстрируются сцены насилия и противоправных действий, оцениваемых ситуативно положительно. В результате в сознании целевой аудитории данной продукции формируется положительный образ «народного мстителя» или положительная оценка идеи «добра с кулаками».

Рассмотренные выше вопросы касаются предпосылок формирования экстремизма на уровне социального сознания. В то же время для целей настоящего исследования немаловажное значение приобретает вопрос оценки самого по себе экстремизма членами общества. С учетом того, что в настоящее время понимание специфики экстремизма находится на низком уровне, возникает противоречие между абстрактным порицанием экстремизма и фактическим его воспроизводством на локальном уровне, что проявляется посредством различных форм нетерпимости, негативной стереотипизации отдельных групп населения, формирования отрицательного отношения к представителям государственных структур.

Оценка отдельных форм экстремистской деятельности носит соотносительный характер и связана с отношением субъекта познания к жертвам экстремистской деятельности, обществу и государству.

[1] Leach Edmund. Culture and Communication: The Logic by which Symbols are Connected. Cambridge. 1976.

Литература:
1. Leach Edmund. Culture and Communication: The Logic by which Symbols are Connected. Cambridge. 1976.
2. Кочиева Л. Г. Патриотизм, национализм, экстремизм: сравнительный анализ // Молодой ученый. 2014. № 20. – С. 483–485.
3. Кубякин Е. О. Молодежный экстремизм в условиях информатизации и глобализации социума: постановка проблемы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 3. – С. 65–69.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
5. Фельде В. Г. Виды экстремизма и типы его субъектов // ОНВ. 2013. № 5 (122). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/vidy-ekstremizma-i-tipy-ego-subektov (дата посещения: 26.09.2017).
6. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. Сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; научн. ред. Перевода Г. С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.

Куликов Евгений Михайлович,
профессор кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор социологических наук, доцент

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА ДЕСТРУКТИВНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АУДИТОРИЮ ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Несмотря на очевидные положительные черты развития интернет-коммуникации и общей демократизации процесса общения, обмена информацией на социетальном уровне, следует обратить внимание на то, что сложившееся положение создает угрозы и риски институту государства, в частности, его информационной безопасности. Современная ситуация такова, что, с одной стороны, наблюдается рост рискогенных факторов, связанных с развитием и функционированием глобальной компьютерной сети, с другой стороны, дефицитом действенных инструментов социального контроля и управления Интернетом. В настоящее время «отсутствуют эффективные механизмы социального контроля и защиты человека от информационного воздействия».

Нынешнее положение в коммуникационной системе общества, детерминированное стремительным развитие интернет-технологий диктует необходимость развития потенциала прикладной и эмпирической социоло-

гии. Актуальность подобных разработок не может быть поставлена под сомнение, так как в современном российском обществе наличествует широкий круг организаций, корпораций, заинтересованных не в ситуативном, а в мониторинговом, регулярном анализе информационного контента, прежде всего, связанного с глобальной сетью Интернет, его наиболее популярными ресурсами.

В условиях российского общества XXI в. становится очевидным, что объективный, научно-обоснованный анализ интернет-коммуникации невозможен без применения специального программного обеспечения (далее – ПО), так как имеющиеся на сегодняшний день массивы информации, скорость ее распространения, размеры целевой аудитории и пр. характеристики практически исключают «ручной», традиционный режим социологического анализа. Социологическая методология позволяет значительно расширить потенциал естественно-научного подхода к решению проблемы. Следует отметить, что в указанном нами случае социологический подход необходимо серьезно модернизировать.

Стоит отметить, что процесс подготовки, всестороннего описания и внедрения результатов мониторинга в практику (в данном случае – разработка ПО) необходимо осуществить не собственно социологический, а социально-проективный и социально-инженерный проект, где активно участвуют как социологи, так и представители других специальностей. Конечной целью проекта является не обработка первичной информации и написание аналитического отчета с выводами и рекомендациями, а изменение социально-управленческой реальности. В частности, речь идет о запуске работоспособной компьютерной программы, способной осуществлять корректный мониторинг социальных сетей Интернета и иных ресурсов, где локализуется интересующая исследователей социальная группа, общность, субкультура.

Целесообразно заметить, что активность той или иной социальной группы, общности в социальных сетях Интернета следует позиционировать как отражение особого духовного мира, социокультурных и социально-психологических качеств. В этой связи ПО не может работать эффективно, если в его основу не будет заложен широкий спектр знаний о данной группе, субкультуре (от доминирующего мировоззрения до стиля и образа жизни).

Для того, чтобы «замкнуть» цикл «теория – эмпирические факты – теория» в данном случае необходимо таким образом продумать саму процедуру исследования, а также характер взаимодействия социологов и специалистов в области компьютерного программирования, чтобы достичь оптимального, максимально сбалансированного, подхода к решению поставленных познавательных задач. Алгоритм исследовательских действий может выглядеть следующим образом:

Этап 1. Установочное количественно-качественное социологическое исследование аудитории массовой коммуникации (описание социально-демографического, социально-профессионального, социокультурного профиля конкретной социальной группы, ставшей объектом социологического познания). На данном этапе необходимо получить следующую информацию:

– мировоззрение, идеологические приоритеты, разделяемые и отвергаемые ценности;

– интегрированность в соционормативную систему (от норм морали до норм права);

– мироощущение, социальные настроения;

– социально-психологическая специфика, господствующие страхи, фобии, предрассудки;

– стиль и образ жизни, распространенные в данной среде хобби и увлечения;

– доверительные каналы и формы коммуникации, в том числе слухи, сплетни, мифы, стереотипы и т.п.;

По итогам проведенного социологического исследования должно быть осуществлено детальное описание аудитории, ее отличительных особенностей. В дальнейшем должны быть осуществлена попытка обоснования на теоретическом уровне имеющихся социально-коммуникативных профилей аудитории. В отличие от традиционного облика теоретико-прикладного социологического исследования, в данном случае стратегической задачей выступает создание технического задания для компьютерных программистов с подробными описаниями целевой аудитории, ее сегментов и т.п.

Этап 2. Разработка компьютерного программного обеспечения мониторинга интернет-коммуникации. Создание пилотной версии ПО в дальнейшем предполагает осуществление сложной серии социальных экспериментов, которые бы позволили осуществить объективный контроль эффективности ПО, оперативно обнаружить и устранить имеющиеся недостатки. На данном этапе исследовательское социологическое обеспечение может состоять в следующем:

– контент-анализ коммуникативной активности в сети Интернет исследуемого сегмента, группы, общности;

– качественный анализ высказываний, постов, фотографий, видеоматериалов, размещаемых целевой аудиторией;

– наблюдение за типичными представителями группы в виртуальной среде посредством использования добровольно переданных в распоряжение исследователей страниц реальных пользователей в социальных сетях.

Этап 3. Окончательный запуск ПО и его итоговое тестирование. На данном этапе целесообразно осуществить следующие исследовательские действия:

– выборочная экспериментальная проверка;

– опрос экспертного сообщества для получения их мнения об эффективности работы системы.

Стоит отметить, что компьютерное ПО позволяет анализировать в Интернете наличие, уровень локализации, а также последствия деструктивного коммуникативного воздействия. Такие социально-инженерные решения весьма эффективны и актуальны для условий современного российского общества; они соответствуют реалиям развития информационного глобального общества XXI в., в том числе – его угроз и рисков.

Следует подчеркнуть, что развитие ПО сдерживается отсутствием достаточного финансирования со стороны государства, а также частных инвесторов, крупных компаний, корпораций, для которых репутационные параметры имеют весьма важное значение. Именно репутация находится под наибольшей угрозой вследствие деструктивного коммуникативного воздействия – особенно в слабо контролируемом и управляемом интернет-пространстве.

Примером эффективной работы ПО может стать сбор информации и создание условий для использования мощного потенциала слухов в плане воздействия на сознание аудитории. В частности, полученные данные о специфике коммуникативных процессов в той или иной группе, общности, субкультуре могут позволить осуществить провокацию посредством распространения слухов (прежде всего, в Интернете) с особым содержанием.

В частности, в молодежной среде высокой популярностью обладают интернет-коммуникации, особенно – социальные сети. Не являются исключением здесь представители экстремистских движений, у них имеются собственные интернет-ресурсы, посредством которых осуществляется координация, идеологическая и мировоззренческая «обработка» попавших в сферу экстремистского влияния молодых людей. Однако глубокую интеграцию экстремистских движений в пространство глобальной сети можно использовать и в целях противодействия им. В частности, одной из эффективных стратегий может стать использование слухов как «информационного вируса», который постепенно снижает эффективность коммуникативного воздействия лидеров экстремистских движений на молодежь, особенно – сочувствующую экстремистам, находящуюся на начальном пути включения в экстремистские объединения. Грамотное использование слухов позволяет снизить уровень делинквентности экстремистских объединений.

Подводя итоги, стоит заметить, что результаты социологического мониторинга особенно актуальны, востребованы практикой при анализе деструктивного коммуникативного воздействия на аудиторию глобальной сети Интернет. Сам объект исследования практически не оставляет иных эффективных вариантов использования социологической методологии, методики и техники. Однако в настоящее время подобные исследовательские

проекты являются скорее исключением из правил, чем тенденцией развития российской социологической мысли. В этом нам видятся очевидные угрозы информационной безопасности, а также высокий потенциал волюнтаризма и субъективизма при принятии важных управленческих решений относительно интернет-среды, что проявляется, в том числе, введением ничем не обоснованных ограничений законопослушных интернет-пользователей при одновременном попустительстве действий радикалов, экстремистов в глобальной сети. Именно научного, социологического обеспечения сейчас недостаточно в системе государственного управления современной России.

Гришай Елена Васильевна,
профессор кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
доктор философских наук, профессор
Манацков Игорь Валентинович,
преподаватель кафедры гуманитарных,
социально-экономических дисциплин
Краснодарского высшего военного авиационного училища
летчиков имени А.К. Серова,
кандидат философских наук
Коровников Александр Леонидович,
старший преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России

УСЛОВИЯ И ПРИЧИНЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВОВЛЕЧЕНИЕ ЛИЦ В ЭКСТРЕМИСТСКУЮ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Актуальная задача изучения процесса вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность (вербовки) позволяет в практическом плане выработать меры, способствующие совершенствованию всей системы антитеррористических мероприятий.

Классификация причин и условий, способствующих вовлечению лиц в террористическую деятельность, опирается на системный подход в понимании терроризма. Это значит, что терроризм рассматривается не только как определенное социальное явление, представляющее из себя сложнейшую систему из множества элементов и совокупности отношений и связей между этими элементами, но и как преступление насильственного характера, а также форма противоборства в современном мире.

Такой подход, на наш взгляд, является наиболее эффективным из всех возможных, так как он позволяет не упустить ни один из важных эле-

ментов и их взаимодействий в структуре терроризма как явления, и, в конечном итоге, создать адекватную модель противодействия факторам, провоцирующим терроризм.

Под причинами, способствующими вовлечению лиц в экстремистскую и террористическую деятельность, понимаются значимые для личности обстоятельства, порождающие вовлечение в террористическую деятельность.

Под условиями, способствующими вовлечению лиц в террористическую деятельность, понимаются объективные явления, не порождающие, но способствующие вовлечению в террористическую деятельность. Именно совокупность причин и условий приводит к вполне закономерным последствиям - вовлечению в террористическую деятельность.

Данная совокупность, на наш взгляд, объединяется общим родовым понятием - факторы, способствующие вовлечению лиц в экстремистскую и террористическую деятельность.

Соответственно для описания факторов, способствующих вовлечению лиц в данный вид деятельность, следует рассмотреть этнорелигиозные, идеологические, политические, экономические и социальные явления, способствующие вовлечению в терроризм (прежде всего имеющие этническую составляющую), и во взаимодействии с ними проанализировать механизмы вовлечения.

Классифицируя факторы, способствующие вовлечению в террористическую деятельность, можно выделить следующие: этнорелигиозные, идеологические, политические, экономические и социальные.

Закон «О противодействии терроризму» определяет терроризм как «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»[1]. Таким образом, выделяются идеологические причины, способствующие вовлечению граждан в террористическую деятельность - идеология насилия. Такого рода идеология может иметь светский или религиозный характер. При этом второй тип гораздо опаснее и приводит к гибели большего числа людей, т.е. во втором случае насилие выражено сильнее и в более жестокой форме[2].

Так, в мире до 80-х годов 20 века «большинство терактов совершали «секуляристские» террористы, имеющие политические мотивы, - в основном, националисты, анархисты или неофашисты, а начиная с 90-х годов - ведущую роль в террористических атаках стали занимать «религиозные»

[1] Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

[2] Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России: Курс лекций, СПб 2011г.

структуры, прежде всего исламисты, сторонники религиозного фанатизма. Если в результате теракта, организованного «светскими» террористами страдало, в среднем, 3,27 человек, то для «религиозных» террористов этот показатель почти в 9 раз выше – 27.05. Еще более разительна разница при оценке числа погибших в результате террористических атак: от «рук» террористов - «секуляристов», в среднем, погибло 0,92 человека за теракт, «религиозные» террористы – 3,8».[1]

В современных государствах с полиэтничным составом (независимо от форм и государственного устройства), а тем более в федеративных государствах, одними из основных причин терроризма являются религиозный фундаментализм, национализм и сепаратизм. В специфических условиях некоторых государств терроризм может иметь и две такие идеологии одновременно: например, в России - чеченский сепаратизм - таким образом, кроме националистическо-сепаратистской идеологии имеется и религиозная окраска фанатичной борьбы мусульман с «неверными» (этнорелигиозная идеология насилия).

Следует отметить, что нередко лидеры и функционеры религиозно-экстремистских и фундаменталистских организаций прямо содействуют террористическим организациям (в вопросах финансирования, первичного религиозного обучения и т.д.). Хорошо известно, что приверженцы радикальных экстремистских религиозных течений чаще становятся на путь террора. Террористическими организациями они рассматриваются как основная вербовочная база. Вышеуказанное объясняется тем, что ряд современных международных террористических, религиозно-экстремистских и сепаратистских организаций, по сути, исповедуют одну и ту же идеологию насилия, нацеленную на «введение истинного исламского правления»[2], в т.ч. путем активного противоборства со светскими правительствами.

В ряде стран мира подобную роль играют и имамы в мечетях и молельных домах, так как для многих прихожан-иммигрантов они являются единственными проводниками исламского учения. При этом религиозная неграмотность многих молодых мусульман делает их жертвой радикальных исламистов, утверждающих, что лишь их трактовка Корана является истинно верной.

Политические причины, Это причины которые, в свою очередь, можно разделить три подгруппы: внешнеполитических, внутрирегиональных и факторов коррупции и эффективности государственного управления.

---

[1] Петрищев В.Е. Роль национализма в воспроизводстве терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы. С. 97 и след.; Природа этнорелигиозного терроризма / Под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Аспект-пресс, 2008. С. 21,22.

[2] Колосов В.А., Бородулина Н.А., Вендина О.И., Галкина Т.А., Заяц Д.В., Юр Е.С. Геополитическая картина мира в средствах массовой информации// Журнал «Полис» - «Политические исследования», №3, 2003.

Подгруппа внешнеполитических факторов связана с финансированием террористов, действующих на территории стран СНГ, рядом зарубежных негосударственных организаций и фондов и неэффективной борьбой зарубежных спецслужб с этим явлением (это может быть продиктовано, в том числе, и эгоистическими политическими мотивами). Таким образом, финансовые средства при поступлении их в государства Содружества тратятся на пропаганду терроризма и вербовку новых членов. Следовательно, одним из способов вовлечения в террористическую деятельность граждан стран СНГ может быть деятельность неправительственных организаций.

Следующая группа факторов связана с внутрирегиональными политическими процессами, способствующими вовлечению граждан в террористическую деятельность. Существенным фактором, способствующим распространению терроризма в мире, и в частности, на территории СНГ является существующая практика использования нелегитимных форм и методов противоборства отдельных общественных формирований, клановых национальных и бюрократических групп, этнических и религиозных формирований за доступ к власти в отдельных регионах, влияние в выборных государственных органах, за обладание и передел собственности. Эта практика, характерная преимущественно для общественно-политической жизни регионов, в которых существуют более или менее значительные по масштабам влияния институты традиционного общества и широкое нарушение установленных законом правил политической борьбы. В значительной степени это чревато обращением противоборствующих сторон к различным крайним методам борьбы за их интересы, в том числе методам террористического характера.

Территориальные конфликты, и в частности конфликты, обусловленные этническими, религиозными и идеологическими факторами во многом определяют современный глобальный «политический климат». В мире насчитывается порядка 53 регионов, в которых отдельные политические группы, в том числе с уклоном в сепаратизм, используют террористические акты как средство борьбы за власть.

В эти конфликты зачастую вовлечены не только различные общественно-политические силы внутри самого государства, стоящего перед непосредственной угрозой потери своей территориальной целостности, но и его соседи, а нередко и отдаленные центры силы, претендующие на роль региональных и мировых лидеров.

Последняя группа факторов связана с проблемой коррупции и неэффективности государственного правления на региональном и муниципальных уровнях. Коррупция и терроризм связаны: коррупция не только разъедает экономические и моральные основы общества, но и подпитывает терроризм.

Зачастую, слабые институты власти фактически попустительствуют терроризму, что дает возможность террористам осуществлять подкуп

должностных лиц, доставать оружие, преступное бездействие в информационной сфере не препятствует пропаганде терроризма, что способствует вовлечению граждан в террористическую деятельность. Коррупция, а также экономические, конфессиональные, этнические, военные и другие факторы, способствуют массовому вовлечению людей в террористическую деятельность. К экономическим факторам относятся: адекватность экономической составляющей качества жизни, негативное влияние криминальной экономики, общерегиональный уровень экономического развития. При этом следует учитывать, что они становятся предпосылками терроризма и экстремизма только во взаимодействии с другими, отягощающими, причинами и следствиями (конфессиональными этническими, социальными, идеологическими, криминальными и др.).

При анализе экономических аспектов качества жизни, факторов, провоцирующих рост криминальной экономики (к ним следует отнести безработицу, низкие доходы населения, низкий абсолютный и подушевой валовой региональный продукт, нехватку доступного жилья, высокую криминализированное экономики) следует отметить, что сам по себе экономический фактор напрямую не приводит терроризму. При этом террористическая организация - это определенный «работодатель», возможно, гораздо более привлекательный с точки зрения оплаты, чем легальный работодатель, если таковой вообще есть в данной местности. Кроме того, такой путь выбирается в случае неблагоприятных этнических (в смысле этнического баланса) и конфессиональных (в смысле конкретной религиозной почвы для вербовки) факторов.

Анализируя общерегиональный уровень экономического развития, как возможно провоцирующий терроризм экономический фактор, следует учитывать его территориальное распределение. Так, в административно-территориальных субъектах с повышенной террористической активностью Южного федерального округа России и государств Центрально-азиатского региона наблюдается архаичная экономическая структура. Экономика этих регионов преимущественно сельскохозяйственная, а ее уровень развития становится неблагоприятным для привлечения квалифицированной рабочей силы и препятствует созданию высокооплачиваемых рабочих мест. Так, в следствии этого в Южном федеральном округе России удельный вес дотаций из федерального бюджета в общей сумме доходов в процентном соотношении приходящихся на Чеченскую республику - 80-90%, Республику Ингушетию - 80-90% и Дагестан - 70-80% .

В настоящее время отмечается смыкание международного терроризма, международной организованной преступности и трансграничной криминальной экономики (в т.ч. международной системы нелегальной торговли оружием и наркотиками). На национальном уровне подпольное сообщество нелегально действующих террористических групп и нелегально действующих организованных преступных групп, занимающихся криминаль-

ным предпринимательством, образует определенную общую среду, имеющую тенденцию к взаимопроникновению, срастанию и «обмену кадрами». Потоки финансирования террористических групп, действующих на территории СНГ, как идущие по линии международного терроризма, так и внутреннего происхождения, и проходящие через страны СНГ международные криминальные финансовые потоки сливаются в общий «резервуар», из которого оплачивается вовлечение граждан стран Содружества в террористическую деятельность. Таким образом, высокий уровень криминализированное общество и экономика дает питательную среду для террористической вербовки.

Социальные факторы является очень важными в рассматриваемой сфере, поскольку включают в себя сразу несколько различных аспектов: начиная от состояния общегосударственной социальной политики в регионе и заканчивая социально-психологическим типом личности. Среди социальных факторов, способствующих вовлечению в террористическую деятельность, можно выделить демографические, информационно-коммуникационные, образовательно-воспитательные и социально-психологические факторы.

Демографический аспект. Основной контингент, который чаще всего подвергается вербовке - это молодежь. Вербовочная работа в молодежной среде облегчается из-за трудностей переходного периода, неустойчивостью их настроения.

Основной «возрастной ценз» террористов составляет возраст 18-29 лет -68,5%, возраст 40-49 лет - 5,2 %. Среди террористов в выборке не оказалось лиц в возрасте 50 лет и старше, таким образом, средний возраст террористов - 27,9 года.

Если молодые мужчины представляют собой большинство попадающих в террористическую организацию, то встречаются, в том числе, и девушки, а также люди более старшие по возрасту. Также очевидно, что даже в проблемных регионах, большинство молодых мужчин, живущих в конфликтных обществах, необязательно становятся террористами. Кроме возраста и пола, существуют другие факторы, играющие решающую роль в процессе и решении стать террористом. В условиях СНГ такими факторами.являются религиозная и/или этническая идентичность одного из традиционно исламских народов.

Информационно-коммуникационный аспект. Анализ состояния информационного пространства, позволяет сделать вывод о том, что в государственной политике в сфере управления информационным содержанием средств массовой информации существуют проблемы. Так, насилие и жестокость в самых разных формах процветает на экранах, что катастрофически снижает порог неприятия идеологии и практики насилия среди детей, подростков и молодежи. В ситуации, когда насилие и жестокость в самых разных формах наполняют информационное поле, СМИ тиражиру-

ют их распространение, в молодежном восприятии формируется убежденность, что основным и приемлемым способом разрешения конфликтов является насилие. Это, в свою очередь, при наличии других способствующих терроризму факторов (этнических, конфессиональных, экономических) может привести к тому, что молодой человек окажется восприимчив к пропаганде терроризма и войдет в террористическую группу.

Важно отметить, что СМИ стали именно той площадкой, на которой террористы развернули «второй» фронт борьбы, поскольку именно СМИ распространяют информацию о действиях террористов, в противном случае общество не узнает или узнает в невыгодной террористам интерпретации, и стало быть цель террористов - устрашение населения и (или) принуждения органов власти, международных организаций или отдельных должностных лиц к выполнению требований террористов - достигнута не будет.

Среди современной молодежи, значительная часть которой сегодня имеет низкий образовательный уровень, проще распространяются всевозможные экстремистские теории. При этом их внутренняя идеология существенно отличается от общепринятых норм морали и нравственности, ценностных ориентации. А поскольку экстремистская идеология преподноситься категорично, и агрессивно, ей присуще жесткое разделение социума на «своих» и «чужих», представление о действительности в «умах» молодежи формируется с уклоном в сепаратизм и радикальный ислам. При этом, в зависимости от степени разработанности идеологической концепции и специфики личности, которой она адресована, лжеидеология может состоять как из набора нескольких достаточно примитивных догм, так и быть вполне стройной и достаточно убедительной идеологической теорией.

Так, в «Хизб ут-Тахрир» активно вовлекают и лиц, которые не имеют образования, выходцев из малообеспеченных семей. По мнению руководителей РЭО, малообразованный контингент «пехотинцев» более «податливый и менее «амбициозный». Но самое главное, что его участие в деятельности организации гарантирует отсутствие оттока разочарованных приверженцев.

Если раньше деятельность осуществлялись под видом проведения разовых религиозно-образовательных занятий в рамках школьной программы или ознакомления студентов «со всеми исламскими течениями» на соответствующих семинарах, то в последнее время подобная практика используется с целью осуществления планомерного распространения идеологии «Хизб ут-Тахрир» в школьной и студенческой среде. Активное привлечение молодежи в ряды партии осуществляется во время проведения различных исламских праздничных мероприятий, во время которых организовываются конкурсы и викторины и т.д., направленные на изучение молодежью канонов ислама, при этом активно распространяется пропагандистская литература.

Кроме того, все больше распространение получил метод влияния на указанный контингент с позиций семьи. Зачастую, вовлечение происходит с подачи родственников. Так, например, функционеры «Хизб ут-Тахрир» строго следят за соблюдением своими детьми норм шариата при посещении ими учебных заведений. В ряде случаев дети из указанных семей вообще не посещают общеобразовательную школу (особенно девушки). Фиксируются попытки давления на дирекцию учебных заведений со стороны членов РЭО с целью «приведения учебного процесса в соответствие к нормам шариата (отказ ют проведения дискотек, раздельное обучение, недопущение преподавания дисциплин согласно христианской этике, введение обязательного изучения канонов ислама и т.д.).

Существующий уровень развития государственной воспитательной системы (через систему детских садов, школ, профтехучилищ и вузов), а также воспитания внутри семьи (радикально настроенная семья, а также алкоголизм и наркозависимость родителей), при отсутствии ориентиров в идеологии и духовных ценностей привели к тому, что молодое поколение одновременно стало получать меньше внимания и воспитания как со стороны и родителей, так и со стороны государства - все это во многом повлияло, и продолжат влиять на уязвимость современной молодежи к пропаганде терроризма.

Образовательные и воспитательные факторы, способствующие вовлечению подростков в терроризм, по механизму тесно связаны с нарушениями в процессе социализации. Ее основные нарушения связаны в первую очередь с альтернативной социализацией, связанной со стремлением уйти от реальной действительности, противостоянием обществу, желанием социального признания в социальных группах. Зачастую, террористы - это во многом люди, не нашедшие себя нигде, кроме как в терроризме. Террористы-исполнители (в противовес лидерам-идеологам) - это неудачники, неуспешные в личной и профессиональной жизни. В случае мусульманских республик Северо-Кавказского федерального округа России (СКФО России) и Центрально-Азиатского региона правомерно даже будет говорить об архаичности локальных сообществ и общин, их неразвитой структуре, снижающей степени свободы в социальном поведении населения и подталкивающей «группу риска» к вступлению в террористические группы.

Следует отметить, что идеи религиозно-этнического террора социально заразны. В случае масштабного долгосрочного рекрутирования могут сработать механизмы социального заражения, по типу «многие из исламской молодежи в этой местности вступают в экстремистские и террористические группы, и я вступаю».

Социальный фактор особенно проявился, начиная с 2005 года, когда стала заметна тенденция изменения интересов террористических организаций к социальному статусу рекрутера. Если раньше наиболее привлека-

тельными были люди малообразованные, не реализовавшие себя в социуме, то в настоящее время террористические организации все больше внимание уделяют лицам, которые имеют стабильное социальное положение.

Кроме того, особое внимание уделяется привлечению к «партийной» деятельности военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, с целью их вовлечения активно эксплуатируется идея о «единстве ислама и мусульман».

Предлагаемая классификация факторов, способствующих вовлечению граждан в террористическую деятельность, ориентирована, прежде всего, на практическое построение государственной системы профилактики терроризма.

Гришай Елена Васильевна,
профессор кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
доктор философских наук, профессор
Людкевич Юрий Николаевич,
заместитель начальника
кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

СОЦИАЛЬНАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКСТРЕМИЗМА

Обращаясь к исследованию проблемы противодействия экстремизму, необходимо отметить, что сегодняшний интерес к отмеченному явлению обусловлен его значительной опасностью, сводящей на нет многие усилия общества на пути к своему прогрессу.

Современный экстремизм - одно из наиболее разрушительных явлений, влияющее не только на правосознание, но и в целом на образ жизни людей. Для многочисленных реформ, проводящихся сегодня практически во всех сегментах нашего государства, экстремизм выступает в качестве весомой угрозы их успешности. В этой связи любые исследования в указанном направлении не что иное, как попытка исполнения социального.. заказа на проведение, с одной стороны, всестороннего исследования данного феномена, а с другой – выработки эффективных мер по.. нейтрализации наиболее опасных его проявлений.

Представляется, что преступность, связанную с проявлением различных форм экстремизма, невозможно рассмотреть в полной мере без исследования экстремизма как негативного социального явления и его соотношения с механизмом государственной власти и социального управления.

Такой подход позволит установить институциональные детерминанты анализируемого явления, что является необходимым условием для разработки системы мер, направленных на предупреждение преступлений экстремистской направленности.

В этимологическом аспекте экстремизм (от лат. extremus - крайний) рассматривается как склонность, приверженность к крайним взглядам, мерам[1].

Следуя такому пониманию, вполне обоснованным будет утверждение о том, что каждое преступление и есть проявление экстремизма. Кроме этого в криминологической литературе в качестве экстремизма выделяются и «фоновые явления преступности». Прежде всего - это пьянство, наркомания, социальный паразитизм, проституция и ряд других социально-негативных явлений[2].

Указанные тезисы верны и справедливы, так как экстремизм можно рассматривать как способ радикального отрицания не только законодательных правил, но и общественных норм.

В то же время уже на протяжении нескольких столетий термин «экстремизм» используется для обозначения каких-либо крайних, общеопасных проявлений в политической жизни общества. С данным термином.. зачастую связывается деятельность различных движений или групп, противопоставляющих себя политическому укладу того или иного государства[3]. Если учесть, что политика любого государства многогранна и затрагивает практически все сферы жизнедеятельности общества, то становится ясно, насколько потенциально обширно поле деятельности для экстремистов.

Анализ научной литературы по исследуемой проблематике показывает, что в каждом государстве экстремизм имеет разную социальную и криминологическую характеристики. Помимо этого, экстремизм, как и любое социальное явление, обладает исторической изменчивостью.

Изначально в Российской Федерации в основном получил распространение экстремизм ксенофобского толка, основанный на этнорасовой нетерпимости, неофашистский экстремизм, основанный на идеях неравенства и отторжения культурных различий, на пропаганде тоталитарного порядка и ненависти.

Исходя из специфики социальных сфер, характера и форм проявлений в них определенных «крайностей», можно предложить примерную типологию экстремизма.

---

[1] Ожегов СИ.и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. - М. 1994. - С. 869. [2]Алексеев А.И. Криминология: Курс лекций. М, 1998. С. 331-336/

[2] Чувкхин Д.В. Терроризм: история и современность. Проблемы борьбы с терроризмом. Сборник науч. статей .Московский институт МВДРоссии.М.,2000.С.112-122.

[3] *Алексеев А.И.* Преступления, связанные с политическим и религиозным экстремизмом. Проблемы борьбы с терроризмом. Сборник науч. стат.: Московский институт МВД России. М., 2000. С. 77-82.

1 .Международный экстремизм характеризуется ведением войны между государствами, осуществлением военных. операций и боевых действий в отношении общественно-политических, религиозных и иных движений других стран.

К разновидности международного экстремизма можно отнести так называемый. оккупационный (или партизанский) экстремизм, который.. ориентирован на устрашение и уничтожение солдат или представителей власти того государства, которое оккупировало соответствующую территорию.

2. Государственный экстремизм определяется потребностью в устрашении собственного населения. Такой экстремизм имел место в СССР, Китае, Кампучии и других странах.

3. Политический экстремизм направлен на устрашение политических противников как внутри государства, так и за его пределами. Помимо этого, данный вид экстремизма выражается в насильственных действиях, направленных на дестабилизацию и разрушение сложившихся общественных структур и институтов (организация беспорядков, террористических актов).

4. Религиозный экстремизм осуществляется для признания или утверждения позиций религиозной организации, религиозного течения или развивается между ветвями одной религии, например между шиитами и суннитами. Такой экстремизм может быть сектантским и этнорелигиозным. Характерным признаком такого экстремизма является наличие в его основе религиозно-идеологической доктрины, на основе которой и развиваются экстремистские взгляды. Лидеры групп соответствующих этому типу экстремизма стремятся «овладеть умами» большого количества людей. При этом могут преследоваться разные цели, как захват власти (иногда в целом регионе), так и завладение различными материальными ценностями.

5. Национальный (межнациональный, этнорасовый) экстремизм преследует цель устрашения другой нации или расы, вытеснения ее представителей в низшие касты (для выполнения черной, тяжелой работы), уничтожения ее культуры.

6. Идеологический экстремизм в своей основе имеет идею переустройства мира, как правило, с целью победы «истинной справедливости» и создании принципиально нового государства, в котором будет изменено распределение материальных благ. Данный вид экстремизма характерен для деятельности так называемых «одиночек», т. е. лиц, с психическими аномалиями, считающих себя избранными для переустройства мира.

7. Общеуголовный экстремизм обусловлен деятельностью организованных преступных групп, зачастую специализирующихся на совершении насильственных и корыстно-насильственных преступлений. Подобные группы совершают преступления демонстративно (не боясь наказания), за-

пугивают участников уголовного судопроизводства, предпринимают попытки влияния на экономические, политические и иные процессы общества. Для достижения своих целей участники таких групп избирают поистине экстремистские способы - организация взрывов, поджогов, убийств. К сожалению, такой вид экстремизма существует и во многих городах России.

8. Криминальный экстремизм выражается в противоборстве преступных групп друг другу (например, при переделе сфер влияния). Такой вид экстремизма может иметь место и в местах лишения свободы.

9. Экономический экстремизм связан с осуществлением крайних мер в сфере экономики. В зависимости от сегмента экономики, объемности и глобальности реализуемых мер, указанный экстремизм можно еще именовать рыночным или экстремизмом конкретной сферы экономики.

Конечно, приведенная типология экстремизма не является исчерпывающей и весьма условна[1]. Каждый из приведенных типов может иметь множество ответвлений или наоборот некоторые из приведенных типов экстремизма можно объединить под одним наименованием. Например, возрастная классификация экстремизма не может быть единственной, окончательной и носить абсолютный характер, поскольку это явление многогранное и соответствующая классификация предполагает большое число критериев (по целям, способам проявлений, источникам финансирования и составу участников экстремистских организаций и т.д.). Кроме этого, экстремизм динамичен и на его сущность может влиять национальный признак.

Характеристика членов некоторых экстремистских групп позволяет выделить молодежный экстремизм. В свою очередь, молодежный экстремизм объединяет в себе идеологический и национальный типы, а в некоторых случаях к ним добавляется еще и религиозный, политический. Экстремизм может выражаться как в форме политической борьбы, так и в сугубо криминальной деятельности. Четкую грань между приведенными типами экстремизма провести практически невозможно, так как его причины и проявления действуют во взаимном переплетении и взаимодополнении. Например, цели, к которым стремятся деятели религиозно-экстремистских групп и движений, нередко заключаются в перестройке всей общественной структуры, вплоть до создания самостоятельных государств. Наличие такой цели может указывать на политический характер деятельности той или иной религиозной организации (секты).

Несмотря на многогранность экстремизма, в данной статье затрагивает вопросы противодействия преступлениям, связанным лишь с некоторыми типами экстремизма (исходя из приведенной типологии). По мнению соискателя, подобный подход к рассмотрению темы диссертационного исследования вполне допустим.

---

[1] Устинов В.В., Экстремизм и терроризм. Проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция, 2002., №5.

На современном этапе развития российского государства, экстремизм как явление приобрел некий характер (может быть, даже специфичность) и в определенных типах проявляется чаще. Сегодня, восприятие термина «экстремизм» в обществе ассоциируется с его политическими, национальными, идеологическими и религиозным типами.

На основе проведенных исследований рядом ученых можно сделать вывод, о том, что причины возникновения в России экстремизма весьма многообразны. Прежде всего - это кризисные явления в экономической, социальной и политической сферах общества. Основной же причиной следует признать социальную дезорганизацию граждан. Большое имущественное расслоение населения привело к тому, что социум перестал функционировать как единый организм, объединенный едиными целями, идеями, общими ценностями. Нарастала социальная напряженность, в связи, с чем появились группы, стремящиеся изменить сложившиеся порядки, в том числе и насильственными методами.

В виду сложности и противоречивости природы экстремизма, определение его понятия является дискуссионным. Основываясь на имеющихся определениях экстремизма, Н.В. Степанов систематизировал его основные признаки[1]:

- наличие крайностей (радикализма) во взглядах и действиях носителей экстремизма, т.е. того, что не является обычным, норм типическим для общества;

- наличие отрицания (нигилизма) в отношении норм и правил, принятых в обществе и охраняемых социальными институтами, прежде всего государством;

- идеологическая подоплека экстремистских проявлений, т.е. наличие в основе экстремизма какой-либо идеи, доктрины (политической, религиозной, их сочетания и т.д.), либо иной системы взглядов;

- внешняя направленность экстремизма, стремление его носителей не только придерживаться экстремистских взглядов, но также донести эти взгляды до сведения окружающих и навязать их им, а зачастую и осуществить, реализовать их в действительность;

В тоже время криминологически значимый аспект экстремизма заключается в приверженности не только к крайним взглядам, но прежде всего крайним действиям, причиняющим вред (или создающих угрозу причинения вреда) охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Радикальное отрицание существующих социальных норм может явиться основанием уголовной ответственности, только если оно выразилось в конкретном общественно опасном деянии, содержащем признаки состава преступления.

---

[1] Степанов Н.В. Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом, Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 2003. СП.

Подводя итог данным умозаключениям, можно сделать следующие выводы:

1. В современном обществе экстремизм является наиболее разрушительным явлением, влияющим не только на правосознание, но и в целом на образ жизни людей.

2. Феномен экстремизма (его сущность и правовая природа) не только до конца еще не осмыслен современным обществом, но также не определены в полной мере его операциональные признаки.

3. Экстремизм проявляется в различных социальных сферах и формах: в политике, экономике, межнациональных и религиозных отношениях, в способах отстаивания своих интересов, прав, убеждений, а также в методах совершения преступлений. Зачастую в спорных ситуациях вместо обстоятельного, цивилизованного диалога одна из сторон прибегает к грубой силе, а иногда даже и к особо опасным общественным действиям (убийствам, поджогам, взрывам и т.п.).

Анализ факторов, которые могут влиять на латентность преступлений экстремистской направленности (не связанных с осуществлением терроризма) позволяет сделать вывод, что зачастую они совпадают с факторами, которые являются типичными для общей насильственной преступности.

Стрелецкий Яков Ильич,
профессор кафедры гуманитарных,
социально-экономических дисциплин
Краснодарского высшего военного,
авиационного училища летчиков имени А.К. Серова,
кандидат философских наук, профессор

УКРАИНА: ЭКСТРЕМИЗМ КАК ЭТНОЦИД

Этноцид – политика, идеология и социальная практика, направленная на ликвидацию национальной идентичности, уничтожение самосознания определенного народа. Таким народом в современной Украине являются русские. Именно этноцидом – этой социальной бациллой заражает нынешнее украинское общество киевский правящий режим. При этом этноцид выступает как форма проявления экстремизма. Автор статьи полагает, что этноцид власть имущие в Украине пытаются реализовать по следующим основным направлениям.

1.Искажение истории, которое для населения Украины начинается с «младых ногтей». В детском садике, в школе, в ВУЗе, в СМИ насаждается «альтернативная история», основой которой является национализм. В интерпретации украинских «ученых-патриотов», Киевской Руси не было, а

было государство «Украина - Русь», а Черное море – это Украинское море, которое трудолюбивые «укры» вырыли вручную. Плодами последних воспользовались «москали», оккупировав и поработив свободолюбивых потомков А. Македонского и Спартака.

Особой фальсификации подвергается правда о Великой Отечественной войне. Эта война, по мнению авторов новой истории Украины, была для украинцев «чужой». Например, в учебнике для 11-х классов под редакцией И.Я. Щупака читаем: «Достаточно посмотреть на карту, чтобы понять: это была не наша война, это была война за контроль над нами. Или, точнее, над нашими предками, которые имели «счастье» оказаться между Берлином и Москвой». Кроме того оказывается, что «пострадали в этой войне не русские и немцы, а поляки и украинцы». Цель этой фальсификации, с одной стороны, формирование у населения Украины «новой исторической памяти» на основе русофобии, а с другой – ублажение новых союзников на Западе, благодарность им за поддержку в борьбе за «европейский выбор» против «москалей» – русских. Против них же направлена кампания героизации пособников Гитлера в борьбе с Красной армией – Бандеры, Шухевича Клячкивского[1]

2.Русофобия: русские, Россия как государство объявляются агрессорами и врагами Украины. Эта политическая и военно – стратегическая концепция украинского руководства активно пропагандируется на Западе и в первую очередь в США. И ничего удивительного, ничего случайного здесь нет. Все очень просто и понятно: интересы русофобов в Украине и интересы «коллективного Запада» совпали. Дело в том, что последнему нравится Россия 90-х годов – раздробленная, слабая, послушная, а единая, сильная и независимая Россия мешает стратегия однополярного мира. Поэтому против нашей страны вводится и усиливаются санкции, поэтому снова в моде страшилка «русские идут», а наши совместные с Белоруссией военные учения «Запад 2017» выдаются за угрозу, за плацдарм вторжения «русского медведя» в Польшу, в Прибалтику, в Украину. Правительство последней активно использует миф о «русской угрозе» для давления на ООН с целью возвращения Украине статуса ядерной державы. Так, ее министр иностранных дел П. Климкин, выступая перед сенаторами США в марте этого года, заявил: «Нам нужна поддержка США в перезапуске переговоров сторон, подписавших Будапештский меморандум». В 1994 году Украина отказалась от ядерного оружия, оставшегося на ее территории после развала Советского Союза, и присоединилась к Будапештскому соглашению в обмен на гарантии безопасности со стороны России, США и Великобритании. В соответствии с этим документом официальный Киев обя-

[1] Мирная Е. 9 мая на Украине – день беды. Аргументы и факты. 2017. №19. с.5.

зан был соблюдать статус внеблокового государства, что было им нарушено после государственного переворота в 2014 году[1].

3.Культура. В сентябре 2017г. Верховная рада Украины приняла закон об образовании, который запрещает с 2020г. вести преподавание в школах, ВУЗах на «языке нацменьшинств» – русском, венгерском, румынском. Здесь отметим только три аспекта. Во – первых, парламент принял, а президент подписал нелегитимный закон – нарушено международное право, в том числе и ЕС, куда пытается «устроить» Украину ее правительство. Во – вторых, 60 % жителей Украины общаются на русском[2]. И, в – третьих, подводная часть этого айсберга – закона скрывает содержание образования. Оказывается, закон выводит важнейшие предметы за рамки профильных – физику, химию, астрономию и др. Их предлагается изучать факультативно. В наш компьютерно-информационный век это интеллектуальное самоубийство страны, ее будущего.

И еще один «культурный» закон. Еще в начале 2017г. Верховная рада приняла закон, запрещающий ввоз на Украину «иностранной продукции антиукраинского содержания». Все казалось нормально, если бы не одно «но» – запрещены издания только русских авторов. Так, по данным СМИ Госкомтелерадио Украины запретил 38 изданий, в том числе «Холодный восточный ветер русской весны» Андрея Фурсова, «Киев капут» Эдуарда Лимонова, «Катастрофа. От американской войны к мировой войне» Сергея Глазьева и «Украина. Хаос и революция – оружие доллар» Николая Старикова. Сам Николай Стариков рассказал газете «Взгляд», что фактически из украинских книжных магазинов были изъяты «все мои 16 книг». «Если не можешь спорить с фактами, тогда обращаешься к запретам. Ничего антиукраинского в моих книгах не было хотя бы потому, что я считаю украинцев и русских единым народом. Ничего против своего собственного народа я не писал и писать не собираюсь», – пояснил писатель[3].

На украинских сценах русским путь закрыт. «Неправильным» актерам, поэтам, певцам и музыкантам «перекрывают кислород» националисты. Так, запрещен въезд в Украину И. Кобзону, О. Газманову, Валерии, лишили возможности выступать в своей стране певице Ани Лорак, а «агента Кремля» – писателя и публициста Олесю Бузину убили.

4. Религия, церковь в руках русофобов тоже стали орудием этноцида и экстремизма. Отметим только три тактических приема применения этого оружия. Первый – фальсификация самой сущности принятия христианства. Так, по «логике» П. Порошенко, крещена была не Киевская Русь, а «Украина - Русь», где проживали только украинцы. Стало быть, «москали»

---

[1] Зарубежное военное обозрение // 2017. №4. с.106.

[2] См.: Мирная Е. Русских школ на Украине не будет. Аргументы и факты. 2017. №17. с.8.

[3] Украинская цензура на русские книги. События недели: итоги и факты. 2017. №50. с.3.

здесь ни при чем. Более того, оказывается, что «приняв христианство, Украина - Русь стала полноправным членом всей христианской Европы»[1]. И тот факт, что такой страны никогда не существовало, что самой украинской нации в то время не существовало президента Украины не смущает.

Второй прием – самопровозглашение Украинской православной церкви во главе с самозванцем Филаретом в нарушение всех церковных организационных принципов и ранее принятых исторических соглашений. Общеизвестно, что отщепенец - патриарх активно поддерживает карательную операцию в Донбассе против «москалей», часто выступает перед участниками АТО с призывами ликвидировать «сепаратистов - предателей», клянчит у Пентагона летальное оружие.

Третий прием – силовой захват церквей и храмов Московского патриархата, травля их прихожан и священнослужителей. Например, в феврале 2017г. настоятель Свято - Троицкого храма Бориспольской епархии Александр Клименко в седьмом сезоне телешоу «Голос страны» (украинская версия нашего «Голоса») оказался победителем. Так верхушка церковных раскольников, националисты и «патриотические» СМИ Украины развернули против батюшки настоящую информационную войну. Почему? Потому, что отец Александр служит в церкви, относящейся к Московскому патриархату. А зачем? Затем, чтобы его затравить, очернить, оклеветать. Так, настоятель Свято-Николаевского храма в Полтаве А. Дедюхин, представляющий УПЦ Киевского патриархата, в своем обращении к прихожанам написал: «Опомнитесь! Победа московского попа в украинском конкурсе на четвертом году войны – это не просто когнитивный диссонанс. Это верблюжий плевок на могилы солдат, похороненных под желто - голубым и красно-черным флагами. Ватник – антимайдановец, работающий в церкви оккупантов, олицетворяет для вас голос страны»[2].

5.Физическое уничтожение, геноцид русских на территории ДНР и ЛНР приобрели массовый характер. Об этом свидетельствуют даже западные аналитики. Так, французский историк Пьер Малиновский, побывавший в марте 2017г. в Донбассе, признался, что поведение украинских силовиков повергло его в состояние шока. «Я был потрясен увиденным, и прежде всего тем, что с украинской стороны ведется преднамеренный огонь по гражданскому населению, – сказал он. – Число погибших мирных жителей постоянно растет»[3]. Малиновский поддержал заявление представителя МИД Франции, потребовавшего от Киева прекращения блокады.

Весной этого же года в ряде городов Италии, включая Рим и Венецию, прошли манифестации в рамках международной акции «остановите

---

[1] См.: Морозова А. Фальсификация истории как метод воспитания военнослужащих вооруженных сил Украины // Зарубежное военное обозрение. 2016. №1. с.45.

[2] Полупанов В., Графов А. На украинском «Голосе» победил батюшка - «ватник». Аргументы и факты. 2017. №18. с.17.

[3] Зарубежное военное обозрение // 2017. №5. с.109.

геноцид жителей Донбасса». Оргкомитет акции подготовил петицию с требованиями признать события, происходящие на востоке Украины с февраля 2014 года, геноцидом, а президента республики П. Порошенко и еще ряд представителей руководства виновными в совершении государственного переворота в Украине, а также возложить на них ответственность за геноцид жителей русскоязычного Донбасса. Официальный Киев был обвинен в создании, вооружении и финансировании карательных батальонов «Азов», «Айдар», «Киев», «Торнадо», квалифицируемых как террористические. Манифестанты призвали начать подготовку к Международному трибуналу по обвинению представителей киевских властей, в том числе президента и действующих депутатов Верховной рады Украины, в истреблении собственных граждан; признать украинские СМИ преступными информационными подразделениями, которые обеспечивают информационное прикрытие госпереворота и геноцида.

По данным управления Верховного комиссара ООН по правам человека, в результате конфликта на востоке Украины с середины апреля 2014 года по 15 февраля 2017г. зафиксировано 9,9 тыс. убитых и более 23 тыс. раненых. На Украине происходит «самое серьезное ущемление прав и свобод за последние десятилетия. Налицо жестокая борьба с инакомыслием, демонизация всего, что связано с русским языком, общей историей народов России и Украины»[1].

Эти акции украинского руководства не только не находят поддержки и одобрения международных гуманитарных институтов и организаций, но и деформиризуют психику тех, кого принуждают стрелять по мирным жителям Донбасса. Украинские военнослужащие продолжают массово дезертировать из армии. Об этом свидетельствуют данные разведки ЛНР, а также показания перебежчиков, которые сообщают о том, что Киев несет большие потери в том числе и небоевые. По данным на июль 2017г.в розыске находятся более 12 тыс. военнослужащих - дизертиров.

Резко возросло количество самоубийств. По признанию главы МВД Украины А. Авакова, на начало июня 2017г. зарегистрировано 500 суицидов силовиков, вернувшихся из зоны боевых действий. Чтобы хоть как – то поднять моральное состояние и боевой дух военнослужащих, украинские законодатели пошли навстречу родителям, отправляющих добровольно или насильно своих детей под пули, увеличив размер выплат семье за гибель военнослужащего до 750 – кратного прожиточного минимума. Сейчас это пособие составляет 1 158 тыс. гривен (более 2,5 млн. российских рублей)[2].

Итак, анализ политики, идеологии и практики современного украинского руководства даже в рамках обозначенных выше направлений объективному читателю достаточно для вывода, что экстремизм, в том числе и в

[1] Зарубежное военное обозрение // 2017. №7. с.108.
[2] Зарубежное военное обозрение // 2017. №7. с.110.

форме этноцида, в Украине набирает обороты, растет вширь и вглубь. Тем не менее, правительства ряда стран Запада эти преступления не только не осуждают, а наоборот, поощряют действия украинских экстремистов. Более того, всеми средствами и методами помогают им. Так, конгресс США выделил на 2017 финансовый год 150 млн. долларов на поддержку ВСУ, включая подготовку войск, поставки техники, летательных вооружений оборонного назначения, обеспечение логистической помощи, снабжение. С 2015 года в рамках операции «Объединитель» ВС Канады в Украине постоянно находятся около 200 канадских военных инструкторов, которые занимаются боевой подготовкой солдат и офицеров ВСУ на Яворовском полигоне в Львовской области. За это время они обучили уже более 3,2 тыс. украинских военных. Не отстает по этому вопросу и Великобритания. Ее инструкторы (операция «Орбита») подготовили 5 тыс. солдат и офицеров ВСУ. По заверениям министра обороны страны М. Фэллона, программа помощи рассчитана на перспективу. Стало быть, помощь Запада киевскому режиму не прекратится, а значит, экстремизм и этноцид в Украине будет продолжаться.

Литература:

1. Мирная Е. 9 мая на Украине – день беды. Аргументы и факты. 2017. №19. с.5.

2. Зарубежное военное обозрение // 2017. №4. с.106.

3. См.: Мирная Е. Русских школ на Украине не будет. Аргументы и факты. 2017. №17. с.8.

4. Украинская цензура на русские книги. События недели: итоги и факты. 2017. №50. с.3.

5. См.: Морозова А. Фальсификация истории как метод воспитания военнослужащих вооруженных сил Украины // Зарубежное военное обозрение. 2016. №1. с.45.

6. Полупанов В., Графов А. На украинском «Голосе» победил батюшка - «ватник». Аргументы и факты. 2017. №18. с.17.

7. Зарубежное военное обозрение // 2017. №5. с.109.

8. Зарубежное военное обозрение // 2017. №7. с.108.

9. Зарубежное военное обозрение // 2017. №7. с.110.

10. Зарубежное военное обозрение // 2017. №4. с.118.

Юрченко Виктор Михайлович,
советник ректората, заведующий кафедрой
политологии и политического управления
Кубанского государственного университета,
доктор философских наук, профессор

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ, ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Выступая на XXI Всемирном Русском Народном Соборе «Россия в XXI веке. Исторический опыт и перспективы развития» патриарх Кирилл отметил, что мировое сообщество сегодня подошло вплотную к исторической черте, за которой начинается новая эпоха, когда в жизни народов изменится очень многое, главным образом – мировоззрение. Пределы глобализации достигнуты, начался кризис ее унифицирующих критериев. Такие ценности, как демократия, гуманизм, права человека не исчезнут, но перестанут зависеть от неких глобальных, абстрактных стандартов. Каждая страна как культурно-исторический субъект будет искать опору, необходимую для развития в собственной традиции, искать свою модель модернизации, истоки своей системы социальных институтов.

Вера в социальные институты и правовые механизмы мертва без опоры на нравственность, умения поступать по совести. В таком случае, подчеркнул патриарх, она ведет лишь к безумной погоне за химерами, за ускользающими миражами счастья и свободы, ведет к неисчислимым человеческим жертвам.

Обращая внимание на качество российской элиты, он говорит о важности ее верности народу, необходимости пополнять элиту талантливыми людьми снизу, не следовать интересам внешних, глобальных игроков. Элита это вовсе не те, кто поднялся «выше народа», это те, кто принял на себя ответственность за судьбу страны, кто отождествляет свои личные интересы с национальными, государственными. Такую элиту нельзя «назначить», ее надо воспитать, как надо воспитать народ, общество в целом, вкладывая в этот процесс значительные ресурсы.

Стержнем поступательного развития страны патриарх считает диалог всех социальных групп российского общества, разных национальных и религиозных общин с целью выработки солидарных ценностных основ, которые смогли бы объединить все части нашего общества[1].

Эта мысль все чаще звучит и в федеральных документах, и в мнении научного сообщества. Определяя национальные интересы России и наши стратегические национальные приоритеты, «Стратегия национальной без-

[1] См. https://rg.ru/2017/11/01/patriarh-kirill-rossiia-ostrov-stabilnosti-v-opasnom-istoricheskom-potoke.html

опасности Российской Федерации» включает в их число возрождение традиционных духовно-нравственных ценностей. На наш взгляд, именно на основе консолидации вокруг базовых ценностей основных социальных групп, можно обеспечить национальную и личную безопасность граждан России, эффективное противодействие экстремизму и терроризму. Большой вклад в решение этой проблемы внесла Всероссийская научно-практическая конференция «Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе», состоявшаяся в марте 2017 года в Сочи. Ее организаторами стали Администрация и Законодательное Собрание Краснодарского края, Общественная палата РФ, ККНПОД «За веру, Кубань и Отечество», Кубанский государственный университет, Краснодарский институт культуры, КРО ООГПО «Российское общество «Знание». В работе конференции также приняли участие ученые ведущих вузов России, в том числе МГУ им.М.В.Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Южного федерального университета, Крымского федерального университета им. В.И. Вернандского и др.

По мнению С.Г.Кара-Мурзы, общество собирается на основе определенной мировоззренческой матрицы, которая является основой для страны, народа, культуры. Он считает, что серьезным препятствием для формирования такой матрица в настоящее время является социальная справедливость. Ценностный разрыв между очень богатыми, просто богатыми и теми, кто находится на уровне (или ниже его) порога бедности, может быть препятствием при разработке и принятии закона о единой российской нации, определении параметров национальной идеологии[1].

Об этой проблеме мы говорили в своем выступлении на Втором съезде Российского общества политологов (Казань, ноябрь 2016 г.), а также на вышеназванной конференции в г.Сочи (март 2017 г.). Мы подчеркивали, что принцип социальной справедливости может стать ключевым фактором при разработке общефедеральной системы ценностей и государственной идеологии[2].

Эта же мысль была высказана на сочинской конференции и В.И. Коваленко, который подчеркнул тесную взаимосвязь принципов сильной государственности и социальной справедливости. Социальная сторона жизни, по его мнению, вопросы социального обустройства в России традиционно имели важное значение, порой более важное, чем поиски приемлемых политических форм.

---

[1] См. Кара-Мурза С.Г. Вызовы и угрозы России // Научный эксперт, 2015. С. 116-117.

[2] См. Юрченко В.М. Национальная идентичность и политическая идеология // Материалы научно-практической конференции, Краснодар-Сочи, 13-15 марта 2017 г. «Духовно-нравственные основы социологи российской государственности на современном этапе». Краснодар: Диапазон-В, 2017. С.112-113.

В крестьянских войнах, в других формах движения народных низов в центре неизменно оказывались задачи социального свойства. Приходящая к власти в переходный период политическая элита стремительно теряла доверие населения, если за фасадом демократических преобразований не стояло решение назревших социальных задач.

Отметим следующий посыл В.И.Коваленко. Обеспечивая социальные гарантии для незащищенных слоев населения, выводя его активные сегменты из тенет тотальной опеки, оборотной стороной которой является иждивенчество и пассивность, социальное государство в современных условиях не может ограничивать свою задачу стимулированием плоско понимаемой предприимчивости (завести свое «дело», стать «независимым» от государства и др.). Здесь также недостаточно мер по созданию оптимальных условий для получения образования, новой квалификации и др. Задача состоит в расширении возможностей в управлении производством, в преодолении неоправданной социальной дифференциации, в действенности социальных и профессиональных лифтов. Словом, во всем том, что органично связывается сегодня с принципами социальной справедливости. В этом, по его мнению (и по данным социологических опросов), и состоит главный социальный запрос россиян[1].

Сопоставляя внешние и внутренние вызовы и угрозы безопасности страны и ее граждан, отец Александр (Игнатов) обращает особое внимание на необходимость объединить усилия всех здоровых сил общества в борьбе против экстремизма и терроризма. Главным источником преступлений подобного рода он видит в «помрачении состояния человеческой души. Причину терроризма определяет как потерю нравственности и духовности в современном обществе.

Основным средством профилактики терроризма и экстремизма РПЦ считает духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения, - подчеркивает Отец Александр. Обращает внимание он и на семью, как на важнейший центр профилактической работы[2].

Возвращаясь к проблеме, затронутой патриархом Кириллом, о том, что гипотетическое универсальное космополитическое политико-моральное сообщество безопасности вне суверенных государств-наций мыслится сторонниками подобных теорий без учета межкультурных различий. Это препятствует межцивилизационному диалогу и не способствует ни укреплению безопасности человека, ни международной стабильности. Решая проблему обеспечения безопасности личности, необходимо не противопостав-

[1] См. Коваленко В.И. Ценностные основания консолидации российского общества в условиях глобализирующегося мира // Указ.соч. стр.74.

[2] Отец Александр (Игнатов) Духовность как фактор национальной безопасности России // Указ.соч. стр.31, 34.

лять интересы государств, международного сообщества и человека, а идти по пути их согласования[1].

Интересное, на наш взгляд, сопоставление проводит А.И.Пальцев, характеризуя влияние цивилизационного раскола на судьбу России. Провозглашение в 1960-х годах потребительского идеала в качестве программной цели построения коммунизма, на пути к которому надо было еще догнать и перегнать Америку, стало свидетельством того, что этот идеал лучше реализован идеологическим противником.

Потребительский идеал как модель для подражания поколения шестидесятников, способствовал тому, что на лидирующие позиции в обществе вышел мещанин, создавший условия для либеральной революции. В результате которой власть захватила элита (политическая, экономическая, интеллектуальная), которая (по образному выражению А.С.Панарина) мыслит и действует не как национальная, а как глобальная, связавшая свою судьбу не со своим народом, а с престижной международной средой. Попасть в которую часть элиты старается как раз в обход этого народа.

После того, как Президент России В.В. Путин начал проводить политику по восстановлению национального суверенитета, значительная часть правящего истеблишмента была извне лишена внешней легитимности и против России была развязана «гибридная война». Тем более важна реализация идеи по разработке системы ценностей, которая может сплотить многонациональный и многоконфессиональный российский народ, т.н. систему ценностных координат[2].

Отмечая особенности нашего многонационального и многоконфессионального народа, В.В.Путин подчеркнул общность ценностных ориентиров у большинства граждан, особенность понимания высшего морального предназначения человека. Конечно, в обычной бытовой жизни мы все думаем о том, как жить богаче, здоровее, лучше, как помочь семье, но все-таки не здесь главные ценности. На Западе – чем успешнее человек, тем он лучше, у нас этого недостаточно. Даже достигнув вершин в богатстве, человек порой ищет иного – общественного признания. «Мы менее прагматичны, менее расчетливы, чем представители других народов, но зато мы пощедрее душой», - отметил Президент РФ[3].

Формирование национально-государственной идентичности, преодоление ценностного разрыва в сознании (и в социальном статусе) российского социума – тема для глубокого и последовательного изучения как научным сообществом, так и на уровне государственной власти. В свою очередь, без этого сложно обеспечить полноценную безопасность России и ее граждан, искоренить такие явления как экстремизм и терроризм.

---

[1] См. Цыганков П.А. Человеческая безопасность: теоретические споры и ответственность ученых // Безопасность человека в контексте международной политики: вопросы теории и практики. Материалы научного семинара / Под ред. П.А.Цыганкова – М.: Изд-во Московского университета, 2011. С.29.

[2] См. Пальцев А.И. Влияние цивилизационного раскола на судьбу России // Власть. Сентябрь, 2017. С.101.

[3] См. Прямая линия с Владимиром Путиным. Официальный сайт Президента России // http://www.kremlin.ru/news/20796

Юрченко Инна Вадимовна,
профессор кафедры
политологии и политического управления
Кубанского государственного университета,
доктор политических наук, профессор

СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ КОНФЛИКТНОГО И ИНТЕГРАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗРАБОТКИ ТЕХНОЛОГИЙ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Сетевой анализ конфликтного и интеграционного взаимодействия в публичной политике в контексте разработки технологий противодействия экстремизму[1].

Всплеск экстремизма в разнообразных его проявлениях это отличительная черта современного этапа мирового развития. В настоящее время, которое характеризуется как информационная эпоха, появляются такие вызовы и угрозы мировому сообществу, которые связываются с новыми возможностями распространения экстремистских идей и идеологий. Поэтому эксперты говорят о формировании «экстремизма нового типа» - «информационного идеологического радикализма» и «информационного терроризма», а также феномене «сетевой войны». Как отмечает Г. Кехлер, «с появлением Интернета началась эра коммуникаций в *массовом обществе*, где решающим политическим фактором стала *виртуальная толпа* (или «цифровая толпа»). Психология масс не может игнорировать всепроникающие эффекты, которые новые социальные медиа оказывают практически на все аспекты жизни»[2].

Важным аспектом изучения современной публичной политики является комплексный анализ природы конфликтогенных и интеграционных факторов в контексте их конструктивного или деструктивного влияния на политический процесс. Политической реальности всегда свойственно развитие конфликтного взаимодействия политических акторов, наряду с процессами самоорганизации и интеграции в группы социальной идентичности. При этом сущностную характеристику политики составляет управленческая деятельность как «ограниченное применение социальной власти»[3] (Гудин, Клингеманн, 1999, 33) в условиях, когда субъект власти стремится

[1] Статья подготовлена в рамках работы над проектом РФФИ № 17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов»

[2] Кехлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? // Политические исследования: Полис, 2013. № 4, с. 79.

[3] Гудин Р.И., Клингеманн Х.-Д. Политическая наука как дисциплина // Политическая наука: новые направления. – М.: Вече, 1999, с.29-68.

расширить свои полномочия для обеспечения безопасности личности общества и государства от внешних и внутренних потрясений. Индивиды и группы, являющиеся объектом государственного властного управления, ориентируются на наличие защищенности, однако ограничения социальной власти затрудняют государственным структурам выполнять все необходимые функции по обеспечению этой защищенности.

В целях исследования социальной природы этих ограничений продуктивной является конфликтологическая парадигма, которая, в свою очередь, включает разнообразный набор познавательных инструментов макро- и микро-политического характера. Для сетевой методологии в социально-политическом познании можно использовать экспериментальный метод, предложенный Я. Морено в концепции микросоциологии. Интерактивные взаимодействия, анализируемые с помощью социометрии, показывают, как возникает значимый для любых социальных структур феномен идентичности в процессе социализации. Идентичность проявляется в том, что люди рассматривают себя в контексте тех качеств, которые предлагает им доминирующая общность, к которой они себя причисляют. А конфликты идентичности выражаются в ценностных рассогласованиях, которые мы анализируем, в том, числе с помощью критического дискурс-анализа, рассматривающего проявления реальной власти в контроле над публичным дискурсом и по существу в доминирующем влиянии на сознание индивидов и групп. В информационном обществе усиливается значимость языковых форм политического общения с помощью социальных сетей, новых социальных медиа. В борьбе за доминирование в пространстве конфликтного политического дискурса оформляются линии конфронтационного позиционирования «дискриминируемых» и «привилегированных» политических субъектов. Любые трансформации внутренней расстановки политических сил внимательно изучаются конкурентами в поле мировой политики, которые также втянуты в социальные сети. Публичный политический дискурс приобретает характер сложносоставного многоуровневого конфликтного взаимодействия в медиа-пространстве[1]. В этой связи сетевой анализ можно рассматривать как технологию политологических исследований конфликтогенных и интеграционных факторов социальных взаимодействий в условиях обострения геополитических противоречий. Используемые понятия «социальная дистанция», «социальная близость», «социальная сплоченность», «социальная разобщенность» позволяют рассматривать политические процессы в контексте устойчивых коммуникаций между акторами сети или острых конфликтов и конфронтации участников социокультурных

[1] Юрченко И.В. Проблемы доминирования в конфликтном политическом дискурсе // Дискурс, политика, управление: материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 2015 г.). – М.: МГИМО-Университет, 2016, с.411

и политических взаимодействий[1]. Таким образом, можно проанализировать самую широкую область многообразных социальных контактов разного уровня прочности, а также глубину противоречий и взаимной ненависти разнородных групп интересов. Представляется продуктивным и концепт «социального атома», содержательно включающего индивидов (далеких и близких), эмоционально связанных между собой. Сетевой анализ конфликтного взаимодействия в публичной политике дает возможность рассмотреть различные конфигурации контактов, функционирующих как некое единство, что является научным инструментом отображения социальной взаимозависимости. По мнению Морено, социальная дистанция является «разреженной» близостью, и «чем больше дистанция, тем более разреженной она становится…Исследование многочисленных социальных атомов позволяет установить четкую пограничную линию, «социальный порог», между объемами знакомств и собственно социальным ядром»[2], а также характером взаимоотношений между социальными атомами. Таким образом, социометрический инструментарий в конфликтологической экспертизе обогатит методы сетевого анализа публичной политики и поэтому должен быть востребован в контексте новейших направлений современной политологии.

Экстремизм это крайне агрессивная форма поведения. Он не является каким-либо идеологически однородным политическим течением, а включает в себя разнообразные радикальные мировоззренческие установки от крайне левых, до крайне правых. Как отмечают специалисты, «столкновение между современным исламом и неолиберализмом…является столкновением двух универсалистских картин мира», которые приобретают обостренно экстремистскую форму конфронтации различных типов сознания, несовместимых политических картин мира, «диаметрально противоположных по ценностным установкам, но на удивление единых в агрессивно-эпатажной манере демонстрации своих убеждений»[3]. Иначе говоря, неолиберальный универсализм, как главная идея американского глобализма[4], противостоит радикальному исламизму, как крайне гипертрофированному псевдо религиозному мышлению и действию.

Во многих этносах по ряду причин формируется определенная группа, которая, как правило, позиционирует себя с позиций национализма, ча-

---

[1] Юрченко И.В. Проблемы сетевого анализа этнополитических процессов в сфере публичной политики // V Столыпинские чтения: Публичная политика и социальные науки: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием /отв. ред. В.М. Юрченко. – Краснодар: КубГУ, 2016, с.172

[2] Морено Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / пер. с англ. – М.: Академический Проект, 2001, с.115,117

[3] Экстремизм как цивилизационный вызов. Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2012. С. 11.

[4] Бжезинский З. Большая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998.

сто - радикального. С точки зрения классической теории Л. Гумпловича, в каждом этносе проявляется так называемый этноцентризм, который определяется как свойство индивида или группы судить о чужой культуре с позиций своей собственной. У некоторых людей возникает убеждение, что стиль жизни, провозглашаемые ценности и нормы у данного народа самые прогрессивные и полезные для жизни, а у других народов ими подчеркивается отсталость и негативные черты. Эти взгляды артикулируются прямо, косвенно или маскируются, но, к сожалению, всегда в той или иной форме присутствуют в информационном пространстве. А это, в свою очередь, порождает ответную экстремистскую систему взглядов и высказываний, которая приводит к состоянию этноидеологического конфликта, постоянно воспроизводящего напряжения в информационном пространстве. Работая над темой «Технологии противодействия идеологии экстремизма в политико-информационном пространстве (на материалах Юга России)», выполненного в 2012-2013 гг. в рамках Программы Министерства образования и науки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России (2009–2013 гг.)» № 8561, мы определили, что стремление к этнической мобилизации во «враждебном окружении» вызывает активизацию т.н. оборонительных и наступательных, превентивных, упреждающих и ответных информационных действий. В многонациональных государствах это может привести даже к внутренней информационной войне, хотя к межгосударственному информационному противоборству все уже привыкли и не считают это из ряда вон выходящим событием. Как правило, этносы в состоянии природного неравенства индивидов воспринимают свое положение как состояние угнетения другим этносом, особенно если действительно были исторические прецеденты, или наличествуют аргументы в пользу этого в реальной действительности[1]. В этих условиях особенно опасен кризис идентичности, возникающий тогда, когда этнические и конфессиональные различия становятся преградой на пути общенационального объединения. С помощью социально-сетевого анализа конфликтного и интеграционного взаимодействия в публичной политике можно на теоретическом и прикладном уровне проводить когнитивное исследование ментальных трансформаций групп риска с целью разработки технологий противодействия экстремизму и радикализму в полиэтнической социальной среде.

Общее информационное пространство, в котором циркулируют группы интересов, так или иначе превращают регион в конфликтное пространство, а поскольку они существуют как различные ценностно-смысловые системы, возможно дополняющие и обогащающие друг друга, но иногда взаимно исключающие. Это важнейший организационно-управленческий аспект обеспечения региональной безопасности конфлик-

[1] Проблемы противодействия экстремизму в информационном пространстве полиэтничного социума (на материалах Юга России). – /И.В. Юрченко, Д.Г. Котеленко, Н.Н. Юрченко, М.В. Донцова. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015, с. 14.

тогенного пространства, которому государство всегда должно уделять пристальное внимание. Поэтому представляется необходимым разработать специализированную для каждой местности комплексную организационно-управленческую программу развития региона как полиэнического, с ориентацией на формирование общероссийской гражданской идентичности[1]. В свою очередь, с помощью соответствующих индикаторов можно исследовать степень конфликтности, сплоченности или разобщенности, социального доверия или недоверия, которые проявляются в ощущении коллективной и индивидуальной опасности или безопасности, терпимости или нетерпимости и готовности принятия в социальном пространстве носителей других субкультур, непосредственно влияющих на характер политических процессов в регионе[2]. Во внутреннем устройстве любого общества всегда наличествует регионализм (или регионализация как процесс), что довольно часто приводит к социально-политическим напряжениям, связанным с т.н. региональной депривацией, вызываемой неравномерностью пространственно-территориального распределения людских, финансовых, природных, материальных, инфраструктурных и др. ресурсов. Этот аспект также может рассматриваться в параметрах сетевого конфликтологического анализа.

Таким образом, в контексте рассматриваемой темы данной конференции «Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политические аспекты», следует отметить значение междисциплинарного метода сетевого анализа развития политико-экономической и социокультурной среды того или иного региона, с учетом его этноконфессиональной специфики и наличия современных информационных технологий конфликтного и интеграционного взаимодействия в публичной политике, которые могут иметь как конструктивную, так и деструктивную направленность.

---

[1] Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / Под ред. акад. Г.Г. Матишова, Н.И. Голубевой, В.А. Авксентьева. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. 2011. С. 38.

[2] См.: Юрченко И.В. Коммуникативно-синергийная парадигма исследования информационного пространства юга России //Проблемы национальной безопасности России в XX-XX1 вв.: уроки и вызовы современности. – Краснодар: Традиция. 2011. С.380-383.

Сулима Игорь Иванович,
профессор кафедры философии
Нижегородской академии МВД России,
доктор философских наук, доцент

МЕТОДИКА ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА В МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ КОЛЛЕКТИВАХ

К религиозно-политическим вызовам современности относится экстремизм. Особенно сложно бороться с ним в многонациональных коллективах, в состав которых входят люди очень разных культур, национальных традиций, верований. В таких коллективах отличия людей чувствуются особенно остро, мастерство воспитателя должно учитывать специфику сложности коллектива. Поэтому борьба с экстремизмом в многонациональных коллективах должна обеспечиваться квалифицированной содержательной методической подготовкой кадров, ведущих активную профилактическую работу. В Нижегородской области важную миссию по разработке методических рекомендаций по профилактике экстремизма несет Министерство образования Нижегородской области в лице подведомственного Государственного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Нижегородский научно-информационный центр». Для лиц, ведущих воспитательную, индивидуальную и групповую профилактическую работу с различным контингентом, направленную на предотвращение межнациональных конфликтов с учетом современной миграционной, межкультурной, межконфессиональной сложной ситуации, коллектив авторов (Назарова И.В. кандидат филологических наук директор ГОУ ДПО ННИЦ, Захарова И.Ю. заместитель директора ГОУ ДПО ННИЦ, Зотова А.А. заместитель директора ГОУ ДПО ННИЦ, Сулима И.И. доктор философских наук профессор кафедры философии) разработали программу курса «Методические аспекты гармонизации межнациональных отношений в современных условиях».

Изучение методических аспектов работы по гармонизации межнациональных отношений в современных условиях является дополнительным элементом в формировании профессиональной компетенции руководителя, воинского начальника, педагога. Изучение дисциплины предполагается на базе знаний, умений и компетенций, приобретенных в результате освоения основных профессиональных образовательных программ. Для усвоения дисциплины «Методические аспекты гармонизации межнациональных отношений в современных условиях» переподготавливаемый воспитатель должен знать предметную область, систему, содержание и взаимосвязь основных принципов, законов, понятий и категорий философского и педагогического знания, их роль в формировании ценностных ориентаций в социальной и профессиональной деятельности; принципы, закономерно-

сти, тенденции развития общества, человека; психологические основы мышления. Обучающийся руководитель, воинский начальник, педагог должен уметь использовать принципы, законы и методы педагогики, психологии и философии для решения социальных и профессиональных задач; применять педагогические, психологические и философские категории в анализе социальной действительности; пользоваться логическими правилами ведения диалога и дискуссии; оценивать факты и явления профессиональной деятельности с педагогической, психологической и философско-аксиологической точки зрения; осуществлять мировоззренческо-ценностный выбор норм поведения в конкретных ситуациях; давать нравственную и социально-философскую оценку проявлениям экстремизма, в т.ч. в контексте межнациональных отношений. При этом обучающийся руководитель, воинский начальник, педагогический работник должен владеть основами анализа социально и профессионально значимых проблем, процессов и явлений с использованием педагогических, психологических и философских знаний; должен владеть общефилософскими, общенаучными методами познания; должен владеть навыками публичного выступления, аргументации, ведения дискуссии и полемики; навыками грамотного применения способности и готовности к диалогу и восприятию альтернатив, участию в дискуссиях по проблемам общественного и мировоззренческого характера; должен владеть навыками выстраивания социальных и профессиональных взаимодействий с учетом философско-мировоззренческих (этнокультурных и конфессиональных) различий; должен владеть навыками оценки своих поступков и поступков окружающих, выражающих национальную идентичность.

Для достижения оптимального результата в повышения квалификации руководителей, начальников (в т.ч. воинских, полицейских, гвардейских), педагогов, работающих по профилактике экстремизма в многонациональных коллективах был отобран материал, который лучше всего способствует подготовке педагогов и дает возможность вести воспитательную работу с личным составом, с обучающимися.

Определено, что повышение квалификации руководителей, начальников, педагогов, призванных отвечать на религиозные и этнокультурные вызовы в виде экстремистских проявлений, необходимо начинать с обеспечения базовой мировоззренческой установки на формирование масштабного диалога культур. Раскрывая проблематику межкультурного диалога в современном мире, религиозных, этнических и политических вызовов, необходимо дать общую характеристику современного мира: раскрыть экономический, социальный, духовный, экологический аспекты. Обозначить культуру как проявление в человеке человеческого. Работа должна вестись через раскрытие понятия диалога и диалогового мышления. Диалог надо в таком разрезе видеть как полилог. Стоит уделять внимание специфике постмодернистского диалога (вавилонская башня куль-

туры). Диалог в такой целевой подготовке воспитателей определяется как путь к согласию, формирующий отношение к знаковости, к Другому, и диалог определяется как способ организации взаимодействия в условиях острых современных вызовов.

Совершенно необходимо в самом начале подготовки (переподготовки) руководителей, начальников, педагогов для организации ими в последующем профилактической работы изучить базовую тему «Культура народов России и иностранных гостей». В этом плане необходимо дать определение культуры. Необходимо соотнести традицию и культуру. Необходимо определить национальную культуру и специфику многонациональной культуры России, вскрыть потенциал многонациональной культуры (богатство, преимущества, разнообразие и масштабы рисков конфликтов, вопросы управления рисками), факторы, оказывающие влияние на культуру. Изучить влияние культуры на общество (в рамках диалектического подхода, адекватного проблеме), влияние на культуру России культуры гостей, иностранных обучающихся, в т.ч. в вузах МВД России, и отдельно исследовать культуру эмигрантов. Особое внимание надо уделить социокультурной среде, порождающей экстремистскую идеологию и экстремистское поведение.

При этом функционально взаимопонимание определяется как цель воспитания и обучения. Понимание рассматривается как условие взаимодействия, события. Герменевтика как гуманистическая методология педагогического воздействия лежит в основе методологии повышения квалификации педагогов, работающих по профилактике экстремизма в многонациональных коллективах. Понимающие подходы в гуманизации образования, разработанные нами, используются как апробированная теоретическая и практическая база работы. Понимающие подходы эффективны в организации и гуманизации межнационального диалога.

Необходимо, отвечая на религиозные, этнокультурные и политические вызовы современности экстремистского характера, учитывать социально-психологические, политические и духовно-нравственные аспекты молодежного сознания: ценности современной молодежи. Надо знать проблемы изучения общественного сознания и ценностных ориентаций молодежи, экономические аспекты ценностных ориентаций молодежи, оценку эффективности функционирования экономической системы России, карьерные стратегии современной молодежи, социокультурные и психологические проблемы молодежи, структуру жизненных ценностей молодежи (в т.ч. конкретного региона, местности). При методологической и методической подготовке руководителей, начальников, педагогов, работающих по профилактике экстремизма в многонациональных коллективах, важно в качестве теоретической платформы изучить тенденции трансформации духовно-нравственных ориентиров в эпоху постмодернистской культуры, отношение молодежи к политике, ее идейно-политическую ориентацию,

электоральные предпочтения. Эти вопросы надо рассматривать не как чисто политологические или социологические. Польза для профилактической работы будет, если они будут рассматриваться в контексте воспитания патриотизма и гражданственности подрастающего поколения, в контексте систематического формирования абсолютно непримиримого отношения к любым экстремистским проявлениям.

Центральное место в повышении квалификации руководителей, начальников, педагогов, работающих по профилактике экстремизма в многонациональных коллективах, после фундаментальной подготовки имеет изучение собственно экстремизма в современном обществе (его природы и источников). Важно дать понятие экстремизма и экстремистской деятельности, раскрыть комплекс причин, порождающих экстремизм и обозначить его исключительную опасность, социальную деструктивность. Должна изучаться история экстремистских мировоззренческих установок и организаций, формы провокации экстремизма в современной молодежной среде.

Прикладной аспект мероприятий по повышению квалификации руководителей, воинских начальников, педагогов, работающих по профилактике экстремизма в многонациональных коллективах заключается в освоении технологий управления этноконфессиональными аспектами ценностных ориентаций молодежи.

Этнорелигиозный компонент в системе ценностных ориентаций молодежи в последние годы приобретает все большее и большее значение. В ходе обучения (методической переподготовки) руководителей, воинских начальников, педагогов на практических занятиях важно уметь строить прогностические сценарии изменения этноконфессиональных ориентаций молодежи в связи с усилением глобальных миграционных процессов. Надо видеть ориентиры для толерантной и антидискриминационной политики в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений в молодежной среде. Перед руководителями, воинскими начальниками, педагогами стоит практическая задача как можно более раннего обнаружения и предупреждения межэтнических и межконфессиональных конфликтов у подростков и молодежи. Такой подход позволит свести к минимуму перерастание конфликтов в острую форму.

В ходе подготовки современных кадров, занимающихся воспитательной работой, необходимо вооружить ихосновными критериями и индикаторами анализа молодежной среды. Надо продемонстрировать механизмы и технологии научно-образовательного воздействия на молодежь с целью эффективного управления этноконфессиональными отношениями, с целью недопущения экстремистских форм поведения.

Современное состояние нормативно-правовой базы по поддержанию межнационального мира и специфика деятельности правоохранительных органов по противостоянию экстремизму тоже должны быть изучены лицами, ведущими педагогическую работу. Педагоги – не всегда юристы и не

всегда сотрудники правоохранительных органов, но их работа должна строиться на правовом поле и во взаимодействии с коллегами, работающими с законом и его применением (дознание, следствие, надзор). В ходе представления учебных материалов для переподготавливаемых руководителей, воинских начальников, педагогов важно дать общую характеристику нормативно-правовой базы по противостоянию экстремизму, дать общую характеристику норм права регулирующих вопросы свободы совести и деятельность религиозных организаций. Надо понимать и роль конституционно-правовых норм в поддержании межнационального мира, роль норм административного права в поддержании межнационального мира, роль уголовно-правовых норм в поддержании социального мира, роль уголовно-правовой реакции государства на угрозы экстремизма. Это позволит взглянуть на противодействие экстремизму с разных точек зрения. Педагоги, руководители, начальники должны учитывать и нормативно-правовую баз своего региона, акты местного самоуправления (что отражает специфику структуры законодательства России как федеративного государства).

Еще одним практическим элементом методической подготовки педагогов, руководителей, начальников к противодействию экстремизму является изучение собственно диагностики и методов работы по гармонизации межнациональных отношений. Должны быть сформированы навыки по формированию прогноза изменений этноконфессиональных ориентаций молодежи в современном мире. Проблема своевременного обнаружения и предупреждения межэтнических и межконфессиональных конфликтов у молодежи требует знания основных критериев и индикаторов состояния молодежной среды, индикаторов перехода конфликтов в экстремистские формы. Должны быть освоены механизмы и технологии научно-образовательного воздействия на молодежь с целью эффективного управления этноконфессиональными отношениями, направления конфликтов в мирное русло.

Литература:

1. Конституция РФ.

2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016) «Об образовании в Российской Федерации».

3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями и дополнениями).

4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (с изменениями и дополнениями)

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (УК РФ) (с изменениями и дополнениями).

6. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).

7. Устав Нижегородской области (Закон Нижегородской области от 30 декабря 2005 г. № 219-З) (с изменениями и дополнениями).

8. Постановление Правительства Нижегородской области от 22 октября 2014 г. № 717 «Об утверждении государственной программы «Гармонизация межнациональных отношений в Нижегородской области»» (с изменениями и дополнениями).

8. Бабаева А.В., Шмелева Н.В.Homobelli и национальная безопасность: к вопросу о культурной агрессии//Вестник Мининского университета. 2016. № 1-2 (14). С. 5.

9. Осянин А.Н. Формирование патриотизма в России как элемента национальной безопасности: нормативно-правовой аспект/ А.Н. Осянин, С.Л. Ивашевский // Актуальные проблемы в области гуманитарных наук: от теории к практике. Сборник статей. НА МВД России. – 2016. – С. 187-195.

Стригуненко Иван Константинович,
доцент кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
кандидат социологических наук

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Девиация представляет собой системную проблему современного общества, имеющую давнюю историю. На протяжении столетий девиация находится в центре внимания представителей различных наук об обществе, в том числе и социологов. Особую опасность представляет девиация в молодежной среде, учитывая социально-статусное и социокультурное положение молодежи. Девиация молодежи угрожает нарушить процесс преемственности и смены поколений в обществе, лишает его перспектив и, в целом, служит дезорганизационно-деструктивным целям. Значительное распространение девиации в молодежной среде может привести к непредсказуемым последствиям негативного плана. Именно поэтому изучение теоретических основ феномена девиации имеет большое значение в социологии. Необходимо заметить, что за довольно продолжительное время существования социологии отклоняющегося поведения был разработан ряд заслуживающих внимания теоретических моделей, объясняющих суть девиации, анализирующих факторы генезис и механизмы противодействия девиатному поведению, в том числе и молодежи. Однако ни одна из теорий

девиации не выглядит исчерпывающей и всеобъемлющей на сегодняшний день, при этом в социологической науке не стихают дискуссии, в ходе которых острой критике подвергаются все основные теории девиации. Именно в силу сложившихся обстоятельств в современной социологии отклоняющегося поведения господствующей установкой является методологический релятивизм, для которого характерен эвристический плюрализм и эклектика. Однако сложившаяся ситуация, в фундаментальной социологии, прежде всего, детерминирует ряд проблем, при этом сложности возникают с концептуальным аппаратом, теоретической интерпретацией данных специальных социологических теорий и эмпирии.

Становится очевидным, что термин «девиантное поведение» весьма широк и носит комплексный характер, в него входит ряд составных элементов (уровней). Так, В.Н. Иванов выделяет два уровня отклоняющегося поведения:

1. Докриминогенный: мелкие проступки, нарушение норм морали, правил поведения в общественных местах, уклонение от общественно-полезной деятельности, употребление алкогольных, наркотических, токсических средств, разрушающих психику, и другие формы поведения, не представляющие опасности.

2. Криминогенный: действия и поступки, выражающиеся в преступных уголовно-наказуемых деяниях[1].

Весьма сложным вопросом является «ядро» («эпицентр») девиантного поведения. В классификации Ф. Патаки таким «ядром» являются:

– преступность;

– алкоголизм;

– наркомания;

– самоубийство;

– «преддевиантный синдром» – комплекс определенных симптомов, приводящих человека к стойким формам девиантного поведения. А именно:

– аффективный тип поведения;

– семейные конфликты;

– агрессивный тип поведения;

– ранние антисоциальные формы поведения;

– отрицательное отношение к учебе;

– низкий уровень интеллекта[2].

1. Одним из дискуссионных вопросов остается облик трансформирующегося российского общества в аспекте применимости к нему классических концепций девиации, созданных в XIX-XX вв. Большинство иссле-

[1] Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2004

[2] Гилинский Я. Девиантология. 2-е изд. испр. и доп. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007

дователей указывают на ряд негативных тенденций, проявившихся как эффект трансформационных процессов. Как справедливо отмечает В.В. Кривошеев, «ныне общество все больше воспринимается индивидами как поле битвы за сугубо личные интересы, при этом в значительной мере оказались деформированными пусть порой и непрочные механизмы сопряжения интересов разного уровня. Переход к такому атомизированному обществу и определил своеобразие его аномии. Вероятно, с некоторой долей гипотетичности можно говорить о том, что нечто подобное переживают и другие страны, входившие прежде в социалистическую систему»[1].

По мнению исследователя, «специфика аномии российского общества состоит в его небывалой криминальной насыщенности. Конечно, и прежние этапы развития нашего социума нельзя считать стерильными в этом отношении. Вероятно, можно указать целые периоды в истории России, когда степень криминальности была исключительно высокой. Но общество всегда имело потенциал сдерживания избыточной криминальной активности, понижало ее уровень до социально приемлемого»[2].

Российское общество является переходным и находится в состоянии аномии. Стремительно разрушаются внутренние запреты, удерживающие его от насилия. Обесценились общественные идеалы. Обесценился человек и сама его жизнь как необходимая составная частица общества. В такой ситуации становится все более сложным доказывать преступившему закон, тем более, если это молодой человек или подросток, безнравственность его поступка. Ведь безнравственно само общество[3].

В период социальной нестабильности, экономического духовного и политического кризиса существует опасность, что количественный рост преступности неизбежно приведет к качественному изменению самого общества, может произойти «криминальное заражение» законопослушных граждан, деформация всех форм общественного сознания и, прежде всего, молодежного правосознания. В первую очередь «криминальной зараженности» подвержена молодежь. Молодое поколение, в отличие от людей старшего возраста, не имеет жизненного опыта, поэтому труднее адаптируется в изменившихся условиях, а социальные институты, которые призваны содействовать личности в процессе ее социализации, сами претерпевают серьезные изменения или вовсе прекращают функционировать [4].

В нынешней ситуации аномия в решающей мере выступает в форме криминализации российского социума. Разумеется, любое нарушение моральной и правовой регуляции вызывает нарастание числа преступных по-

---

[1] Гилинский Я. Девиантология. 2-е изд. испр. и доп. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007

[2] Кривошеев В.В. Особенности аномии современного российского общества // Социс. 2004. №3

[3] Чикишев А.М. Девиантное поведение молодежи как одно из проявлений ее правосознания: автореф. дис. … канд. филос. наук. Хабаровск, 1995

веденческих актов индивидов. Еще Дюркгейм тесно увязывал аномичное состояние общества с ростом в нем преступности. Вместе с тем, происходящее ныне в российском обществе едва ли вписывается в простые параметры усложнения криминогенной обстановки. Криминализация проявляется и в духовной сфере. Связываем мы это, прежде всего, с растущим нигилизмом относительно права, механизмов его действия. Право как ценность, регулятор поведения все больше замещается анархистским своеволием, целесообразностью, утрачивает свою привлекательность. Разумеется, и в советский период истории право не являлось атрибутивным свойством нашей социокультурной системы. Тем не менее сейчас даже непрочные барьеры на пути неправового сознания утрачиваются[1].

В этих сложных и противоречивых социальных условиях общества риска, угрожающих массовым распространением девиаций, вступает во взрослую жизнь российская молодежь. Анализируя особенности молодежи как особой социально-демографической группы, отметим, что в научной литературе существует масса теоретических разработок данного понятия. Так, И.М. Ильинский определяет молодежь как часть общества, «объективное общественное явление, определяемое возрастными рамками. Специфика молодежи состоит в том, что она зависима и живет как бы в кредит, ее самостоятельность в принятии важных решений ограничена и в то же время перед ней стоит проблема выбора работы, профессии, нравственного и социального самоопределения»[2].

1. Молодежь как особая социально-демографическая группа обладает потенциалом генезиса специфической возрастной культуры – молодежной. По справедливому замечанию З.В. Сикевич, важной характерной чертой молодежной культуры является эмоционально-чувственное самоутверждение молодежи наряду с поисками развлекательного содержания, под воздействием групповых стереотипов, отношений, установок и интересов. С одной стороны молодежная субкультура является зеркалом культуры общества с присущими ему ценностями, мировосприятием, социокультурными установками, с другой – она всегда большее или меньшее отрицание общепринятых позиций, хотя бы в силу генерационных особенностей. Молодому человеку в силу его возрастных и общепсихологических особенностей свойственно, прежде всего, эмоционально-чувственное отношение к культуре в целом и к художественной в частности. Это проявляется в глубоко личностном восприятии культурной информации, в сопереживании, отождествлении себя с героями произведений, подражании

[1] Кривошеев В.В. Особенности аномии современного российского общества // Социс. 2004. №3

[2] Ильинский И.М. Молодежь планеты: глобальная ситуация в 90-е годы. Тенденции и перспективы. М., 1999

своим придуманным кумирам, как правило, еще не признанным в обществе[1].

Диссертант разделяет точку зрения Ю.А. Зубок о том, что молодежь в ходе своего становления как субъекта социального воспроизводства «вступает в конфликт с социальной системой на всех ее уровнях. Причем, если в условиях социальной стабильности конфликты, как правило, носят локальный характер и разрешаются преимущественно на микроуровне, то в обществе нестабильном происходит их эскалация до макроуровня, т.е. общества в целом»[2]. Конфликты молодежи с обществом, как правило, являются следствием (или приводят) к молодежной девиации.

В научной литературе сформировалась точка зрения о том, что девиантное поведение подростков (14-17 лет) и молодежи (18-29 лет) имеет общие для всех девиантных проявлений причины. Прежде всего, это противоречие между относительно равномерно распространенными и растущими потребностями и существенно различными возможностями их удовлетворения, или, в терминологии Р. Мертона, несоответствие между социальными ценностями, устремлениями и социально организованными средствами их удовлетворения[3].

В.Т. Лисовский справедливо указывал на наличие в российском обществе системных проблем, обусловленных как проблемами социализации и воспитания, так и неравенством положения, неравенством шансов по сравнению со взрослыми. По мнению Лисовского, в российском обществе наличествуют противоречия между постоянно растущими потребностями людей и относительно неравными возможностями их удовлетворения[4]. Применительно к молодежи особенно острый характер в силу противоречия между повышенным энергетическим потенциалом молодых, бурным развитием их физических, интеллектуальных, эмоциональных сил, желанием самоутвердиться в мире взрослых и недостаточной социальной зрелостью, недостаточным профессиональным и жизненным опытом, а, следовательно, и сравнительно невысоким (неопределенным, маргинальным) социальным статусом.

2. Также применительно к молодым остро стоит проблема «канализирования» энергии, социальной активности в общественно одобряемом, допустимом направлении, ибо молодежь особенно нуждается в социальном признании и самоутверждении, а неудовлетворенная потребность в самоутверждении приводит к попыткам реализовать себя не только в творчестве, но и в негативных поступках, преступлениях («комплекс Геростра-

[1] Сикевич З.В. Молодежная культура: за и против: Заметки социолога. Л., 1990
[2] Зубок Ю.А. Исключение в исследовании проблем молодежи // Социс. 2008. №8
[3] Зубок Ю.А. Исключение в исследовании проблем молодежи // Социс. 2008. №8
[4] Зубок Ю.А. Исключение в исследовании проблем молодежи // Социс. 2008. №8

та») или же приводит к «уходу» (алкоголь, наркотики, суицид) – как форме пассивного протеста[1].

Потребление алкоголя и наркотиков, суицидальное поведение – это формы ретризма (в терминологии Р. Мертона) [9], ухода – как результата неприятия (сознательного или несознательного) социальной действительности и неумения (нежелания) приспособиться к ней одобряемыми обществом способами.

Согласно концепции «двойной неудачи» Р. Мертона, ретристские формы поведения возникают при наличии двух обстоятельства: 1) длительной неудачи в достижении разделяемых обществом целей легальными средствами и 2) неспособности прибегнуть к незаконным (преступным) способам достижения этих целей. «Двойная неудача» ведет как к индивидуальному ретризму, так и к формированию ретристских субкультур.

К формированию ретристских субкультур (сообщества пьяниц и алкоголиков, наркоманов, хиппи) приводит: 1) личная неустроенность и неудовлетворенность (как результат противоречий социально-экономического развития, социальных условий бытия); 2) неспособность или неприятие активных форм самоутверждения, преодоления конфликтных ситуаций, фрустрации («двойная неудача»); 3) потребность в общении, в референтной группе («выбирается не алкоголь, а компания»); 4) интеграция неформальных групп как следствие давления социального контроля [2].

Экстремизм отрицает всякое инакомыслие, пытаясь жестко утвердить свою систему политических, идеологических или религиозных взглядов, навязать их оппонентам любой ценой (вплоть до применения силы). Аргументируя свои взгляды, лидеры экстремистских организаций обращаются не к разуму, а к чувствам и/или предрассудкам людей. Крайняя идеологизация экстремистских действий создает особый тип экстремистов, склонных к самовозбуждению, потере контроля над своим поведением, фанатично готовых на любые акции.

К наиболее опасным проявлениям экстремизма следует отнести все более глубокое проникновение его в сферу информационных массовых коммуникаций, культуры, образования: через пропаганду насилия, жестокости, цинизма; уничтожение исторических памятников, предметов старины и воинской славы, являющихся национальным достоянием; другие крайние действия, которые отрицательно сказываются на процессе воспитания, росте уровня культуры российских граждан. Постепенно, но целенаправленно в эту сферу общественных отношений встраиваются новые информационно-психологические технологии для разрушения отечественных и родовых традиций, лишая подрастающее и будущие поколения молодежи надежных корней, прочной системы общечеловеческих ценностей, патриотизма, культурных, семейных, моральных и этических устоев, выработанных веками.

---

[1] Лисовский В.Т. Социология молодежи. СПб., 1996

[2] Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2, 3, 4

Целесообразно обратить внимание на глубокий кризис институтов семьи и образования, отвечающих за своеобразную «путевку в жизнь» для молодежи. Именно стабильное, предсказуемое функционирование данных институтов формирует способность людей к приспособлению как ключевому социальному процессу. В свою очередь дезорганизация институтов семьи и образовании закладывает своеобразный «фундамент», обеспечивающий актуализацию дезадаптационных процессов.

Литература:

1. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
2. Гилинский Я. Девиантология. 2-е изд. испр. и доп. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.
3. Кривошеев В.В. Особенности аномии современного российского общества // Социс. 2004. №3.
4. Чикишев А.М. Девиантное поведение молодежи как одно из проявлений ее правосознания: автореф. дис. … канд. филос. наук. Хабаровск, 1995.
5. Ильинский И.М. Молодежь планеты: глобальная ситуация в 90-е годы. Тенденции и перспективы. М., 1999.
6. Сикевич З.В. Молодежная культура: за и против: Заметки социолога. Л., 1990.
7. Зубок Ю.А. Исключение в исследовании проблем молодежи // Социс. 2008. №8.
8. Лисовский В.Т. Социология молодежи. СПб., 1996.
9. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2, 3, 4.

Плотников Валерий Валерьевич,
доцент кафедры философии
Кубанского государственного аграрного университета
имени И.Т. Трубилина,
кандидат философских наук

ЭКСТРЕМИЗМ И КОНЦЕПТ ПОГРАНИЧНОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Негативная критика революционной деятельности (которая, несомненно, является экстремистской с точки зрения действующего режима), с определенной периодичностью воспроизводит аргумент о бессмысленности подобных начинаний. Под смыслом какой-либо деятельности полага-

ется ее результат, причем тождественный поставленной цели. Конечно, на уровне единичных действий говорить об отсутствии тождества между целью и результатом не приходится. В конечном счете, всякая сложная деятельность может быть разложена на серию простых действий, где обратная связь является неотъемлемым компонентом. А вот на уровне сверхзадачи, конечной цели, вполне уместно было бы задать вопрос, насколько экстремистская деятельность вообще способна приводить к результату, сколько-нибудь соответствующему конечным мотивационным основаниям совершаемых поступков.

В пространстве современного социального познания существует теоретический взгляд на экстремистскую деятельность как на деструктивную в своем основании[1]. Речь идет, прежде всего, о репрезентируемом в ряде научных источников, посвященных данной тематике, тезисе о несостоятельности и нежизнеспособности социально-политической модели, лежащей в основе экстремизма. В этом отношении экстремизм уподобляется болезни, в случае преобладания которой происходит разрушение всего организма, вместе с которым, в конечном счете, погибает и сам возбудитель заболевания. Такой взгляд, в частности, объясняет тот факт, что классическим сценарием развития революционной ситуации после свержения действующей власти, как правило, является насильственное устранение лидеров и участников экстремистской деятельности. Социальная система, таким образом, стремится к упорядоченности, тогда как экстремизм несовместим с нормальной жизнью общества.

Возникает парадоксальная ситуация. Социально-политическая модель, положенная в основу экстремизма нежизнеспособна. Экстремизм существует в форме противостояния действующей власти, из чего следует, что результатом «успешной» экстремистской кампании является устранение действующего режима. Новый политический режим, как правило, насильственным образом устраняет участников экстремистской деятельности. При этом он оказывается не тождественным социально-политической идее, которая выступала в качестве конечной цели.

Приведенное рассуждение и выводы о несостоятельности экстремизма применимы в отношении его идеологической интерпретации. Во всех остальных случаях, когда экстремистская деятельность является прямым инструментом реализации экономических или политических интересов речь идет о принципиально ином уровне мотивационных оснований. В этом отношении следует различать идеологию экстремизма и прагматику экстремизма. Прагматика экстремизма связана с преследованием определенных экономических или политических интересов и может быть поставлена на один уровень с прагматикой преступности или с прагматикой во-

[1] Кубякин Е.О. Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде в контексте обеспечения национальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2010. № 1. С. 16-18.

енной агрессии – в обоих случаях речь идет об антигуманной деятельности, направленной на преобразование сфер влияния, наносящей ущерб социально-политической системе (изнутри или снаружи).

Идеология экстремизма существует как репрезентируемая форма политического сознания. Мировоззренческий уровень, связанный с формированием и трансляцией форм экстремизма, выступает действенным инструментом на уровне прагматики экстремизма. Связано это с тем, что идеологический канал мотивации существенно превосходит экономический, поскольку его ресурсы потенциально неисчерпаемы. Этим, в частности, и объясняется значение для современного социального познания исследования именно идеологии экстремизма и выявление способов противостояния данной идеологии.

Теоретическое разграничение идеологии экстремизма и прагматики экстремизма приводит к постановке вопроса непрагматической мотивации, то есть иных оснований осмысленности экстремистской деятельности. Нами видится три возможности. Реализация идеологии экстремизма связана с недостатком уровня образования в обществе, носитель экстремистской деятельности не видит полную картину социальных связей и процессов, его деятельность основана на заблуждении и во многом не осознается. Идеология экстремизма содержит в себе идеалистическое начало, нереализованность которого во все предшествовавшие эпизоды исторического развития не рассматривается в качестве достаточного аргумента. Третий вариант связан с радикальным пересмотром статического подхода и рассмотрением непрагматической мотивации, положенной в основу экстремистской идеологии в динамическом аспекте.

Гипотеза заключается в том, что в модели экстремистской деятельности разрыв между целью и результатом, в конечном счете, не приводит к отказу от данного рода деятельности. Заметим, что обратная связь является основополагающей социальной нормой. Разрыв связи между целью и результатом для нормального общества является четким сигналом к тому, чтобы пересмотреть или цели или способы их достижения, вплоть до отказа от исходной формы намерения. Репрезентируемая модель экстремистского сознания, тем не менее, находит способы преодолеть данное противоречие. Возведение в норму несоответствия цели и достигаемых результатов становится одним из оснований жизнеспособности экстремистского сознания. Это является одним из оснований репрезентации экстремистской идеологии вне зависимости от исторического опыта и оценки предшествующих примеров.

Подобное наблюдение позволяет рассматривать идеологию экстремизма в качестве социальной девиации, именно по критерию искажения прагматических оснований поведения. Осознание девиантности прагматической модели социального взаимодействия в качестве девиации, в свою очередь, предполагает такое измерение реальности, которое определяет

происходящее в качестве нормы, или, по крайней мере, адекватной ситуации с точки зрения определенных ценностных установок.

Следует отметить, что в настоящей работе речь не идет о каком-либо оправдании экстремизма, что противоречило бы гуманистическим установкам современной культуры, однако мы намерены определить общие контуры поиска оснований субъективной целесообразности. В данном случае мы придерживаемся не психологического категориального аппарата, и вместе с тем, теоретического уровня рассмотрения, а теоретического уровня, который актуализируется в русле философской антропологии XX века. В частности, обращение к экзистенциализму, на наш взгляд, способно расширить представления о непрагматической мотивации, присутствующей в ряде аспектов человеческого существования. Так общая парадигмальная установка первичности существования по отношению к сущности является способом переосмысления соотношения цели и целесообразности. Классическое соотношение категорий таково, что цель первичная реальность, а целесообразность – вторичная. В экзистенциализме все наоборот: целесообразность первична, цель вторична. Фактически, это означает существование философского обоснования субъективной целесообразности, абстрактной от прагматической цели.

Следует также вспомнить, что экзистенциализм является одним из направлений в русле индивидуалистической культуры. Можно сказать, что современный индивидуализм получил свое выражение в первую очередь в ницшеанстве и экзистенциальной философии, причем оба примера указывают на болезненность пробуждения индивидуалистических мотивов. Это связано с кризисом свободы, проблемой отчуждения от смыслообразующего источника, актуального для различных социальных общностей. Переживание экзистенции выстраивает специфическое отношение к обществу и системе социальных норм. Характерным является их рассмотрение в контексте общей проблемы человеческого существования, которое, в свою очередь, распадается на два уровня – подлинное и неподлинное. Социально-нормированное, стабильное существование относится к неподлинному, тогда как проявление истинной свободы – к подлинному.

Определив общесоциальный уровень существования в качестве обывательского, неподлинного, абсурдного, экзистенциализм выстраивает отношение к нему, а также ставит вопрос соотношения социальной детерминированности жизни и подлинной свободы. Николай Бердяев категориально разделяет бытие и свободу: в бытии (сущем) свободы нет, свобода трансцендентна бытию, она предшествует ему. Для Альбера Камю социальные процессы, при попытке их сущностного восприятия обнаруживают бессмысленность, абсурдность. В связи с этим фундаментальное смыслообразующее действие – это бунт против абсурда в различных его проявлениях. В философии Карла Ясперса получает свое развитие тематика пограничных, а по сути экстремальных ситуаций для экзистенции человека.

Приведенное рассуждение не означает, что основополагающий тезис Сартра «экзистенциализм – это гуманизм» преобразуется в высказывание «экзистенциализм – это экстремизм». Реакционный потенциал экзистенциального мировоззрения в отношении общества, социокультурной реальности в целом связан с противопоставлением личности и общества, что, в конечном счете, приводит к снятию основных социальных блоков, или, по крайней мере, их критическому пересмотру, или деактуализации.Для экзистенциализма страх – это значимое переживание в котором раскрывается экзистенция – для общества страх – это инструмент контроля. Однако это уравновешивается ярко выраженным индивидуалистическим мотивом. В силу этого экзистенциализм не способен принять форму организованного социального движения, поскольку это бы предполагало наличие лидера и простейшей социальной системы, что в корне противоречит изначальной идее экзистенциализма.

Классический экзистенциализм ориентирован на личностное становление, а не на социальное преобразование. В этом направлении действуют гуманистические ценности. В целом, экзистенциализм резко негативно оценивает предпочтение общего блага личному, а также жертвы во имя общего блага.

На наш взгляд экстремистская деятельность а также экстремистская идеология немыслима ни в системе реализованного индивидуализма ни в системе тотального традиционализма, ситуация экстремизма является в этом отношении промежуточной, «пограничной ситуацией», в социокультурном измерении[1]. В этом отношении следует вспомнить, что экзистенциальная философия формируется в эпоху социального и культурного кризиса. Обращение к антропологическому аспекту теоретического исследования феномена экстремизма актуально в качестве одного из направлений социального прогнозирования, на уровне общей постановки диагноза современной культуры. Также, не менее существенным является практический потенциал, связанный с общей ориентацией экзистенциализма на свободу личности и гуманистические принципы, а также ценность образования, в том числе и на мировоззренческом уровне.

Литература:

1. Кубякин Е.О. Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде в контексте обеспечения национальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2010. № 1. С. 16-18.

2. Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии / Пер. С. Апта. - М.: Прогресс, 1999.

[1] Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии / Пер. С. Апта. – М.: Прогресс, 1999.

Юмашева Елена Всеволодовна,
старший преподаватель
3 кафедры
Краснодарского высшего военного училища имени С.М. Штеменко,
кандидат экономических наук, доцент
Задворная Елена Викторовна,
аспирант
Кубанского государственного университета
Юмашев Денис Викторович,
курсант 3 курса
Краснодарского высшего военного училища имени С.М. Штеменко

ТЕРРОРИЗМ В КОНТЕКСТЕ КИБЕРАТАК: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Мировое сообщество не отличается стабильностью и предсказуемостью. Мир полон угроз экономического, социального, экологического, информационного и военного характера, националистических настроений, международного терроризма, экстремизма, сепаратизма, и т. д.

Следует заметить, что терроризм в последнее время занимает главенствующие позиции в современной реальности. На нашей Планете еженедельно происходят акты террора. Классификация терроризма по некоторым критериям представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Классификация терроризма

Классификационные признаки	Классификация терроризма
По видам	• международный, ядерный, компьютерный, биотерроризм, экотерроризм
По носителям	• исламистский, левый, правый, баскский терроризм • армянских националистов, ирландский, еврейский, палестинский
По странам и регионам	• Россия, революционный терроризм в Российской империи, США, Европа, Великобритания, Франция, Германия

На 2 июня 2017 г. в Едином федеральном списке организаций, в том числе иностранных и международных, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими числятся 27 организации[1].

Лондонский Институт экономики и мира совместно с Университетом Мэриленда 15 ноября обнародовали Отчет о состоянии глобального терроризма в 2017 году (The Global Terrorism Index 2017).

[1] Федеральная Служба Безопасности РФ. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими http://www.fsb.ru/fsb/npd/ terror.htm

Таблица 2 – Рейтинг стран мира по уровню терроризма University of Maryland, Institute for Economics and Peace: Global Terrorism Index 2017[1]

Рейтинг	Страна	Индекс
1	Ирак	10.0
2	Афганистан	9.44
3	Нигерия	9.01
4	Сирия	8.62
5	Пакистан	8.40
6	Йемен	7.88
7	Сомали	7.65
8	Индия	7.53
9	Турция	7.52
10	Ливия	7.26
11	Египет	7.17
12	Филиппины	7.13
13	Демократическая Республика Конго	6.97
14	Южный Судан	6.82
15	Камерун	6.79
16	Таиланд	6.61
17	Украина	6.56
18	Судан	6.45
19	Центрально-Африканская Республика	6.39
20	Нигер	6.32

Международные эксперты рейтинг страны по уровню терроризма оценивают по количеству терактов, размеру материального ущерба, числу пострадавших и погибших. Рейтинг возглавляют шесть государств с наивысшим уровнем влияния терроризма на жизнь: Ирак (10 баллов), Афганистан (9,4), Нигерия (9), Сирия (8,6), Пакистан (8,4), Йемен (7,9). К странам с высоким уровнем терроризма относятся Сомали, Индия, Турция, Ливия, Египет, Судан, Украина и другие. Среди западноевропейских государств наибольшая террористическая активность наблюдается во Франции (6 баллов и 23-е место). Соединенные Штаты Америки занимают 32-е место (5,4 балла), Россия – 33-е (5,3 балла), Великобритания – 35-е (5,1 балла)[2].

Характерной особенностью террористических атак современного периода стало серьезное расширение географии, увеличение количества терактов возрастание жертв, рост размеров материального ущерба.

Терроризм характеризуется масштабным характером. Тактика террористов меняется от запугивания стран отдельными террористическими ак-

[1] Глобальный индекс терроризма. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2017 (последняя редакция: 16.11.2017). URL: http://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index/info

[2] Глобальный индекс терроризма. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2017 (последняя редакция: 16.11.2017). URL: http://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index/info

тами до информационного давления над человечеством путем совершения крупномасштабных акций.

Сегодня терроризм принял масштабы государственности – Исламское государство (террористическая организация, запрещенная в РФ), халифат с собственной территорией, населением, человеконенавистнической идеологией. Массовым террористическим атаками сегодня подвергаются не только страны ближневосточного и центрально-азиатского региона, но и прежде благополучной Европы, государства с отлаженной системой внутренней безопасности: Россия, США, Франция, Великобритания, Китай и др. Миграционные потоки способствуют распространению зла по всему миру под видом беженцев или трудовых мигрантов.

Сегодня терроризм не преследует определенные цели, а совершает массовые убийства всех «попавших по руку». Ведется «диверсионно-террористическая войны». Главная цель террора – повергнуть человечество в страх и ужас. Покушения на представителей органов власти и их физическое уничтожение, применение методов информационно-психологического воздействия на общество в целях провоцирования антиправительственных настроений способствует успешной борьбе за влияние и власть.

Терроризм превратился из нелегальных группировок, пытающихся проявить свое желание участвовать в политических процессах отдельного государства, в структуры с достаточным потенциалом и возможностями бросить вызов всему миру, заявив о своих претензиях на его передел.

Запрещенные структуры изменяют объекты нападения, что в значительной степени затрудняет возможности прогнозирования террористических угроз.

Высокое техническое и информационное сопровождение террористических атак способствует их эффективности и затрудняет противодействие терроризму, повышает его опасность для мирового сообщества, а также для общества, государства и личности.

Информационное общество, сменившее постиндустриальное, характеризуется главенствованием информации во всех сферах жизни и деятельности.

Активное внедрение информационных технологий способствовало трансформации структуры современного общества, укреплению экономического и оборонного потенциала страны. Однако следует заметить, что преимущества информации не обошли стороной теневые структуры. Мировая преступность благодаря информационным сетям заняла статус транснациональных организаций, тщательно законспирированных сообществ фанатиков-единомышленников с железной дисциплиной и развитой финансовой инфраструктурой.

Современный терроризм выступает как средство информационной войны, цель которой направлена даже не на уничтожение людей, а на

устрашение и деморализацию живых по факту террористических атак. Усилия террористов направлены на масштабное освещение их действий в средствах массовых коммуникаций и массовой информации, иначе цель не будет достигнута. Цель террористов заключается в подготовке широких масс к восприятию совершенных атак, насаждению чувства страха и возможности успешного манипулирования общественным сознанием.

Экстремисты работают над созданием всемирной террористической сети «Автономный джихад», более известный под названием «слипперы». Вербуя своих агентов по всему миру с помощью информационной «паутины», они создают террористическую «паутину» зла, готовую на местах в определенный момент наносить точечные удары. Взаимодействие и прочные связи с этническими преступными группировками способствуют обеспечению боевиков оружием, документами и всяческим содействием.

Международная террористическая сеть использует традиционные каналы связи и обычных месенджеров для координации своих действий. При подготовке и совершении теракта 3 апреля в Санкт-Петербурге эмиссар ИГИЛ из-за рубежа руководил с помощью WhatsApp и Telegram действиями смертника.

Экстремисты успешно ведут идеологическую пропаганду в глобальной Сети, где к настоящему времени насчитывается более десяти тысяч их сайтов. В социальных сетях, широко используемых молодежью, создаются закрытые группы, где бандиты ведут психологическую обработку и вовлечение в свои ряды, привлечение финансовых средств, обучение тактике ведения боевых действий и совершения терактов. Подобные аккаунты сегодня исчисляются несколькими сотнями тысяч. Лица, попавшие под влияние радикальных идей, не проявляют явной активности до момента исполнения преступления, что требует от спецслужб применения всего спектра оперативных возможностей в целях выявления и предотвращения действий указанных категорий лиц.

Особо остро стоит вопрос о расширении сотрудничества террористов с хакерским сообществом и организации с их помощью собственных «киберподразделений». Современный мир становится свидетелем совершенствования технического уровня и изощренности современных кибератак. Оценивая прежний опыт киберпреступлений, направленных на государственные информационные ресурсы, можно предположить о переориентации вектора экстремистов на жизненно важные инфраструктурные объекты с возможностью совершения техногенных аварий и экологических катастроф. Однако это предположение может явиться реальностью.

Первостепенная задача спецслужб заключается в предупредительных превентивных действиях, направленных на недопустимость распространения зла.

Совместными действиями спецслужб Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Китая, Индии, Южной Кореи, Чехи, Австрии, Сербии и России предотвращены ряд терактов, установлены и задержаны члены МТО.

В целях предотвращения террористических угроз необходимо создание единого антитеррористического информационного пространства с использованием Международного банка данных по противодействию терроризму, созданного ФСБ, который содержит информацию об иностранных террористах, попавших в поле зрения спецслужб. Сегодня важно активное содействие партнеров в его формировании и расширении. В России совершенствуется законодательная база, запрещающая использование современных средств связи в целях организации и координирования террористических атак. Был принят закон о предоставлении профильным ведомствам ключей для дешифрования трафика электронных сообщений. При этом операторы связи обязаны хранить информацию и предоставлять ее по запросу правоохранительных органов. Данные нововведения подверглись резкой критике в нашей стране. Однако принятый подход ни в коей мере не направлен на ущемление прав и свобод граждан. При этом следует помнить, что свободы не бывает без безопасности.

Эффективность противодействия международным компьютерным атакам в большей степени зависит от организации взаимодействия национальных служб, реагирующих на компьютерные инциденты. В этих целях необходимо создание международного запрета на разработку вредоносного программного обеспечения. Жизненно важен контроль со стороны государства над киберпространством, на которое покушаются МТО. Необходимо приведение национальной нормативно-правовой базы в соответствие с возможными угрозами информационной безопасности со стороны международного терроризма. Компьютерные атаки имеют международный характер, что требует межгосударственного взаимодействия спецслужб.

В борьбе с международным терроризмом ООН является связующим звеном между рядом государств. 24 мая была принята Резолюция Совбеза в поддержку «Всеобъемлющей рамочной стратегии противодействия распространению террористических идей». Она содержит конкретные предложения. На состоявшемся 4 и 5 октября в Краснодаре XVI Совещании руководителей спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов иностранных государств – партнеров ФСБ России, в котором приняли участие представители спецслужб 74 стран мира, было принято Заявления в поддержку указанной Резолюции. В нем отражены ключевые позиции, касающиеся сотрудничества спецслужб, включая конкретные санкции в отношении стран, которые замечены в финансировании террористических группировок. Сегодня как никогда ранее необходимо укрепление взаимного доверия между странами и сплочение рядов мирового сообщества против главнейшего зла человечества – терроризма.

Корелов Олег Анатольевич,
старший преподаватель кафедры
оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел
Нижегородской академии МВД России,
кандидат физико-математических наук

ВОЗМОЖНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЗИТИВНОЙ КОРРЕКЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Решая поставленную проблему, применительно к России, необходимо, прежде всего, определиться, что считать экстремизмом, где его истоки и в чем его исторический смысл. Следует с сожалением констатировать, что вопросы эти исследованы совершенно недостаточно - как в официальных нормативных актах (российских и международных), так и в научных работах[1].

Так, например, понятию «экстремизм» ПАСЕ дала официальное определение в 2003 году. Согласно ему, «экстремизм – это такая форма политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии». Но тогда экстремисты – это подавляющее большинство населения планеты. В частности, вся российская история – это история экстремистов, ибо сама по себе демократия в России была почти всегда, а вот именно парламентского типа – практически никогда не было.

В России юридическое определение того, какие действия считаются экстремистскими, содержится в статье 1 Федерального Закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» с поправками от 29 апреля 2008 г. Однако присутствующее в данном законе определение понятия через формы его проявления никак нельзя считать удачным.

Во-первых, определение экстремизма только как формы деятельности затрудняет возможность профилактирования экстремистских взглядов, во-вторых, список его проявлений заведомо не может быть исчерпывающим, ибо экстремизм – это всегда развивающееся явление, в третьих, все указанные проявления в некоторых специфических условиях могут не быть проявлением именно экстремизма. Наконец, признаки многих деяний приведены недопустимо расплывчато, что такое, например, возбуждение социальной розни, применительно к условиям кризиса?

Рабочее же понятие экстремизма, которым фактически руководствуются органы внутренних дел в своей работе – достаточно простое. Экстремист, во-первых, не считает власть легитимной, и, во-вторых, готов бороться с ней, не ограничиваясь разрешенными законом способами. Но,

[1] Истоки и смысл современного российского экстремизма // Современные проблемы юридической науки и практики: сборник научных трудов. Вып. 8. Н. Новгород, 2011., с. 118-129.

если ограничиться этим, то проблемы экстремизма нет вообще, нужно просто пресекать противоправные деяния. Однако само обилие различного рода мероприятий по изучению феномена экстремизма наводит на мысль, что не все так просто.

Экстремисты, заметим – это потенциально очень ценные люди. Главный конкурентный ресурс созидаемого в мире информационного общества – это человек, который способен определить и отстаивать позицию[1]. Пусть даже сейчас она представляется неприемлемой, но на любого человека можно повлиять и любую его позицию можно скорректировать. Апостол Павел, напомним, начинал как гонитель христиан Савл, а отец реформации Лютер в юности был пламенным католиком.

Корректировка позиций в нужную сторону возможна, если будут выяснены два взаимосвязанных аспекта проблемы:

- чего не хватает представителям власти для позитивного воздействия на экстремистов;

- почему человек становится экстремистом, где истоки и, следовательно, в чем общественное значение современного российского экстремизма?

Рассмотрим эти вопросы.

Власть может влиять на общественную позицию людей, пользуясь понятием блага, опираясь на категории нравственности и при наличии воли.

Понятие блага заключает в себе три аспекта:

- интеллектуальный, оперирующий понятием «разум», предполагающий адекватность, соответствие общества объективным законам развития мира;

- социальный, оперирующий понятием «справедливость», предполагающий адекватность представлений человека о добре и зле объективным законам развития общества;

- морально – этический, оперирующий понятием «совесть», предполагающий адекватность представлений человека о нормах межличностного, индивидуального общения природе человека.

Нравственность предполагает, что цель процессов в обществе, в том числе и диалога между людьми, занимающими разные (и даже полярные позиции, должна быть такая, что ее можно озвучить). Заметим, что одной из особенностей информационного общества является предельная затрудненность реализации целей, которые приходится маскировать.

Воля – это свойство сознательно добиваться цели, преодолевая препятствия. Именно воля замыкает все три элемента в систему: она в качестве необходимого условия предполагает разрешение человеком вопросов блага и нравственности.

---

[1] Делягин М.Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис. – М.: Вече, 2008. – 508 с., Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. СПб: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2005. – 618 с.

Экстремизм, по всем этим аспектам, уже по смыслу слова – должен рассматриваться как существенное уклонение от чего – либо, что является правильным. Это предполагает, что существует некоторая «норма» общественных отношений. Определимся с ней – определимся с экстремизмом. Начнем с понятия блага в трех указанных его ипостасях.

Интеллектуальный аспект понимания «нормы» обусловлен рассмотрением понятия прогресса. Экстремизм – это всегда противодействие объективным требованиям социального развития. Существует совокупность объективно обусловленных, жизненно важных потребностей для субъектов общественной жизни – государства, гражданского общества, отдельных социальных групп, определенный уровень их осознания, представления об адекватных методах решения этих задач. В результате процессов социального взаимодействия формируется иерархия задач, провозглашенных общественно-значимыми. Всякая деятельность, связанная либо с игнорированием объективных задач, либо с неправильным их пониманием, либо с применением неадекватных методов решения, а так же с усилением объективно существующей разницы интересов - является антиобщественной и может перерасти в экстремистскую.

Для этого необходимо дополнительное условие: экстремизм – это всегда покушение именно на жизненно важные права, интересы, ценности больших масс людей. Кроме того, необходимо внести еще одно уточнение. Противодействие требованиям прогресса, угрожающее жизненно важным потребностям общества может рассматриваться как экстремизм, только если это деятельность сравнительно небольших групп граждан. В противном случае – это неадекватно выраженная воля народа или, по крайней мере, заметной его части.

Что происходит в мире? Переход от индустриального общества к постиндустриальному (информационному), от машинного производства – к автоматизированному. Основные черты такого общества уже достаточно хорошо изучены, чтобы сказать: «…Вопрос в смене парадигмы развития человечества. Если мы по-прежнему будем развиваться, прежде всего, ради прибыли, то нам уже в ближайшие годы придется решать чудовищную задачу – утилизации «лишнего» населения Земли. Ну и желательно самим в эту категорию не попасть. Это – людоедская задача»[1]. Поэтому в мире с начала 20-30-х годов XX века по нарастающей идут процессы взятия под сознательный контроль общества движения капитала, то, что Маркс называл уничтожением частной собственности, людей приучают к тому, что

[1] Делягин М.Г. Дураки, дороги и другие беды России. Беседы о главном. – М.: Вече, 2010. – 336 с. – (Русский вопрос), с. 49; см. так же Концептуальные основы борьбы с подростковой наркоманией в современной России: монография / Корелов О.А., Куранова Т.О., Попов О.А. - М.: ФГУ "ВНИИ МВД России", 2013. - 208 с.;.

необходимо формирование коллективного, межличностного сознания, способного к такого рода деятельности.[1]

В свете этого позиция российской элиты, сравнительно узкой группы, узурпировавшей право представлять общество, на приоритетное развитие частной собственности и индивидуального эгоизма выглядит, мягко говоря, интеллектуально сомнительной.

Социальный аспект проблемы выглядит следующим образом.

Согласно европейской философской традиции достижение общественного блага предполагает реализацию двух противоположных идеалов, которые Платон назвал «справедливость по природе» и «справедливость по обычаю»[2].

Первая – это неограниченное право лучшего на приоритетное удовлетворение своих потребностей, реализация принципа элитарной свободы. Второе – это право всех членов полиса на равную действенную защиту своих интересов, реализация принципа социального равенства.

В обыденном сознании это противоречие идеалов отражается одновременным существованием изречений о том, что победа добывается немногими лучшими, и для нее нужно не десять, кто прыгнет на один, а один, кто прыгнет на десять (1), но цепь не прочнее самого слабого звена (2).

Нормой общественной жизни является сочетание этих идеалов. Они в той или иной мере взаимодействуют, ограничивая отрицательные стороны противоположного идеала и позволяя проявиться его достоинством. Попытки последовательно реализовать лишь один из идеалов ведут общество к социальной катастрофе.

Исходя из вышеизложенного, в качестве первого приближения в познании понятия «экстремизм» можно констатировать, что возможны две основных разновидности экстремизма – праворадикальный, связанный с преуменьшением существенно выше меры значимости идеала социального равенства, и леворадикальный, связанный со столь же значительным умалением элитарной свободы. Реальная картина, конечно, сложнее. Так же, как в любом реальном обществе ни один из противоположных идеалов не реализуется в чистом виде, а только в дополнении с противоположным, так и в идеологии реальных право- и леворадикальных групп присутствуют в той или иной мере и в различной подчиненности оба этих идеала.

Отсюда следует – невозможно победить правый, либеральный экстремизм, просто отрицая идеал «свободы» или левый – отрицанием идеала «равенства», просто «тащить и не пущать». Необходимо, что бы власть и ее идеологические органы, во-первых, осуществили синтез этих идеалов, во-вторых, таким образом, чтобы это отвечало объективным потребностям

---

[1] С. Патонов. После коммунизма. – М.: Мол. гвардия., 1991. – 505 с., Делягин М.Г. Указ. соч., с. 47.

[2] С. Платонов, указ. соч. с. 122.

общества, позволяла решить приоритетные проблемы его развития, и, в третьих, довела в полном объеме

Однако сейчас российская элита выступает ярким и последовательным экстремистом правого толка и, следовательно, едва ли сможет вести сколь-либо конструктивный диалог с оппонентами. В 90-ые годы прошлого века баланс взаимоограничений двух ипостасей справедливости рухнул. Причем не только на пост-советском пространстве. Лишившись внешнего ограничителя, западная элита стала ломать сложившуюся систему сдержек и противовесов, как в международных отношениях, так и внутри собственно западных обществ. Финансовый кризис 2008 года во многом был обусловлен тем, что денежные потоки, регулированием которых брали под контроль движение капитала в целом, вышли из-под контроля в результате отмеченного процесса демонтажа механизмов социального регулирования. И этот кризис отнюдь не преодолен, напротив, он обретает все новые формы, углубляется, и впервые за последние 50 лет на повестку дня стал вопрос о глобальном военном конфликте. И очень похоже, что на роль пирожка, дележом которого джентльмены попытаются урегулировать свои разногласия, назначена Россия, а российское руководство - на вакантную должность «хусейна – каддафи».

Это дополнительно обостряет ситуацию в России, хотя и объективных предпосылок для роста экстремистских настроений в России более, чем, достаточно. Наиболее глубокая ломка и социально – экономического уклада и общественного сознания имела место быть в России, а напряжение между объективными требованиями общественного прогресса и степенью их осознанием правящей элитой, именно в ней достигли максимума. Налицо случай, когда врач должен сначала сам излечиться. Государственная власть, хотя и отмежевалась от некоторых крайностей «лихих девяностых», в практической политике, прежде всего, в сфере экономики и финансов, продолжает во многом ту же линию.

При рассмотрении нравственного аспекта возможного позитивного влияния на экстремистски настроенных лиц, возможной коррекции их позиции актуальным представляется следующее.

До настоящего времени в России отсутствует объявленная и позитивно воспринятая населением концепция национального развития.

Она полагает, прежде всего, формулировку идеала (для чего деятельность). Это основное и необходимое условие для планирования собственно деятельности, которое в качестве необходимых элементов предусматривает четкое выделение:

- цели деятельности: какие противоречия реальности необходимо разрешить для достижения идеала (определяется из сопоставления идеала и выявленных основных системных противоречий реальности, основных тенденций ее развития);

- задач деятельности – в каких направлениях следует работать и каких результатов следует добиться для достижения целей;

Идеал – это исходное понятие, то-есть он выводится из самого себя, а значит, процесс его постановки не может быть формализован. Поэтому формулировка идеала – это наиболее сложная часть социального управления, и одновременно – самая важная. Идеал – результат перевода общих представлений общества о самом себе и путях своего развития в деятельную сферу. Исходя из этого, предполагаем, что основой для формулировки идеала в современную эпоху должен служить принцип гуманизма во взаимосвязи с уяснением принципиальных законов диалектически развивающегося мира. Указанный выше переход цивилизации к стадии информационного общества ставит проблемы становления человеческой личности и ее места в обществе предельно остро, но такая проблема в России не только не решается, но даже толком не озвучена.

То, что идеал, которого придерживается наша элита, не обнародован, наводит на размышления: либо эта элита сформировать такой идеал не способна (тогда она не заслуживает права называться таковой), либо внятное его изложение невозможно по нравственным соображениям, что, опять – таки, сводит возможность позитивного воздействия на экстремистов к минимуму. Указанные недостатки в позиции российской власти и официального общества практически исключают так же и наличие политической воли на достижение общественно значимых целей.

Подводя итоги, следует констатировать, что российский экстремизм – это естественная реакция общества и людей на ошибки государства при решении жизненно важных вопросов, представляющие опасность для дальнейшего существования и страны и народа. К числу таковых следует отнести:

- неверное понимание общественного блага и справедливости, чрезмерное внимание к обеспечению элитарной свободы в ущерб социальному равенству, сущности современного этапа развития человечества, игнорирование необходимости воспитания из каждого человека всесторонне развитой личности, необходимым условием для чего является всестороннее социальное управление, взятие под сознательный контроль прежде отчужденных общественных отношений,

- неверная социально – экономическая политика, ориентированная на приоритетное развитие частной собственности, что игнорирует сущностные особенности пост-индустриального (информационного, когнитивного) производства,

- идеал развития, цели российского общества не доведены до народа;

- воля власти отсутствует, она не способна даже на последовательные попытки реализации собственных программ и проектов.

Либо эти проблемы будут решены, либо современный экстремизм перестанет быть таковым, превратившись в волеизъявление народа, либо Россия утратит потенциал развития, окончательно превратившись из субъекта мировой политики в объект дележа ресурсов.

Москаленко Сергей Григорьевич,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат исторических наук, доцент

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В XXI ВЕКЕ

Молодежный экстремизм в начале XXI века существенно трансформировался, приобретя ряд специфических признаков, радикально отличающих его от аналогичных феноменов. Фундаментальный фактор, повлиявший на трансформацию феномена – это углубление мировоззренческого кризиса, обессмысливание самого по себе процесса интеграции в социальные связи и структуры, длящийся всю вторую половину XX века.

Исторический опыт XX века заставляет признать силу интуитивно очевидной мысли: человек вообще и молодой человек, в частности, крайне болезненно инстинктивно воспринимает деперсоналистические тенденции современной культурной эволюции.

Личностная идентификация на заменима и невосполнима этнической, социальной, идеологической идентификациями. Культивирование любого ценностного ряда, некомплиментарного личностной самоидентификации, будет приводить к негативным последствиям для нормального становления молодого человека, к поиску компенсаций такой важной утраты. Попытки компенсации по типу «буйства архетипов», превосходно исследованного К.Г. Юнгом, не решают проблему, а усугубляют ее остроту.

Приоритет механического коллективизма, «роевого начала» над личностным, растворение последнего в первом внешне парадоксальным образом усиливает анархо-бунтарские радикалистские поведенческие и ментальные ориентации. Очень показательна в данном смысле судьба Л.Н. Толстого, концепция поглощения роевым началом личности которого в решающей степени способствовала его антигосударственному бунту последних лет жизни. Не случайно редкий представитель радикальной политизированной интеллигенции эпохи первой мировой войны и революций 1917 г. в России смог избежать влияния толстовства на свои ценностные и поведенческие приоритеты.

Радикальные тоталитаристские тенденции в последствиях доминирования «роевого» принципа бесспорны и очевидны. Сложнее обнаружить неизбежную, как оказалось, связь принудительного тоталитарного коллективизма с анархистским экстремизмом и радикализмом.

Самым эффективным превентивным средством ослабления данной генерирующей экстремизм способности аксиологических и ментально-культурных моделей растворения личного начала в механическом коллективизме является, на наш взгляд, не только личностно ориентированная

педагогика, но и личностно осмысленная историософская концепция культурно-исторической эволюции общества и государства.

Необходимость акцентировано персоналистической историкософии сейчас очевидна как никогда ранее. Такая позиция, такой угол зрения дадут возможность молодым людям стимулировать в себе позитивные созидательные элементы культурно –исторической генетики, соорудить в самом себе мощный барьер на пути проникновения в сознание и подсознание разрушительных для личностной самоидентификации феноменов.

Процесс преподавания исторических дисциплин, содержание и идеологические обертона материалов на исторические темы СМИ в России до сих пор базируется преимущественно на коллективистской парадигме, непосредственно связанной с самими основами мировоззрения так называемого «освободительного движения» в России XIX века. Вербальные комплименты персонализму ни в малейшей степени не затрагивают аксиоматический ряд текстовых, вербальных, визуальных историософских механико-коллективистских конструкций.

И это наблюдается в стране, где в широких массах населения, в целом, самым мучительным выработано устойчивое культурно-генетическое отторжение всех форм насильственного радикализма. В XX Россия мучительно и долго болела экстремизмом и радикализмом всех видов, погрузившись, в конечном итоге, в одну из самых страшных гражданских войн в мировой истории, под непосредственным влиянием последствий которой было сформировано классическое тоталитарное государство 30-40-х гг.

Представляется существенно необходимым резко усилить антиэкстремистский потенциал содержания исторических дисциплин, с которыми молодые люди сталкиваются в средних и высших учебных заведениях. Для такого усиления вовсе не требуется сложных изысканий, необходимы подчас только корректно расставленные акценты для бесспорной и очевидной фактографии.

Например, существенному закреплению созидательных и позитивных элементов в культурно-генетической памяти молодежи будет способствовать такая структура учебных тем и номенклатура исторических сюжетов курсов истории России, которые будут акцентировать внимание молодежной аудитории на созидательных, а не деструктивных фактах и процессах.

До сих пор непропорционально много места в курсах истории России отводится тематике «крестьянских восстаний» и «крестьянских войн» в XVII-XVIIIвв., стачек, забастовок, баррикадных боев, террористической войны с правительством XIX - XX века. При этом явный сочувственный интерпретационный акцент авторов в большинстве случаев очевиден. Нам не удастся эффективно противостоять экстремизму, если данная парадигма «классовой борьбы» и ее героев в диапазоне, например, от Ивана Болотникова до Веры Засулич и Льва Троцкого будет по-прежнему тиражировать-

ся и закрепляться в структуре, фактографии и интерпретационных схемах курсов истории России. Как никогда ранее нам необходимо решительное размежевание академической науки с политизированной пропагандой, с насыщенным эмоциональной симпатией к экстремизму историческим нарративом.

Серьезный превентивный удар по молодежному экстремизму будет нанесен уже самим фактом адекватной атрибуции исторических фактов, процессов и персоналий. «Герои» подпольной борьбы и городской террористической герильи - народовольцы и их последователи социалисты-революционеры – при такой адекватной атрибуции будут изображены, например, не как романтические герои – одиночки, борцы с мировой несправедливостью, воплощенной в пресловутом «самодержавии», а как профессиональный политизированный организованный криминал, имеющий отчетливо просматриваемые индивидуальные и групповые специальные интересы, уходящие подчас весьма далеко за пределы границ Российской империи.

Тем самым привлекательность этического камуфлирования и романтической эстетизации технологии политических убийств и экстремистских идеологий в глазах молодежи будет существенно снижена.

Немаловажным по последствиям фактором, повлиявшим на известную активизацию интереса молодежи к экстремизму, является изменение тенденций в области религиозно мотивированного молодежного экстремизма.

В конце XX века аналитики прогнозировали рост популярности экстремистского крыла молодежных или новых религий, известного как «тоталитарные секты» с их техниками вербовки, «контролирования сознания», принудительного изолирования адептов от внесектантского окружения, целевой финальной индоктринации сознания и др.

Для такого рода прогнозов, казалось бы, имелись все основания, тоталитарное сектантство в конце XX века было во многом новым и шокирующим для России явлением, с тенденцией постоянного роста числа адептов, достаточно часто с молодежным преобладанием. Некоторые тоталитарные секты смогли превратиться, пользуясь пробелами в законодательстве о религиозных объединениях, в многочисленные полукриминальные корпорации с законспирированным профессиональным ядром, аналогично российской социал-демократической партии большевиков в первоначальной точке генезиса.

Это обстоятельство, как и некоторые другие, сопутствующие ему, стало причиной усиленной разработки в отечественной научной и публицистической мысли проблематики тоталитарного сектантства в связи с его потенциальным влиянием на рост молодежного экстремизма.

Тенденции религиозной мотивации молодежного экстремизма, тем не менее, приобрели неожиданную направленность. Интерес к нетрадици-

онным формам сектантской религиозности постепенно стабилизировался и даже стал падать, уступая по экстремогенному потенциалу спортивному, политизированному или коммерциализированному молодежному массовому «экшену». И главной неожиданностью в этой связи стал определенный рост интереса молодежи не к тоталитарной и нетрадиционной религиозности, которую даже стали квалифицировать как «молодежную религию», а к традиционной, радикальной, но не менее экстремизированной религиозной мотивации.

Особенно отчетливо данная тенденция проявилась в интересе к радикальному исламу, экстремизировавшему некоторые течения суннизма и ставшему идеологической основой ИГИЛ (запрещена в Российской Федерации). Не исключена опасность экстремистской радикализации и в других неисламских традиционных религиозных мотивациях.

Сфера традиционных религиозных мотиваций поэтому не должна оставаться в стороне от анализа как экстремогенный фактор в общественной и государственной жизни. Превентивных мероприятий представителей традиционных конфессий оказывается не всегда достаточно, эффективное противостояние молодежному экстремизму с религиозной мотивацией в силу своей огромной важности для стабильности российского общества требует добавочных регулярных просветительских усилий со стороны представителей академической и вузовской науки.

Грачев Сергей Иванович,
заведующий научно-исследовательским центром изучения проблем
национальной и международной безопасности
Института международных отношений и мировой истории
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
доктор политических наук, профессор, полковник
Жидков Алексей Владимирович,
аспирант
Института международных отношений и мировой истории
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ДЕТЕРМИНАНТ В СИСТЕМЕ АНТИТЕРРОРИЗМА

Пропаганда экстремизма и терроризма относится к одному из основных направлений деятельности экстремистских и террористических организаций, наряду с вербовкой, обеспечением связи, подготовкой и финансированием. Организаторы информационно-пропагандистских кампаний, динамично используя возможности сети «Интернет», активно и настойчиво пропагандируют мировоззренческие постулаты экстремизма и терроризма,

освещая в выгодном свете собственных действий, оправдывая совершение террористических актов, использование метода психологического воздействия для нагнетания страха и тревоги[1].

Следует заметить, что широкое распространение возможностей Интернета, доступность его использования, отсутствие (в ряде случаев, невозможность) надлежащего механизма государственного контроля, создают благоприятную почву для эксплуатации глобального информационного пространства террористическими и экстремистскими организациями по своему назначению.

Таким образом, одной из важнейших задач современности в системе антитерроризма и противодействия экстремистской деятельности является постоянное поддержание на высоком уровне информационное противоборство преступной идеологии. При этом, чтобы организовать достойное информационное противодействие, необходимо иметь представление о механизмах информационно-пропагандистских воздействий (иногда этот термин определяют как «информационно-психологические воздействия») на массовое сознание, механизмах реализации террористическими и экстремистскими организациями наступательно -информационных операций, и проводить научно-обоснованную и практически действенную информационную политику.

В этой связи поддержание в рабочем состоянии методик, оценивающих степень воздействия враждебной информации (электронных, печатных СМИ, интернета и т. п.) на электорат является архи наиважнейшей задачей. Кроме того, это необходимо, с целью выявления и устранения факторов, способствующих распространению терроризма в стране. Подобные методики позволяют анализировать информационную среду на предмет содержания в ней информационно - пропагандистских воздействий, способных провоцировать проявления экстремизма и терроризма, а также информационных признаков, характерных для того или иного способа организации террористического акта.

При изложении основных подходов к выявлению признаков информационно-пропагандистского воздействия, специалисты исходят из того, что основными компонентами террористической деятельности, определяющими ее общественную опасность, являются: мотивы и конфликтная ситуация. Мотивы должны исследоваться в первую очередь, ибо именно они являются основной движущей силой любого экстремистского проявления, и поскольку попытки именно их стимулирования могут быть легко обнаружены при изучении информационных потоков, воздействующих на сознание населения[2].

---

1. Грачев С. И., Сорокин М.Н., Азимов Р.А. Терроризм: концепты, идеология, проблемы противодействия: монография / С.И. Грачев, М.Н. Сорокин, Р.А. Азимов.- Н.Новгород: Институт ФСБ России, 2015.- С. 107 с.

[2] Грачев С.И., Морозова А. С. Терроризм: действительность и будущность / С.И. Грачев, А.С. Морозова // Современная наука и инновации. - Ставрополь – Пятигорск. – 2015.- № 4 (12).- С. 172.

Анализируя то, какие цели и какие идеи пытается внедрить в массовое сознание тот или иной источник информации, к каким последствиям приведет развитие идей, которые он пытается стимулировать, можно понять - формирует ли этот источник информацию экстремистской направленности или нет.

В основу формальной модели, описывающей деструктивное влияние информационных потоков на индивидуальное и массовое сознание, должно быть положено представление о системах ценностей социальных групп, а также лиц, склонных к проявлениям терроризма и экстремизма.

Поскольку при оценке влияния информационных потоков в рассматриваемом аспекте специалисты должны обращать внимание на изменение сознания индивидов с точки зрения появления у них соответствующих мотивов, то они (аналитики) прежде всего, должны задать предельные состояния систем ценностей, которые соответствуют лицам, склонным к совершению экстремистских и террористических действий.

Основная идея подхода к анализу информационных потоков заключается в сопоставлении ценностных портретов лиц, склонных к экстремистской и террористической деятельности, тех образов «идеальных героев», которые пытаются создать в сознании населения те или иные источники информации, а также ценностных портретов представителей тех или иных социальных групп. Например, молодой человек видит на экране некоторый эпизод фильма, в котором некто с «благородной» целью совершает насильственные действия («джихад») в отношении другого лица. Но с точки зрения фундаментальных ценностей насилие, экстремизм, терроризм есть зло. И в этом смысле данное информационное сообщение навязывает ему идею оправдания зла. На основании проведенного анализа данного условного примера мы можем сказать, что источник информации пытается оказать давление на систему ценностей потребителей информации с целью осуществления определенной трансформации, т.е. создания в сознании зрителя, читателя соответствующего ценностного идеала.

Подсчитывая общее количество таких эпизодов (точнее подобного рода оценок, отдельно положительных и отрицательных) можно построить ценностный портрет идеала, навязываемого источником данного информационного сообщения (фильма, передачи, статьи, сайта и т.п.). При этом необходимо ставить две главные цели: выявление смещения к террористическим портретам; выявление к созданию благоприятной для экстремизма и терроризма атмосферы (состояние ужаса, ожидание трагедий и т.п.).

Кроме того, постоянный мониторинг информационных потоков, циркулирующих в средствах массовой коммуникации, позволит: осуществлять стратегический анализ политической, социальной информации; направленность информационной политики субъектов информационного пространства (экстремизм, национализм, радикализм и т.п.); определять, как эта политика выстроена в русле матриц сознания различных социальных

слоев и в целом населения России. Важно постоянно учитывать результаты мониторинга при разработке и проведении мероприятий информационного противоборства, выявлении заказчиков подрывных акций, блокировании материалов негативного характера. Такая система должна быть одним из ключевых звеньев диагностики состояния информационной среды российского общества[1].

Противодействие негативным информационно-пропагандистским воздействиям, как в целом, так и в особенности в системе противодействия экстремистской и террористической деятельности имеет громадное значение, как для отдельного человека, так и для общества в целом. Целью противодействия информационно-пропагандистскому воздействию является выявление, предупреждение, пресечение или нейтрализация деструктивного информационно-пропагандистского воздействия на людей и последующее изменение в пользу общества, соотношения морально-пропагандистской устойчивости сторон, поддержание ее на уровне, необходимом для успешного проведения антитеррористической деятельности и, соответственно, достойного ведения политической, социальной и экономической деятельности государства.

Мероприятия по нейтрализации информационно-пропагандистского воздействия должны предусматривать следующие механизмы:

- прогнозирование, что предполагает выявление угроз и оценку ущерба применения средств деструктивного пропагандистского воздействия. При этом, прежде всего, необходимо выявлять силы пропагандистского воздействия, которые могут быть привлечены для массового деструктивного информационно-пропагандистского воздействия, спрогнозировать направленность и результат их действия;
- профилактика информационно–пропагандистского воздействия предполагает осуществление ряда превентивных мероприятий по снижению восприимчивости и подверженности населения информационно-пропагандистскому воздействию. Главным инструментом является систематическая, профессионально (не формально) подготовленная контрпропаганда, разъяснение обществу истинных целей, способов, возможных последствий акций информационно-пропагандистского характера;
- пресечение информационно-пропагандистского воздействия достигается своевременным выявлением и предупреждением сил, средств, способов пропагандистского воздействия (уничтожение материалов, доказательное опровержением слухов и т.п.).
- ликвидация последствий информационно-пропагандистского воздействия предполагает анализ и оценку результатов, причин эффективно-

[1] Грачев С., Зорин В. Проблемные аспекты при формировании антитеррористического мировоззрения в студенческой среде // Вестник Российской нации. 2014.- № 3 (35). - С. 118.

сти, наиболее слабых мест в системе информационно-пропагандистского противоборства, организация и проведение мероприятий по оптимизации всей системы противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма и активизация работы по информационно-пропагандистскому обеспечению антитеррористической деятельности.

Эффективность информационно–пропагандистского противодействия достигается тем, что оно планируется и осуществляется с учетом особенностей преступного воздействия, реального морально-политического, социального и психологического состояния общества и складывающейся обстановки как в стране целом, так и в конкретном регионе, при этом, ведется непрерывно и комплексно.

Грачев Сергей Иванович,
заведующий научно-исследовательским центром
изучения проблем национальной и международной безопасности
Института международных отношений и мировой истории
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
доктор политических наук, профессор, полковник
Мольков Сергей Николаевич,
аспирант
Института международных отношений и мировой истории
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Особую опасность в современных международных условиях и российской обстановке представляет распространение среди электората идеологии этнонационального экстремизма. Целенаправленное и массированное распространение экстремистской идеологии позволяет этнонациональным экстремистским организациям оказывать разрушительное мировоззренческое воздействие на общество, одновременно решая задачи по: признанию легитимной своей деятельности под предлогами восстановления исторической справедливости, определения национальной и территориальной самостоятельности региона, борьбы за права человека и гражданина; получению поддержки политических и общественных институтов, в первую очередь, из-за рубежа; вербовки сподвижников и сочувствующих среди электората региона и т.д. и т.п.

Такая практика используется при попытках добиться признания за экстремистскими структурами статуса равноправных участников тех или иных международных или внутригосударственных политических процессов, для инспирирования давления в пользу экстремистов отдельными гос-

ударствами или группами государств, а также международными организациями на политику противников экстремистов (например, на законные власти «своего» государства)[1].

Таким образом, ведущими детерминантами мировоззренческих установок являются идеологии великодержавного шовинизма, национал - сепаратизма и национального и этнорелигиозного экстремизма. Комплекс идейных постулатов и пропагандистских призывов вырабатывается политическими технологами для использования в среде электората социальными группами и конкретным лидерам в нужное время и должной обстановке.

В зависимости от степени разработанности экстремистской идеологии и специфики ее "потребителя", данный субститут может варьироваться от набора нескольких весьма примитивных догм до вполне стройной и достаточно убедительной идеологической концепции. При этом, зачастую осуществляется подмена понятий, подтасовка фактов объективной реальности, отобранной из общего контекста и направленной в общественное сознание[2].

Идеологии насилия наиболее подвержены молодые люди. Они отличаются высокой жизненной энергетикой, повышенными амбициями, желанием установить «справедливость» и повлиять на окружающий мир, не всегда обладая для этого знаниями и возможностями, чтобы сделать это легитимно. А по сему, они и являются той самой группой, легко воспринимающей мировоззренческий детерминант насилия, определяющий достижение жизненных целей быстро и эффективно. При этом, самооценка молодых людей тесно переплетается с успехом организации. У них, зачастую, нет другого способа в достижении статуса и признания, поэтому успех организации находится в центре индивидуальной идентичности и дает людям смысл жизни, так что идентичность индивидуальная подчиняется коллективной. Уже не остается места для своих идей и личного принятия решений. По мере того как личность и группа сливаются воедино, борьба для членов группы становится все более личной. Если группе сопутствует успех, это и успех индивида, а провал группы - это и его провал. Индивида поглощает доминирующее чувство коллективного. Это слияние с группой дает человеку необходимое оправдание его действий, оно же освобождает его от ответственности. Если руководитель приказывает совершить акцию,

[1] Авдеев Ю.И. Терроризм - угроза национальной безопасности Российской Федерации: содержание и формы, причины, тенденции. Материалы II Всероссийской научно-практической Конференции, Москва, МГУ 13-14 октября 2010 г. Том I. - Москва, Университетская книга, 2010.- С.266-272.

[2] Грачев С. И., Сорокин М.Н., Азимов Р.А. Терроризм: концепты, идеология, проблемы противодействия: монография / С.И. Грачев, М.Н. Сорокин, Р.А. Азимов.- Н.Новгород: Институт ФСБ России, 2015.- С. 86-87.

она оправданна. Чувства вины или угрызения совести нетерпимы, поскольку группа их не испытывает [1].

Кроме того, опасность экстремизма резко возрастает, если экстремистские идеи с пониманием и поддержкой воспринимаются большей частью населения, а государство в системе противодействия информационно-пропагандистской деятельности экстремизма делает неоправданно мало. Для экстремиста важно показать общественности, которую они оценивают как потенциальную социальную базу своей поддержки, что они вынуждены обращаться к деструктивной деятельности ввиду наличия неких объективных и непреодолимых обстоятельств. При этом, в качестве аргументов активно используются тезисы о подавлении большими нациями малых народов, ущемлении государством прав и свобод этих народов, игнорировании национальных и религиозных интересов, существующей несправедливости и т.д.[2].

Следует выделить, что мотивационная основа этнонационального (националистического) экстремизма (терроризма) значительно прочнее, чем у социально-политического, поскольку очень часто связана кровными узами и семейными традициями, передается из поколения в поколение и закладывается с раннего детства. Еще более «мощной» является основа, когда националистические мотивы переплетаются с религиозными, что нередко приводит к ярко выраженному фанатизму. Из приведенных в журнале «Терроризм» результатов опроса следует, что из 26 опрошенных шиитских террористов все выразили готовность совершить самоубийственные террористические акты ради воплощения в реальность этноклерикальных идей[3]. К тому же, по мнению сюрвейера К. Оотса : « Для молодых террористов возможность умереть и стать мучеником может быть мощным психологическим стимулом»[4] .

В контексте данных рассуждений, следует продолжить, что именно с началом 90-х годов двадцатого века в России активно стала происходить деградация гражданского самосознания, падение духовности и нравственности в обществе. Распространился правовой нигилизм во всех социальных слоях населения. Постоянное присутствие идеологии насилия и культа жестокости в средствах массовой информации стало будничным явлением. Доминанта о допустимости применения силы для достижения политиче-

---

[1] Цит. из: Мирский, Г. И. Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты [Текст] / Г. И. Мирский; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.- С. 41-62.

[2] Петрищев В.Е. Противодействие террористической идеологии - приоритетное направление профилактики терроризма // Материалы II Всероссийской научно-практической Конференции, Москва, МГУ 13-14 октября 2010 г. Том I. - Москва, Университетская книга, 2010. - С.75-77.

[3] Terrorism.1999.Vol.13.N3.p.238-240.

[4] The Annual on Terrorism.Dordrecht etc. 1986. p.11.

ских, социальных, экономических целей стала нормой жизни. Таким образом, внедрение в ментальность россиян жестокости, идеи о допустимости применения насилия создали благоприятную почву для распространения в стране экстремизма и терроризма, что, соответственно, не способствовало и не благоприятствует формированию гражданского самосознания личности, патриотизма, национальной сплоченности в обществе.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в одном из выступлений заявил: «Сегодня, к сожалению, и средствами массовой информации закладывается вместо системы ценностей, система антиценностей. Благополучие общества во многом зависит от того, основывается ли информирование зрителя, читателя, слушателя на заботе о нравственном состоянии личности и общества, раскрываются ли положительные идеалы в СМИ, присутствует ли в них осуждение порока и зла»[1].

Еще одно немаловажное препятствие в структуре создания достойного и результативного превентивного механизма в системном начале противодействия экстремизму вообще и этнонационального в особенности – это скверное знание предмета людьми, призванными заниматься данной проблемой на профессиональной основе. И в результате: масса определительных, смысловых, тематических и иных предметных ошибок. И, как правило, данная проблематика отдается на откуп в учебные учреждения, абсолютно не заботясь о достоверности и истинности материалов, доводимых преподавателями до учащихся, людям весьма порядочным, но слабо ориентирующимся в данной проблеме[2].

Таким образом, реалии современной международной криминогенной обстановки, угрожающей безопасности личности, обществу, государству, особенно со стороны глобального экстремизма и терроризма, и системное начало в мировоззренческой превенции и прикладном противодействии экстремизму и терроризму в России обязывает включить в учебные программы российских учебных заведений дисциплины по концептуальным основам экстремизма и терроризма. При этом, необходимо обратить особое внимание на массовую подготовку учителей в сфере информационно - пропагандистской практики в структуре антиэкстремизма и антитерроризма. Данную работу следует проводить в постоянном контакте с антитеррористическими комиссиями в регионе. Контрольные функции за данной деятельностью должны быть возложены на руководителя АТК на местах, т.е. губернаторов.

---

[1] Павлинов А.В., Быба А.И. Правовая школа по профилактике экстремизма среди молодежи. Владимирский опыт: вопросы и ответы / Под общ. ред. В.Ю.Картухина. Владимир, 2010. - С. 62-63.

[2] Грачев С., Зорин В. Проблемные аспекты при формировании антитеррористического мировоззрения в студенческой среде // Вестник Российской нации. 2014. - № 3 (35). - С. 124.

Детальный анализ рассматриваемой проблемы дает основание утверждать, что в России существуют необходимые предпосылки для формирования массовой антиэкстремистской идеологии. Однако, данная проблема недостаточно актуализирована в общественном сознании, и весьма слабо развита иммунная компонента в системе противодействия идеологии экстремизма и терроризма. Общество и государство должны добиться, чтобы любые ксенофобские, расистские, националистические демарши, эксцессы, проявления не встречали одобрения и безразличия со стороны российских граждан. В одном из выступлений В.В. Путин заметил: «В идеологической экспансии, порой замешанной на экстремистских и радикальных установках, идет борьба за умы, за настроения людей. И здесь мы не можем проиграть, не должны, не имеем права вести себя пассивно и плестись в хвосте событий»[1].

Желнакова Нина Юрьевна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры социальной философии и этнологии
Северо-Кавказского федерального университета

ЗНАЧЕНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Трансформация институциональных и ценностных систем, характерная для России последних десятилетий, испытывает влияние не только сложного исторического и политического опыта, но и изначальной поликультурности российского цивилизационного пространства. Поликультурные общества всегда обладают достаточно высоким потенциалом конфликтности, что обусловлено значимостью региональной, конфессиональной, этнической, фамильно-родовой идентификации. Противоречия между культурной спецификой и унификацией культурных норм особенно обостряются в контексте глобализации. Ее культурные и технологические последствия, а такжеизменение социальной стратификации, динамика миграционных процессов, приводят к появлению новых агентов и механизмов социализации, особенно значимых в молодежной среде – интернета, социальных сетей и т.п. Таким образом, возрастание роли и значимости локальных солидарностей обусловлено конкретно-историческими и политико-культурными обстоятельствами. Очевидно также, что локальные модели идентичностей, несмотря на значительный нормативно-ценностный по-

[1] Выступление В.В.Путина на конференции в город Кисловодске 07-07-2010 http://www.regionkmv.ru/news/10/07-07.html

тенциал, а, во многом, и благодаря нему, не способны эффективно решать социально-политические конфликты; более того, могут их провоцировать.

Особую актуальность данная проблема приобретает в поликультурном регионе Северного Кавказа. Особенности его исторического развития, специфика приграничного положения, значимость этнических и религиозных традиций, напряженность в сфере межнациональных отношений, определяют круг проблем, решить которые на базе ценностей локальных солидарностей не представляется возможным. Сложная социально-политическая среда Северокавказского макрорегиона зачастую способствует усилению и актуализации локальных солидарностей, которые предоставляют более доступные для понимания и практического воплощения ценности.Проблема поиска идентичности особенно значима в молодежной среде. В отличие от представителей старшего поколения, обладающих относительно устоявшейся системой ценностей, молодежь находится в состоянии личностного самоопределения, что делает ее восприимчивой к различного рода влияниям.Маргинальность социального положения молодежи, сложная социально-политическая среда, в которой ей приходится существовать, приводят к более активным поискам жизненных стратегий и повседневных моделей поведения. Кроме того, актуальность этнического самоопределения на Северном Кавказе определяется и тем, что оно осуществляется в рамках неизбежного соотнесения себя с другими этническими группами. Потенциально более конфликтная среда полиэтничного региона, более активные социальные контакты, присущие молодежи, обуславливают более осознанную потребность в наличии базовых, опорных ценностей. Аморфность социальной структуры, неопределенность социальных перспектив молодежи приводят к тому, что фамильно-родовая, конфессиональная, этническая общность начинают рассматриваться в качестве референтных групп. Значение этнической социализации в данном случае велико и потому, что в качестве ее агентов выступают клан, семья, религиозная община, значимость которых для формирования личности на Северном Кавказе трудно переоценить. Кроме того, у значительной части населения сохраняется приверженность системе коллективистских ценностей и представлений, что находит идеальное воплощение в этнической и конфессиональной общности. Вследствие этого, такие универсальные модели межгрупповых отношений, как внутригрупповой фаворитизм и межгрупповая дискриминация не только ярко представлены в социальной практике, но могут приобретать конфликтогенные формы. Как отмечает Е.В. Галкина, проблема роста экстремизма особенно характерна для тех регионов, в которых наблюдается «всплеск» этничности и ее политизация.[1]

Очевидно, что обеспечение как региональной, так и национальной безопасности на базе этнической, конфессинальной и иных видов локальных солидарностей трудно реализуемо. Требуется, прежде всего, формирование и раз-

[1] Галкина Е.В. Противодействие экстремизму и терроризму: новый взгляд // Теория и практика общественного развития. – Краснодар: Издательский дом «Хорс», 2014. - № 1. – С 342.

витие гражданского и межэтнического согласия и диалога, составляющих основу российской идентичности. Именно межэтническое согласие является центральным понятием Стратегии государственной национальной политики, на основании которого формируются ее принципы, цели и задачи. Л.М. Дробижева, исследуя феномен общероссийской идентичности, отмечает, что межнациональное согласие «… означает не только уважение к другим, но и стремление к решению межнациональных (межэтнических) проблем через диалог, достижение взаимоприемлемых решений, межличностное и межгрупповое доверие, согласованные ценностные ориентации, общее видение «образа мира».[1] Основой для него данного диалога является не подавление различного рода групповых приоритетов, а признание общих ценностей – Россия, Родина, единое государство, общее историческое прошлое. Северокавказский макрорегион представляет собой не только определенную пространственную целостность, но и выраженную историко-культурную общность. Несмотря на полиэтничность и достаточно высокий уровень конфликтности, на Северном Кавказе сильны и объединяющие факторы. Синтез культур, характерный для региона, начиная со Средних веков и особенно интенсивный с XVIII века, не препятствовал сохранению этнической и религиозной самобытности, что явилось основой формирования особого типа идентичности, органично включенной в общероссийскую. Межнациональное согласие поддерживалось и развивалось в советский период в контексте политики интернационализма. Кроме того, сама поликультурная среда Северокавказского макрорегиона способствует не только усилению локальных солидарностей, но и предоставляет индивиду возможность находиться в нескольких идентификационных пространствах одновременно. Это связано с более интенсивным межгрупповым взаимодействием, которое способствует усвоению иных ценностей и развитию межэтнического согласия и диалога.

Между тем, достижение стабильного межэтнического согласия и укрепление на его основе общероссийской идентичности, сопровождается рядом объективных сложностей. Прежде всего, к ним относится специфика современной социокультурной среды Северного Кавказа. Доминирование постсоветского социального и культурного опыта, распространение радикальных исламистских идей, сложность адаптации к современным экономическим реалиям, порождают кризисное состояние сознания, не позволяют складываться интегрированному сообществу. Именно разобщенность, порождаемая этнизацией социальной и культурной жизни, политизацией этничности, порождает этносоциальные конфликты и является предпосылкой экстремистских настроений. Между тем, как отмечает М.К. Горшков, «в условиях геополитической нестабильности и региональной взрывоопасности…» именно национальная иден-

[1]Дробижева Л.М. Межнациональное согласие: концептуальные подходы и социальная практика в российском обществе // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения / Под общ. Ред. РГ Абдулатипова, А-Н.З. Дибирова. – М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2015. – С. 379.

тичность является «… важным структурным компонентом конкурентоспособности национальных государств».[1] Роль государства в выработке ценностно-нормативной основы общероссийского самосознания особенно важна. Государство в России было и остается ценностным символом, обеспечивающим потребности общества в интеграции. Л.М. Дробижева, опираясь на масштабные исследования динамики общероссийской идентичности, отмечала, что ее доминантой «становится государство, как институт».[2] Именно единое государство способно синтезировать национальную самобытность и культурное многообразие, избегая при этом как унификации культурных норм, так и тенденции к культурной самоизоляции. Учет особенностей всех субъектов поликультурного пространства позволяет обеспечить устойчивую интеграцию и возможность выражения интересов, что, в свою очередь, является базовой основой обеспечения безопасности региона и противодействия распространению экстремизма.

Капранова Юлия Витальевна,
доцент кафедры административного права
Ростовского юридического института
МВД России, кандидат юридических наук.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ «ЭКСТРЕМИЗМ» И «ТЕРРОРИЗМ»

Во всех странах экстремизм и терроризм признаются многоплановыми угрозами безопасности личности, обществу, государству[3]. В России, как и во всех странах, руководство которых признает необходимость мер борьбы за сохранность жизней своих граждан, осуществляется государственная политика в области противодействия экстремизму и терроризму.

На сегодняшний день существует множество взглядов на понятия «экстремизм», «терроризм». Указанные понятия сами по себе являются сложными социальными явлениями, рассматриваются с различных точек зрения в социологии, философии, в политологии. Их недопустимо отождествлять, однако их часто употребляют вместе, в связи с чем необходимо их отграничить друг от друга.

---

[1] Горшков М.К. Формирование общероссийской идентичности: контекст Северного Кавказа// Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения / Под общ. Ред. РГ Абдулатипова, А-Н.З. Дибирова. – М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2015. – С. 30.

[2] Дробижева Л.М. Процессы гражданской интеграции в полиэтничном российском обществе (тенденции и проблемы) // Общественные науки и современность. – 2008. - № 2. – С.74.

[3] См.: Канунникова Н.Г. Административно-правовые методы предупреждения органами внутренних дел террористической и экстремистской деятельности // Административное право и процесс. 2017. № 7. С. 9.

Понятие «экстремизм» как приверженность к крайним взглядам и мерам в различных сферах жизни находит свое выражение чаще в политике. Политическая практика экстремизма находит выражение в различных формах экстремистской деятельности, в основном криминальной направленности. Терроризм – способ решения политических проблем методом насилия.

Терроризм относится к числу комплексных проблем, является самой масштабной, жестокой, труднопредсказуемой чрезвычайной ситуацией социального характера. Терроризм, как внутренний, так и международный, наносит ущерб конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства.

Теракты сеют вражду, недоверие, страх, панику, провоцируют конфликты и войны. Терроризм является опаснейшим преступлением против человечества, крайней формой проявления насилия и жестокости в отношении человека или организации, а также уничтожения имущества и других материальных ценностей, действия, создающим опасность массовой гибели людей либо причинения значительного имущественного ущерба.

Терроризм, как многоаспектное явление, затрагивает национальную безопасность страны на всех ее уровнях- межгосударственном, государственном, межнациональном, национальном, классовом, групповом. Основными целями международного терроризма является дезорганизация государственного управления, нанесение экономического и политического ущерба, самоутверждение того или иного народа на фоне других.

Под экстремизмом чаще понимают насильственные действия или угрозу их применения[1], идеологию[2], под терроризмом - политику устрашения, подавления соперников насильственными способами. Очевидно, что есть общее – решение проблем с применением насилия, то есть с нарушением закона, превышением пределов допустимого.

Обратимся к праву, чтобы разграничить понятия «экстремизм» и «терроризм».

Правовую основу борьбы с экстремизмом и терроризмом составляют: Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Феде-

[1] См.: Катаргина И.В. «Экстремизм» и «терроризм» в законодательстве// Государство и право, 2009, № 1. С. 194.

[2] См.: п.4 «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753)// СПС КонсультантПлюс.

рации до 2025 года», федеральные законы «О противодействии экстремистской деятельности»[1], «О противодействии терроризму»[2], и мн. др.

За осуществление правонарушений экстремисткой направленности граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства несут уголовную, административную и гражданско–правовую ответственность.

Правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, терроризму наиболее полно определены федеральными законами «О противодействии экстремистской деятельности» и «О противодействии терроризму».

Терроризм это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий (ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму»).

Экстремизм криминальной направленности выражается в действиях, поступках. В Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» понятие экстремизма определяется через перечень различных видов экстремистской деятельности:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;

---

[1] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности»// СПС КонсультантПлюс.

[2] Федеральный закон от 6 марта2006 г. №35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О противодействии терроризму»// СПС КонсультантПлюс.

- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Анализ положений рассмотренных законов дает основание сделать вывод о том, что экстремизм проявляется в трех основных формах: политической, национальной и религиозной. Терроризм является одним из проявлений экстремизма. Возможны проявления терроризма как в политической, национальной, так и религиозной сфере, в связи с чем справедливо определить терроризм как крайнюю и наиболее опасную форму экстремизма.

Сам терроризм также многообразен и может принимать различные формы. Это могут быть:

- убийства государственных и общественных деятелей или представителей власти, совершенные в связи с осуществлением ими своих функций;

- захват заложников, некоторые формы бандитизма;

- преступные акты, ведущие к бессмысленной гибели людей, нарушающие дипломатическую деятельность государств, нормальный ход международных контактов и встреч, транспортные связи между государствами;

- государственный терроризм, который во многих случаях перерастает в акты агрессии;

- подготовка и отправка вооруженных групп (в том числе наемников), которые применяют вооруженную силу против другого государства.

Все террористические акции производятся с целью получить максимально возможный международный отклик, широко освещаемый средствами массовой информации или с целью получения крупных денежных сумм. Это могут быть: угоны самолетов с международных линий, похищение иностранных дипломатов и военных, захват посольств, покушения на лиц, имеющих всемирную известность, взрывы самолетов и т.д.

К сожалению, приходится констатировать факт, что терроризм, как и преступность, неискоренимы. И преступность, и терроризм имеют особую привлекательность для нарушителей норм права, так как выступают быстрыми, эффективными силовыми конфликтными способами разрешения экономических, социальных и идеологических проблем. В связи с чем в настоящее время особо актуальны вопросы обсуждения эффективности предпринимаемых органами государственной власти и местного самоуправления мер по обеспечению стабильности межнациональных отношений и противодействия терроризму и экстремизму.

Чернядьева Наталья Алексеевна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Крымского филиала Российского государственного
университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент

О СТАНОВЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ВАРИАНТА ТЕРРОРИЗМА

Господствующая в отечественной литературе точка зрения гласит, что до периода формирования современного постиндустриального общества образца 60 – 90-х г.г. XX в. терроризм развивался как эпизодическое, спонтанное и локальное явление, не выходящее за национальные границы, ограниченное временными рамками. Основное предназначение терроризма, по мнению исследователей, виделось в том, чтобы быть радикальным средством внутриполитической борьбы[1]. Со второй половины XX в., по мнению сторонников этой точки зрения, терроризм приобретает международный характер.

Данное умозаключение основано на традиции определения терроризма, заложенной в отечественной и зарубежной научной литературе в

[1] См.: Кулагин М.А. К вопросу о международном взаимодействии и противодействии терроризму в условиях глобализации // Юристъ - Правоведъ. 2009.№ 5. С. 70; Чеботарев В. В. Терроризм как социально-деструктивное явление (историко-философский анализ) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 194; Гуров В.А. Международный терроризм: Некоторые аспекты проблемы в историческом контексте // Известия Самарского научного центра российской академии наук, т. 12, №6, 2010 С. 168; Яхлов А.В. Терроризм и международные отношения в первой половине XX века. [Электронный ресурс] URL: http://anthropology.ru/ru/texts/yachlov/terror.html; Исаков А.И. Терроризм и вооруженная борьба // Обозреватель – Observer, 2009. № 8. С. 19; Душников А.В. Взаимосвязь внутренних вооруженных конфликтов и международного терроризма // Вологдинские чтения. 2002. № 23. С. 35; Казакова В.А., Фирсаков С.В. Нормативное регулирование борьбы с преступлениями террористического характера // Право и политика. № 12. 2000 г. – С.79.

70-х г.г. XX в., – времени всплеска террористических акций[1]. Тогда было широко распространено мнение, что терроризм – это феномен исторического прошлого, по крайней мере, для политически развитых государств, средство борьбы периода формирования современной политической карты мира. Ученые второй половины XX в. воспринимали волну террора как возрождение криминального исторического опыта и перенос уже цивилизационно знакомых вариантов поведения в новую действительность – уже в международных масштабах. Насколько верно такое утверждение? Можно ли говорить, что международный терроризм появился лишь во второй половине XX века? Думается, что нет. Анализ политических доктрин предыдущих двух столетий и акций, совершенных для воплощения их в жизнь, свидетельствует, что террору уже в тот период времени присущи элементы международного характера.

Так, Н. Неймарк доказывает, что выход терроризма на международную арену происходит в период постнаполеновской реставрации[2]. Аналогичной точки зрения придерживаются М. Фридланд, А. Синклэйр, М. Бурлех, А. Бергесен и О. Лизардо[3]. Все авторы находят истоки международного варианта терроризма уже в ранних формах анархических акций XIX в. Анархизм с момента своего возникновения был интернационален и глобализирован. Волна политических убийств, взрывов бомб, массовых беспорядков, организованных анархистами, продолжалась в мире с середины XIX в. вплоть до начала Первой мировой войны[4]. Газета «The New-York Times» в номере от 02.04.1881 г. назвала политическую ситуацию в Европе «террористической войной», указав на повсеместность террористических выступлений, неэффективность властных органов по борьбе с ними и приведя примеры в России, Германии, Франции, Великобритании общеевропейских террористических акций[5]. Нередко террористические акции осуществлялись с использованием иностранного элемента: либо как совместные международные акции, либо исключительно представителями зарубежных государств. Так, итальянский король Умберто I был убит амери-

---

[1] См., например: Aubrey S. M The New Dimension Of International Terrorism Zurich: Vdf Hochschulverlag, 2004. P. 32 – 34.

[2] Naimark N. Terrorism and the Fall of Imperial Russia // Terrorism and Political Violence. Vol.2. Numb.2. Summer 1990. P.172; Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000. С. 5-13.

[3] Fridlund M. The industrialization of terrorism: The Second Industrial Revolution and the origins of modern terrorism / Aalto University. [Электронный ресурс] URL: http://www.academia.edu/4461422; Sinclair A. An Anatomy of Terror. A History of Terrorism. Macmillan Publishers. 2004. 416 p.; Burleigh M. Blood and Rage. A Cultural History of Terrorism. Harper Collins Publishers. 2010. 581 p; Bergesen A. J., Lizardo O. International Terrorism and the World-System // Sociological Theory, Vol. 22, No. 1, Theories of Terrorism: A Symposium. (Mar., 2004). P. 44.

[4] Ибатуллин Р.У. Интеллигенция и терроризм в России в начале XX века // Исторический Вестник. Том 2 (149). Декабрь 2012. С. 48 – 53.

[5] Fridlund M. The industrialization of terrorism...

канцем Г. Бреши; австрийская императрица Елизавета Баварская – итальянским анархистом Л. Луккени; президент США Маккинли – польским анархистом. Наконец, ярчайшим примером международного террористического акта является убийство на территории Дунайской империи представителем подпольной организации «Млада Босна» (Сербия) Г. Принципом наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда и его супруги, которое произошло 28 июня 1914 г. и стало поводом для начала Первой мировой войны.

Идеологи повстанческо-анархического направления (М. Штирнер, М. Бакунин) придавали важное значение политическому насилию как методу построения нового мирового общества. Так, М. Бакунин называл насилие палочным страхом, средством убеждения и необходимой жертвой в политической борьбе[1]. «Отец современного анархизма» призывал к массовым, общеевропейским выступлениям против официальной власти. Свою роль в данном процессе Бакунин видел в координации восстаний, их популяризации[2]. Благодаря учению Бакунина по Южной Европе прокатилась волна политических выступлений.

В 1872 – 77 г.г. действовала международная анархистская организация «Сент-Имьенский анархистский (антиавторитарный) Интернационал», которая объединила большинство анархистских федераций: испанскую, итальянскую, бельгийскую, британскую, голландскую, частично французскую, швейцарскую, германскую фракции. Программа анархистского Интернационала носила революционный характер, предполагала разрушение любой политической власти, солидарность анархических сил всех стран и единые действия для достижения поставленной цели[3].

В июле 1881 г. лидерами анархического движения Кропоткиным, Мостом и Малатеста был создан, так называемый Черный Интернационал. В его Манифесте прямо говорилось о предпочтительности террористической тактики над пропагандистской: «Действие, совершаемое против существующих институтов, в тысячу раз сильнее обращается к массам, чем тысячи листовок и потоки слов».[4] В рамках этой организации действовали секции не только в Европе, но и в США (IWPA), в Мексике (Всеобщий конгресс мексиканских рабочих). В начале XX века Черный Интернационал активно действовал через свои фракции: «Тьера и либертад» («Земля и воля») в Испании, группу «Ла Батталья» («Борьба») в Бразилии, «Анторча» («Факел») и «Кульмине» в Аргентине. В Китае в 1914 г было создано Об-

---

[1] Бакунин М.А. Наука и народ. [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/bakun/01.php

[2] Шубин А. В. Социализм. «Золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 342

[3] Скирда А. Индивидуальная автономия и коллективная сила. Обзор либертарных идей и практик от Прудона до 1939 г. Париж: ГРОМАДА, 2002. С. 43 – 50.

[4] Quod. for: Bookchin M. The Spanish Anarchists: The Heroic Years, 1868–1936. New York, 1977. P.115

щество анархо-коммунистических товарищей, которое вело масштабную антиправительственную деятельность, включая убийства, организацию беспорядков и т.п[1]. Можно сказать, что повсеместно в сфере негосударственного политического насилия в этот период времени господствовала идея П. Кропоткина, провозгласившего «Нам подходит все, что чуждо легальности. Наша задача – это непрерывный бунт словом, письмом, кинжалом и винтовкой или динамитом»[2].

Оригинальное объяснение одновременности происхождения внутреннего и международного вариантов терроризма дают А. Бергесен и О. Лизардо. По их мнению, глобализации сопутствует эффект сопротивления, вариантом которого является терроризм. В обществах, в которых сильны демократические традиции, существуют общественные движения, инакомыслие, развитая политическая жизнь терроризм имеет внутренний характер, протест направлен на собственный социум. В качестве примеров авторы приводят государства Латинской Америки и Европы. В другом случае, при господстве автократических, религиозных (арабо-исламских) режимов глобальное расширение прав и возможностей повлекло за собой негативную (гневную) реакцию на внешний мир, что приняло форму международного терроризма[3]. Такая точка зрения не бесспорна, не подтверждается фактологией. Думается, что степень открытости общества играет определенную детерминантную роль в террористической динамике, но не является определяющим фактором. Практика показывает, что террористические акты, как внутреннего, национального, так и международного характера совершались и в открытых демократических, и в обособленных, традиционных государствах[4]. В позиции указанных авторов привлекательна идея общности происхождения обоих вариантов терроризма, одинаковой роли глобализации в их становлении.

Таким образом, можно сделать вывод о формировании международного элемента в террористическом движении практически с момента его становления, одновременном существовании и внутринационального и международного вариантов терроризма.

Помимо анархизма террор в это время повсеместно использовался в рамках революционной и национально-освободительной борьбы[5]. Отметим, что все три формы терроризма уже тогда несли в себе международный компонент.

---

[1] Ibid.

[2] Cahm C. Kropotkin and the Rise of Revolutionary Anarchism, 1872—1886. Cambridge, 1989. P.231–269

[3] Bergesen A. J., Lizardo O. International Terrorism and the World-System. P. 43-44.

[4] Например, по данным У. Юбенк и Л. Венберг большинство терактов 70-80-х г.г. XX в. произошли в демократических государствах, их жертвами и исполнителями выступали национальные граждане. См.: Горбунов Ю.С. Глобализация терроризма С. 7

[5] Подробнее см.: Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX - начало XX в.) М., 2000. РОССПЭН. С. 9-13; Егоров К. Особенности современного международного терроризма// Власть. № 08. 2008. С. 93.

В последующем происходит развитие интернационального терроризма. В научной литературе существует дискуссия о периодизации истории международного варианта терроризма. Представляется целесообразным привести наиболее авторитетные точки зрения о развитии международного варианта терроризма, как подтверждающие заявленный тезис о происхождение исследуемого феномена еще в XIX веке.

М. Фридланд предлагает разделить ее на четыре этапа: первый – до 1914 г. – анархический, характеризующийся господством анархического сегмента в структуре терроризма; второй – 1920- 1960 г.г. – антиколониальный, в рамках которого основной террористический удар наносится в связи с антиколониальной борьбой; третий – 1968 – 1980-е г.г. - «новое левое» движение – связанный с доминированием городской герильи и ростом левого радикализма и экстремизма; четвертый, начавшийся в 1979 г и продолжающийся по настоящее время – религиозная война, связанная с конфликтом, идейной основой которого являются конфессиональные ценности.[1]

Б. Гейдж, Д. Рапопорт выделяют четыре основных последовательных этапа (волны) становления терроризма: восстание (революция), анархизм, освободительная борьба, религиозный конфликт. По мнению ученых, все четыре волны объединяет тактика, методы реализации идей, аура национальной подрывной паники, присущая всем событиям террора; революционный этап террористической идеи характерен для первой половины XIX в., далее – до начала XX в., следует этап анархический, ему на смену приходит этап освободительной борьбы, и, наконец, с 60-70 г.г. прошлого века начинается последний, религиозный[2].

Кроме того, в научной литературе выделяют этап «государственного» терроризма (с 60 –х г.г. XX в. до начала XXI в.), характеризующийся устойчивой связью между официальной политической властью и террористическими группами, совершение террористических актов по заданию или при поддержке государственных структур[3].

Подобная градация носит, на наш взгляд, условный характер. Авторы формировали свои концепции исходя из наиболее яркой, доминирующей формы осуществления террористической деятельности в тот или иной исторический период времени. Достоверно можно сказать, что терроризм действительно начинается в период становления революционных движений и длительное время сосуществует с ним. Однако анархизм не уничто-

---

[1] Fridlund M. The industrialization of terrorism...

[2] Gage B. Terrorism and the American Experience: A State of the Field. // Journal of American History, № 98. June 2011. P. 73–94; Rapoport D. C. Before the Bombs There Were the Mobs: American Experiences with Terror // Terrorism and Political Violence. № 20. April 2008. P. 167–94

[3] См., например: Кольтюков А.А. Международный терроризм - угроза глобальной и региональной безопасности: особенности проявления и пути противодействия// Право и безопасность. 2002. № 2-3 (3-4). [Электронный ресурс] URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_3_9.htm.

жил революционный потенциал террористического акта, не вытеснил его из арсенала борца-радикала. Революционный террор сохраняется и в XX в. Идеологии национально-освободительного и религиозного характера, думается, несли в себе террористический элемент значительно раньше, чем это предусмотрено в хронологии Б. Гейджа и Д. Рапопорта: они оформились в один временной промежуток с анархической доктриной, использовались радикальными кругами, но на первый план вышли значительно позже, чем анархизм – только в период крушения колониальной системы.

Ряд исследователей не находят оснований для типологизации терроризма в зависимости от его внешних, формальных признаков. Так, В.В. Чеботарев выделяет четыре основных этапа развития терроризма по распространенности в общественно-политической жизни: становление (от времен античности до конца XVIII в.); классический (конец XVIII в. – первая половина XX в.); международный (вторая половина XX в.); глобальный (с начала XXI в.)[1]. С такой точкой зрения согласиться сложно. Представляется, что автор схематизирует путь эволюции террора, уклоняется от анализа существенных факторов его «жизненных проявлений». Сущность терроризма многогранна, в этом заключается одна из проблем его изучения и выработки легальных способов противодействия ему. Отказ от анализа идеолого-поведенческих форм терроризма может создать правовую неопределенность и как следствие возможность избегания ответственности виновным в терроризме лицам, если их действия могут квалифицироваться как дуалистические, сочетающие в себе черты как террористического, так и смежных с ним вариантов политического поведения.

Из представленных классификаций, тем не менее, четко следует главная специфическая черта терроризма как политико-правового течения: несамостоятельный характер его идеологии. Вырастая из идеи насилия как формы политического поведения, терроризм не обрел собственного доктринального учения. Теоретики революционного и реакционного направлений, которые говорили о терроре, всегда оговаривали о дозированном, умеренном его применении, критиковали «практиков», злоупотребляющих данным радикальным методом. Основоположники и анархизма и марксизма в своих работах настаивали на нетеррористическом характере учений, дистанцировались от ярлыка «террорист» в отношении своих последователей. Думается, что главная причина этого кроется в глубоком осознании преступности террористического поведения, нежелании оказаться в социальной изоляции из-за всеобщего непринятия такой тактики. Терроризм нуждался в оправдании, высокой целевой мотивации в глазах его приверженцев, поэтому он использовал идейную основу радикальных учений, имеющих социальную востребованность. Благодаря грамотной информа-

[1] Чеботарев В.В. Указ. соч. С. 194.

ционной подаче терроризм позитивно воспринимался частью общественного мнения ранее и нередко продолжает восприниматься также сейчас[1].

Таким образом, подводя итоги статьи, отметим основные выводы. Международный вариант терроризма прослеживается в рамках общетеррористической традиции практически со времени ее становления. Проведенный анализ показал, что во второй половине XIX – начале XX в.в. присутствовали акции националистического, расистского, идеологического характера. В период становления современного мирового правопорядка международный вариант терроризма становится важным элементом действительности. Можно проследить историческую преемственность между ранними и современными вариантами международных форм террористического поведения. Представляется, что все это позволяет говорить, о внутреннем единстве всего эволюционного ряда террористических проявлений, необоснованности выделения «современного» или «нового» терроризма как особого социального и политико-правового феномена.

[1] Например, Р.У. Ибатуллин приводит примеры реакции российского общества на совершенные террористические акты: « …телеграммы о гибели великого князя Сергея Александровича «произвели большой и притом радостный эффект в городе: «кто будет №2?» – задают вопросы друг другу» (4 февраля 1905 г.) «Петербуржцы не только радуются, но и поздравляют друг друга с этим убийством» (5 февраля). «Особенными симпатиями среди интеллигенции и широких обывательских, даже умеренных слоев общества пользовались социалисты-революционеры, – отмечал А.В. Герасимов. – Эти симпатии к ним привлекла их террористическая деятельность. Убийства Плеве и великого князя Сергея Александровича подняли популярность социалистов-революционеров на небывалую высоту». Нечто подобное можно было встретить там, где терроризм служил орудием национально-освободительной борьбы. Так, в Ирландии начала 1860-х гг. партизанско-террористическое движение фениев поддерживали более 50 тыс. человек (порядка 1% всего населения), а «манчестерские мученики», казненные английскими властями за убийство полицейского, до сих пор являются национальными героями». Цит. по: Ибатуллин Р.У. Указ. соч. С. 53 – 54.

Легенина Татьяна Багировна,
кандидат социологических наук,
доцент, доцент кафедры зарубежной истории,
политологии и международных отношений
Северо-Кавказского государственного университета

РЕГИОНАЛЬНАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)

Сегодня во всем мире идут процессы регионализации, как на уровне государств, так и в масштабах международной системы государств. В этой связи государства перестраивают свои системы управления. В политической системе России также особую значимость приобретают вопросы, связанные с выработкой механизмов эффективного управления регионами. Поэтом, на наш взгляд, представляется очень важным глубокое осмысление современного статуса региона, значимости фактора региональной идентичности как ресурса эффективного управления. Колоссальное этнокультурное и поликонфессиональное многообразие среди специфических характеристик региона выделяет на фоне других регионов Северный Кавказ. Проблема управления этим регионом в условиях высокой полиэтничности приобретает особую актуальность. Явления внедрения культур и развития этнических пространств имеют объективно существующие причины и они будут продолжаться, а, скорее всего и нарастать. Северный Кавказ – это регион, где представители разных типов культур и цивилизаций вынуждены, будут сосуществовать вместе. Следовательно, необходимо искать пути, способствующие устойчивому развитию региона и выработке компромиссных решений. Главным инструментом устойчивого развития должна стать эффективная региональная национальная политика.

Под региональной политикой мы понимаем организованную эффективную систему экономических, политических и административных мер, направленных на повышение благосостояния и укрепление безопасности жизни населения региона. В качестве основного субъекта региональной краевой политики выступают правительство края и администрация губернатора.

Основными целями региональной политики являются устойчивый экономический рост региона и, как следствие, повышение благосостояния населения и обеспечение стабильной этнополитической обстановки, обеспечивающей безопасность жизни и деятельности населения.

К основным принципам региональной национальной политики следует отнести: объективность, достоверность и научность; этническое и территориальное равноправие, соблюдение паритетов соответствий потребностей и интересов основных групп населения.

Грамотная региональная политика должна строится, прежде всего, на объективной, достоверной, поступающей в режиме реального времени информации, отражающей истинное положение вещей, как в целом на территории, так и в отдельных поселениях и районах. К числу необходимых сведений мы относим: содержание региональных интересов; знания о миграционной привлекательности мест для разных групп населения, уровнях жизни и социальной напряженности в них. Получение достоверной информации такого рода возможно через создание системы социального мониторинга на разных уровнях территориальных общностей людей. Введение социального мониторинга необходимо производить на основе схем районирования территории, отражающих различия в образе жизни населения.

Официальная политика должна не просто декларировать интернационализм, но и последовательно следовать его принципам, избегать обострений этнических противопоставлений, защищая интересы отдельных групп населения в ущерб другим[1].

Явление увеличения полиэтничности региона может иметь как положительные, так и отрицательные последствия, но совершенно однозначно одно – управление таким регионом становится на несколько порядков сложнее по сравнению с моноэтническими территориями и требует сбалансированной и компромиссной, а иногда и конъюнктурной, региональной политики. Давайте рассмотрим это на примере Ставропольского края. Очень важной проблемой для всего населения Ставропольского края является проблема этнического взаимодействия, которое может принимать различные формы - от стремления к сотрудничеству с лицами других национальностей до конфликтов. Появление представителей некоренных этнических групп может вызывать раздражение, переходящее иногда в агрессию, связанное с разницей в уровне жизни, доходов, возрастающей демографической нагрузкой, конкуренцией на рынке труда, ростом преступности и т.п.

Пришлая культура зачастую обладает повышенной энергетикой по сравнению с местной, которая в пределах Ставрополья представлена, главным образом, славянскими народами.

Высокая энергетика «нового» населения выражается, прежде всего, в:

- высоком уровне рождаемости и естественного прироста;
- высокой степени корпоративности отдельных членов данного народов;
- быстрой экономической адаптацией в новых условиях, повышенной восприимчивости экономических новаций и их активной трансляцией в пределах своей общности;
- внедрением в непрестижные, но прибыльные направления и отрасли хозяйства»

[1] См. Попков Ю.В. Национальная политика в России: целевые установки и региональные модели // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 39-44

- активным стремлением к получению образования;

- более оптимистическим восприятием действительности;

- выдвижением неформальных авторитетных лидеров, через которых осуществляется взаимодействие, социальная мобилизация и трансляция идей.

Мощным консолидирующим этнокультурным фактором в среде неславянского населения становится религия, особенно ислам. Среди тюркских и кавказских народов, исповедующих ислам, практически нет атеистов или неопределившихся в этом отношении людей. Причем для женщин вера – внутреннее, личное дело, а среди мужчин преобладают активные верующие, соблюдающие обряды и регулярно посещающие церковь. Эта тенденция ярко проявляется среди людей молодых возрастов.

В то же время, у лиц славянской национальности процент неверующих достаточно высок, мало активных приверженцев религии. Однозначно оценить эти факты пока трудно, но мировой опыт свидетельствует о том, что религиозные конфликты не редкость.

Другая тенденция, связанная с социокультурным многообразием в крае – формирование своеобразной миграционной субкультуры, связанной с большим притоком вынужденных переселенцев в последние годы (с 1992 – 78 тыс. чел.)[1]. У вынужденных переселенцев, вне зависимости от их этнической или социально-демографической принадлежности, ярко выражены в образе жизни черты социальной маргинальности. Это накладывает отпечаток на их поведение, способы деятельности и позволяет говорить об общности их образа жизни, и их отношения к действительности. Объединяющим фактором для людей этой группы является то, что они вынуждены были покинуть свои родные места, причем произошло это стихийно, без предварительного плана и т.п. Эта категория людей в своем большинстве находится в состоянии неопределенности, переходности, в связи с чем формируется своеобразный тип субкультуры, характеризующийся целом рядом негативных процессов:

- утрата традиционного образа жизни;

- либерализация поведенческих норм;

- снижение уровня социальной ответственности;

- понижение жесткости социального контроля;

- потеря социального статуса, нарушение ролевых функций.

Внедрение такой культуры, напоминающее внедрение инородного тела, приводит к разбалансировке, сложившихся устоев и традиций, повышению социальной напряженности.

Таким образом, наблюдающиеся в крае процессы формирования полиэтнического и поликультурного пространства выступают в качестве факторов, понижающих уровень социальной устойчивости региона.

---

[1] См. Маслова Т.Ф. Вынужденная миграция: плюсы и минусы // Социс. – 2009.- № 2. - С. 81 -85

Исходя из основных целей и принципов региональной политики в полиэтническом ареале попытаемся определить ее основные задачи.

1. Замедление процессов роста полиэтничности территории. Существует ряд мер административного плана, направленных на сдерживание миграционных потоков – ужесточение режима легализации мигрантов, запреты на въезд, получения вида на жительство, прописки и т.п. однако, нельзя забывать о том, что официальные запреты могут вызвать обратную реакцию и усилят стремление к достижению искомых решений, особенно у народов с высоким энергетическим потенциалом. Ослабить этот процесс можно за счет эффективной социально ориентированной политики в районах массового исхода населения и уменьшением степени межрегиональных различий в уровне жизни.

2**.** Паритетность экономического развития народов. Необходим жесткий контроль за отраслями специализации региона в экономике России и отраслями, обеспечивающими их эффективное функционирование. Прежде всего, недопустима этническая монополизация в этих отраслях. Необходимо обеспечение равного участия всех этнических групп в их работе. Для Ставропольского края это, не только сельскохозяйственное производство, перевозка и реализация сельскохозяйственной продукции, но и топливно-энергетический комплекс, банки и другие сферы.

3**.** Необходимость проведения активной работы, направленной на создание оптимальных правовых и экономических условий для развития промышленных организаций, разработке мер стимулирования повышения качества и конкурентоспособности выпускаемой продукции. В частности, в целях реализации инвестиционных проектов Ставропольским краем проводится работа по привлечению средств из федерального бюджета, определенных мерами государственной поддержки организаций промышленности на федеральном уровне. В 2016 году Ставропольский край признан победителем в конкурсном отборе, проводимым Минпромторгом России, на предоставление субсидии из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на софинансирование расходов по возмещению части затрат на реализацию инвестиционных проектов по модернизации и развитию промышленных предприятий. Это позволило привлечь для субсидирования организаций промышленности 35,0 млн. рублей из федерального бюджета. На условиях субсидирования из бюджета Ставропольского края 13 организациям промышленности предоставлены субсидии на общую сумму 50,0 млн. рублей. Организации, получившие субсидии, инвестировали в проекты по созданию новых производств, модернизации действующих более 2,5 млрд. рублей. Планируется создано около 400 новых рабочих мест[1].

4. Регулирование демографической ситуации. Наметившиеся тенденции в этнодемографических процессах будут способствовать дальнейшему осложнению демографической ситуации в крае. В настоящее время

[1] Материалы министерства промышленности и связи Ставропольского края-// http://www.stavminprom.ru

русские имеют самый низкий естественный прирост. Их высокая доля в составе населения означает, по сути, снижение показателей воспроизводства населения в крае в дальнейшем. Кроме того, среди мигрантов на Ставрополье очень высока доля беженцев и вынужденных переселенцев, уровень рождаемости у которых, по известным причинам, довольно высок, что также будет усиливать негативные тенденции в воспроизводстве населения.

5. В связи с тем, что до последнего времени наблюдался прирост численности населения на Ставрополье, где более половины приходилось на трудоспособное население, проблема занятости населения имеет специфический характер. Для края весьма актуальной является проблема не только сохранения, но и более активного, чем в других районах России, создание новых рабочих мест. Единичные примеры создания вынужденными мигрантами предприятий всю проблему не решают. Необходима эффективная региональная программа занятости вынужденных переселенцев.

Ухудшение демографической ситуации в крае будет наблюдаться и за счет сокращения по ряду причин числа смешанных в этническом отношении браков. Поэтому необходим комплекс мер, направленных на сохранение, поддержание этнических смешанных семей. Вопросы защиты таких семей должны найти отражение в краевых социальных программах.

6. Культурное и духовное взаимодействие народов. В условиях высокой полиэтничности необходимо наличие интернационального культурно-нравственного комплекса, выполняющего функции межкультурных коммуникаций. Исторически сложилось так, что в качестве интернациональной выступает русская культура[1]. В пределах края русская культура имеет ряд особенностей, связанных с усвоением ею некоторых черт других национальных культур и, прежде всего, кавказских и украинских. Тем не менее, русский язык является общим для всех народов, живущих на Кавказе, и хорошее владение им является предпосылкой успешности адаптации прибывших этнических общностей. Наряду с обеспечением доступности получения русского образования не следует препятствовать развитию национальных элементов образования, изучению национальных культур. Краевая культурная программа должна способствовать более близкому знакомству народов, взаимному познанию национальных литератур и искусства.

Под влиянием классических идей национализма и национального самоопределения на Кавказе постепенно разрушались наработанные веками цивилизационные основания, в условиях политического кризиса, затяжных межэтнических конфликтов ослаблялись и претерпевали изменения основания общей российской политической идентичности.

[1] См. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». 2013. URL: http://government.ru/media/files/ 41d4862001ad2a4e5359.pdf

Надо отметить, что именно после распада советского государства Кавказ, как буферный регион, впервые за последние столетия своей истории выступил в роли субъекта геополитического, геоэкономического процессов, в очередной раз переживая опосредующую роль в «драме» конкурирующих мировых политических систем.

Характер и уровень политической культуры и политического сознания народов Кавказа напрямую связаны с реальными обстоятельствами - уязвимостью Кавказа как буферного региона, расположенного в окружении мировых и региональных субъектов международной политики. Стабильность в этом крае не в последнюю очередь связана с развитием сильной региональной идентичности как неотъемлемой части российской политической идентичности. Добившись стабильности и социального благополучия, необходимо воспитывать осознание народом своего «особого» геополитического положения, «государственного щита на Юге», развивать и поддерживать чувство ответственности народов за стабильность в регионе по принципу - «защищая себя, защищаю государство».

Васильева Анна Сергеевна,
доцент кафедры философии
Кубанского государственного аграрного университета
имени И.Т. Трубилина,
кандидат философских наук, доцент
Васильева Татьяна Сергеевна,
аспирант кафедры философии
Кубанского государственного аграрного университета
имени И.Т. Трубилина

ДУАЛИСТИЧНАЯ ПРИРОДА ЭКСТРЕМИЗМА В АНТИУТОПИИ ФИЛИПА ДИКА

Человека одолевают сомнения, он задается вопросами, его разум бунтует, желает заявить о выбранной стороне, о той правде, которую принял – это приводит к индивидуальному восстанию. Человек находит единомышленников, и чем больше их становится, тем прочнее укрепляются его представления о мире. Конечно, такое «восстание» может носить как положительный (просоциальный), так и отрицательный (антисоциальный) характер, поэтому мы не может утверждать каким будет результат. Это зависит от многих факторов, таких как нравственные, моральные, политические, культурные, социальные взгляды и установки индивида. В современной трактовке общие представления об антисоциальной деятельности человека или группы людей определяются понятием «экстремизм», которое связано с физическим насилием, а также с нанесением морального ущерба

(национальная, религиозная и т.п. розни). Слово «экстремизм» в переводе с латыни означает «крайний», «чрезмерный». В XVIII веке в политическом смысле в своих работах его стал употреблять французский просветитель Шарль Монтескье, обозначая им крайне левые и крайне правые политические позиции[1]. С середины XIX в. этот термин достаточно вольно употреблялся в странах Европы и США, определение его зависело от взгляда оценивающего (субъективного), было размытым, несло негативный характер. Французская пресса использовала термин «экстремизм» с 1870-х для обозначения ультралевых и крайне правых политических сил, употребляя его как синоним «радикализма», что приводило ее к конфликтам с общественностью, из-за существования политического движения радикалов (левое крыло буржуазных республиканцев) [2]. На сегодняшний день этот термин также имеет дуалистичный характер. Современные политологи используют понятие «экстремизм» применительно не только к политическим, но и ко всем радикальным идеологиям, не соответствующим либерально-демократическим взглядам. Грань между истиной и ложью, правильным или неправильным поступком для каждого человека индивидуальна. Тогда сталкиваются различные реальности, создаются отдельные социально-культурные сообщества – контркультуры. Их существует множество, и не все они носят радикальный характер. Это разные точки зрения на ценности моральные, нравственные, этические. Для того чтобы понять разницу между ними, необходимо выйти за грани своего первичного (обыденного) понимания причин. Экстремизм – это восстание масс против элиты. Общество стремится к равным правам для всех. Все хотят чувствовать себя свободными. Социологи и психологи считают, что путь к экстремизму пролегает через среду формирования личности человека, и связан с тоталитарными устройствами общества и государства.

Известный американский писатель-фантаст Филип Киндред Дик, большинство произведений которого имеют политический подтекст, неоднократно поднимал в своих произведениях тему «свободы», «восстания» личности. Его фантастические миры – это постоянная борьба против тоталитарной системы, условий, обстоятельств и борьба с собой. Его не пугает научно-технический прогресс как таковой, его пугают человеческие поступки, то, как человек может распорядиться накопленными знаниями и сможет ли он сохранить общечеловеческую мораль.

Дуалистичный мир в романе «Предпоследняя истина» Ф.К. Дика, написанный в 1964 году, представлен как «верх» и «низ». Это жизнь после мировой ядерной войны, люди живут в бункерах под землей, делают робо-

---

[1] См.: Политический экстремизм: основные тенденции и причины эскалации: информационно-аналитический вестник / под ред. А.П. Кошкина// Вестн. Моск. ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова». 2017. Вып. 8. С. 10.

[2] См.: *Соснов Н.* Экстремизм: история и современность // http://vestnikburi.com/ekstremizm-istoriya-i-sovremennost, 20.10.2017.

тов, железок, для войны с врагами государства. Война длилась два года, тридцать лет назад относительно происходящих событий в романе. В «верхнем» мире живет политическая и интеллектуальная элита, которая посредством многолетней пропаганды изолировала «нижний мир» людей от контактов с «верхним миром», потому что «они превратили весь мир в огромный парк и разделили его между собой на поместья, каждому из них, йенсенистов (от имени президента, заступника Йенси), принадлежит множество железок. Как у королей в Средние века.»[1]. Для жителей поверхности их жизнь можно охарактеризовать как утопию. В «верхнем мире» не существует недостатка в материальных благах, пищи, медикаментах, нет перенаселения и нищеты, каждый живет в свое удовольствие, занимаясь тем, чем желает и умеет. Жители поверхности не задумываются о судьбе «нижнего мира», они все делают для того, чтобы сохранить идиллию своей жизни. Заступник Йенси каждый день горячо информирует жителей бункеров об ужасах, происходящих на поверхности, и убеждает их в необходимости повысить производительность. «Нижний мир» не сомневается в словах «заступника», хоть провизии не хватает и солнечного света они не видели тридцать лет. Бердяев Н.А. в работе «О рабстве и свободе человека» пишет: «Когда я говорю, что утопии осуществимы, что они осуществлялись в теократиях, в якобинской демократии, в марксистском коммунизме, я не хочу сказать, что они действительно осуществлялись в наиреальнейшем смысле слова. Это осуществление было также неудачей и вело, в конце концов, к строю, который не соответствовал замыслу утопии. Такова вообще история. Но в утопии есть динамическая сила, она концентрирует и напрягает энергию борьбы, и в разгар борьбы идеологии не утопические оказываются слабее. Утопия всегда заключает в себе замысел целостного, тоталитарного устроения жизни.» [2]. «Верхний мир» - это утопия, существующая за счет антиутопии. В таком случае человеческое общество не имеет целостности, следовательно, с объективной точки зрения этот мир является антиутопией. Сомнения в истинности и правильности происходящего рождаются как внизу, так и наверху. Власть имущие всеми способами стараются сохранить существующий порядок, «потому что как только они выйдут из убежищ, начнется новая война»[3]. Люди узнают правду о происходящем, и с позиции жителей поверхности жители убежищ являются экстремистами. В целом «верхний мир» и «нижний мир» представляет собой тоталитарное государство, не просто тоталитарное, а рабовладельческое. «Экстремизм» - это крайние меры, следуя из определе-

[1] Дик Ф.К. Предпоследняя истина / пер с анг. Никшич С. // http://nemaloknig.info/book-296137.html, 20.10.2017.

[2] Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека // http://vehi.net/berdyaev/rabstvo/index.html, 20.10.2017.

[3] Дик Ф.К. Предпоследняя истина/ пер. с анг. Никшич С. // http://nemaloknig.info/book-296137.html, 20.10.2017.

ния, можно сделать вывод, что жители поверхности тоже являются экстремистами по отношению к жителям убежищ, которое под средством профанации удерживает людей на подземных заводах для производства роботов. «Разумеется, они смогут выйти – и стать узниками, но уже на поверхности» [1] – так говорит один из вышедших на поверхность об огромных жилых комплексах, которые строит для них строительный магнат Рансибл, но они также изолируют людей от свободы передвижения. Самый талантливый автор пропагандистских речей и житель поверхности Дэвид Лантано пытается изменить существующий порядок, объединить оба мира, ведя подрывную деятельность, совершая преступления, убийства «неудобных персон», считая эти меры необходимыми, что тоже делает его экстремистом. Конечно, с одной стороны цели его благие, так как Лантано стремится к целостности общества, к органичности мира, но и хочет этим обществом и миром управлять. Если стремление к всеобщему благу сопряженно с насилием, тогда это «уловка 22»[2], что противоречит представлениям об утопии. У Ф.Дика «восстание» всегда происходит через разрыв реальности. Его герои верят в существующий порядок и готовы многое вынести, а в результате их идолы оказываются фальшивкой. Момент выбора: готов или не готов бороться за свои идеалы, приводит к бунту против существующего порядка. Возникает желание создать модель определенного типа государства и культуры. Немецкий социолог Теодор Адорно в работе «Исследование авторитарной личности» 1950 г. термин «экстремизм» использует в сочетании с термином «антисемитизм» указывая на то, что «индивид с крайней тенденцией к предубеждениям склонен к «психическому тоталитаризму», являющемуся своего рода микроскопическим образом тоталитарного государства, к которому он стремится.»[3].(3)

Для мирового современного сообщества слово «экстремизм» не однозначно, так как имеет различные трактовки. В них есть схожие формулировки и понятия: насилие; терроризм; разжигание розни в сферах духовной, общественной, социальной, культурной жизни; угроза существующему строю, посягательство на свободу и т.д. В одних случаях они более конкретизированы, в других менее. Социально-гуманитарные науки сходятся на том, что термин «экстремизм» обычно применим в политике. Можно сделать вывод, что в истории экстремизм был всегда, точнее, с момента образования государственной структуры. Экстремистская деятельность направленна на изменения общественной и политической жизни государства. Это происходило во времена, как Римской, так и Российской империй, происходит и сейчас. В Мировой истории найдется достаточно

[1] Там же.

[2] Нарицательное словосочетание, обозначающее абсурдную, безвыходную ситуацию, по названию романа американского писателя Джозефа Хеллера.

[3] Адорно Т. Исследование авторитарной личности // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Adorno/index.php, 20.10.2017.

событий, которые можно отнести к современному понятию «экстремизма». В Сирии с 2011 года идет Гражданская война напрямую связанная с идейной раздробленностью общества, и представляет собой фантастическую реальность: средневековые устои смешались с прогрессом, что привело к полномасштабным, затяжным кровопролитным действиям. Для каждой стороны их действия ведут к положительному результату.

Культура и истории взаимодействуют друг с другом, оказывая влияние на формирование различных тенденций и направлений в обществе. Экстремизм тоже часть культуры - это эстетика насилия. Насилие является самым древним инструментом достижения целей, что делает его общечеловеческой реальностью. Человек стремится к комфорту, миру, где бы все его удовлетворяло, модели идеального общества – утопии. Когда этого не происходит, у человека наступает диссонанс ценностей и реальности, под которой следует понимать то, во что человек верил «до» и во что верит «сейчас». В результате, окружающим мир для человека может приобрести статус антиутопии, представляющей собой место нежелательного пребывания, а с объективной позиции общества это будет считаться девиантным поведением. Утопия возможна и невозможна одновременно. Экстремизм – это форма волнения в обществе, которая связана с несогласием определенных масс с существующими устоями. Это уже различные оценки реальности и существующих в ней законов. Следовательно, экстремизм нельзя воспринимать только как действие «зло ради зла», но это действие несет с собой разрушение. У него есть цели: осуществление порядка, который будет соответствовать желаниям. Эти волнения связаны с тем, что человек стремится к утопии, сам этого не осознавая, разделяя мир на утопистов и реалистов, но эти всплески ненависти заставляют мир балансировать между «раем и бездной». Экстремизм подобен фанатизму, когда средства перестают соответствовать цели и никакая критика не влияет на оценку убеждений. Если есть одна сторона, значит, есть и другая – это антиутопия. Антиутопия может стать утопией, при условии, если человек сам стремится к разрушению и забывает о ценности, как чужой, так и своей собственной жизни.

Якуба Альберт Владимирович,
старший преподаватель кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
кандидат социологических наук
Сулейманов Руслан Ахмадеевич,
старший преподаватель кафедры общевоенных дисциплин
Краснодарского высшего военного авиационного училища
летчиков имени А.К. Серова,
кандидат технических наук

ПРОЯВЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА СРЕДИ ФУТБОЛЬНЫХ БОЛЕЛЬЩИКОВ

Проблема противодействия проявлениям экстремистского характера среди футбольных болельщиков актуализируется в период подготовки и проведения в Российской Федерации столь значимого спортивного события, мирового масштаба как Чемпионат мира по футболу 2018 г.

Многообразие экстремистских проявлений и их значительное влияние на социально-экономическую и политическую обстановку в обществе предопределили экстремизм как одну из наиболее опасных проблем современного российского общества.

Развитие фанатского движения в России связано с целым рядом факторов. Во-первых, происходит переход от моностилистического типа культуры к полистилистическому. Общество становится более терпимым к отклонениям от традиционных ценностей и практик, что создало маргинальным субкультурам новые возможности. Во-вторых, повышается информационная открытость общества. По мере усиления процессов демократизации в России постоянно увеличивается количество информации о западных обществах и существующих там субкультурах, общественных движениях и т. д.

Рассматривая основные содержательные признаки субкультуры футбольных фанатов, можно прийти к выводу о том, что за обыденной, вполне безобидной сущностью фан-движения кроется явный контркультурный смысл. Сама принадлежность к субкультурам футбольных фанатов уже выражает протест против норм, ценностей, морально-нравственных принципов общества. Участие в фанатских группировках оправдывает деятельность, направленную против узаконенных в обществе юридических и социальных норм, нередко носит противоправный и уголовно наказуемый характер.

Теоретический и эмпирический анализ проблемы показывает, что субкультура футбольных фанатов оппозиционна по отношению к общей культуре общества и имеет довольно значительный потенциал агрессии, который может увеличиться в будущем за счет развития региональных

фан-движений и возникновения связанных с ними потенциальных очагов напряженности, влекомых новыми «фанатскими войнами». Потенциальная конфликтность может возникнуть и во взаимоотношениях с силами правопорядка.[1]

В настоящее время актуальны несколько факторов, способствующих проявлениям действий экстремистского характера среди субкультур футбольных фанатов в России. Во-первых, это влияние зарубежного опыта, так как российское фан-движение во многом копирует опыт зарубежных «коллег», отличающихся буйным нравом (например, из-за бесчинств английских хулиганов футбольные клубы этой страны несколько лет были отлучены от участия в европейских кубках). Во-вторых, снижение уровня российской духовной культуры с неудовлетворительным социально-экономическим положением части российской молодежи ведет к поиску «виновных», желанию продемонстрировать свое «Я» и повысить самооценку, когда другими методами этого сделать не удается. В-третьих, криминализация субкультур футбольных фанатов объясняется активной деятельностью со стороны «дружественной» субкультуры скинхедов, стремящейся найти новый «плацдарм» для самовыражения. И, наконец, в-четвертых, стоит отметить недостаточно слаженные действия представителей сил правопорядка, которые также способствуют криминализации субкультур футбольных фанатов.

Очевидно, что профилактика и борьба с экстремистскими проявлениями среди субкультур футбольных фанатов в России возможна только при условии изменения подходов к воспитанию, социализации молодых россиян. В настоящее время необходимо уделять гораздо больше внимания подрастающему поколению. В противном случае никакие силовые действия, репрессивные меры не способны улучшить ситуацию на российских стадионах и за их пределами. На место арестованных и осужденных молодчиков будут приходить новые и новые сочувствующие «борцам» за так называемую «чистоту» России. И эти «борцы» периодически будут устраивать побоища на стадионах, тренируя свою боевую подготовку в надежде организовать серьезные экстремистские провокации в будущем. Теоретический и эмпирический анализ позволяет констатировать возрастающую активность криминалитета и неофашистов в фанатской среде.

Возникновение Интернета принесло массу позитивных эффектов социуму, прежде всего в информационном плане. Появилась возможность усовершенствовать торгово-экономические и производственные отношения, повысить общий образовательный и культурный уровень населения. Однако Интернет привнес в жизнь людей и ряд отрицательных моментов. В настоящее время интернет-коммуникация используется субкультурами

[1] Якуба А.В. Криминализация субкультур футбольных фанатов в условиях развития интернет коммуникации. Краснодар. 2015 год.

футбольных фанатов в целях трансляции криминальных идей и стандартов поведения. Речь, прежде всего, идет о видеороликах и обращениях с целью консолидации субкультуры вокруг криминального ядра, трансляции антиценностей и агрессивных ультранационалистических идеологий; использовании социальных сетей, сайтов, форумов (особенно «вражеских» команд) с целью провоцирования ненависти, агрессии по отношению к определенным социальным группам, общностям; ведении посредством интернет-ресурсов информационной войны против тех социальных групп, общностей или даже фанатских движений, которые вызывают ненависть и агрессию у данной субкультуры; координации криминальных действий членов субкультуры, обеспечение конспиративного потенциала, направленного, в первую очередь, против сотрудников правоохранительных органов с целью безнаказанного нарушения порядка и осуществления иных противоправных действий и др. [1]

Становится очевидным, что субкультуры футбольных фанатов начинают активно использовать интернет-среду для расширения своего влияния в обществе и оказания воздействия на своих потенциальных и реальных сторонников. Стоит отметить, что виртуальная среда обладает свойством взаимообмена с физической реальностью, вследствие чего агрессия в Интернете может быстро выплеснуться на улицы наших городов.

Изучая данную проблему мы видим, что цели деятельности членов фан-группы являются как официальными (выезды с командой, совместные практики в день матча, присутствие на стадионе), так и неформальными (многие члены фан-группы связаны дружескими отношениями и встречаются не только на играх: делают ставки в букмекерской конторе – большинство фанатов азартны; вместе отмечают праздники, дни рождений, выезжают на природу). Одобряемым в рамках наблюдаемой фан-группы поведением является активное участие в фанатской жизни, выездах, поддержании статуса группы. Однозначно не одобряется участие только в «домашней» жизни фан-группы, «отлынивание» от выездов, желание «схалявить» (не платить за автобус, выпивку, не участвовать в «махачах» с фанатами команд-противников).

В современном обществе во время проведения футбольных матчей на трибунах стадиона время от времени мы видим проявление действий экстремистского характера. И в преддверии столь значимого спортивного события в жизни нашей страны как Чемпионат мира по футболу 2018 года, необходимо предпринять все меры для того чтобы не допустить различных экстремистских проявлений во время проведения этого масштабного, грандиозного события. Ведь прежде всего Чемпионат мира по футболу это праздник для миллионов поклонников столь популярной во всем мире игры.

[1] http://diplomba.ru/work/120081 (дата обращения 25.10.2017 г.)

Стригуненко Юлия Владимировна,
старший преподаватель кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
кандидат социологических наук

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЗАДАПТАЦИЯ КАК ФАКТОР РОСТА ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Современное общество характеризуется динамическими качествами, значительными скоростями происходящих социальных изменений. В результате интенсивной социальной динамики наблюдается генезис факторов риска и неопределенности, что влечет за собой, в том числе, актуализацию дезорганизационных тенденций. В этих условиях одним из индикаторов дезорганизации социума на микроуровне социальной реальности становится дезадаптация личности.

Стоит обратить внимание на то, что социальная система подвержена воздействию деструктивных факторов, угрожающих ее стабильности, целостности. Проблемы возникают на стыке противоречий субъективных и объективных факторов, связанных как с внутренней, так и внешней средой общественной жизни на современном этапе.

Общество начала XXI в., под влиянием ряда глобальных факторов, находится в состоянии глубокой трансформации, охватывающей как макро-, так и микроуровень социальной реальности. Вследствие высоких скоростей социальных изменений происходит девальвация привычных форм социальных действий и взаимодействий, новые явления, процессы, стремясь закрепиться в институциональных структурах, оказывают противоречивое влияние как на общество в целом, так и отдельных социальных акторов.

Становится очевидным, что развитие социума в начале XXI в. детерминирует новые угрозы и вызовы социальному порядку. В частности, наблюдается духовно-нравственный кризис как следствие стремительной модернизации общества, научно-технического прогресса и информационной революции, протекающих на фоне снижения культурного, интеллектуального, образовательного уровня общества. Применительно к российскому обществу начала XXI в. исследователи нередко употребляют термины «риск и «неопределенность».

Исследователи современного общества обращают внимание на то, что усложнение социальной структуры и одновременная интенсификация общественных процессов в итоге приводят к усилению факторов нестабильности социальной системы. Нынешнее общество, в силу системного характера внутренних изменений и неоднородности на уровне культурной принадлежности населения находится на стадии непрерывного становления, поскольку актуализация социальных запросов членов общества при-

водит к системным изменениям его структуры, в силу чего актуализируются иные сферы интересов. Это позволяет судить о том, что в настоящее время общество пребывает в переходном состоянии, когда его структура подвергается постоянной трансформации в ходе саморефлексии общества над наиболее актуальными проблемами социального устройства, как внутреннего, так и внешнего происхождения[1].

Нынешнее общество предполагает изменение теоретико-методологических оснований научного социологического познания. В частности, уход от универсальных объяснительных моделей диктует необходимость сосредоточения внимания на микроуровне социальной реальности, с последующей экстраполяцией полученных данных (теоретических и эмпирических) на макроуровень. Такой подход предполагает изменение акцентов социологического познания. В частности, исследователи все чаще обращают внимание на дихотомию адаптации и дезадаптации. Адаптация представляет собой универсальный и весьма эффективный механизм решения многих проблем и противоречий социальной системы. Однако в целом ряде случаев актуализируются механизмы социальной дезадаптации, угрожающие стабильности социальной системы, как самостоятельно продуцирующие риски и напряжения системы, так и являющиеся следствием генерированных ранее рисков и напряжений.

Для социологического подхода характерно рассмотрение социальной дезадаптации в ее непосредственной связи с дезорганизацией отношений индивида и социума, когда ситуация рассогласования их взаимных ожиданий приводит индивида к большому количеству внутренних и внешних конфликтов без нахождения механизмов, условий, необходимых для их разрешения. В этом случае разрешение подобных конфликтов, зачастую, реализуется с использованием патологических поведенческих реакций[2].

Социальная дезадаптация представляет собой разновидность различных социальных отклонений и во многих случаях связана с кризисом как социокультурной системы общества (внешние факторы), итак и с глубоким духовно-нравственным, аксиологическим, идеологическим кризисом, проявляющимся на индивидуальном и малом групповом уровне (внутренние факторы). В связи с вышеизложенным было бы методологически неверно анализировать социальную дезадаптацию в отрыве от ряда схожих социальных феноменов. Именно такой ракурс анализа характерен, по преимуществу, для социологического подхода.

Как отмечает О.Б. Конева, социальная дезадаптация является основой любой формы девиации, тем не менее, каждый тип отклоняющегося поведения имеет собственный симптом и обладает определенными,

---

[1] Плотников В.В. Трансформация социальной системы и локальные деструктивные последствия (уровень государства). Краснодар, 2016. С.15.

[2] Черкасов А.В. Социальная адаптация наркозависимых в современной России: дис. … канд. соц. наук. Ростов н/Д., 2009.

свойственными только ему диагностически значимыми характеристиками, что и обуславливает необходимость подробного рассмотрения каждого типа в отдельности[1].

В данном контексте мы можем смело говорить о социальной дезадаптации как об одном из факторов роста экстремизма в современном российском обществе.

Для роста экстремистской и террористической угрозы в современной России, по мнению ряда исследователей[2], сложился целый комплекс предпосылок политического, экономического, социального, идеологического и психологического характера.

К числу внутренних факторов роста экстремизма и терроризма в Российской Федерации относятся:

Политические:

· распад СССР и вызванный этим событием общий паралич государственной власти, особенно системы правоохранительных органов;

· «парад суверенитетов» в середине 90-х гг. XX в.;

· неустойчивость в течение довольно длительного периода всей системы общественных отношений и структур, вызванное появлением новой структуры отношений собственности, «теневых» лидеров, обладающих реальной властью и любыми способами расширяющих сферы своего влияния;

· низкий уровень политической культуры постсоветского общества;

· деятельность партий, движений и организаций, прибегающих к насильственным методам политической борьбы (сепаратистские, религиозно-националистические, «левацкие»);

· наличие на территориях ряда регионов экстремистских группировок и бандитских военизированных формирований;

Экономические:

· хозяйственно-экономический кризис начала 90-х гг. XX в., вызванный распадом прежде единых экономических связей;

· несправедливая приватизация государственной собственности;

· утрата государством в начале 90-х гг. XX в. контроля над экономическими и финансовыми ресурсами страны;

· криминализация бизнеса;

· экономическая политика правительства, не способствующая хозяй-

---

[1] Конева О.Б. Социально-психологические аспекты дезадаптации личности // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №19. С.78.

[2] См.: Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998; Мусаелян М.Ф. Экстремизм как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 3. С. 18-24; Арутюнов Л.С., Касьяненко М.А. О некоторых причинах этнического экстремизма в современном российском обществе // Таможенное дело. 2007. № 4. С. 52-57.; Исаева Т.Б. Типологические признаки экстремистской идеологии // Российский следователь. 2008. № 23. С. 27-29 и др.

ственной стабильности, устойчивому росту экономики, ликвидации диспропорций в развитии отдельных регионов и ликвидации безработицы;

Социальные:

· резкое падение жизненного уровня основной массы населения при одновременном появлении тонкого слоя очень богатых людей;

· сужение реальных социальных прав и гарантий российского населения (низкая оплата труда, мизерные социальные пособия, несоблюдение трудовых прав граждан и т.д.);

· незавершенная урбанизация, маргинализирующая значительные слои российского общества;

· наличие значительного контингента лиц, прошедших школу войн в «горячих точках», их недостаточная социальная адаптированность в обществе переходного периода;

Идеологические и психологические:

· утрата многими людьми идеологических и духовных жизненных ориентиров;

· настроения отчаяния и рост социальной агрессивности, падение авторитета власти и закона, веры в способность и возможность позитивных изменений;

· широкая пропаганда (кино, телевидение, пресса, литература) культа жестокости и силы;

· отсутствие контроля за распространением методов и способов террористической деятельности через информационные сети;

· обострение криминогенной обстановки и распространение правового нигилизма;

· общее падение нравов, торжество цинизма, изменение понятий о порядке и справедливости;

· усиление влияния неформальных норм, криминализирующих общественные отношения;

· обращение к духовному наследию политических, религиозных и других организаций экстремистского толка, в которых культ силы и оружия является обязательным элементом быта и образа жизни;

· осознание некоторыми национальными и религиозными общностями себя как угнетенных, притесняемых, лишенных прав и свобод, ощущение ими необходимости защиты любыми средствами[1].

Уровень террористической угрозы на территории Российской Федерации также остается высоким, масштабы последствий террористических актов значительны. Террористы стремятся расширить географию своей деятельности, на территории страны отмечается активность международных террористических организаций, которые привлекают наемников и бое-

[1] Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г.) П.п. 3-4 // Российская газета. 20.10.2009. Федеральный выпуск № 5022.

виков, состоящих в экстремистских организациях, и оказывают им финансовую помощь, поставляют оружие[1].

Вместе с тем, исследователи обращают внимание на следующую проблему. В настоящее время под социальной дезадаптацией понимается любой вид патологии, связанной с выходом за границы гомеостаза. Эта тенденция вполне объяснима тем, что современный чрезвычайно сложный и многообразный мир социальных отношений с многочисленными вспышками разнообразнейших конфликтов невозможно оценить, понять и осмыслить ни в привычных категориях диалектики, ни в моделях функциональной социологии, ни с помощью теорий интерпретативного анализа.[2]

Социологический подход предполагает в числе первоочередных задач поиск индикаторов (признаков) тех или иных социальных явлений, процессов. Данная задача весьма актуальна и в отношении дезадаптации. Так, к признакам социальной дезадаптированности, по мнению А.Л. Шпак, относятся:

– неустойчивость прежних социальных связей, имеющая тенденцию к их разрыву;

– нарушение ритмов повседневных процессов, системно сложившихся взаимодействий и соучастии (бытовых, профессиональных, кровнородственных, политических, социокультурных);

– сужение диапазона и интенсивности привычных видов занятости во внерабочее время (бытовых и семейно-родственных нагрузок, форм и способов проведения свободного времени, волонтерской деятельности и т.д.);

– сокращение с тенденцией к прекращению привычных масштабов социальной мобильности, в том числе и "маятниковой", для организации общения по интересам;

– утрата (лишение, депривация) личностно значимого перестает восприниматься как горестное, невосполнимое явление;

– притупляется с тенденцией к исчезновению прежнее свободное владение измерительными инструментами в освоенном ранее жизненном и социальном пространстве, в том числе и закрепленном территориально[3].

Таким образом, социальная дезадаптация выступает объектом научного интереса нескольких наук, особенно – психологии и социологии. Социологическая наука, в отличие от психологической, предполагает более широкий ракурс системного анализа. При реализации социологической методологии дезаптационные процессы оказываются вписаны в широкую систему отклонений. Именно поэтому реализация социологи-

---

[1] Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 20 ноября 2013 г.) П. 10-11 // КонсультантПлюс: [правовой сайт].

[2] Ростовцева М.В., Хохрина З.В., Машанов А.А. Социальная дезадаптация личности как объект философского анализа // Фундаментальные исследования. 2014. №9.

[3] Шпак А.Л. Социальная дезадаптация: признаки, механизмы, уровни // Социс. 2011. №3. С. 50-55.

ческого подхода предопределяет анализ дезадаптации как индикатора дезорганизации социальной системы.

Научно-практический интерес к анализу социальной дезадаптации, на наш взгляд, связан с тем, что именно данный вид социальных отклонений на микроуровне социальной реальности свидетельствует о наличии проблем более широкого круга социальных институтов и подсистем. Отключение адаптационных механизмов приводит к росту напряженности, противоречий, которые, в свою очередь, могут перейти от микро- к макроуровню социальной реальности, способствовать дезорганизации всей социальной системы или каких-то ее значимых элементов. При этом особую опасность представляют дезадаптационные процессы в социально-профессиональных группах, связанных с политической сферой общества, с системой властных отношений. Особенно опасными последствиями дезадаптация характеризуется применительно к молодому поколению, которое склонно к крайним мерам в реализации своих планов. Кроме того, как известно, молодежь может впитывать в себя как губка как положительный, так и отрицательного опыт. Именно поэтому социологическая наука, обладающая значительным потенциалом как теоретического, так и прикладного анализа проблем, может внести свой серьезный вклад в социально-инженерное сопровождение реформ, модернизационных изменений общества. Однако в настоящее время этот потенциал социологической науки используется крайне недостаточно, свидетельством чего выступает незначительное количество реализованных масштабных (общероссийских) прикладных проектов, процветающий субъективизм и волюнтаризм представителей государственного управления, их недоверие возможностям социологии.

Литература:

1. Конева О.Б. Социально-психологические аспекты дезадаптации личности // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 19.

2. Плотников В.В. Трансформация социальной системы и локальные деструктивные последствия (уровень государства). Краснодар, 2016.

3. Ростовцева М.В., Хохрина З.В., Машанов А.А. Социальная дезадаптация личности как объект философского анализа // Фундаментальные исследования. 2014. №9.

4. Черкасов А.В. Социальная адаптация наркозависимых в современной России: дис. … канд. соц. наук. Ростов н/Д., 2009.

5. Шпак А.Л. Социальная дезадаптация: признаки, механизмы, уровни // Социс. 2011. №3.

6. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г.) П.п. 3-4 // Российская газета. 20.10.2009. Федеральный выпуск № 5022.

7. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 20 ноября 2013 г.) П. 10-11 // КонсультантПлюс: [правовой сайт].

Тимченко Александр Андреевич,
старший преподаватель кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
кандидат социологических наук.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОВЕРЖЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

Изложение аргументов, направленных против религии и черпаемых научным сознанием из социологии, нуждается в одном предварительном замечании. Социология, как и любая другая наука, носит принципиально нейтральный характер, поэтому формально она не ставит перед собой задачу опровержения или защиты веры в сверхъестественное. Доказательством этой позиции могут служить слова одного из ведущих отечественных социологов религии: «Задача социологического изучения религии – объяснение социальной реальности в тех ее аспектах, которые выражены в религиозной сфере общественной жизни и ею обусловлены. Особенность и сложность реализации этой установки в социологии религии заключается в том, что такой расшифровке подлежит религия, так или иначе выражающая верование в существование двух несовместимых друг с другом миров… Социолог должен расшифровать значение этого разделения, «верования в Бога», оставаясь, в отличие от теолога в рамках социальной реальности… Другими словами, предметом социологического анализа является вера в Бога как человеческий феномен, доступный эмпирическому исследованию. Социолог должен объяснить веру в Бога, исходя не из «теологического факта» - Бога как внемирского «начала начал», а из «социального факта» существования веры в Бога, и не для того, чтобы доказать или опровергнуть существование Бога, а чтобы объяснить социальные причины и последствия веры, расшифровать ее социальный смысл».

Как следует из сказанного, нейтральность социологии религии носит во многом декларативный характер. Последний выражается, прежде всего, в том, что социологическая наука изначально противопоставляет себя религии, четко отделяя круг своих интересов, от предметов веры и заранее настраиваясь на социальное объяснение религии. Поэтому не о какой непредвзятости социологии не может идти и речи. Кроме того, социолог, будучи человеком, никогда не может до конца реализовать научный принцип воздержания от оценок и в своих исследованиях религии, так или иначе,

придерживается определенного взгляда на природу изучаемого феномена. Но поскольку абсолютно нейтральной позиции по отношению к предметам познания занять невозможно, то ученому необходимо прояснить мировоззренческие основания, с которых осуществляется исследование, а не заявлять о принципиальной объективности процесса научного познания. Таким образом, критическое отношение к религии, хотя прямо социологией и не заявляется, но в силу самого склада научного мышления всегда присутствует в ней. Эта скрытая тенденция в полной мере реализуется в сциентизме, который, будучи формой мировоззрения, с одной стороны, включен в научную установку сознания, а с другой – не обязан скрывать своей критической позиции и в полной мере пользуется предоставленной ему свободой. Вместе с тем, необходимо помнить, что, хотя сциентизм ни в коей мере не тождественен науке, но все же генетически связан с ней, являясь, по сути, рупором ее идей.

В социологии религии можно выделить две основные интерпретации поклонения религии. Первая из них связана с рассмотрением поклонения в качестве одного из важнейших факторов социального развития, который присутствует в различных формах культуры, но находит свое наибольшее выражение в религии. При этом поклонение как социальный фактор может быть использовано в процесс реформирования социальной жизни, что не исключает возможности его полной секуляризации. Последняя может принять вид как светской религии, наподобие культа «Верховного Существа» в эпоху Французской революции, так и социально-политического движения, имеющего своей целью служение интересам государства или нации. Но в каком бы образе, светском или религиозном не выступало поклонение, его следует рассматривать как социально созидающий процесс, способствующий возникновению различных социальных групп, феноменов, институтов. Среди представителей данной точки зрения можно выделить таки классиков социологической мысли, как Г. Зиммель, М. Вебер, О. Конт. Примером понимания религиозного сознания в качестве социально созидающего фактора служит концепция Г. Зиммеля, согласно которой религиозное чувство, в том числе и чувство преклонения перед священным, какую бы форму оно не принимало, присуще социальным отношениям изначально. Более того, только благодаря его наличию возможно сообщество людей. Поэтому Зиммель стремится показать, что крупицы религиозного отношения к действительности рассеяны во всех социальных связях, но только в религии достигают наивысшего завершения.

«Отношение дитяти к своим родителям, отношение патриота-энтузиаста к своему отечеству или энтузиаста-космополита ко всему человечеству, отношение рабочего к своему поднимающемуся классу… и настоящего солдата к своей армии – все эти отношения с их бесконечно многообразным содержанием, будучи рассмотрены со стороны формально-психической, могут иметь один общий тон, который необходимо будет

называться религиозным. Всякая религиозность содержит своеобразную смесь бескорыстной самоотдачи эвдемонистского вожделения, смирения и возвышения, чувственной непосредственности и бесчувственной абстракции; тем самым возникает определенная степень напряжения чувства, специфическая интимность и прочность внутреннего отношения, встроенность объекта в некий высший порядок, который он однако, одновременно воспринимает как нечто глубоко интимное и личное… этот религиозный момент содержится в названных выше и многих других взаимоотношениях, он сообщает им такой оттенок, который отличает их от отношений, основанных только на чистом эгоизме или чистом внушении, или чисто внешних, или даже чисто моральных силах».

В противоположность Зиммелю, М. Вебер делает акцент на объективном моменте религиозной установки сознания. При этом он рассматривает в качестве предмета поклонения не сверхъестественное бытие как таковое, а конкретные формы социального поведения, в которых зафиксированы отношения между божественным и реальным мирами.[1] Тем самым поклонение выступает в роли социального действия, направленного на реализацию определенного идеального типа. Воплощаясь в конкретном образе поведения, религиозная установка сознания не только формирует общность верующих – церковь или секту, но и выражает отношение этой социальной группы к реальному миру. Данное отношение, прежде всего, фиксируется в виде понимания той или иной конфессией места экономики в религиозной жизни общины в целом и индивида в частности. Таким образом, религиозное поклонение в области социально-экономических отношений выражается в форме неприятия реального мира, поскольку предметом верующего сознания всегда выступает служение миру сверхъестественному. Наиболее распространенными формами неприятия земного существования являются по Веберу мистицизм и аскетизм. Религиозное поклонение в мистицизме и аскетизме по своему характеру противоположно: если в первом любовь и поклонение перед божеством заставляет индивида свести свое участие в социально-экономической жизни к мистицизму, то во втором – оно рассматривается как форма служения божеству. Сам Вебер раскрывает различие между мистическим и аскетическим поклонением следующим образом: «Мистик «живет» в миру и внешне «подчиняется» мирским порядкам, но лишь для того, чтобы устоять от искушения придавать им какое-либо значение и таким образом увериться в милости Божией к нему. Как мы видим на примере Лао-Цзы, типическое поведение мистика находит свое выражение в специфическом смирении, в минимальной деятельности, в своего рода в религиозном инкогнито в миру: он доказывается свою избранность вопреки миру, вопреки собственной деятельности в миру, тогда как мирской аскет, напротив, доказывает ее по-

[1] Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990.

средством своей деятельности. В глазах живущего в миру аскета поведение мистика является ленивым самоуслаждением, для мистика поведение аскета – не более, чем участие в богопротивных мирских делах, соединенное с суетной уверенностью в своей правоте. С той «счастливой ограниченностью», которую обычно приписывают типичному пуританину, мирской аскетизм выполняет скрытые от него по своему последнему смыслу положительные веления божества, которые обнаруживаются в установленном Богом рациональном порядке сотворенного им мира, тогда как мистик считает существенным для спасения именно проникновение в предельный, совершенно иррациональный смысл в акте мистического переживания». Демонстрация действенности религиозного поклонения, его значимости для социальной жизни общества, тем не менее, оставляет открытым вопрос об онтологическом статусе Бога. И действительно, Вебер реконструирует идеальные типы, на которые ориентируется индивид в своем социальном поведении, но это не означает, что они не являются иллюзиями и что за ними скрывается сверхчувственная реальность.

Признание поклонения в качестве социально созидающей силы свойственно и социологии О. Конта. Но, в отличие от Вебера, Конт занимает однозначно атеистическую позицию и потому в качестве источника поклонения признает не сверхъестественное бытие, но саму логику развития человеческого сознания. В связи с этим религиозное преклонение перед Богом выступает в его концепции лишь этапом развития так называемого социального чувства, предметом которого выступает сужение обществу и преклонение перед человеческим разумом. Тремя составляющими данной светской формы поклонения вступают эмоции, рассудок и разум, которые соединяются в едином порыве служения общественным интересам. Соотношение основных моментов социальной религии, призванной реформировать жизнь на принципах рациональности, представляется Конту следующим образом: «Не будучи никогда стеснительным по отношению к разуму, это господство сердца освящает ум, посвящая его отныне беспрерывному служению общественности, с тем, чтобы он осветил эту деятельность и укрепил ее преобладающее значение. Таким образом, рассудок, надлежаще подчиненный чувству, приобретает авторитет, которого он до сих пор еще не мог получить, как единственно способный открыть основной порядок, необходимо управляющий всем нашим существованием согласно естественным законам различных явлений… Призываемый к выполнению благоразумной роли, предохраняющей его от всякого праздного блуждания, научный гений находит самую обильную пищу в оценке всех рациональных законов, влияющих на нашу судьбу, и в особенности в изучении нашей собственной индивидуальной или коллективной природы. Преобладание социологической точки зрения, далеко не препятствуя даже наиболее отвлеченным умозрениям, увеличивает их постоянство и их достоинство, указывая единственно соответствующее им направление».

Из вышесказанного следует, что научное мышление находится, согласно О. Конту, в определенной зависимости от веры в общественный прогресс и стремления ему способствовать. Таким образом, главным нравственным ориентиром науки выступает сциентистская или если точнее, социальная религиозность, имеющая, в отличие от религиозности традиционной, ярко выраженный практический характер. Конечной же целью религиозного сознания нового типа является создание общественного устройства, в котором социальная несправедливость была бы преодолена.

Итак, общим для подходов Зиммеля, Вебера и Конта, несмотря на все их различия, следует признать понимание религиозной установки сознания в качестве достаточно самостоятельного фактора, способствующего организации различных социальных групп. Так, у Зиммеля религиозное сознание постепенно генерируется в общественных отношениях, пока не локализуется в собственно религиозные институты. По Веберу, религия во многом определяет характер социальной жизни, в частности, способствует проявлению новых социальных феноменов, например таких, как капитализм.[1] И, наконец, по Конту, религиозная вера может после определенного рода преобразования использована в деле создания совершенного общества. Рассмотрение поклонения в качестве самостоятельного феномена социальной жизни, даже при специальном оговаривании его несводимости к собственно религиозным формам отношения к действительности, создает благоприятную почву для критики научной установки сознания с позиций теологии. Поэтому научное мышление наряду с изложенной выше социобразующей интерпретацией поклонения разработало другой способ объяснения религиозной установки, позволившую доказать ее иллюзорность. Оговоримся еще раз, что это доказательство в силу специфики научного познания носит не явный характер, но в процессе полемики с личностью принимает необходимую критическую направленность.

Речь идет о понимании религии в качестве закономерного проявления потребности людей в совокупности, т.е. в качестве одной из социальных функций. При этом условии предметы религиозного поклонения (например, предки, Бог, Закон Божий, церковь и т.п.) будут представлять особого рода символы общества как целого. Такие символы выражают поистине религиозную силу общего над единичным, характерную для социальных отношений. Тем самым религиозные предметы рассматриваются не в качестве особого вида реальности, но признаются в виде социальной иллюзии, необходимой для нормального функционирования общества и культуры.

Среди социологов, признававших социальную природу религии, следует выделить Э. Дюркгейма, К. Маркса, Т. Парсонса. Из концепций этих

[1] Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избранные произведения: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990.

ученых сциентисты черпают аргументы, направленные на доказательство земного происхождения религиозной установки сознания. В противоположность мыслителям, опирающимся на данные психологии, социально-ориентированные апологеты научного способа мышления, как правило, не отрицают предметности религиозной установки сознания, но различают в ней внешнюю, иллюзорную сторону, связанную с представлениями о потустороннем мире и уровень социальных значений этих представлений. В результате религиозное сознание предстает одновременно как еще не развитое знание о социальной действительности и как вполне закономерный и необходимый эффект действия социальных механизмов. Но в обоих случаях религия предстает в качестве формы общественного сознания, хотя и выполняющей определенные социальные функции, но не способной пролить свет на свои основания, объяснить самое себя. Поэтому отношение преклонения перед социальной реальностью, характерное для религии, социология рассматривается в качестве неадекватной формы отношения к действительности. Если человек желает не только существовать в социуме, но и знать законы его функционирования, то ему необходимо обращаться не к помощи религиозных представлений, а к научному объяснению. Только благодаря последнему индивиду предоставляется возможность осознания социальных механизмов и дается шанс извлечь из этого максимальную выгоду. Теперь рассмотрим доказательства социальной сущности религиозной установки сознания более подробно, начав с изложения социологической теории религии Дюркгейма. Демонстрации социальной природы религии и ее функций в жизни общества посвящено последнее произведение Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии». Обосновывая выбор темы своего исследования, французский социолог отмечает, что обращение к анализу первобытных форм религии позволяет пролить свет на значение и роль религиозных институтов в современном обществе. Возможность достижения поставленной цели обусловлена тем обстоятельством, что современные формы религии не представляют собой чего-то совершенно нового, что не присутствовало бы в зачаточном виде в первобытной культуре. Простота же первобытных верований и ритуалов более наглядно демонстрирует тесную связь, а вернее, тождество религиозного и социального, которое в современных условиях скрыто сложностью догматов и многомерностью социальных отношений. Кроме того, современные формы религиозности настолько тесно переплетены с умозрительными построениями и произведениями искусства и даже научными теориями, что становится уже почти невозможным установить специфику религиозного отношения к действительности. По мнению известного исследователя В. И. Гараджи, Дюркгейм стремится дать всеобъемлющее определение религии и потому полагает, что под данным термином следует понимать: «систему верований и обрядов, а) относящихся к священным, т.е. отделенным от всех других и счи-

тающихся запретными вещами, и б) объединяющую всех тех, кто придерживается этих верований и обрядов, в одну моральную общину, называемую церковью (под церковью здесь подразумевается не та особая социальная форма религиозной организации, которая в истории религии появилась только с возникновением христианства, а самое простое, исходное значение этого слова – собрание верующих, группа «единоверцев»). Это определение Дюркгейм относит к любой религии – от самой элементарной до самой сложной».

Таким образом, Дюркгейм выделяет два важнейших структурных элемента религиозной установки сознания – субъект и предмет поклонений. В качестве субъекта религиозного поклонения всегда выступает не индивидуальное, а коллективное, общественное сознание. Главным условием возникновения этого коллективного субъекта Дюркгейм признает потребность в солидарности, которая выражается в акте поклонения, связывающего индивидуальные сознания в единое целое. Отсюда можно сделать вывод, что хотя самим верующим предмет поклонения представляется первичным, на самом деле причины его возникновения глубоко субъективны, поскольку продиктованы необходимостью людей к объединению.

Что же касается предмета религиозного поклонения – священного, то он воспринимается верующим сознанием в качестве объекта, отличного от всего остального сущего. Исключительность священного также нужно рассматривать через призму социальности, а не признавать в качестве специфического свойства религиозной предметности. По мнению Дюркгейма, с помощью понятия священного, сознание социальной группы вводит критерий деления людей на своих и чужих и тем самым придает самой себе определенность и целостность. Таким образом, предмет религиозного сознания с одной стороны служит организующим центром коллективного сознания, но с другой он является порождением этой общности. В этом отношении религиозное сознание выступает неизбежным следствием самоорганизации общества. В свою очередь, общество с помощью порожденного им религиозного сознания проводит невидимую демаркационную линию как между собой и коллективными животными, так и между различными возрастными, социальными, этническими группами внутри себя.

Священное как предмет религиозного сознания в полной мере выражает собой специфическое свойство человека – его символическую природу. Символическая способность человека позволяет ему, в отличие от животных, иметь дело не столько с самими вещами, сколько с их значениями. Поклоняясь священным символам, выделяя их среди других предметов, и освящая ими различные вещи, события и процессы, человек, по сути, противопоставляет значение чувственно-наглядной предметности и тем самым сознает себя в качестве символического существа. Это понимание исключительности значения выражается в упорядочивающей действительность деятельности человека и в первую очередь, в организации общественной жизни. Способность наделять вещи значениями является главной особен-

ностью человеческого способа общения. Именно с ее помощью закрепляются нормы морали, регулирующие отношения между индивидами, которые как все связанное с областью общественного, получают в начале исторического развития человечества статус священного. Итак, религиозная установка сознания рассматривается Дюркгеймом как результат потребности людей в организации и поддержании существования своей социальной группы, которая реализуется с помощью преклонения перед священным, определяющим нормы поведения индивида в конкретных социальных ситуациях. Отсюда можно сделать вывод, что уже в самой структуре религиозного сознания обнаруживаются его социальные корни.

Рассмотренные выше способы критики установок сознания позволили выявить схожесть методов их опровержения. Так, и религиозное, и философское, и научное сознание, стремясь дискредитировать противоположный образ мысли, используют одни и те же приемы: демонстрируют иллюзорность предметности иной формы духа; раскрывают неадекватность ее отношения к действительности или, признавая правомерность существования иной установки сознания, доказывают ложность выбора ею предмета применения; приводят примеры социальной и психологической опасности враждебной установки.

Стандартность приемов критики, используемых формами духа, позволяет с одной стороны, рассматривать их в качестве взаимозаменяемых, а с другой – поставить вопрос о возможности опровержения установок сознания.

Литература:

1. Аверинцев С.С. Неоплатонизм перед лицом платоновой критики мифопоэтического мышления // Платон и его эпоха. К 2400-летию со дня рождения. М.: Наука, 1979. С. 83-97.

2. Амман А. Путь отцов: Краткое введение в патристику. Пер. с франц. М.: Изд-во «Пропилеи», 1994. – 240 с.

3. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

4. Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Избранные произведения: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 307–345.

5. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избранные произведения: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 345 – 416.

6. Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре // Избранные произведения: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 416-495.

7. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990 – С. 495 – 547.

Пилюгина Юлия Геннадиевна,
преподаватель кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
кандидат философских наук

ПРОБЛЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В УЧРЕЖДЕНИЯХ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация: В данной статье затрагивается проблема распространения экстремистских течений в учреждениях пенитенциарной системы. А также формулируются возможные пути решения данной проблемы.

Экстремизм продолжает оставаться серьезным фактором дестабилизации социально-политической ситуации в Российской Федерации и представляет собой серьезную угрозу конституционной безопасности и территориальной целостности государства.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, деструктивные секты, ваххабизм.

THE PROBLEM OF PROLIFERATION OF RELIGIOUS EXTREMISM IN THE PRISON SYSTEM

Abstract: this article deals with the problem of the proliferation of extremist movements in the penitentiary system. And formulated possible solutions to this problem. Extremism remains a serious factor of destabilization of socio-political situation in the Russian Federation and represents a serious threat to constitutional security and territorial integrity of the state.

Keywords: religious extremism, destructive sects, Wahhabism.

Экстремизм и терроризм в любых формах своих проявлений превратились в одну из самых опасных проблем, с которыми человечество вошло в XXI столетие.

В настоящее время экстремизм продолжает оставаться серьезным фактором дестабилизации социально-политической ситуации в Российской Федерации и представляет собой серьезную угрозу конституционной безопасности и территориальной целостности государства.

Сложно переоценить значение борьбы с данным явлением. Экстремизм - это исключительно большая опасность, способная расшатать любое, даже самое стабильное и благополучное, общество.

Одним из ключевых направлений борьбы с экстремистскими и террористическими проявлениями в общественной среде выступает их профилактика.

Благодатной почвой для распространения идей религиозного экстремизма и привлечения новых адептов в свои ряды идеологами религиозных сект стали учреждения пенитенциарной системы.

Так, еще в марте 2012 года правоохранительные органы обнаружили подпольную ячейку ваххабитского сообщества «Имарат Кавказ» в одной из колоний Ульяновской области[1]. 14 марта представители силовых структур объявили, что в Поволжье раскрыта ячейка данной международной террористической организации. Боевики вербовали террористов непосредственно среди заключенных одном из исправительно-трудовых учреждений Ульяновской области. При этом радикал-исламисты вербовали в свои ряды не только «этнических мусульман», но и русских людей, отбывающих различные сроки лишения свободы. Всего было задержано около тридцати подозреваемых, а в колонии обнаружилась библиотека экстремистской литературы.

Почему порой примитивная экстремистская идеология вдруг распространилась в исправительных учреждениях, где существует довольно строгий жизненный уклад, образованный так называемыми «блатными понятиями»? Дело в том, что после распада СССР былая система потеряла свою всеохватность. Традиционная советская иерархия заключенных не предполагала денежных отношений. Более того, те, кто отбывал наказание в СССР за экономические преступления, имели низкий социальный статус. В 1990-е годы ситуация изменилась, во многих колониях коммерциализировались отношения как между осужденным, так и между осужденными и администрацией. Человек, обладавший капиталом на воле, становился влиятельным и в тюрьме. Даже статус «вора в законе» стало возможно банально купить. Данные тенденции изнутри расшатали систему воровских понятий, ослабили силу влияния на процессы в исправительных учреждениях ее приверженцев. Создавшийся вакуум влияния дал возможность широкого распространения в местах лишения свободы радикального ислама, который сильно потеснил иные религии. И это не смотря на то, что доступ в тюрьмы и лагеря имеют священнослужители всех без исключения конфессий, включая евангелистов и пятидесятников.

Можно попробовать найти причину вышеописанных процессов, проанализировав такую сложную часть криминальной психологии, как взаимоотношения между заключенными и тюремной, либо лагерной, администрацией. Известно, что существует извечное противостояние криминального мира и правоохранительных органов. Мир арестантов и заключенных противостоит миру «силовиков», т.е. системе. Как это ни парадоксально, но исламское подполье так же противостоит той же самой системе – в первую очередь, органам МВД и ФСБ. Ни для кого не является секретом,

[1] Усманов И.М. Исламская радикализация осужденных к лишению свободы – миф или реальность?. - Право и безопасность, № 2/Москва, 2014.

что в последние годы его активисты переключились на борьбу с представителями власти, оставив в прошлом рейды, подобные буденновскому и бесланскому.

И это не может оставаться незамеченным представителями криминальной среды, в первую очередь – этнических ОПГ. Здесь уже срабатывает правило: враг моего врага – мой друг. Мне лично доводилось слышать слова одного из заключенных ставропольского централа, занимавшего видное место в арестантской иерархии, о том, что боевики, совершившие нападение на Назрань летом 2004г., «сражались против ментов и эфэсбэшников», а не против своих сограждан.

Системный ислам, находящийся под покровительством государства, а соответственно чиновников и силовиков, не может вызвать уважения у тех, кто попал в жернова этой самой системы. Совсем другое дело – исламские радикалы, считающие себя не просто заключенными, но военнопленными, не уголовными преступниками, но политическими, жертвами режима. Это придает им своеобразный романтический ореол мучеников за идею, борцов против тирании полицейского государства.

Тюремный мир суров. Главное правило здесь – «кто не с нами, тот против нас». Сотрудничество заключенных с администрацией не просто не приветствуется, оно наказывается. Человек, пошедший на такое сотрудничество, никогда не будет считаться «честным арестантом». Некоторые не выдерживают строгих условий тюрьмы или лагеря – ломаются, идут работать «на хозяина», т.е. администрацию. Другие наоборот – пытаются подтянуться ближе к «авторитетным людям» - положенцам, смотрящим и т.д.

Учитывая уже упоминавшийся момент определенного признания боевиков-исламистов «своими» в криминальном мире, то сближение заключенного не мусульманина с «борцами за веру и свободу» может сыграть определенную положительную роль. Это касается, в первую очередь, тех случаев, когда арестант надломлен морально и физически, ощущает чувство собственной ненужности, особенно остро переживает оторванность от семьи и друзей, не может найти родственную душу.

Данные процессы не могли не привести к противостоянию представителей старого арестантского уклада и ваххабитов. Наряду с «красными» и «черными» зонами стали появляться так называемые «зеленые», исправительные учреждения, где доминирующее влияние имеют исламские радикалы, а не администрация и не представители воровского мира. Объединившись в группы «джамааты», пользуясь своей многочисленностью, будучи в высшей степени агрессивными, радикалы не только совместно молятся и принимают пищу, но и активно ломают старый тюремный уклад. Так, запрещают сокамерникам мыться в душе без одежды, смотреть телепередачи, демонстрирующие женщин с недостаточным по их мнению количеством одежды. На этом фоне стали наблюдаться прецеденты, в прошлом относимые к разряду невозможных. Речь идет о примкнувшим к ра-

дикалам заключенных, относящихся к касте отверженных («опущенных», «законтаченных» - жарг.). Используя влияние «братьев по вере», такой ново обращенный получал защиту и, что самое немыслимое, восстанавливал социальный статус.

Однако исламские радикалы привлекают в свои ряды далеко не всех: да, смертники-шахиды нужны в деле священной войны, но это люди способные на поступок, а пойти на смерть во имя идеи способен далеко не каждый мусульманин; еще нужны люди, умеющие думать, общаться, наделенные даром убеждения – идеологи и проповедники, те, кто будет нести свет истины неверным, а так же поддерживать веру в уже обращенных. Это интеллектуальная и боевая элита салафитов. Такую роль выполнял Саид Бурятский (Александр Тихомиров) - террорист, уничтоженный при проведении КТО на Северном Кавказе.

Примечательно, что ваххабизм не единственное религиозное направление экстремистского толка, получившее распространение в пенетенциарных учреждениях. Не менее опасно распространение в данной среде неоязычества или родноверия. Наблюдается тенденция положительного восприятия идеологии салафитов неоязычниками. Предрасположенность новых родноверов к радикальному мусульманскому мировоззрению поддерживается прежде всего тем, что Шариат в их извращенном понимании гарантирует все те консервативные ценности, за которые выступают родноверы. Кроме того, гарантирует правомерность жестоких наказаний за их несоблюдение. Так же важнейшим фактором склонности родноверов к радикальному исламу является его особенно негативное отношение к иудеям. И пока родноверы старшего поколения снимают оправдательные видеоролики о том, что «родноверие – мирная религия», которая подверглась клевете со стороны «жидохристианского» мира, молодые родноверы берут на вооружение практики террора радикальных исламистов. Так, в результате проведенных следственных действий после ликвидации печально известной преступной группы «приморских партизан» сотрудниками правоохранительных органов среди вещей участников ОПГ, не являвшихся мусульманами, были обнаружены и изъяты электронные носители с проповедями уже упомянутого Саида Бурятского. В замкнутом пространстве исправительного учреждения, в агрессивной среде, где в одиночку не выжить, выстраивание неформальных связей является первоочередной задачей. Попадающие в лагерь неоязычники с ней успешно справляются – способы формирования родноверческих общин на воле и за решеткой отличаются мало. А вот представители РПЦ и традиционного ислама на зоне часто воспринимается как бюрократия, часть административного аппарата «системы».

Несомненно, реализация приоритетных направлений в уголовно-исполнительной политике России по переводу и реорганизации ряда исправительных колоний в учреждения тюремного типа с радельным камер-

ным содержанием спецконтингента решит большое количество вопросов в деле противодействия религиозного экстремизма. Однако в условиях экономического кризиса данный проект реализуется медленно.

Исходя из этого, в целях недопущения появления обширных очагов дезорганизации деятельности всей уголовно-исполнительной системы страны (что вероятно в связи с расширением противоправной деятельности «Хизб ут-Тахрир аль Ислами», «Имарата Кавказ» («Кавказский Эмират»), «Ат-Такфир Валь-Хиджра», «Таблиги-Джамаат», «Исламское государство», «Джебхат ан-Нусра») необходимо:

1. Используя результаты расследования и возможности оперативных подразделений, необходимо принимать меры к выявлению и устранению причин и условий проникновения идей экстремизма в исправительные учреждения ФСИН России, вступления осужденных и подследственных молодежного возраста в международные террористические и экстремистские организации в период отбывания наказания в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества[1].

2. Организовать оперативно-розыскные и профилактические мероприятия в отношении лиц, содержащихся в местах лишения свободы за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности, других осужденных, исповедующих радикальные взгляды»[2].

3. Давно назрела необходимость издания под авторством авторитетных мусульманских богословов специального пособия (инструкции) по традиционному исламу, направленного на формирование терпимого отношения к людям иных вероисповеданий и осуждение экстремистских толкований ислама, с целью распространения в местах лишения свободы.

4. Для усиления пенитенциарного воздействия на лиц, содержащихся в местах лишения свободы и являющихся носителями религиозных экстремистских убеждений, разработать и внедрить специализированные комплексные программы, направленные на создание мотивационных факторов, способствующих отказу от радикальных экстремистских установок.

5. Предусмотреть создание системы постпенитенциарной адаптации для лиц, отбывавших наказание за преступления экстремистской, террористической направленности, придерживавшихся идеологии исламского радикализма. В этой связи представляется целесообразной разработка адрес-

[1] Меркурьев В.В., Богачевская Е.А. Пенитенциарные горизонты борьбы с международными террористическими и экстремистскими организациями. – Вестник Владимирского юридического института № 3, Владимир, 2012.

[2] Григорьев В.Н., Копыткин С.А., Нарускланов Э.Ф. Оперативно-розыскное сопровождение лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы за преступления экстремистской направленности. – Общественные науки № 6-2, Москва, 2015.

ных программ ресоциализации освободившихся осужденных названных категорий;

6. С целью повышения компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы, непосредственно работающих с осужденными за преступления террористической и экстремистской направленности, а также являющимися приверженцами исламского радикализма, Академии ФСИН России во взаимодействии с Академией Генеральной прокуратуры Российской Федерации и профильными исламскими университетами и Фондом поддержки исламской культуры, науки и образования разработать специальный курс, подготовить пособие (памятку) для сотрудников по организации работы с осужденными названных категорий для методического обеспечения подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников ФСИН России.

7. Ввести программы обучения курсантов и слушателей по всем формам и факультетам, предусматривающие специальную тематику занятий, раскрывающих сущность псевдорелигиозных учений, представляющих угрозу российскому обществу.

Для повышения религиоведческой грамотности и профессионального уровня сотрудников уголовно-исполнительной системы на сайте ФСИН России создать интернет-портал с видеозаписями лекций известных ученых и богословов по профильной тематике и ввести в практику регулярные просмотры личным составом данного ресурса.

Литература:

1. Усманов И.М. Исламская радикализация осужденных к лишению свободы – миф или реальность?. - Право и безопасность, № 2 / Москва, 2014.

2. Меркурьев В.В., Богачевская Е.А. Пенитенциарные горизонты борьбы с международными террористическими и экстремистскими организациями. – Вестник Владимирского юридического института № 3, Владимир, 2012.

3. Григорьев В.Н., Копыткин С.А., Нарускланов Э.Ф. Оперативно-розыскное сопровождение лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы за преступления экстремистской направленности. – Общественные науки № 6-2, Москва, 2015.

4. Ислам строгого режима. www.kommersant. ru/doc/2259024.

Пеструилов Андрей Сергеевич,
начальник кафедры гуманитарных,
социально-экономических и информационно-правовых дисциплин
Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России,
кандидат исторических наук, доцент
Кошкарова Юлия Александровна,
кандидат культурологи

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННЫХ СМЫСЛОВЫХ УСТАНОВОК КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА

На рубеже XX-нач.XXIвв. мы наблюдаем как мир вступил в новый этап своего развития – эру глобализации. Современный мир крайне противоречив, с оной стороны, его характеризует единство, целостность и взаимозависимость, с другой стороны, он продолжает оставаться чрезвычайно сложным и многообразным.Важнейшей тенденцией современного политического, экономического и культурного развития являются процессы интеграции и унификации, однако реакцией общества на них является небывалый всплеск религиозной нетерпимости, национализма, расизма, ксенофобии и т.п.

В России эти проблемы приобрели особое звучание. Во многом это обусловлено тем, что идеологический вакуум, образовавшийся в нашей стране после падения советской системы, стал быстро заполняться новым социально-экономическим, политическим и культурным содержанием. Государство в этот период, практически, самоустранилось от процесса воспитания граждан, выработки системы ценностных ориентиров, нравственных и смысловых установок, адекватных новым жизненным условиям.

Коллективизм, интернационализм, социалистические идеалы и ценности в конце 1980-х-нач.1990-х годов сменяются новыми, на первое место выходят индивидуализм, богатство, власть,личный успех и социальное признание[1].

На рубеже веков в российском обществе возрастает интерес к этническим традициям инациональным особенностям. С одной стороны, увлечение историей и культурой собственного народа – часть самоидентификации, позитивный процесс, позволяющий помнить о своих корнях, реконструировать быт предков, осваивать народные ремесла, приобщаться к фольклорной традиции. Однако, нередко, этот интерес обретает крайние формы.

Необходимо отметить, что, не смотря на мощную антифашистскую

[1] Магун, В.С., Руднев, М.Г. Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 года) С.115 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Magun_Rudnev_Bazovye.pdf (дата обращения: 10.03.2017)

прививку во время Второй мировой войны и после нее, сегодня на путь последовательной нацификации, фашизации, этнической дискриминации и ксенофобии встали некоторые республики бывшего СССР: страны Балтии, Украина. Открытая пропаганда фашистских идей все еще немыслима для большинства стран Европейского Союза, но, при этом она не находит и однозначного осуждения.

Неофашистская угроза уже в 1980- е годы стала фиксироваться в СССР[1], и, к сожалению, присутствует в России в настоящее время. Так, по данным департамента по противодействию экстремизму, на территории России в 2010 г. действовали «более 150 радикальных неофашистских группировок, члены которых исповедуют культ национализма, расового превосходства и воплощают свою идеологию на практике путем криминального насилия, в том числе убийств, на национальной, расовой и религиозной почве», общая численность участников таких группировок составляла более 5 тыс.человек[2]. По данным МВД РФ на 1.12. 2015 г. «на территории России выявлено порядка 90 националистических и экстремистских групп общей численностью более 600 участников»[3]. При этом необходимо отметить, что большинство участников данных организаций – молодежь, что является крайне опасной тенденцией.

Серьезные ксенофобские настроения до сих пор крепко укоренены в российской молодежной среде. Так, например, согласно результатам опроса ФОМ, проведенного 13.04.2017г., в ситуации «если бы рядом с вами поселились мигранты из Средней Азии» 44% молодых людей отнеслись бы к этому отрицательно[4].

В конце 1980-х-нач.1990-х годов научный атеизм уступил место религиозной идеологии, причем не только традиционной, в этот период началась третья волнаэкспансии неокультов в России. По оценке специалистов, в современной России насчитывается порядка 80 крупных сект, охватывающих несколько регионов страны, количество небольших сект

---

[1] Калачев, Б.Ф. Вопреки решениям Нюренбергского трибунала: новые тенденции и формы пропаганды фашизма / Б.Ф. Калачев // Пространство и время. – 2011. – № 2(4). – С..77-78.

[2] Гирько, С.И. Доклад начальника ВНИИ МВД России на международной научно-практической конференции «Оперативно-розыскные меры по борьбе с организованными группами и преступными сообществами экстремистской и террористической направленности», Москва, 28 октября 2010 г., с.2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: vnii-mvd.ru; МВД России подсчитало радикальные неофашистские группировки // Взгляд. – 2010 год. – 28 октября. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vz.ru/news/2010/10/28/443104.html (Дата обращения: 10.09.2016)

[3] МВД РФ: в России действуют около 90 националистических и экстремистских группировокЭлектронный ресурс]. – Режим доступа:http://tass.ru/politika/2487769 (Дата обращения: 10.09.2016).

[4] Взгляды и ценности молодых // ФОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://fom.ru/TSennosti/13288 (Дата обращения: 10.09.2017)

варьируется у разных исследователей от 500 до 3 тысяч, по примерным подсчетам в России в нетрадиционных религиозных движениях состоят порядка 600-800 тысяч человек.[1] Значительная часть нетрадиционных религиозных вероучений, получивших распространение в современной России, носит деструктивный, нередко противоправный, и даже преступный характер. Это обусловлено, прежде всего, тем, что нетрадиционные и новые религии, стремясь «отвоевать» и укрепить свои позиции в духовной сфере, расширить круг последователей, вынуждены жестко противопоставлять собственную идеологию уже существующим религиозным концепциям, применять агрессивные методы вербовки и контроля адептов, что нередко приводит к негативным последствиям, а зачастую и превращению новой религии в экстремистскую или террористическую. В Стратегии национальной безопасности России до 2020 г. экстремистская деятельность религиозных организаций причисляется к одному из «основных источников угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности».[2]

Одной из серьезнейших проблем является недооцененность экстремистской угрозы новых конфессий в российском обществе.В российском обществе укрепилось представление, что потенциальными экстремистами-являются, преимущественно, представители ислама. Однако факты говорят о другом. По данным Министерства Юстиции РФ на октябрь 2017 г. в перечнеорганизаций, признанных российскими судами экстремистскими, среди 62 экстремистских организаций, религиозных насчитывается 24, в том числе всего 8 исламистских объединений и 16 новых конфессиональных объединений (не считая 397 местных религиозных организаций Свидетелей Иеговы, закрытых после ликвидации управленческого цента).[3]

Проблема угрозы со стороны нетрадиционных религиозных движений со второй половины 1990-х гг. поднимается представителями РПЦ, отдельными представителями общественности и исследователями-религиоведами. Но лишь в последние несколько лет вопросы идеологической безопасности России стали предметом активного общественного обсуждения. Так, в июле 2016 г., по инициативе депутата И.Яровой, в Федеральный Закон от 26.09.1997 г. №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» были внесены дополнения, связанные с регулированием вопросом миссионерской деятельности в России.

В сложившейся ситуации формирование стабильной системы нрав-

---

[1] Петин, В. 800 тысяч адептов // Российская газета. – 2014, 6 марта.

[2] Стратегия национальной безопасности России до 2020 г. Утверждена Указом Президента Российской федерации от 12 мая 2009 г. №537, п. 37. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/195521/ (Дата обращения: 10.09.2015 г.)

[3] Список организаций, признанных российскими судами экстремистскими [Электронный ресурс]. Режим доступа:http://minjust.ru/nko/perechen_zapret (Дата обращения 30.10.2017 г.)

ственных и смысловых установок личности является необходимым фактором противостояния деструктивной идеологии и преодоления современных негативных социальных явлений.

Система нравственных и смысловых установок личности - этоее готовность действовать в соответствии с нравственным идеалом и ценностными ориентациями. Система нравственных и смысловых установок определяет устойчивость и направленность деятельности личности, ее поступки и деяния, обеспечивает процесс самозащитыличности в напряженных ситуациях.[1]

Система нравственных и смысловых установок личности в современных российских условиях должна включать как универсальные гуманистические, так и традиционные ценности российской цивилизации, к которым можно отнести:[2]многополярный мир, самобытность, движение вперед без разрушения старого, духовное развитие, соборность, солидарное общество, вера, приоритет традиционных религий, сохранение гендерных различий и традиций, традиционная семья, признание нетрадиционной сексуальной ориентации анормальностью, исключительное право родителей на воспитание детейдо определенного возраста, различные формы коммунитарности, свобода как приближение к (Божественному) идеалу, справедливость выше закона, подлинная терпимость, правда, открытость, достоверность СМИ, совесть, равенство всех видов собственности, ненасильственность, социальные гарантии для всех, патриотизм, социальная солидарность, гражданственность, труд и творчество, наука, искусство и литература, природа, человечество – мир во всем мире, многообразие культур и народов, прогресс человечества, международное сотрудничество.

Важная роль в формировании система нравственных и смысловых установок личности, позволяющих противостоять деструктивной идеологии и негативным социальным явлениям принадлежит государству. Осознание важности воспитательной функции государства в России происходит лишь к началу XXI в. Этому способствовали трагические события, связанные с войной в Чеченской республике, террористические акты, участившиеся столкновения и убийства на этноконфессиональной почве, экстремистская деятельность футбольных хулиганов и т.д.

В 2001–2005 гг. в России реализовывалась федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика

---

[1] Нестеренко И.Е. Психолого-дидактические особенности формирования смысловых установок старшеклассников в учебном процессе. Автореф. к.псх.н. – Ростов-н/Д, 2009, С. 12

[2] Лепехин В. Запад видит в России врага, потому что у нее «неправильные» ценности [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/zinoviev_club/20160317/1391628897.html (Дата обращения: 30.03.2017 г)

экстремизма в российском обществе».[1] В 2015 г. принята «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», в ней в качестве приоритетной задачи в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины.[2]

Однако задача формирования и развития системы нравственных и смысловых установок личности не должно ограничиваться только государственной инициативой. Нравственные и смысловые установки личности вырабатываются посредствоммеханизмов:интериоризации (присвоение продуктов общественного опыта и культуры в процессе воспитания и обучения); идентификации;интернализации (сознательное и активное восприятие окружающего мира, а также активное воспроизводство принятых на определенном смысловом уровне норм и ценностей в своей деятельности).Таким образом, формирование системы нравственных и смысловых установок личности осуществляется только при концентрации усилий и совместном действии государства и его институтов, общества, СМИ, учреждений науки и культуры, системы образования и воспитания, религиозных организаций и семьи.

Необходимо отметить, что проблема формирования стабильной системы нравственных и смысловых установок в современных условиях осложняется рядом моментов. Прежде всего, наше государство, призванное выполнять важную функцию в духовно-нравственном просвещении и воспитании, не имеет сегодня четкой идеологической позиции. В России до сих пор четко не сформулирована «национальная идея» как основополагающая интегративная основа общества и важнейший фактор обеспечения защиты гуманитарного пространства от деструктивного идеологического влияния. Как отмечал Х. Ортега-и-Гассет, «… созидательным началом, направляющим весь ход сплочения, выступает национальная догма, *проект совместной жизни*»[3]. Таким образом, отсутствие или утрата такой «догмы» в перспективе неизменно приводит к поражению национального суверенитета и, как следствие, распаду, исчезновению государства.

---

[1]Постановление Правительства РФ от 25 августа 2001 г. № 629 "О федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001 - 2005 годы)» (с изменениями и дополнениями) Система ГАРАНТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа:: http://base.garant.ru/1586359/#ixzz4v8FYxbyZ(Дата обращения: 6.10.2017).

[2]Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р г. Москва «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html (Дата обращения: 8.10.2017).

[3] Ортега-и-Гассет, Х. Бесхребетная Испания // Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства Бесхребетная Испания. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – С.82.

Отсутствие четкой национальной идеи негативно сказывается на российском социуме. К сожалению,наше общество давно уже не является единым: за последнюю четверть века часть населения России(многие представители современной политической, интеллектуальной и творческой элиты, а также учащаяся молодежь – будущая элита страны) переориентировалась на «западные», «европейские»ценности и установки. По результатам опросов ФОМ (март 2014 г.) положительно смотрят на европейские ценности и считают, что лучше если россияне будут их разделять – 21% опрошенных.

В качестве универсального образца «европейских ценностей» России предлагается деидеологизированный либеральный стандарт, сущность которого заключается в приоритете земных интересов над нравственными и религиозными ценностями, а также над суверенитетом государств и патриотическими чувствами. Этот стандарт во многом определяет сегодня российскую образовательную политику. При этом, необходимо отдавать себе отчет в том, что процесс внедрения западных ценностей носит не стихийный, а управляемый, методичный, целенаправленный характер.В конечном итоге его целью является перекодирование смыслосферы, оказание влияния и с достаточно высокой степенью достоверности моделирование поведение «противника». Все это создает непосредственную угрозу национальной безопасности России, ее гуманитарному и политическому суверенитету.

Литература

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения: 10.09.2017 г.)

2. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения: 10.09.2017 г.)

3. Стратегия национальной безопасности России до 2020 г. Утверждена Указом Президента Российской федерации от 12 мая 2009 г. №537, п. 37. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/195521/ (Дата обращения: 10.09.2015 г.).

4. Постановление Правительства РФ от 25 августа 2001 г. № 629 «О федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001 - 2005 годы)» (с изменениями и дополнениями) Система ГАРАНТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа:: http://base.garant.ru/1586359/#ixzz4v8FYxbyZ (Дата обращения: 6.10.2017).

5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р г. Москва «Стратегия развития воспитания в Российской

Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html (Дата обращения: 8.10.2017).

6. Взгляды и ценности молодых // ФОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fom.ru/TSennosti/13288 (Дата обращения: 10.09.2017)

7. Гирько, С.И. Доклад начальника ВНИИ МВД России на международной научно-практической конференции «Оперативно-розыскные меры по борьбе с организованными группами и преступными сообществами экстремистской и террористической направленности», Москва, 28 октября 2010 г., с.2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: vnii-mvd.ru. (дата обращения: 10.03.2017)

8. Калачев, Б.Ф. Вопреки решениям Нюренбергского трибунала: новые тенденции и формы пропаганды фашизма / Б.Ф. Калачев // Пространство и время. – 2011. – №2(4). – С.77-85.

9. Лепехин, В. Запад видит в России врага, потому что у нее «неправильные» ценности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/zinoviev_club/20160317/1391628897.html (Дата обращения: 30.03.2017 г)

10. Лещинский, А. Особенности богородичного движения в России (Из опыта социально-философского анализа). – М.: РОИР, 2005. – 220 с.

11. Магун, В.С., Руднев, М.Г. Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 года) С.115 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Magun_Rudnev_Bazovye.pdf (дата обращения: 10.03.2017)

12. МВД России подсчитало радикальные неофашистские группировки // Взгляд. – 2010 год. – 28 октября. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vz.ru/news/2010/10/28/443104.html (Дата обращения: 10.09.2016)

13. МВД РФ: в России действуют около 90 националистических и экстремистских группировок Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tass.ru/politika/2487769 (Дата обращения: 10.09.2016).

14. Нестеренко, И.Е. Психолого-дидактические особенности формирования смысловых установок старшеклассников в учебном процессе. Автореф. к.псх.н. – Ростов-н/Д, 2009.

15. Ортега-и-Гассет, Х. Бесхребетная Испания // Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства Бесхребетная Испания. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008.

16. Петин, В. 800 тысяч адептов // Российская газета. – 2014, 6 марта.

17. Список организаций, признанных российскими судами экстремистскими [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minjust.ru/nko /perechen _zapret (Дата обращения 30.10.2017 г.)

Герман Роман Эдуардович,
доцент кафедры истории и права
Ставропольского государственного педагогического института,
кандидат исторических наук, доцент

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ

Одной из отрицательных сторон современного цивилизационного развития является всплеск террористической активности. Следует признать, что терроризм эволюционирует параллельно с развитием мировой цивилизации.

Неравномерность развития различных государств и регионов планеты, проблема цивилизационного неравенства, глобальная проблема нищеты целых стран создает почву для возникновения и роста террористических организаций, формирования и распространения террористических и экстремистских идеологий, усиления террористической активности и расширения ее форм и проявлений.

Особая роль в числе факторов, способствующих росту активных проявлений терроризма, принадлежит, прежде всего, факторам духовно-идеологического порядка. Одной из характерных черт современной цивилизации является идеологическое противостояние: идеологий светских и религиозных, реформистских и революционных, этатистских и анархических и т.д.

Современный терроризм может использовать идеологические построения как «левого» экстремистского толка (уравнительность материальных и нематериальных доходов, социальных статусов, интернационализм, атеизм, декларативное народовластие), так и правого экстремизма (защита интересов политических и экономических элит, сохранение и нормативное закрепление неравенства доходов и статусов, расизм и шовинизм, религиозный фундаментализм). Терроризм можно охарактеризовать как «идеологически мотивированное и организованное насилие»[1]. Именно идеология исполняет роль связующей основы автономных террористических ячеек.

Идейные основания террористической деятельности могут быть социально-политическими, националистическими, сепаратистскими или ирредентистскими, религиозными. Мотивационная основа националистического, сепаратистского и/или ирредентистского терроризма зачастую значительно прочнее, чем у социально-политического, поскольку тесно связа-

[1] Боташева А. К. Терроризм как фактор современных политических процессов: детерминация, проявления, стратегия противодействия: Автореферат дисс… доктора политических наук. – Краснодар: 2009.

на с семейными традициями, кровными узами, передается из поколения в поколение и закладывается с раннего детства, тогда как для восприятия социально-политических идеологем требуется более высокий уровень политической культуры. Еще более действенной оказывается идейно-мотивационная основа, когда националистические требования совмещены с религиозным фундаментализмом, что, как правило, приводит к особенному фанатизму[1].

Идеологические построения террористических групп, как правило, не отличаются оригинальностью; их источниками выступают идеи русского и западноевропейского анархизма, разные версии марксистской теории, иные теории левого экстремизма, националистические и откровенно фашистские идеи, религиозный радикализм и фундаментализм. Из этих разнообразных идейных источников террористы заимствуют и радикализируют один общий компонент – мифологизация социально-исторической действительности как прошлого, так и настоящего[2]. «Мифологическая идеология, – говорится в книге «Мораль террористов», – предшествует акту насилия, совершаемому террористами»[3].

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что важнейшим компонентом террористических идеологий, а также идеологий, оправдывающих терроризм, являются искаженные сюжеты исторического прошлого. Р. Дрейк в работе «Революционная мистика и терроризм» указывает на роль историко-мировоззренческих аспектов в террористических идеологиях: «Объединяют террористов не классовые, региональные или врожденные факторы, … но общие взгляды на мир и историю»[4].

В данной работе проблема использования интерпретаций исторического прошлого в идеологиях террористических организаций будет рассмотрена на двух примерах.

Первым примером в числе террористических идеологий, использующих искажение истории, может выступить идеология баскской националистической террористической организации ЭТА – ЕТА – Euzkadi Ta Azkatasuna, на баскском языке «Страна басков и свобода» (в другом варианте перевода – «Родина и свобода»).

Из этнического прошлого главным идеологом баскского национализма Сабино Араной были реконструированы как древние, укорененные в традиции символы и мифы, так и изобретены новые – флаг, гимн, герб и другие атрибуты никогда не существовавшего государства басков, которое

---

[1] Чурков Б. Г. Мотивационные и идейные основы современного терроризма // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – 1993. – № 4. – С. 127.

[2] Там же. – С. 129.

[3] The Morality of Terrorism. - N.Y.:1982. - P. 86.

[4] Drake R. The Revolutionary mystique and Terrorism. - Bloomington and Indianapolis: 1986. – P. 159.

в работах Араны получило название «Эускади». Враждебность Испании по отношению к баскам доказывалась при помощи искаженных исторических фактов: история деградации некогда идиллической Басконии в результате отрицательного влияния со стороны Испании. Эта идеология бытует в форме мифа об оккупации страны Басков Испанией[1], что в течение ряда десятилетий служило идеологическим основанием деятельности баскских террористов.

Регион Ближнего и Среднего Востока в течение ряда десятилетий имеет устойчивую репутацию «горячей точки планеты». Именно там зародились и осуществляют свою деятельность террористические и экстремистские организации фундаменталистского толка. Их идеологии содержат в качестве одного из мотивирующих к действиям структурных компонентов версию исторического прошлого, не только оправдывающую террористическую деятельность, но и призывающую к таковой.

Мусульман отличают повышенное внимание к истории, глубокое осознание ее влияния на современность[2]. Этой этнопсихологической особенностью жителей ближневосточного региона во многом объясняется тот факт, что идеологи террористических движений стремятся использовать мобилизующий потенциал фактов и событий исторического прошлого, преподнесенного в нужном контексте и трактовке.

Историко-идеологические и историко-психологические факторы играют ведущую роль в эскалации антизападных настроений в регионе, которые создают питательную среду для экстремистских и террористических организаций. Во многих арабских странах модернизационные проекты не оправдали надежд и те, кто еще недавно выступал за рецепты социального переустройства, обращенные в будущее, «развернулись к поиску счастья и справедливости в своем прошлом – в мифическом золотом веке»[3].

Самой одиозной фигурой мирового терроризма в течение ряда лет являлся Усама бен Ладен. Одной из характерных черт его мировоззрения было преподнесение исторического прошлого в антизападной интерпретации. По его мнению, ислам был в крайней степени унижен в ходе длительной борьбы, развернувшейся после Первой мировой войны, когда распаду подверглась Османская империя, последняя из великих держав ислама, и большая ее часть ее территории была разделена между государствами-победителями. Преодолев худший период истории, мусульманский мир начал возрождение.

---

[1] Самсонкина Е. С. Учение Сабино Араны и зарождение баскского национализма // Вестник Московского университета. Серия 8. «История». –2006. – № 2. – С. 52.

[2] Льюис Б. Свобода и справедливость на сегодняшнем Ближнем Востоке // Россия в глобальной политике. – 2005. – № 3, Май-Июнь. – С. 136.

[3] Мирский Г. И. Возврат в Средневековье? // Россия в глобальной политике. – 2006. – № 5, Сентябрь-Октябрь. – С. 92.

Согласно идеологическим представлениям бывшего «террориста номер один», борьба между мирами ислама и христианства прошла несколько этапов. На начальных стадиях противостояния мусульманам приходилось бороться против европейских империй – Византийской, Священной Римской, Британской, Французской и Российской. На современном этапе миру ислама, по уверению Усамы бен Ладена, противостояли две сверхдержавы – Советский Союз и Соединенные Штаты Америки. СССР распался в результате поражения в борьбе с исламом в Афганистане. Задача, которую бывший лидер исламистского террора ставил перед террористическими организациями – победа над США[1].

Террористическими структурами, таким образом, активно используются историко-идеологические построения для обоснования своих целей и средств их достижения. Акторы террористической деятельности используют исторические построения как инструмент идеологического воздействия, используют историю в соответствующей интерпретации как инструмент политической мобилизации, нагнетания экстремистских и радикалистских настроений, как оправдание целей террористической деятельности и методов их достижения. Ключевыми концептами в террористических идеологиях являются категории «исторической справедливости», которой добивается субъект терроризма; «исторической вины» – объекта терроризма перед субъектом актов терроризма.

Понимая политико-идеологическую значимость исторических сюжетов, связанных с историей терроризма и истории в целом, распространению террористических идеологий следует противопоставлять такие меры, как мемориализация памяти жертв терроризма и государственно-общественный контроль исторического образования в целом и в отдельных регионах – особенно на Северном Кавказе.

Ступина Ольга Анатольевна,
преподаватель кафедры русского и иностранных языков
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ БУДУЩЕГО ОФИЦЕРА ПОЛИЦИИ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ И ЭКСТРЕМИЗМОМ

Нынешний мир многогранен и противоречив. Политические события, экономические потрясения, социальные изменения, научные открытия меняют его картину ежедневно. И уже очевидно, что любое государство может утратить суверенитет, даже имея устойчивую экономику, хорошо

[1] Льюис Б. Последнее наступление ислама? // Россия в глобальной политике. – 2007. – № 5, Сентябрь-Октябрь. – С. 113.

вооруженные силовые структуры. Не станем искать для примера на карте мира бывшую Югославию или Ливию, не будем анализировать нынешнюю ситуацию в Сирии или Ираке. Без единого выстрела исчезла великая держава – Советский Союз – и осколки безыдейности, разложения морали, стяжательства и аполитичности ранят, прежде всего молодежь, лишая нашу страну будущего. Терроризм и экстремизм выбирают новый вектор для атаки – информационный.

Нереально сегодня регулировать поток информации, и молодые россияне впускают внутрь своего сознания множество взглядов, убеждений, точек зрения. Во всемирной информационной сети так просто овладеть сознанием молодого человека, направить его в ту или иную сторону, а то и просто извратить, если поток информации идеологически выверен, хорошо организован и грамотно скоординирован. А что могут противопоставить информационной агрессии молодые люди, у которых еще не устоялись жизненные принципы, убеждения, идеалы? Они еще учатся, а статус обучающегося человека предполагает внимание к поступающей информации. Именно поэтому молодежь наиболее идеологически беззащитна. Растиражированное понятие, уместная метафора, адресованные молодой аудитории медийными кумирами легко захватывают сознание молодых людей, не получая никакой критической оценки. Что предлагают нашей молодежи идеологи «от Сети»? Самодисциплину, профессиональный долг, уважение к истории своей страны, гордость за достижения предыдущих поколений, высоко моральный образ жизни? Отнюдь! Какое самопожертвование? Какой долг? Живем один раз – бери от этой жизни все, что хочешь, и плохое, и хорошее. А чтобы сложилась жизнь, имей много денег! Добудь их любым путем!

И ведь идея потребления, обогащения любой ценой становится массовой. Идеи нероссийского происхождения вытесняют вечные общероссийские ценности о единстве страны, ее суверенитете, служении Родине, веками слагавшиеся в умах наших соотечественников. Частные интересы граждан не способны обеспечить выживание общества и страны, не способны сохранить страну, если нет объединяющей идеи. И необходимость воссоздания общероссийской объединяющей идеи – это не отвлеченная задача. Эта идея не есть пустой звук, праздничный лозунг или медийное клише. Это есть моральная основа национальной самоидентификации. Это реальность жизни.

Особую актуальность приобретает вышеозначенная задача в процессе нравственного формирования личности будущего сотрудника полиции, защитника законности, представителя государственной власти. Первоочередным вопросом нам представляется воспитание молодого человека, способного сопротивляться информационной агрессии, привитие ему духа, отражающего сформированную за тысячелетия нравственную и культурную силу нашего народа. Это наши базисные ценности. Их создал наш многонациональный народ. Крайне важно, чтобы современная молодежь

опиралась на эти ценности как на критерий истины, научилась отсеивать все то, что ложно, губительно, опасно для личности, для общества, для страны.

На чем основывается готовность профессионала защищать закон? На таком понятии, как долг. Этот долг является понятием нравственным и духовным и делает его способным защитить своих близких, свой народ, свою страну. Никакие деньги не способны компенсировать смертельный риск, потерю жизни, инвалидность – нередкие последствия выполнения профессионального долга защитника закона. Его долг – великое нравственное понятие, которое предполагает способность человека к самопожертвованию, к высоко моральному поступку. Не выгода, не страх, а именно долг ведет настоящего стража закона.

Практические занятия по иностранному языку располагают широким спектром методических приемов, направленных не только на развитие навыков иноязычной коммуникации, но и на развитие когнитивной деятельности обучающихся, способствуют формированию и развитию высоких моральных качеств. Изучение иноязычной культуры приводит к пониманию иноязычного менталитета, нравственных ценностей, социокультурных особенностей европейских народов. Знакомясь с особенностями исторического развития стран изучаемых иностранных языков, с развитием отношений этих государств с нашей страной курсанты Краснодарского университета МВД России учатся мыслить и общаться на иностранном языке, решать задачи профессионального и нравственного выбора, моральной идентификации особенностей менталитета зарубежных стран, оценивают моральный аспект исторических событий, учатся противостоять потокам информационной агрессии. Используя инструментарии русского языка, курсанты обучаются выявлять внедрение аморфных языковых структур, искажающих смысловую задачу (например, вместо слова « правда» - « информация»), историческим нивелированием в речи (все нации в русском языке – имена существительные – грек, француз, индус и т.д.; и только русский(как представитель нации) - имя прилагательное). Преподаватели кафедры русского и иностранных языков расширяют словарный запас обучающихся. На основе работы с речевыми единицами русского и иностранных языков формируется противостояние манипуляции сознанием, «выученной беспомощности», подмене нравственных ценностей (например, слово «успешный» умышленно отождествляется во многих источниках со словом «богатый»).

Мотивация к формированию самостоятельной гражданской позиции при решении учебных задач призвана привить будущим юристам способность четко дифференцировать информационные потоки, идущие от разных источников информации и призванные провести пересмотр, а нередко и отмену исторических побед, научных открытий, подвигов и благородных поступков во имя своей Родины. Изучая литературные источники, буду-

щие офицеры приходят к пониманию, что им предстоит не только в профессиональной, но и в общечеловеческой сфере деятельности быть готовыми защищать свою Родину, свой народ от информационного терроризма и экстремизма. Тактика боевых действий, увы, проще борьбы за сознание.

При обучении чтению на уроках иностранного языка широко используются оригинальные зарубежные тексты по истории и теории права, истории и современных задач полиции зарубежных стран. Чтение и анализ этих текстов помогает курсантам выявить ментальные, профессиональные и нравственные отличия граждан Европы и США от россиян. При выполнении послетекстовых заданий курсанты вынуждены решать не только вопросы грамматического или лексического характера, но и вопросы нравственного выбора. Часто можно услышать, что при чтении дополнительной литературы курсанты узнают много новых исторических фактов, разрушающих растиражированные мифы о величии западных форм демократии, американском ура-патриотизме и умышленно преуменьшаемой роли России в мировой истории. После осмысления этих фактов уже нельзя заставить молодых россиян поверить в то, что Британский парламент самый старый в мире (если узнать о Новгородской республике и ее вече); что самые талантливые военные были только в Европе (это после захлебнувшейся в крови атаки «красных мундиров» в Крымскую войну); что в состав Объединенного королевства и Соединенных Штатов мирно и добровольно вошли подвергшиеся геноциду со стороны британцев жители Северной Ирландии и испытавшие на себе эпидемиологическое оружие колонистов северо- американские индейцы. И лопаются мыльным пузырями мифы об английском гуманизме после подбора эквивалента к английской «Merry Mary»(трехуровневая виселица, «украшавшая» четыре века подряд главную площадь Лондона и никогда не пустовавшая); о немецком рыцарском благородстве (за особо тяжкие преступления на оккупированных территориях солдаты немецких армий никогда не наказывались начальством); об американском экономическом чуде после Великой депрессии (только начавшаяся Вторая Мировая война посредством военных заказов вывела американскую промышленность из коллапса и по мнению профессора Канзасского университета Т.А. Уилсона, «распространение переедания было одним из признаков заметного повышения жизненного уровня» американского населения во время войны; в 1940г. в Америке было 8,1 млн безработных, в 1942 – ни одного). Изучая слияние основ как вид словообразования, и сделав перевод существительного a lend-lease,курсанты без дополнительных объяснений осознают, что помощь американской стороны Советскому Союзу была лишена и намека на бескорыстие (lend - давать взаймы, lease –сдавать в аренду, во временное пользование). Помощь была оформлена как гигантская сделка, что видно из самого названия. Кстати, полное название закона о ленд-лизе звучит как «Закон об обеспечении защиты Соединенных Штатов(«An Act to Promote the Defense of the United

States of America»). Звучит по-американски патриотично, да и по смыслу верно: мы платим, другие воюют. Да к тому же изначально ленд-лиз был «заточен» не под нашу страну, а под Британию. И так как любят в американском госдепе «уточнять», можно сослаться на их же соотечественника, Стеттиниуса: «У нас нет подробных сведений о той пользе, какую принесло в обороне Сталинграда наше оружие русским». С такой обезоруживающей честностью пишет в мемуарах госслужащий, отвечавший за исполнение программы ленд-лиза. И лучше любых разъяснений об идеологическом противостоянии действует предложение проанализировать содержание западных образовательных сайтов, посвященных Второй Мировой войне (например,www.spartacus.schoolnet.co.un/2 WW.htm или shmoop.com/wwii), там нет ни слова о русских. Входящие в жизнь англоязычные поколения впитывают Интернет-отсутствие России в решении судеб мира. На британском образовательном сайте среди тридцати главных событий 1943 года Кранная Армия в хронологии упомянута трижды, а СТАЛИНГРАД не упомянут вообще.

И можно взять на себя смелость заявить, практическая работа по воспитанию патриотизма, активной гражданской позиции, чувства коллективизма имеют место практически на каждом занятии. Недаром, в языковых подгруппах с разнородным национальным личным составом выполнение коллективных заданий носит ярко выраженный творческий характер и имеет хорошее качество. Курсанты из разных республик и даже стран в процессе учебы становятся равноправными членами единой сплоченной команды.

Не потеряли актуальности слова В.Гете: «Иностранный язык это оружие в борьбе за жизнь». Возможно. Звучат они сегодня немного пафосно. Но недооценить значение знания языка и применения этих знаний в условиях информационных войн, в борьбе за умы молодежи нельзя. Курсанты, будущие российские полицейские, учатся использовать знание иностранного языка на поле информационных и идеологических сражений. Им есть откуда черпать силу духа, у них есть достойные примеры для подражание. Они сумеют сохранить и приумножить нравственное наследие предыдущих поколений.

Манина Татьяна Александровна,
старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КУРСАНТОВ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В современном мире в условиях международного сотрудничества и обмена информацией, в условиях борьбы с международным терроризмом интерес к изучению иностранных языков значительно повышается. Повышается также и мотивация изучения иностранных языков курсантами нашего университета. Курсанты имеют возможность проверить свои знания при осуществлении деятельности по поддержанию правопорядка при проведении различных международных мероприятий: Зимняя Олимпиада 2014года в Сочи, Всемирный фестиваль молодежи 2017 года, проведение чемпионата Мира по футболу и т.д. Готовясь к этим мероприятиям, курсанты с большим интересом развивают свои знания и умения общения на иностранном языке, понимая, что это может пригодиться им в их будущей работе. В нашем университете курсанты получают знания по выбранной специальности на иностранном языке. В настоящее время все чаще используются как традиционные, так и инновационные методы обучения. Курсанты должны обладать совокупностью разного рода умений и навыков на основе знаний, полученных на занятиях по иностранному языку. Наличие совокупности основных умений (компетенций) необходимо для успешной работы и самореализации в современном мире. В основе обучения иностранным языкам в последнее время используется принцип коммуникативности, т.е. развития коммуникативных видов речевой деятельности – говорения, аудирования, чтения, письма. Для того, чтобы обучение осуществлялось более эффективно, чтобы курсанты научились говорить о проблемах своей специальности на иностранном языке, а также понимать речь носителей языка, необходимо применять новые образовательные технологии. Существует огромное количество новых педагогических технологий обучения - метод проектов, блочно - модульный принцип обучения, ситуационный метод и т.д. Данные технологии также применяются на занятиях в университете.

В соответствии с Болонским соглашением у нас применяется новая трактовка целей профессионального образования, в которой обязательно наличие пяти базовых компетенций, составляющих понятие «Профессиональная компетенция». Это понятие включает в себя такие основные понятия как социально-психологическая компетенция, информационная компетенция, коммуникативная, социокультурная и автономная компетенции .

Социально-психологическая компетенция включает в себя умение правильно определить задачи и пути их решения. На занятиях по иностранному языку постоянно происходит формирование данной компетенции. Современные выпускники школ имеют очень слабые навыки общения на иностранном языке. Поэтому сразу, с первых занятий преподаватели кафедры учат курсантов общаться на иностранном языке. Преподаватель дает необходимый лексико-грамматический материал, различные клише, формирует базовые умения и навыки. Сначала происходит закрепление необходимой лексики, затем курсанты учатся задавать вопросы и отвечать на заданные им вопросы. На более продвинутом этапе при развитии навыков диалогической речи, в ролевой игре преподаватель учит курсантов реагировать на какую-то ситуацию, демонстрировать собственное понимание проблемы. Курсанты учатся преодолевать психологический барьер иноязычной речи. Они учатся обсуждать проблемы на иностранном языке, преподаватель только направляет их деятельность. Данные навыки пригодились им при осуществлении деятельности по обеспечению правопорядка на международных мероприятиях.

Развитие информационной компетенции связано с умением работать с современными источниками информации в сфере профессиональной деятельности. В наше время все большее количество людей используют Интернет при изучении иностранных языков. Многие курсанты используют Интернет для самостоятельного поиска информации с целью ликвидации пробела в знаниях, для более углубленного изучения социокультурных особенностей стран изучаемого языка, для подготовки рефератов и чтения литературы. Поиск нужной информации приводит обучающихся в виртуальные библиотеки, музеи и т.д. Интернет коммуникации способствуют совершенствованию письменной речи при подготовке рефератов, для выполнения тренировочных упражнений на занятиях, для тренировочного тестирования. Таким образом, курсанты учатся находить нужную информацию, определяют ее новостную важность, сохраняют ее и используют в своей работе.

Существуют специальные обучающие компьютерные программы , используемые для получения информации , а также для контроля (тестирования) и коррекции результатов и т.д. В нашем университете курсанты пользуются компьютерными электронными учебными пособиями, подготовленными преподавателями кафедры, учебными справочниками, компьютерными контрольно-обучающими программами, компьютерными тестами, разработанными преподавателями для проверки лексико-грамматических знаний. В методическом кабинете имеются мультимедийные презентации по различным изучаемым темам по преподаваемым дисциплинам и специальностям. Так, по дисциплине «Иностранный язык» специальность «Психология служебной деятельности» курсанты занимаются на занятиях и при самостоятельной подготовке по электронному по-

собию, подготовленному Гончаровой Л.В. и Маниной Т.А. Курсанты изучают темы: «Стресс и способы преодоления стресса», «Семья, развитие института семьи», «Наркотики и их влияние на человека» и т.д. Курсанты получают информацию, необходимую им при дальнейшем обучении и в осуществлении будущей профессиональной деятельности.

Подготовка презентаций способствует повышению мотивации к изучению языка, активирует мыслительные способности обучающихся, усиливает эффект воздействия. Так, применение анимации, выделение наиболее значимых мест цветом, шрифтом, размером и т.д. позволяет объяснить образование видо-временных форм глаголов, вопросительной и отрицательной формы повествовательных предложений в настоящем, прошедшем и будущем времени, дает возможность акцентировать внимание курсантов на особенностях английской грамматики. При изучении тем профессиональной направленности можно добавить фотографии, отрывки из фильмов, что ведет к лучшему усвоению информации.

В практике обучения иностранным языкам интересным для курсантов становится заключительное заседание студенческого научного общества по иностранному языку : «Язык для специальных целей». Подготовка к этому заседанию представляет собой демонстрацию навыков и умений работы с видео-и- аудиоприложениями, навыки исследовательской работы, анализа и обработки информации и умение пользоваться иноязычными Интернет ресурсами. Курсанты готовят сообщение по теме их будущей профессиональной деятельности. Они просматривают материал на иностранном языке, отбирают наиболее информативный материал, анализируют и синтезируют полученные данные. Затем они готовят обстоятельный доклад о своем исследовании на русском и иностранном языках. Кроме того, курсанты составляют краткое резюме, которое они устно докладывают на заседании с одновременным представлением мультимедийной презентации. При обсуждении докладов курсанты задают вопросы, обсуждают интересующие их темы.

При развитии коммуникативной компетенции следует понимать, что она является основной компетенцией. Коммуникативная компетенция – это совокупность языковой, речевой и социокультурной составляющих. Это компетенция необходима для каждого человека. Следует учитывать, что на занятиях по иностранному языку речевая деятельность осуществляется на двух языках. Так, при переводе текста курсанты очень часто забывают о нормах русского языка, переводя текст без смысловой связи. Преподаватели кафедры учат курсантов более тщательному подбору слов, более правильному переводу.

Курсанты получают информацию, необходимую им при дальнейшем обучении и в осуществлении будущей профессиональной деятельности. Курсанты-юристы занимаются по пособиям, подготовленным доцентом кафедры, к.ф.н. Кулинской С.В. На занятиях на втором курсе обучаемые

знакомятся с лексикой по темам: «Предупреждение преступлений», «Расследование преступлений», «Допрос», «Безопасность дорожного движения» и т.д. Курсанты учатся описывать внешность преступника, учатся вести беседу с иностранными гражданами, обратившимися в органы внутренних дел по поводу кражи, потери имущества. Они учатся объяснять, как пройти к пункту назначения. Учатся опрашивать и допрашивать свидетелей и потерпевших, преступников. Преподаватель уделяет большое внимание развитию всех видов речевой деятельности. Курсанты выполняют различные лексико-грамматические упражнения для отработки навыков чтения, письма и говорения. Большое внимание уделяется умению слушать и понимать иноязычную речь (аудированию). Для аудирования может быть подготовлена «нарезка из фильма» - отобраны кадры, содержащие основные моменты происходящего. Полученный видеоролик содержит лексику, изучаемую по данной теме. Перед трансляцией ролика курсантам предъявляется задание – вопросы, на которые они должны найти ответ при просмотре видеоролика. Курсантам предлагается просмотреть ролик 3 раза: для общего понимания сюжета, для конкретизации отдельных моментов. При обсуждении просмотренного материала, курсантам предлагается ряд упражнений: выбрать верное высказывание из множества представленных, подобрать ключевые слова, подготовить рассказ об увиденном от лица действующих персонажей, продолжить рассказ. Такая подготовка требует определенной затраты времени, но результат того стоит. Курсанты с интересом смотрят и переводят содержание видеоролика, отвечают на представленные перед просмотром вопросы. На основе подготовленного таким образом обсуждения интересно проходит ролевая игра. Например, сотрудник полиции (по связям с общественностью) выступает на пресс-конференции, отвечает на вопросы журналистов по результатам резонансного преступления. Курсанты употребляют лексику: Corpus delicti, modus operandi, close associate, salient feature, bring the criminal to justice, stolen property, instrument of crime, witness, fingerprints и т.д. Курсанты используют информацию, полученную не только на занятиях по иностранному языку, но и полученную на занятиях по специальным предметам. Они с удовольствием общаются на иностранном языке.

Социокультурная компетенция характеризуется способностью общаться на иностранном языке с людьми другой национальности. Здесь наиболее важными умениями являются умение представлять свою страну, умение учитывать национальные особенности, обычаи. На занятиях по иностранному языку преподаватели кафедры уделяют большое внимание особенностям и отличительным признакам, характерным представителям государств изучаемого языка. Это способствует формированию таких качеств у будущих сотрудников правоохранительных органов как толерантность. Так, при изучении темы «Великобритания» курсанты иногда ошибочно употребляют слово «England» вместо «United Kingdom». Преподава-

тели объясняют на реалиях нашей страны, что такая замена неуместна. Кроме того, существуют различные манеры поведения в разных странах. Преподаватели объясняют курсантам специфику поведения, общения в различных странах. В данном случае должна присутствовать поведенческая осведомленность, чтобы не оскорбить чувство национального самосознания представителей стран изучаемого языка.

Автономная компетенция подразумевает способность к самообразованию. Преподаватели учат курсантов пользоваться словарями на бумажном и электронном носителе. Курсанты учатся работать самостоятельно при подготовке заданий для самостоятельной подготовки к занятиям и по внеаудиторному чтению. Они самостоятельно переводят текст, предварительно ознакомившись с незнакомой лексикой. В настоящее время существует возможность пользоваться голосовым воспроизведением незнакомых слов. Некоторые курсанты, имеющие слабые навыки чтения вводят текст в компьютер, и, пользуясь программой, слушают правильное чтение текста. В дальнейшем это помогает им приобретать достаточно хорошие навыки чтения. У курсантов формируется привычка поиска необходимого материала на иностранном языке, что может пригодиться им в их будущей профессиональной или научной работе.

Таким образом, следует сделать вывод, что профессиональная компетенция должна быть обязательно сформирована к окончанию курса обучения иностранным языкам. Существующая система обучения иностранным языкам, снабженная УМК, созданным преподавателями кафедры, позволяет сформировать у обучаемых профессиональную компетенцию на основе изучения дисциплины "Иностранный» язык». Эффективность формирования этой компетенции повышается, если существует комплексное развитие базовых компетенций. Очень важно при этом учитывать межпредметные связи. При опережающем изучении специальных дисциплин происходит более качественное усвоение материала. Преподаватели кафедры учитывают данный факт.

Литература:

1. Формирование профессиональной компетенции курсантов на основе дисциплины «Иностранный язык». Сборник трудов / И.Г. Ольгинская – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2007 –

Базыленок Александр Владимирович,
старший преподаватель-методист
Могилевского института МВД Республики Беларусь

ИНСТИТУТЫ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: О КОНТРАДИКЦИИ ПОНЯТИЙ

Гражданское общество – одна из ключевых категорий современной социологии и социальной философии, политологии и правоведения, поскольку выступая составной частью общества в целом, явления и процессы, протекающие в гражданском обществе, определяют в значительной степени состояние, направленность и динамику развития социума.

Проблема фундирования концепции гражданского общества приобретает актуальность в рамках некоторых современных подходов, представляющих социальные образования исключительно в качестве социальных конструктов.

Отношение к модели гражданского общества и понятию в целом, как к некоему семиотическому знаку, скорее было характерно для эпохи последовавшей за экзальтацией после первоначального столкновения с самой концепцией демократии и ее абсолютизацией в качестве социальной организации. Для большинства современных исследователей концепция гражданского общества не нуждается в апологии. И на наш взгляд, более актуальной является проблема преломления идеи к уникальным национальным культурам[1].

Большое внимание на категорию «гражданское общество» и концепцию в целомобращается в современной белорусской социологии. Проблематику гражданского общества в Республике Беларусь исследуют Котляров И.В., Бабосов Е.М., Ротман Д.Г., Данилов А.Н., Бубнов Ю.М., Мельник В.А., Решетников С.В., Барановский Н.А. и другие ведущие исследователи.

Проблемам взаимодействия между институтами государства и институтами гражданского общества много внимания уделяется в работах американских, европейских и российских философов и социологов (Селигман А.В., Вальзер М., Гаджиев К.С., Степин В.С., Панарин А.С., Пул Р.А., Замбровский Б.Я., Витюк В.В., Арато А., Перегудов С.П., Рябеев В.В. и другие).

Авторское определение указанного понятия представляется возможным обозначить следующим образом: гражданское общество – это существующая относительно независимо составная часть социума, которая включает социально активных граждан, все политические партии, проф-

[1] Базыленок А.В. Демократия и гражданское общество – насущность в современном социуме / А.В. Базыленок //Вестник Воронежского института МВД России. № 2, Воронеж. 2014. С. 105-113

союзные, религиозные, молодежные и другие общественные организации и движения, функционирующие на принципах гражданской инициативы, самоорганизации, самодеятельной активности и социального партнерства с государством и другими социальными институтами в целях реализации и защиты прав и интересов граждан и социальных групп, консолидации общества и обеспечения эффективного социального управления и развития.

Наиболее значимым социальным образованием, формирующим личность максимально включенную в социальную жизнь, является гражданское общество. Указанный институт является результатом и условием активной деятельности личности во всех сферах общественной жизни. И хотя многие исследователи связывают проявления данного института в первую очередь с социальной сферой, на наш взгляд, гражданское общество в силу специфики его функционирования оказывает определяющее влияние и на все сферы общества, начиная от формирования самодостаточной, законопослушной личности и заканчивая формированием специализированных экономических институтов.

Гражданское общество как социальный институт выполняет важные для развития личности и общества коммуникационные, интеграционные, регулятивные, социализирующие и другие функции. Оно их реализует через деятельность своих социальных субъектов, имеет специфическую структуру, социально-стратификационную основу, систему социально-культурных ценностей, социально-нормативную базу, сложную систему взаимоотношений и взаимодействий с государством и другими структурами социума, а также социально-экономические, политические и социокультурные генезисо-динамические предпосылки и условия своего формирования и развития. Гражданское общество в сущностном и структурно-функциональном плане соотносится, с одной стороны, с личностью как главным его социальным субъектом, а с другой стороны – с обществом и общим благом, как основной целью его формирования и развития.

Иногда в работах исследователей встречается идея о дилемме государства и общества. Возможно, в рамках конкретного исторического периода, подобная позиция имела право на существование. На современном этапе идея гражданского общества не исключает, а наоборот признает необходимость существования государства. При этом государство должно решать наиболее важные общественные проблемы при отказе от претензий на регулирование всего многообразия социальных отношений и детальной регламентации поведения людей. Государство и негосударственные формирования должны быть взаимодействующими и взаимодополняющими структурами социальной жизни. Конкретный же тип взаимоотношений государства и общества в реальной действительности имеет многовариантный характер и зависит от исторических традиций развития государственности и общества, уровня и характера экономического, политического и культурного развития социума, геополитических и других особенно-

стей той или другой страны и народа, в том числе и от относительной однородности интересов и ценностных установок индивидов и социальных групп.

Структура гражданского общества включает совокупность социальных субъектов и социальных институтов, начиная от отдельных социально активных личностей - членов общества, социальных групп, организаций и общностей (политических партий, профсоюзных, религиозных и других самодеятельных общественных организаций, объединений, союзов и движений, СМИ).

Средства массовой информацииявляются важным элементом и источником развития гражданского общества.Они участвуют в формировании содержания общественной системы, определяют характер социального взаимодействия через оказание влияния на поведенческие установки, ценностные ориентации социальных акторов. Влияя на параметры связей между институтами гражданского общества, СМИ приобретают возможность воздействовать на качественные характеристики самого гражданского общества в процессе его развития. Функционирование телевидения и сети Интернет напрямую связано с воздействием на гражданскую культуру и формированием идеологических норм, что проявляется в организации гражданского поведения, консолидации либо дезорганизации общественности. Современная «четвертая ветвь власти» является мощнейшим фактором общественного управления и в состоянии способствовать как сохранению общественной безопасности, так и нагнетанию особого состояния общественного напряжения.

СМИ, определяя направление развития сознания современного человека и формируя основные векторы его внимания, указывают общественности на актуальные темы, иногда используя эффект «клипового мышления» или «клипового сознания». Сознание, подчиненное данному эффекту, не стремится к объективному анализу окружающей реальности и воспринимает предлагаемую информацию в качестве истинной. Подобная ситуация, кажущаяся относительно нейтральной, на самом деле создает условия для нарушения общественной безопасности. Современность позволяет предположить, что даже в случае неумышленного искажения информации СМИ могут создать общественный конфликт.

СМИ, перенасыщая информационными потоками современный социум, создают у граждан впечатление глубокой информированности по широкому спектру вопросов, которая на самом деле представляет из себя глубокую квазиинформированность, что может иногда и являться конечной целью.

Правоохранительные органы представляют собой один из государственных институтов, что с точки зрения некоторых квазиинформированных сторонников либеральной концепции, в рамках противоречия между государством и гражданским обществом, по определению относит их к

противоположной, и обязательно кконфликтующей стороне. И вместо необходимой любому социуму, особенно на современном этапе развития, конвергенции искусственно нагнетаются кризисные ситуации. Присоединимся к мнению известных белорусских социологов и отметим, что для органов внутренних дел защита и сохранение общественной безопасности – это высшая норма, определяющая все виды государственной и частной деятельности. По мнению исследователей, общественная безопасность включает в себя личное участие, обязательную ответственность личности за стабильность и порядок, сохранение традиционных ценностей. Важнейшим принципом общественной безопасности должна быть взаимная ответственность личности и государства, человека и социума. Поиск цивилизованных средств и путей разрешения возникающих противоречий необходим с двух сторон, что будет способствовать формированию гражданского согласия и общественного консенсуса[1].

Несмотря на некоторые противоречия, которые возникают между государственными институтами и институтами гражданского общества, в конечном итоге и те, и другие должны функционировать исключительно с одной целью – благополучие социума. В этом ключе анализ общественного мнения приобретает первостепенное значение.

По мнению исследователей, влияние общественного мнения на систему правоохранительных органов может развиваться по нескольким направлениям. Важнейшее из них – обеспечение обратной связи. Система получает оценку своей деятельности и получает возможность для осознания необходимых изменений. Следующее направление носит оценочно-эмоциональный характер, однако не менее актуально, чем первое. Оценка общественным мнением деятельности сотрудников тесно связана с формированием социального образа милиционера. Позитивный образ привлекает наиболее достойных граждан, в том числе на службу. Негативный образ стимулирует отрицательный отбор, в результате которого наиболее достойные сотрудники выходят из системы, отказываясь в ней работать по морально-этическим соображениям.

Выделяя еще одно направление, можно отметить, что отсутствие доверия граждан к органам внутренних дел отрицательно сказывается на предотвращении и раскрытии преступлений, поскольку низкий уровень доверия граждан не способствует выстраиванию доверительных отношений между последними и сотрудниками ОВД. И, наверное, не менее важное направление – это дестабилизация общественного правового сознания через распространение информации о нарушении правоохранителями законов. Подобная информация может наносить существенный ущерб общественному порядку.

---

[1] Дорощенок С. Преданность Родине - основа национальной безопасности [Электронный ресурс] / Интернет-портал «MVD.GOV.BY» – режим доступа: http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=12403

В связи с вышеуказанным, нами предполагается обозначить важность взаимодействия институтов государства и институтов гражданского общества.

В мире указанной проблематике уделяется значительное внимание. Исследователями США и Европы регулярно проводятся социологические исследования, посвященные проблемам взаимодействия правоохранительных органов и общества. По результатам опросов наиболее высоко деятельность полицейских оцениваютреспонденты из Скандинавских стран и Швейцарии.К примеру, в стране-лидере этого рейтинга (Финляндии) почти 86% респондентовдали положительные оценки деятельности полиции и лишь 3% —отрицательные.

В Республике Беларусь граждане высоко оценивают работу правоохранительных органов. По статистике за 2016 год, органам внутренних дел доверяют более 65% опрошенных. К примеру, в США менее 50% американцев надеются на полицию как на основного защитника их интересов[1].

Российские исследователи на основании социологических опросов в Российской Федерации, а также на основании исследований, проведенных учеными в Европейском союзе (общая выборка составила почти 39 тыс. респондентов в 34 странах) осуществили обобщение некоторых закономерностей в оценке гражданами деятельности такого государственного института, как органы внутренних дел, которые характерны респондентам с определенным социальным капиталом [3].

Важность подобного исследования заключается в возможности учитывать целевую аудиторию и ее позицию при проведении социологических исследований, а также приведенные ниже результаты исследований позволят выстраивать деятельность органов внутренних дел с учетом отношения к их действиям различных категорий граждан.

Так, на основе анализа социологических данных исследователями утверждается, что женщины, как правило, относятся к правоохранительным органам более позитивно, чем мужчины (в целом, примерно на 5% выше). Позитивность оценки увеличивается с возрастом: чем старше респондент, тем более лоялен он к правоохранителям.

Наличие у респондентов семьи повышает позитивность оценки, но по мнению исследователей, не повышает уровень доверия. Интересно, что наличие у опрашиваемых детей повышает доверие, но не влияет на рост позитивности оценки.

Важное значение имеет положение опрашиваемого на рынке труда. Респонденты, не имеющие постоянной работы, настроены относительно негативно (рейтинг их доверия, как правило, ниже на 5%).

[1] Гимпельсон В., Монусова Г. Доверие к полиции: межстрановой анализ [Электронный ресурс] / Интернет-портал «IMEMO.RU» – режим доступа: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=645&id=1847

Респонденты, утверждающие, что у них отсутствуют проблемы со здоровьем и имеется постоянный источник дохода, оценивают органы внутренних дел выше на 6% чем те, у кого, по их утверждению, отсутствуют указанные факторы.

Анализ результатов исследований показывает, что опыт общения с органами внутренних дел снижает вероятность позитивного отношения и уровень доверия примерно на 4%. Этот факт обращает на себя особое внимание, поскольку указывает на необходимость совершенствования деятельности правоохранителей.

СМИ как источник информации о случаях нападения преступников на граждан, также оказывают весьма негативное влияние на оценку деятельности органов внутренних дел. Вероятность ее возрастает на 7%. Так же значительно снижается уровень доверия. Подобная информация воспринимается крайне критично, как с точки зрения реальной безопасности, так и с точки зрения работы по предупреждению правонарушений. Однако результаты исследований показывают, что в случае объяснения системой ОВД своих действий и доведения информации о деятельности до граждан, то есть создания каналов коммуникации с социумом, вероятность положительной оценки возрастает на 73%, то же происходит и в случае с доверием.

Весьма важным фактором, снижающим положительное отношение к органам внутренних дел, является представление в социуме о коррумпированности сотрудников. Подобная информация снижает вероятность положительного отношения к работникам ОВД на 6%.

При анализе влияния таких факторов как правосознание, исследователями отмечается, что чем выше у граждан уровень правосознания, тем выше уровень доверия к органам внутренних дел.

Примечательным также является вывод исследователей, установленный в процессе анализа социологических данных, о связи доверия к политическим институтам и органам внутренних дел. Отмечается, что чем выше уровень доверия к государственной власти, тем выше уровень доверия к системе правоохранительных органов.

Следует отметить, что современный социум характеризуется системной нестабильностью. Точкой равновесия может являться гармоничное взаимное совершенствование отношений между институтами государства и гражданского общества[1]. Правоохранительные органы — это государственный социальный институт, который на правовой основе ограничивая свободу граждан, в действительности и является гарантией общественной безопасности и свободы граждан в социуме.

[1] Бабосов Е.М. Человек в социальных системах/ Е.М. Бабосов, Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск: Беларус. навука, 2013. – 481 с.

Литература:

1. Бабосов Е.М. Человек в социальных системах/ Е.М. Бабосов, Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск: Беларус. навука, 2013. – 481 с.

2. Базыленок А.В. Демократия и гражданское общество – насущность в современном социуме / А.В. Базыленок //Вестник Воронежского института МВД России. № 2, Воронеж. 2014. С. 105-113

3. Гимпельсон В., Монусова Г. Доверие к полиции: межстрановой анализ [Электронный ресурс] / Интернет-портал «IMEMO.RU» – режим доступа: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=645&id=1847 Дата доступа: 22.05.2017.].

4. Дорощенок С. Преданность Родине - основа национальной безопасности [Электронный ресурс] / Интернет-портал «MVD.GOV.BY» – режим доступа: http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=12403. Дата доступа: 13.03.2017.].

5. Степень доверия американцев к полиции: результаты опроса Sputnik.Мнения [Электронный ресурс] / Интернет-портал «BALTNEWS.LT» – режим доступа:http://baltnews.lt/vilnius/20150210/ 1013522178.html. Дата доступа: 05.04.2017].

6. Щекин Н.С.Мыслить на столетие вперед [Электронный ресурс] / Интернет-портал «SOCIO.BAS-NET.BY» – режим доступа: http://socio.bas-net.by/myslit-na-stoletie-vperyod/. Дата доступа: 13.03.2017.].

7. Щекин Н.С.Открытость милиции, готовность к диалогу с населением и профессионализм способствуют укреплению общественной безопасности [Электронный ресурс] / Интернет-портал «SOCIO.BAS-NET.BY» – режим доступа: http://socio.bas-net.by/otkrytost-militsii-gotovnost-k-dialogu-s-naseleniem-i-professionalizm-sposobstvuyut-ukrepleniyu-obshhestvennoj-bezopasnosti/. Дата доступа: 13.03.2017.].

Моисеев Сергей Владимирович,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат исторических наук, доцент

ИЗМЕНЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ВЕКТОРА ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Активные действия вооруженных сил Сирийской Арабской Республики и подразделений армии России направленные на ликвидацию формирований боевиков, как показывают события, носят успешный характер. Становится очевидным тот факт, что с ИГИЛ (деятельность запрещена на

территории Российской Федерации) Джебхат ан Нусра и их сторонниками будет покончено в ближайшее время. Идеологический проигрыш боевиков наступил еще раньше, как только стали известны свидетельства крайней жесткости исламистов и насилия проявляемые ими в отношении всех без исключения несогласных, вне принадлежности к религии. Средневековые идеи «псевдоджихада» выдернутые лидерами террористов из религиозных исламских текстов и получившие новую осовремененную трактовку, объективно не могли стать долговечными в условиях XXI века. В сущности, армия убийц изначально была обречена на поражение. Однако стоит сказать о том, что решение этой проблемы влечет за собой появление новых и борьба с экстремизмом и терроризмом не закончится с ликвидацией ИГИЛ и их сторонников в Сирии и Ираке[1].

Анализ деятельности различных экстремистских религиозных политических организаций действующих на территории нашего государства и сопредельных странах показывает, что они достаточно быстро и успешно приспосабливаются к новым условиям[2]. В качестве примера таковых можно привести запрещенные в Российской Федерации экстремистские группировки «Хизб – ут Тахрир аль ислами», «Джамаат Таблиг», «Нурджулар» активно осуществлявшие деструктивную деятельность в Западно-сибирском регионе[3].

Террористический акт, произошедший 3 апреля 2017 года в г. Санкт-Петербурге, резкий рост террористической и экстремистской активности в 2016-2017 годах в Республике Казахстан, продолжающийся количественный рост мигрантов прибывающих на территорию Российской Федерации из республик Центральной Азии актуализировал обращение к проблеме изменения географического вектора экстремистской и террористической угроз[4].

---

[1] См: Вуд Грэм. The Atlantic. Перевод: Р. Раскольников. Чего хочет ИГИЛ? [Электронный ресурс] URL:http://regnum.ru. Дата обращения 24.09.2017.

[2] См: Шибутов, М.М. Терроризм в России – нарастающая динамика. [Электронный ресурс] URL:http://rusrand.ru. Дата обращения 25.10.2017.

[3] См: История происхождения и деятельность экстремистской организации «Хизб-ут Тахрир»: учебно-методическое пособие / сост. С.В. Моисеев, М.О. Тяпкин. Барнаул: БЮИ МВД России, 2013. С. 6-16. Экстремистская религиозная партия «Джамаат Таблиг»: история происхождения, деятельность, проблемы противодействия: учебно-методическое пособие / С.В. Моисеев, А.М. Шаганян. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. С. 7-15. Экстремистская организация «Нурджулар»: история происхождения, деятельность, проблемы противодействия учебно-методическое пособие / С.В. Моисеев, А.М. Шаганян. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. С. 7-21.

[4] См: Елена Казымова. Теракт в Санкт-Петербурге, сегодня 3 апреля 2017 года. [Электронный ресурс] URL: https://chto-proishodit.ru. Дата обращения 25.10.2017. Захар Мостовой. 12 терактов предотвращено в Казахстане за 2016 год. [Электронный ресурс] URL: https://365info.kz. Дата обращения 25.10.2017.

Как свидетельствуют события последних двух лет, связанные с экстремистскими проявлениями и террористической активностью основную часть организаторов и исполнителей составляют исламисты, представляющие различные организации. Несмотря на то что, каждая группировка имеет свои характерные особенности деятельности отличные от других, существуют и общие черты. Так все группы и организация в целом имеют своего духовного наставника и руководителя, структура группировки имеет сетевой вид, действуют независимые друг от друга ячейки на принципе взаимной координации, явная иерархия не присутствует, рядовые члены организации не общаются напрямую с лидерами, во всех организациях значительное внимание уделяется пропагандистской работе среди населения и вне зависимости от национальности, акцентируется внимание на устранении либо нейтрализации традиционных мусульманских лидеров, усиливается деятельность по привлечению новых адептов в местах лишения свободы из числа лиц совершивших тяжкие уголовные преступления, совершенствуются технические способы пропаганды и вербовки[1].

Среди получивших известность в последние три года, видов религиозного политического экстремизма, в последнее время начинает выделяться так называемый «мигрантский» или «Ферганский», получивший распространение в среде мигрантов из стран Центральной Азии. Причина возникновения и развития этого движения заключается в активизации деятельности проповедников из стран Персидского залива и Саудовской Аравии и за счет миграции исламистов, которые выделяются высокой криминальной активностью[2].

В настоящее время существует вероятность того, что в связи с отвлечением внимания специальных силовых структур на обеспечение операции в Сирии и отслеживание провокационных действий со стороны украинских властей, поддержание контроля над ситуацией на Северном Кавказе, представители радикальных экстремистских движений базирующихся в странах Центральной Азии будут стремиться к активизации своей деятельности на территории Российской Федерации. Особую остроту этому направлению в развитии событий придает процесс возвращения боевиков из Сирии и Ирака, как граждан России, так и стран СНГ. Таким образом, смещается географический вектор экстремистской и террористической угроз от Северного Кавказа, где власти субъектов и силовики научились успешно пресекать экстремистские проявления и деятельность бандформирований к достаточно протяженным азиатским границам России.

---

[1] См: Верхоглядов, Я.Е. О некоторых проблемах государственно-правового регулирования противодействия экстремизму в пенитенциарной системе // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2015. № 3 (24). С.34-39.

[2] См: Шибутов, М.М. Терроризм в России – нарастающая динамика. [Электронный ресурс] URL:http://rusrand.ru. Дата обращения 26.10.2017.

В последнее время значительные усилия государства, как на федеральном, так и на уровне субъектов акцентированы на создание эффективных механизмов противодействия незаконной миграции. Однако, не смотря на принимаемые меры число нарушений законодательства выявленных только прокуратурами в этой сфере за 2016 год достигла 40 тысяч. Интернет заполнен предложениями о различных способах заключения фиктивных браков, продаже паспортов гражданина Российской Федерации, видов на жительство и иных документов подтверждающих законность пребывания на территории государства. Так, в Алтайском крае, Республике Саха-Якутия и в других регионах прокуроры были вынуждены добиваться через суды блокировки доступа к таким сайтам[1].

В качестве примера, в Алтайском крае ситуация в рамках рассматриваемой проблемы выглядела следующим образом. В 2016 г. было зарегистрировано 26 преступлений экстремистской направленности, 19 с использованием сети Интернет, 89 административных правонарушений, 84 совершены с использованием сети Интернет, 36 фактов распространения экстремистских материалов.

За 2016 год через пункты пропуска, расположенные на алтайском участке российско-казахстанской границы, на территорию Российской Федерации 613265 иностранных граждан и лиц без гражданства, при этом значительное их число транзитом проследовало в другие регионы страны. Наибольшую долю в числе прибывших составили граждане Республик Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан. По итогам 2016 года на территории края был отмечен рост числа преступлений совершенных иностранцами и лицами без гражданства. В общем числе уголовно-наказуемых деяний, совершенных данной категорией примерно каждое пятое (18,6%) являлось тяжким и особо тяжким. По национальному признаку большинство преступных деяний совершено выходцами из стран Центральной Азии(61.4 %)[2].

Кроме чисто криминального аспекта проблемы трансграничных территорий, существует риск распространения пропаганды экстремистских религиозных организаций позиционирующих себя в качестве «исламских». Определить на пограничном пункте пропуска является тот или иной прие-

---

[1] Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 26 апреля 2017. [Электронный ресурс] URL:https://genprok.gov.ru. Дата обращения 26.06.2017.

[2] Информационно-аналитические материалы к отчету начальника Главного управления МВД России по Алтайскому краю генерал-лейтенанта полиции Торубарова О.И. перед депутатами Алтайского краевого Законодательного Собрания. Сведения о состоянии оперативной обстановки и результатах деятельности органов внутренних дел Алтайского края за 2016 год. Противодействие организованной и групповой преступности, терроризму и экстремизму. [Электронный ресурс] URL:https: // 22.мвд.рф/Dejatelnost/otchnas. Дата обращения 22.10.2017.

хавший представителем какого-либо политического движения практически невозможно и требует значительных усилий по поиску информации, что занимает большое количество времени и по сути дает малый эффект. Также нет возможности определить принадлежность содержания ввозимой литературы, так как требуются специальные знания теологического характера владение восточными языками. В настоящее время эта проблема не разрешена и скорее всего не будет решена в ближайшем будущем.

В складывающейся ситуации положение российских трансграничных регионов оказывается в зависимости от географического изменения экстремистской и террористической активности взаимосвязанного с увеличением миграционных потоков, следствием чему может стать рост нестабильности и угроз общественной безопасности (По данным Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан, в составе ИГИЛ находится 1094 таджикских граждан, 85 % из них являются трудовыми мигрантами и попали в поле зрения вербовщиков ИГИЛ находясь в Российской Федерации)[1].

Серьезным фактором, который может оказать негативное воздействие на ситуацию как в Центральной Азии, так и в России является перераспределение центров силы в Исламской Республике Афганистан, в северной части которой начинается процесс борьбы за власть с участием новых политических фигур, в частности международной террористической организации ИГИЛ. Согласно данным представленным Аналитической ассоциацией ОДКБ Афганистан в 2016 году являлся «лидером» по террористической активности (30 терактов 22% от всех числа всех терактов произошедших в мире), эта тенденция сохраняется в настоящее время[2]. После пятнадцатилетнего пребывания вооруженных подразделений США и их союзников на территории Республики Афганистан, стабильность в стране не наступила, а экстремистская и террористическая активность возросли в несколько раз. К постоянно действующим в Афганистане и на сопредельных территориях «Аль-Каиде» и движению «Талибан» добавились реальные конкуренты - представители «Исламского государства» не скрывающие своих претензий на установление контроля над северной частью афганской территории. В настоящее время Афганистан фактически стал своеобразным «питомником» экстремистов и террористов разных национальностей. На территории ИРА нашли убежище бенгальцы, уйгуры, та-

[1] Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам – членам ОДКБ на центрально-азиатском и афганском направлениях / под. ред. И.Н. Панарина, А.А. Казанцева. – Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017. С. 18.

[2] Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам – членам ОДКБ на центрально-азиатском и афганском направлениях / под. ред. И.Н. Панарина, А.А. Казанцева. – Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017. С. 5 - 6.

джики, арабы, выходцы с Северного Кавказа, пакистанцы, узбеки, туркмены, киргизы и др. Территория активной боевой деятельности от Китая до стран Центральной Азии. В качестве предполагаемых рассматриваются Республики Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан, определенный опыт экстремистских действий в этих странах у исламистов имеется. На каждого боевика из стран Центральной Азии, воюющего в Сирии и Ираке приходится сотни сочувствующих в разного рода «спящих ячейках». Эти люди, как и возвращающиеся боевики, получившие боевой опыт могут быть использованы для проведения терактов, организации беспорядков или партизанских действий. По данным таджикских силовых структур, только ИГИЛ выделило порядка 70 млн. долл. на подрывную работу в Центральной Азии[1].

Главными факторами вербовки, имеющими определяющий характер для потенциальных адептов исламистских экстремистских и террористических организаций из среды мигрантов являются следующие:

- ✓ недостаточное качество профилактической и разъяснительной работы с мигрантами по месту постоянного проживания и на территории российской Федерации и стран Центральной Азии;
- ✓ низкий уровень координационной работы правоохранительных структур в сфере работы с мигрантами Российской Федерации и стран Центральной Азии;
- ✓ низкий социальный статус, отсутствие перспективы карьерного роста;
- ✓ проведение активной пропагандистской работы в среде мигрантов эмиссарами различных религиозных экстремистских политических организаций;
- ✓ религиозная и юридическая неграмотность мигрантов, отсутствие элементарных знаний, необходимых для критической оценки общения с «рекрутером».

В настоящее время борьба с экстремистской и террористическими угрозами продолжает оставаться многоуровневой комплексной задачей. Региональным российским правоохранительным и государственным структурам необходимо укреплять взаимодействие с соответствующими институтами стран Центральной Азии, с привлечением национальных общин и диаспор активно пропагандировать опыт конструктивных взаимоотношений различных конфессий, на уровне высших учебных заведений проводить научно-практические международные конференции и семинары по проблемам противодействия религиозному и политическому экстремизму с привлечением соответствующих специалистов, активизировать

[1] Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам – членам ОДКБ на центрально-азиатском и афганском направлениях / под. ред. И.Н. Панарина, А.А. Казанцева. – Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017. С. 16.

информационную борьбу с экстремистской пропагандой с использованием всех доступных технических средств, для поиска и выработки новых актуальных средств противодействия экстремистским и террористическим вызовам использовать современные аналитические данные специальных исследовательских групп.

Литература:

1. Верхоглядов Я.Е. О некоторых проблемах государственно-правового регулирования противодействия экстремизму в пенитенциарной системе // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2015. № 3 (24). С.34-39.

2. Вуд Грэм. The Atlantic. Перевод: Р. Раскольников. Чего хочет ИГИЛ? [Электронный ресурс] URL:http://regnum.ru. Дата обращения 24.09.2017.

3. Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 26 апреля 2017. [Электронный ресурс] URL: https://genprok.gov.ru. Дата обращения 26.06.2017.

4. Информационно-аналитические материалы к отчету начальника Главного управления МВД России по Алтайскому краю генерал-лейтенанта полиции Торубарова О.И. перед депутатами Алтайского краевого Законодательного Собрания. Сведения о состоянии оперативной обстановки и результатах деятельности органов внутренних дел Алтайского края за 2016 год. Противодействие организованной и групповой преступности, терроризму и экстремизму. [Электронный ресурс] URL:https: // 22.мвд.рф/Dejatelnost/otchnas. Дата обращения 22.10.2017.

5. История происхождения и деятельность экстремистской организации «Хизб-ут Тахрир»: учебно-методическое пособие / сост. С.В. Моисеев, М.О. Тяпкин. Барнаул: БЮИ МВД России, 2013. 31 с.

6. Казымова Елена. Теракт в Санкт-Петербурге, сегодня 3 апреля 2017 года. [Электронный ресурс] URL: https://chto-proishodit.ru. Дата обращения 25.10.2017.

7. Мостовой Захар. 12 терактов предотвращено в Казахстане за 2016 год. [Электронный ресурс] URL: https://365info.kz. Дата обращения 25.10.2017.

8. Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам – членам ОДКБ на центрально-азиатском и афганском направлениях / под. ред. И.Н. Панарина, А.А. Казанцева. – Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017. – 50 с.

9. Шибутов, М.М. Терроризм в России – нарастающая динамика. [Электронный ресурс] URL:http://rusrand.ru. Дата обращения 26.10.2017.

10. Экстремистская религиозная партия «Джамаат Таблиг»: история происхождения, деятельность, проблемы противодействия: учебно-методическое пособие / С.В. Моисеев, А.М. Шаганян. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. 22 с.

11. Экстремистская организация «Нурджулар»: история происхождения, деятельность, проблемы противодействия учебно-методическое пособие / С.В. Моисеев, А.М. Шаганян. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. 31 с.

Алимпиев Алексей Александрович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
(сотрудник полиции Республики Казахстан)

К ВОПРОСУ ПОПЫТКИ ОСМЫСЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЧИН СОВЕРШЕНИЯ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ

В год столетней даты со дня свершения Октябрьской Революции и удавшегося эксперимента по демонтажу Монархического режима, зиждившегося на вековых культурных традициях и патриархальном укладе, напрашивается параллель с происходящими в современных условиях протестными движениями, являющимися катализатором массовых беспорядков.

При этом как показывает современная действительность, игнорирование органами государственной власти наличия реальной угрозы, исходящей от организации массовых беспорядков, влечет как минимум нелегитимный переход власти, так и более плачевные последствия для функционирования государства вплоть до потери территориальной целостности страны (пример Украины в данном случае наиболее очевиден).

Также, как и сто лет назад, территория Российской Федерации не теряет практического интереса со стороны технологов и «архитекторов» цветных революций, готовых при удачно сложившихся для них обстоятельствах реализовать свои замыслы используя для этого условия, благоприятствующие для эскалации массовых волнений и протестов.

Массовые беспорядки в свою очередь могут выступать соответствующим условием для воплощения в жизнь технологий бунта, переворотов и революций.

В этой связи, повышению эффективности противодействия данному негативному явлению, может способствовать уяснение социальных и психологических предпосылок совершения массовых беспорядков.

Как известно основу преступного явления составляет определенная совокупность причин, т.е. причинный комплекс детерминирующий наступление вредных последствий. При рассмотрении детерминант совершения массовых беспорядков в первую очередь заслуживают детального изучения причины социального и психологического характера.

При рассмотрении социальных причин совершения массовых беспорядков нельзя не обратить внимание на определенную противоречивость в логике начальной стадии, выражающейся в выражении определенного протеста и дальнейшей их эскалации, влекущей погромы, поджоги, разрушение и уничтожение чужого имущества, сопротивление представителям власти, блокирование путей и сообщений.

Чезаре Ломброзо в своем известном труде «Человек преступный» подчеркнул отсутствие прямой зависимости от повышения цен на хлеб и продуктов первой необходимости на количество совершенных преступлений против властей, государственной безопасности и общественного порядка.

В Российской Империи напротив, очереди за хлебом в феврале 1917 года, вызванные перебоями на железной дороге привели к массовым волнениям и беспорядкам, а также стали одним из катализаторов создания революционной обстановки. При этом обращает на себя внимание тот факт, что негодование в основном выражалось представителями низших классов по поводу отсутствия именно «черного» хлеба, который они в силу сложившихся традиций привыкли потреблять в пищу вместо белого .

Следующее противоречие актуализирует постановку вопроса: «Почему массовый голод в 1921-1922, вызванный кризисом власти не привел к эскалации массовых беспорядков в масштабе всей страны?».

Достаточно иллюстративны более поздние примеры отечественной истории, свидетельствующие о противоречии причинности нарастания социального протеста и совершения массовых беспорядков.

К таковым можно отнести отсутствие проявлений активного социального протеста со стороны представителей слоев населения наиболее пострадавших от проведения «реформ» и «шоковой терапии» (шахтеры, учителя, врачи, рабочие производственных мероприятий не получавшие месяцами зарплаты) произошедших в начале девяностых годов и активизацию либеральной общественности, представители которой не испытывали экономические трудности ни в годы кризиса девяностых, ни в годы достигнутого благополучия двухтысячных.

При этом при организации движений подобных «Болотному», озвученные выше представители выступают в качестве так называемых «выразителей интересов народа, страдающего от засилья коррупции в органах государственной власти».

Негативный пример зарубежных стран также вскрывает наличие такого противоречия, где на фоне общего экономического благополучия и широкого социального пакета, вопреки здравому смыслу, в общественное сознание смогли проникнуть настроения, приведшие к краху всей государственной системы. Указанное мы могли наблюдать в Ливии при свержении режима М. Каддафи, где массовые протесты, перешедшие в беспорядки привели к гражданской войне.

Даже в таких благополучных странах, как Англия и Франция предоставляющих широкий социальный пакет в том числе и для безработных, благоприятные экономические условия не являются гарантом предупреждения массовых беспорядков.

Как показывает современная действительность, создание таких условий для определенных слоев населения, влечет скорее злоупотребление пользования этими благами с предъявлением к государству необоснованных претензий в части предоставления дополнительных прав при минимизации обязательств перед государством.

Поведение мигрантов, потомков переселенцев бывших колоний, сконцентрировавшихся в национальных гетто европейский стран является ярким подтверждением данного тезиса.

Массовые беспорядки в качестве средства давления на институты государственной власти давно вошли в практику образовавшихся в странах Европы национальных анклавов, представленных компактным проживанием определенной этнической группы.

Законная правоохранительная деятельность полиции воспринимается данным элементом как чуждая и противоречащая их ценностным установкам, а применение спец. средств полицейскими в случае сопротивления, осознается ими как «нарушение личных конституционных прав». В итоге все это выливается в массовые беспорядки, сопровождаемые поджогами автомобилей граждан непричастных к «причинам их негодования», зданий, сооружений, нападении на сотрудников полиции.

Учитывая, что социальные и психологические причины совершения массовых беспорядков взаимообусловлены, все же попытаемся сделать акцент на большей значимости познания массовой психологии и психологии толпы, для целостного осмысления рассматриваемого явления.

По мнению известного французского социолога Гюстава Лебона исследовавшего психологию масс, характерной чертой преступной толпы является «восприимчивость к внушению, легковерие, непостоянство, приоритет чувств, как хороших, так и дурных».

В период заката существования Советского государства подобного рода восприимчивость послужила причиной совершения в 1990 году массовых беспорядков в городе Душанбе. Одним из условий произошедших событий в Душанбе можно назвать агитационную деятельность возникшей на ниве роста национального самосознания политической партии "Растохез".

Кроме этого развитию событий по дестабилизации обстановки в республике способствовало распространение ложных слухов о значительном переселении беженцев-армян из Азербайджана.

Дальнейшая цепь событий с точностью воспроизводит представление Гюстава Лебона о способности толпы к рассуждению. По данному поводу Г. Лебон критически относился к логичности рассуждений толпы говоря о том, что «ассоциация разнородных вещей, имеющие лишь кажуще-

еся отношение друг к другу, и немедленное обобщение частных случаев – вот характерные черты рассуждений толпы».

Так 12 февраля 1990 года ложные слухи о раздаче жилья армянам-беженцам положили начало беспорядкам.

В результате беспорядков физическому насилию кроме армян переселенцев, были подвергнуты представители русской общины, кроме этого их участниками было сожжено здание комитета партии Таджиксой ССР. Число убитых составило 22 человека, раненных 565 человек, а из числа раненных 56 процентов составило представителей армянской этнической группы и 41 процент русского населения.

Справедливо выдвинут Г. Лебоном тезис о том, что толпа воспринимает только конкретные образы, которые направляют поток дальнейших действий ее индивидов.

Существующие образы врага в лице России и «друга» в лице стран Запада, укоренившиеся в деструктивном сознании украинских националистических движений, были основным мотивом для участия в беспорядках, нападениях на сотрудников спец. подразделений «Беркута», так, как протест на майдане и «евроинтерграция» для них олицетворяли символ попытки полной независимости от Российского влияния.

В этой связи уместно проведение параллели с фанатским футбольным движением, в основании создания, которого заложена идеология превосходства любимой команды и в прямом смысле ненависти к командам конкурентам, которые собственно и представляют образ такого врага.

Более того наметилась тенденция социального сближения и взаимодействия футбольных фанатов с представителями националистических движений. Стоит отметить, что такое взаимодействие носит антиобщественный характер и на примере Российской Федерации можно вспомнить события на Манежной площади, вызванные возмущением по поводу убийства футбольного болельщика Егора Свиридова уроженцами северокавказских республик. Объединение представителей националистических организаций и фанатского движения на Манежной площади представляло реальную угрозу для неопределенного круга лиц кавказской национальности, которые могли пострадать в результате предполагавшихся беспорядков.

Аналогичным образом в качестве ударной силы при подавлении в апреле 2014 года митинга антимайдановцев в г. Одесса и последующем поджоге Дома профсоюзов, были избраны футбольные фанаты и боевики «Правого сектора».

В приведенных примерах логическое объяснение сближения названных социальных групп, кроется в близости их субкультур, основанных на стереотипе агрессивного поведения, которое во многом и определяет мотив вступления в их ряды.

Агрессивная субкультура и образ врага, также характеризуют причины совершения массовых беспорядков в местах лишения свободы, где оче-

видно, что администрация исправительного учреждения воспринимается осужденными однозначно, не как партнер, а как злейший враг.

Приведенные факты и их анализ привел нас к выводу, который позволил нам не согласиться с позицией Г.Лебона об исчезновении сознательной личности в толпе и ее поглощении массовым сознанием, так называемой коллективной душой.

Не отрицая существование массового сознания как такового, мы хотим сказать, что процессы участия лиц в массовых беспорядках проходят в первую очередь через сознание. Субъект массовых беспорядков осознает, предвидит и желает наступления преступного результата, также, как и осознанно вступает в ряды бунтующих, поджигающих автомобили, уничтожающих чужое имущество, оказывающих сопротивление силам правопорядка. Несмотря на циничность, грубость и внешнюю бессмысленность совершаемых деяний участника массовых беспорядков, можно констатировать, что характер его действий не лишен ни интеллектуального, ни волевого момента.

В имеющих место массовых беспорядках, совершаемых представителями национальных гетто, происходящих во Франции мы видим не полное отсутствие разделения с законопослушными гражданами ценностей государства, а скорее наличие устойчивого их неприятия с враждебным отношениям к институтам государственной власти.

Тоже самое можно сказать о фанатах футбольных клубов, для которых интересы клуба превалируют над интересами общественного порядка, осужденных отрицательной направленности, для которых тюремная субкультура заменяет и отрицает ценности подлинной национальной культуры, представителей антиобщественных этнических группировок национальных меньшинств, для которых ценностные установки вступают в противоречие с нормами этики и морали титульной нации государства проживания.

Подводя итог проведенному анализу социальных и психологических причин совершения массовых беспорядков, отметим, что неправильное понимание членами общества пределов своей собственной свободы, личных прав и обязанностей перед обществом приводит в начальной стадии к нарушению гармонии общественный жизни, и в последующем к революционной обстановке.

Русский философ Иван Ильин достаточно емко охарактеризовал пределы такой свободы и непонимания ее сущности массовым сознанием, следующими словами: «Лучше малая свобода, всеми чтимая и блюдомая, чем большая свобода, никем не соблюдаемая и не уважаемая, ибо такая «большая» «свобода» есть величина мнимая, которая не заслуживает ни названия «свободы», ни названия «права». Таков великий урок всех революций: люди не хотят малых, но огражденных прав, они хотят максимума».

Таким образом, можно сделать вывод, что хотя социально-экономическое благополучие граждан и является основным стабилизирующим общественные отношения фактором, но в определенных условиях при отсутствии со стороны органов государственной власти мер по морально-психологическому стимулированию, формированию устойчивых нравственных убеждений о личной ответственности граждан перед своим государством, оно приводит к росту ожидания еще лучших условий, необоснованным требованиям к государству, активизации протеста, поиску виновных в лице власти, определенной нации, конфессиональной или социальной группы. Для вымещения накопившейся в ходе протеста агрессии массовые беспорядки избираются в качестве средства ее реализации, что находит отражение в массовых поджогах, групповых избиениях, уничтожении зданий и сооружений, к вооруженному сопротивлению властям.

Литература:

1.Ломброзо Чезаре. Человек преступный: (перевод с итальянского) / Чезаре Ломброзо. – Москва: Алгоритм, 2016. – 66 С.

2. https://www.kuban.kp.ru/daily/26646/3666211/ Российскую империю обрушил дефицит черного хлеба.

3. Лебон Гюстав. Психология народов и масс. [пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридмана]. – Москва: Издательство АСТ, 2017. - С.277 (Философия-Neoclassic)

4. http://conflictologist.org/besporyadki-1990-goda-v-tajikistane-dushanbe.htm

5. Ильин И.А. Путь к очевидности: Сочинения.- М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998.-С.267-268.

Бондарь Владимир Владимирович,
аспирант кафедры зарубежной истории,
политологии и международных отношений
Северо-Кавказского федерального университета.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПОПЫТКЕ НАСИЛЬСТВЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2017 ГОДУ

В 2017 году Российская Федерация отмечает 100-летие Великой Октябрьской Революции. В преддверие данной даты интересны новости о задержаниях современных революционеров.

«Федеральной службой безопасности Российской Федерации в результате проведенных оперативно-розыскных мероприятий в Московском регионе выявлена и пресечена противоправная деятельность законспирированной ячейки движения «Артподготовка», планировавшей совершить 4 -

5 ноября 2017 года резонансные экстремистские акции в форме поджогов административных зданий с использованием зажигательных смесей и нападений на сотрудников полиции с целью провокации массовых беспорядков», - сообщили в Центре общественных связей ФСБ России.

«В ходе проведенных мероприятий все члены ячейки задержаны», - сообщили в ЦОС ФСБ России. Изъяты 15 бутылок с зажигательной смесью. Решается вопрос о возбуждении в отношении задержанных уголовного дела по ст. 30 и ч. 2 ст. 205 УК России («Покушение на террористический акт»).

В ФСБ России отметили, что «во взаимодействии с органами МВД России пресечена деятельность ячеек «Артподготовки» в городах Красноярске, Краснодаре, Казани, Самаре и Саратове»[1].

Что же такое «Артподготовка» и как она связана с революцией? Движение «Артподготовка» никогда не было зарегистрировано как общественная организация, политическое движение или как-либо иначе. И все же оно существует – «Артподготовка» название блога на интернет-сервисе YouTube, который публикует видеообращения Вячеслав Вячеславович Мальцев. Стоит остановиться подробнее на личности «спасителя России»[2].

В мае 1994 года В.В. Мальцев стал депутатом Саратовской областной думы первого созыва, позднее – в августе 1997 года и сентябре 2002 года – дважды входил в состав регионального парламента. Он являлся в разное время являлся заместителем председателя, а также секретарем думы. В 1990-х годах В.В. Мальцев был членом партии «Отечество – Вся Россия», затем вступил в партию Единая Россия в 2001 году, в 2007 году – руководил саратовским отделением «Великой России» в г. Саратов, в том же году создал в городе отделение Российского народно-демократического союзаМихаила Касьянова.

В 2012 году В.В. Мальцев пытался выдвинуться в депутаты областной думы от Коммунистической партии Российской Федерации по одномандатному округу в г. Саратов, уступил представителю партии «Единая Россия». Впоследствии будущий революционер утверждал, что выборы были сфальсифицированы, и победа должна была достаться ему.

В преддверии выборов в Государственную думу VII созыва В.В. Мальцев принял решение участвовать в праймериз Партии народной свободы (ПАРНАС). Первое место в федеральном списке по умолчанию досталось лидеру партии Михаилу Касьянову, состав и очередность остального списка предполагалось определить голосованием зарегистрированных на сайте «Волна перемен» избирателей. По итогам праймериз Мальцев занял первое место.

---

[1] ФСБ задержала членов ячейки движения "Артподготовка", готовивших поджоги 4 и 5 ноября [Электронный ресурс] / ТАСС информационное агентство: http://tass.ru/proisshestviya/4701092, свободный. (Дата обращения: 06.11.2017 г.)

[2] Социальная сеть «Facebook» [Электронный ресурс] / Артподготовка: https://www.facebook.com/ru.artpodgotovka/, свободный. (Дата обращения: 06.11.2017 г.)

Предвыборная программа Мальцева включала:

- отстранение от власти В.В. Путина и его окружения с последующим трибуналом;
- прекращение агрессивных войн и подписание мирного договора с Украиной;
- расширение полномочий местного самоуправления;
- выборность прокуроров, судей и начальников полиции;
- экономическую амнистию;
- закрепление за каждым гражданином доли национальных богатств;
- увеличение открытости органов власти;
- введение электронных денег и переход к прямой демократии.

13 апреля 2017 года Мальцев был задержан в собственной квартире вг. Саратов, где после этого был проведен обыск. Представитель Басманного судаг. Москва заявил, что обыск прошел в рамках расследования уголовного дела о нападении неизвестных лиц на представителя власти во время антикоррупционного митинга 26 марта 2017 года, в котором участвовал В.В. Мальцев. Судебное заседание прошло в Тверском суде 14 апреля. Суд обвинил Мальцева в административном правонарушении — неповиновении сотрудникам полиции на антикоррупционном митинге 26 марта 2017 г. в Москве и отправил его под арест на 15 суток.

Во время антикоррупционного выступления 12 июня 2017 года В.В. Мальцев задержали в центре г. Москва, на следующий день политик был отправлен под арест на 10 суток за неповиновение сотрудникам полиции.

В конце июня – начале июля 2017 года Мальцев покинул Россию в связи с возбуждением против него уголовного дела по статье «Создание экстремистского сообщества». В июле этого же года Мальцев объявил о создании «Партии свободных людей». В это же время УФСБ России по г. Москва и Московской области заочно обвинило политика в призывах к экстремизму. Позднее стало известно, что он находится во Франции. Между тем Мальцев продолжает вести эфиры «Артподготовки» на интернет-портале YouTube и иных интернет-ресурсах.

10 октября 2017 года В.В. Мальцев был заочно арестован и объявлен в международный розыск, его обвиняют по статье «Публичные призывы к экстремистской деятельности». Вердикт вынес Мещанский суд г. Москва. А 26 октября 2017 года Красноярский краевой суд признал движение «Артподготовка» экстремистской организацией и запретил ее действие на территории Российской Федерации. С иском об этом и о запрете движения в суд обратился и. о. прокурора Красноярского края.

Мальцев с 2015 года призывал своих сторонников готовится к революции в России и назначил дату ее начала на 5 ноября 2017 года. В этот

день он призвал всех выступить на центральных площадях городов, протестовать против действующей власти и захватывать власть в свои руки[1].

К 21:00 5 ноября 2017 года, по всей России были задержаны 448 человек. В Москве больше всего задержанных – 339. В Санкт-Петербурге задержан 21 человек. Из задержанных в Москве 49 – несовершеннолетние.

Задержанных в Москве развезли по 25 отделам полиции: «Академический» (22 человека), «Арбат» (12), «Аэропорт» (21), «Бабушкинский» (20), «Басманный» (19), «Головинский» (8), «Коптево» (16), «Даниловский» (20), «Дорогомилово» (6), «Замоскворечье» (12), «Красносельский» (41), «Левобережный» (6), «Лосиноостровский» (2), «Марьина Роща» (23), «Мещанский» (19), «Коломенское» (20), «Лужники» (5), «Тропарево-Никулино» (16), «Преображенское» (3), «Пресненский» (20), «Таганский» (18), «Тверской» (25), «Хамовники» (24), «Хорошевский» (14), «Якиманка» (3)[2].

По первоначальным данным, задержанных в Москве допрашивают как свидетелей по уголовным делам по статьям 280 УК (по делу В.В. Мальцева о призывах к экстремистской деятельности), 205 УК (по делу сторонников движения «Артподготовка» о покушении на террористический акт) и 212 УК (массовые беспорядки).

Ранее сообщалось о возбуждении в Москве уголовного дела по статьям 318 УК (применение насилия в отношении представителя власти) и 228 УК (незаконное хранение наркотиков), в Санкт-Петербурге – по статье 205 УК (террористический акт).

Мы можем видеть, как интернет-проект политического блогера вывел на улицы десятки человек. Основная масса протестующих крайне правые экстремисты. Однако, судя по комментариям в социальных сетях, следовало ожидать более массовых акций, вооруженного сопротивления представителям правоохранительных органов[3].

1. Мы можем видеть действенную работу ФСБ России совместно с МВД России по задержанию наиболее радикально настроенных оппозиционеров готовых на вооруженную борьбу, террористические акты, массовые беспорядки. Можно утверждать, что правоохранители предотвратили беспорядки схожие со случившимися на Болотной площади в 2012 году.

2. В то же время превентивные меры, в частности блокировка интернет страниц с призывами к свержению конституционного строя смогли сократить количество участников акций.

---

[1] Последние видео новости [Электронный ресурс] / Артподготовка, 5112017.org: http://newsvideo.su/latest/artpodgotovka.info, свободный. (Дата обращения: 06.11.2017 г.)

[2] ОВД-Инфо [Электронный ресурс] / По данным на 21:00 задержано 448 человек: https://ovdinfo.org/express-news/2017/11/05/po-dannym-na-2100-zaderzhano-448-chelovek, свободный. (Дата обращения: 06.11.2017 г.)

[3] Социальная сеть «Вконтакте» [Электронный ресурс] / Революция в России 5.11.2017. События: https://vk.com/revolutioninrussianews, свободный. (Дата обращения: 06.11.2017 г.)

3. Своевременное широкое освящение СМИ задержаний сторонников В.В. Мальцева привели к тому, что многие мирные оппозиционеры увидели его планы по насильственному свержению власти и отказались от поддержки массовых беспорядков, в частности было отменено проведение Русского марша 04 ноября 2017 года.

Литература:

1. ФСБ задержала членов ячейки движения "Артподготовка", готовивших поджоги 4 и 5 ноября [Электронный ресурс] / ТАСС информационное агентство: http://tass.ru/proisshestviya/4701092, свободный. (Дата обращения: 06.11.2017 г.)

2. Социальная сеть «Facebook» [Электронный ресурс] / Артподготовка: https://www.facebook.com/ru.artpodgotovka/, свободный. (Дата обращения: 06.11.2017 г.)

3. Последние видео новости [Электронный ресурс] / Артподготовка, 5112017.org: http://newsvideo.su/latest/artpodgotovka.info, свободный. (Дата обращения: 06.11.2017 г.)

4. ОВД-Инфо [Электронный ресурс] / По данным на 21:00 задержано 448 человек: https://ovdinfo.org/express-news/2017/11/05/po-dannym-na-2100-zaderzhano-448-chelovek, свободный. (Дата обращения: 06.11.2017 г.)

5. Социальная сеть «Вконтакте» [Электронный ресурс] / Революция в России 5.11.2017. События: https://vk.com/revolutioninrussianews, свободный. (Дата обращения: 06.11.2017 г.)

Васильев Иван Александрович,
студент 2 курса юридического факультета
Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина
Алехин Виталий Петрович,
доцент кафедры уголовного права
Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина,
кандидат юридических наук, доцент

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация: в данной статье рассмотрено понятие экстремизм, и меры по борьбе с преступлениями экстремистской направленности. Annotation: in this article we will consider what such abuse is and in a personal state in the Russian criminal legislation

Ключевые слова:

Экстремизм, экстремистские материалы, экстремистская организация.

Проблема экстремизма актуальна в наше время.

Точное понятие экстремизма отсутствует в Российском законодательстве

В Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности дано понятие экстремисткой деятельности.[1]

Субъект преступлений – любое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет, за исключением преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 282 УК, субъект которого специальный – лицо, использующее свое служебное положение для совершения преступления

Объективная сторона состоит в публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности.

Состав преступления – формальный, оно признается оконченным с момента публичного призыва, даже если под его влиянием ни одно лицо не было вовлечено в экстремистскую деятельность.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом.

Объект преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие недопущение экстремистской деятельности.

Противодействие экстремистской деятельности основывается на следующих принципах:

• признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а равно законных интересов организации;

• законность;

• гласность;

• приоритет обеспечения безопасности Российской Федерации;

• приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности;

• сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности;

• неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности

Согласно официальной статистике с января 2017 года по сентябрь было совершенно 1189 преступлении экстремисткой направленности[2].

За данный вид преступления предусмотрена административная и уголовная ответственность

Административная ответственность предусмотренная Российским законодательством содержится в КОАП РФ в Главе 20 Статье 20.29 и в качестве санкции предусматривает административный арест или штраф[3]

Уголовная ответственность, предусмотренная Российским законодательством предусмотрена в УК РФ в главе 29 в статьях 282,282.1,282.2,282.3[4]

---

[1] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности

[2] http://crimestat.ru

[3] "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.10.2017)

[4] "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017

Рассмотрим опыт Европейских государств в борьбе с экстремизмом

Во Франции деятельность экстремистских организаций становится более активной и резко возросло количество террористических актов. В этой стране ужесточилось уголовные наказания.

Так, в Уголовном кодексе Франции значительно расширился круг лиц, к которым могут быть применены превентивные методы. Субъектами уголовной ответственности наряду с физическими лицами были признаны и юридические лица

Во Франции за совершение преступления террористической направленности предусмотрено наказание в виде пожизненного заключения, однако в отношении лиц, сотрудничающих с правоохранительными органами, действуют особые правила, предусматривающие срок лишения свободы до 20 лет.

Поскольку террористические акты часто совершаются иностранцами, профилактической мерой можно признать высылку граждан иностранного государства в случае волнений в стране, если у властей есть основания полагать, что их присутствие будет небезопасным для граждан. Выдворение нежелательных для государства иностранцев с французской территории может быть осуществлено на основании действия Закона Франции № 86-1019 "Об условиях въезда и пребывания иностранцев во Франции[1].

Что касается Итальянской Республики, то в целях борьбы с экстремисткой и террористической деятельностью используются *особые, способы расследования*. Как указывают некоторые авторы, эффективным может быть способ, например, использование агентов-провокаторов, отсрочка вынесения в отношении их постановления о задержании или об аресте с целью сбора ими как можно большего объема материалов для расследования. Ввиду чрезвычайной деликатности такого рода операций, законность их проведения определяется целым рядом недвусмысленных условий, предусмотренных Законом, среди которых в первую очередь следует назвать предварительное согласие магистрата (судьи). Эти меры предусмотрены исключительно для определенной категории преступлений и исчерпывающим образом перечислены в Законе. К ним относятся: вымогательство, незаконное лишение кого-либо свободы с целью получения выкупа, торговля оружием и наркотиками, а также отмывание денег.

В целях эффективной борьбы с террористической деятельностью итальянский законодатель предусматривает регламентированное уголовно-процессуальным и административным правом использование особых способов расследования, отличающихся от обычных.

---

[1] КобецП.Н.Законодательные основы предупреждения терроризма в европейских странах и необходимость совершенствования российского законодательства с учетом международного опыта // Международное публичное и частное право. 2009. № 1.

Большой проблемой является отсутствие конкретизирующего понятия экстремизма. Например, понятие экстремистской деятельности которое я указывал раннее в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности»

В силу весьма размытых формулировок данных статей они дают широкие возможности для трактовки. В связи с этим появляются уголовные дела в которых удается вменить обвиняемым то что совершили преступления экстремистской направленности хотя в их действиях отсутствовал не соответствовал составу преступления.

Примером судебной практики является дело эколога Валерия Бриниха.

Дело было возбуждено в декабре 2014 г. По версии следствия, Валерий Бриних стал автором экстремистского материала – статьи «Молчание ягнят», которая была посвящена экологическим проблемам, возникшим из-за деятельности свиноводческого комплекса в Теучежском районе Адыгеи. По мнению обвинителя, в статье негативно оценивалась группа лиц по признаку национальности – адыгейцы. Статья эколога была опубликована на ресурсе «Защита с обвинением не была согласна, заявляя, что оно абсурдно и нарушает принцип свободы слова и свободы выражения мнения[1].

После долгого судебного процесса, который длился почти три года, прокуратура отказалась от обвинения. Решающим аргументом стала экспертиза Института криминалистики ФСБ, которая не нашла признаков экстремизма. Текст содержит критику республиканских властей, но «критика лиц, осуществляющих политическую деятельность, является нормой в гражданском и демократическом обществе», говорится в заключении.

Журналистку смоленского портала Readovka.ru обвинили в нарушении административной статьи «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики». 28 февраля ее задержала полиция за пост во «ВКонтакте». Девушка опубликовала фотографию времен немецкой оккупации, на которой был изображен двор ее дома: на снимке виден нацистский флаг и группа немецких военных. Фотографию она взяла с исторического ресурса[2].

«Истоки экстремизма, так же, как и терроризма, коренятся в одних и тех же предпосылках: социально-экономические кризисы, резкое падение жизненного уровня основной массы населения, деформация и кризис самой власти — неспособной решать вопросы общественного развития, всяческое подавление властями оппозиции, преследование любого инакомыслия, политические амбиции националистически настроенных лидеров и т.д

Эффективная борьба с экстремистскими проявлениями и терроризмом возможна при проведении целенаправленной работы по предупреждению и искоренению причин, порождающих это социальное зло.

---

[1] https://ovdinfo.org

[2] http://www.bbc.com/russian

Важнейшим условием повышения эффективности противодействия экстремизму и терроризму является разработка общегосударственной комплексной программы, включающей не только правоохранительный, но и политический, социальный, экономический, правовой, идеологический, пропагандистский, информационный, силовой, специальный (оперативный, розыскной, технический, охранный) и другие аспекты по устранению социальных условий, способствующих развитию террористических операций с учетом их типологии, форм подготовки и проведения, а также мониторинга текущего состояния и прогнозирования развития терроризма[1].

На основе экспертизы действующего национального законодательства Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности, а также анализа международного законодательства, можно прийти к выводу о том, что на современном этапе одной из самых эффективных мер в противостоянии государства терроризму и экстремизму является совершенствование нормативно-правовой базы Российской Федерации.

Учитывая возрастающую роль СМИ в борьбе с терроризмом и экстремизмом, а также не проработанность этой проблемы в российском законодательстве, необходимо внести изменения и дополнения в законы о СМИ и о борьбе с терроризмом.

Эти изменения позволят конкретизировать ограничения распространения информации, имеющей значение для проведения контртеррористических операций. К такой информации, к примеру, как правило, можно отнести сведения раскрывающие методы, способы и технику совершения террористических актов, информацию о заложниках, сведения о сотрудниках антитеррористических спецподразделений, информацию, содержащую факты или предположения о намерениях и планах силовых структур.

Для эффективного противодействия нужны современные методы выявления, пресечения и борьбы с такого рода проблемами, необходимо совершенствовать разработки в области защиты национальных информационных ресурсов от посягательств из вне.

Также я считаю, что необходимо усиление информационного обмена между государственными органами, что подразумевает следующие меры:

усовершенствование специализированного банка данных об экстремистских организациях, их лидерах, основных тенденциях распространения данного явления в мире и т.д расширение круга доступа государственных органов к банку данных. Наряду с НАК РФ, ФСБ РФ, Прокуратурой РФ, МВД РФ, Следственным Комитетом РФ и МИД РФ к нему должен иметь доступ определенный круг сотрудников ряда других ведомств, в том числе министерство образования и т.д. а также региональные исполнительные власти; выделение дополнительных финансовых средств на техническое и ресурсное обеспечение данного банка данных. Также я считаю, что должна быть усилена ответственность за данный вид деяния.

[1] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2004 году.

Литература:
1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.10.2017
3. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017
4. Кобец П.Н. Законодательные основы предупреждения терроризма в европейских странах и необходимость совершенствования российского законодательства с учетом международного опыта // Международное публичное и частное право. 2009. №1.
5. http://crimestat.ru
6. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2004 году
7. http://www.bbc.com/russian
8. https://ovdinfo.org

Васильев Иван Александрович,
студент 2 курса юридического факультета
Кубанского государственного аграрного
университета имени И.Т. Трубилина
Васильев Дмитрий Александрович,
Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
Алехин Виталий Петрович,
доцент кафедры уголовного права
Кубанского государственного аграрного
университета имени И.Т. Трубилина,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ
TO THE QUESTION OF CO-OPERATION IN COMBATING TERRORISM

В статье рассматриваются основные моменты правовой природы законодательства в области борьбы с терроризмом, их существенные характеристики; проблемные моменты практической реализации и пути их решения;

The article deals with the main aspects of the legal nature of legislation in the field of combating terrorism, their essential characteristics; problematic moments of practical implementation and ways to solve them;

Ключевые слова: законодательство, терроризм, террорист, интернет, средства массовой информации.

Key words: legislation, terrorism, terrorist, the Internet, the media.

Одной из актуальных проблем современности является проблема борьбы с терроризмом. По определению Федерального закона "О противодействии терроризму" от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ Терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанная с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Так что же надо сделать для искоренения терроризма в России? Именно над этим вопросом работали многие ученые правоведы А. А. Моджорян, Л.В.Катрич, Бобкова Ф.Д., Будницкого О.В., Хлобустова О.М. и многих других, к чьим трудам я обращался при написании работы. Но наиболее интересной темой подлежащей бурному обсуждению в научных кругах, является вопрос: « Что является причиной побуждающих людей на совершение террористических актов?».

Ведь в свою очередь, стоит акцентировать внимание на том, что деятельность террористических организаций и различных преступных группировок в настоящее время продолжает оставаться серьезной причиной дестабилизации общественно-политической ситуации в Российской Федерации. Каждый день в той или иной точки земного шара происходят различные террористические акты. Так, за 2017 год произошло большое количество терактов - один из последних - это взрыв в Манчестере, который произошел 22 мая 2017 во время концерта американской певицы Арианны Гранде на городском стадионе "Манчестер Арена". В Санкт-Петербурге 3 апреля в вагоне метро в 14:30 между станциями подземки "Сенная площадь" и "Технологический институт" сработало взрывное устройство. Взрывчатку привел в действие Акбаржон Джалилов, который с 2011 года являлся гражданином РФ. 9 апреля 2017 года от рук террористов пострадали более 150 человек и почти 50 погибли во время взрыва в Египте. Так же в октябре было предотвращено 3 террористических акта на территории города Назрань (республика Ингушетия).

Органы государственной власти издали огромное количество нормативных правовых актов регулирующих основные направление борьбы с терроризмом: Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ; Стратегия национальной безопасности утвержденная Указом Президента Российской Федерации 31 декабря 2015 года № 683, и тд. Также было внесено огромное количество изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, касающихся борьбы с терроризмом. С 2006 г. по настоящее время мы наблюдаем переломные изменения и дополнения, вносимые в уголовно-правовые нормы о преступлениях террористического характера. Такие изменения характеризуются следующими основными особенностями: обновлением законодательных подходов к пониманию

привычных для правоприменителя составов преступлений (ст. 205 УК РФ в ред. Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ); выделением все новых форм терроризма и приданием им статуса самостоятельных преступлений (ст. 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 205.6 УК РФ); не всегда обоснованным и непротиворечивым ужесточением санкций за такого рода преступные посягательства. 2013 - 2016 годы примечателены дополнением российского уголовного закона сразу тремя составами преступлений террористического характера: ст. 205.3 «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности»; ст. 205.4 «Организация террористического сообщества и участие в нем»; ст. 205.5 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации» (все перечисленные статьи введены в УК РФ Федеральным законом от 6 ИЮЛЯ 2016 Г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Таким образом, фактически на данный момент отдельным проявлениям терроризма в нашем уголовном законодательстве посвящено целых 16 статей, не считая ст. 207 УК РФ о заведомо ложном сообщении об акте терроризма (ввиду отсутствия реальной угрозы террористического акта) и включая иные, содержащие составы преступлений, отнесенные к терроризму, исходя не из названий составов, а характера общественной опасности преступлений (ст. 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ) .Но даже учитывая такое огромное количество нормативно правовых актов, издаваемых органами государственной власти, вышеупомянутая проблема остается еще актуальной. Ведь почти каждый день с телевизионных экранов и из сети интернет мы видим, что в том или ином государстве происходят вышеупомянутые противоправные деяния, подрывающие демографическую составляющую отдельного государства, а вместе с тем, и морально этические устои его жителей.

По нашему мнению, следует учесть тот факт, что СМИ в свою очередь формируют определенную идеологию у граждан того или иного государства, ведь именно по этой причине СМИ называют 4 ветвью власти. Ведь стоит упомянуть, что по мнению определенных ученных правоведов страницы в соцсетях, являются СМИ, исходя из этой точки зрения законодатель пытался предпринять попытки по урегулированию данного вопрос но увы попытки оказались напрасны. Так, в 2014 года был принят «Закон о блогерах» (Федеральный закон № 97-ФЗ от 5 мая 2014 года), также известный как – российский федеральный закон, обязывающий авторов интернет-ресурсов (сайтов, блогов и пр.) с аудиторией «свыше 3000 пользователей в сутки» регистрироваться в Роскомнадзоре и накладывающий ряд ограничений на содержимое этих ресурсов. Принят, в 2014 году, фактически отменен в 2017 году. Потому как, в полной мере реализовать этот закон, увы, не удалось. Введу чего, появляется угроза формирования определенного рода менталитета у малообразованного круга граждан, которые

могут быть подвергнуты пагубному влиянию интернет пространства на их миропонимание.

По нашему мнению, следует обратиться к истории, ведь при внимательном взгляде на окружающую нас действительность мы убеждаемся, в том, что современные общественные отношения органически связаны с историческим прошлым и имеют историческую цикличность. Если рассматривать социальные явления в процессе их развития, в них всегда окажутся остатки минувшего, выражающие сущность настоящего и зачатки будущего. На основе накопленных знаний, традиций и навыков, история помогает современному поколению людей не повторять допущенные ранее ошибки и находить оптимальные решения злободневных социальных проблем сегодня, в том числе, и в части борьбы с терроризмом.

Следует отметить, что появление политического терроризма в России не было чем-то уникальным. Террористические идеи развивались в работах германских, итальянских, французских и других европейских радикалов, оказывавших заметное влияние на умы и настроения наших соотечественников, которые в полной мере проявлялись в их публичных высказываниях , примером которых в наши дни является выкладывание определенных «репостов» и «пабликов».

Ведь, мотивы терроризма - это не только насилие, нажива, месть... Ныне терроризм в значительной степени превратился в политический феномен, а мотивы совершения терактов стали в значительной степени политическими . Шпионаж иностранных государств, в свою очередь сформировал определенную идеологию наживы у граждан, не имеющих патриотической идеологии. Среди террористов есть уголовники, для которых политические требования лишь ширма, ведь они являются оружием в руках политиканов и религиозных экстремистских организаций. В ряде случаев, чтобы уменьшить ответственность террористов и вывести преступление из разряда международных, политический терроризм превращают из политического, в обычное уголовное преступление, основы которой заложены в умы людей через интернет. Ведь благодаря интернету и соцсетям происходит подбор определенных граждан, которые, в последствии становятся террористами.

Так, в Волжской области была задержана девушка, которая вербовала через социальные ресурсы "Вконтакте" и "Одноклассники" молодежь для совершения террористических актов. Известно, что под ее влияние попали 3 человека – из Волжского, Москвы и Астрахани.- Двое из них вылетели в Чечню, чтобы примкнуть к боевикам для участия в террористических актах, - сообщили "Комсомолке" в пресс-службе УФСБ региона. Их быстро удалось выявить, благодаря своевременной работе органов ФСБ. Сама преступница приняла ислам в 2011 году, в том же году она начала переписку в социальных сетях с молодыми людьми, рассказывая о том, что готова встать на путь смертницы и совершить самоподрыв. Она рассказы-

вала о том, что сама бывала на территории Чечни, где училась взрывному делу и готовилась к совершению террористического акта. Она предлагала своим собеседникам бороться с «неверными», встать на путь «джихада». В отношении девушки возбуждено уголовное дело по ч.1 ст. 205.1 УК РФ – «Содействие террористической деятельности», – сказал сотрудник пресс-службы УФСБ региона. - Сейчас выявляются другие лица, которые могли быть склонены обвиняемой к совершению террористических преступлений.

И эти случаи отнюдь не редки, можно часами приводить примеры из судебной практики, подтверждающих вышеупомянутые доводы. Но, увы, по нашему мнению, применяя вышеупомянутые меры, закрепленные в действующем российском законодательстве, направленном на пресечение террористических актов в полной мере искоренить терроризм в РФ не удастся. Именно поэтому, по нашему мнению, необходимо принять следующие меры: Восстановить применение смертной казни; Прибегнуть к французскому опыту, касающемуся пожизненному установлению электронных браслетов на лиц, находящихся в родственных связях с террористами, браслеты которых бы ограничивали и отслеживали перемещение данных лиц; Установление имущественной ответственности на родственников, лиц совершивших террористический. Конфескация всего зарегистрированного имущества у близких родственников, лиц, совершивших террористический акт. Усилить уровень гражданственности путем увеличения учебных дисциплин, запрещающих вторжение прозападного влияния, компрометирующего собственный государственный строй; Увеличить количество трудовых мест. По нашему мнению, реализуя указанные меры, появиться возможность искоренить терроризм раз и на всегда.

Литература:

1. ФЗ «О противодействии терроризму»: [федеральный закон: принят Гос.Думой 6 марта 2006 г]. № 35-ФЗ// Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1.

2. Клейменов М. П. Прогнозирование криминологической безопасности //Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / Под ред. А. И. Долговой. М., 2001. С.42

3. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017)

4. Бобков, Ф.Д. Как боролся с террором КГБ СССР // Российский кто есть кто. М., 2005, № 1, с. 56.

Лысенко Александр Михайлович,
аспирант 1 курса кафедры зарубежной истории,
политологии и международных отношений
Северо-Кавказского федерального университета

СПОРТИВНЫЙ ТЕРРОРИЗМ – НОВЫЙ ВЫЗОВ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В условиях глобализации одним из новых и наиболее важных вызовов нашего времени стал международный терроризм. Его объектом является личная и общественная безопасность, разрушение которой усиливает опасность неконтролируемых угроз для существования человечества.

В.В. Витюк и И.В. Данилевич выделяют несколько разновидностей терроризма:

1) социальный, или внутренний, преследующий цель коренного либо частичного изменения (сохранения) экономического или политического строя собственной страны. Он выступает в двух основных разновидностях - правой и левой, которые в своих идейно-политических устремлениях антагонистичны, но их сближает отрицательное отношение к существующей демократической системе;

2) националистический (этносепаратистский), вырастающий на почве территориальных притязаний и конфликтов и зачастую ставящий своей целью выделение национальной общности из более крупных государственных образований и обретение политической самостоятельности, борьбу против диктата инонациональных государств (или монополий);

3) религиозный, связанный с борьбой приверженцев одной религии с приверженцами другой либо с попыткой подорвать и низвергнуть светскую власть и утвердить религиозную.[1]

В последние годы терроризм стал охватывать все больше сфер жизнедеятельности людей, в результате чего следует выделить такое направление терроризма, как спортивный.

Наиболее активно «спортивные теракты» начало использовать «Исламское государство» (другие названия: «Исламское Государство Ирака и Сирии», «Исламское Государство Ирака и Леванта», «Исламское Государство Ирака и Шама»), которая признана террористической решением Верховного суда России 29 декабря 2014 г. и запрещена на территории Российской Федерации.

В 2015 году в Париже произошел самый крупный теракт за всю историю Франции, за организацию данного теракта взяло на себя ответственность «Исламское государство».

[1] Терроризм в современном мире: Истоки, сущность, направления и угрозы / отв. ред. В.В. Витюк, Э.А. Паин. М.: Институт социологии РАН, 2003. 358 с.

Террористические атаки начались с трех взрывов в районе футбольного стадиона Stade de France в Сен-Дени, в то время проходил товарищеский матч между сборными Франции и Германии. Не удивительно, что боевики выбрали именно это место, ведь стадион был заполнен, а это 80 000 человек, также на матче присутствовал президент Франции Франсуа Олланд, которого сразу эвакуировали в безопасное место, тогда как другие зрители и обе футбольные команды еще некоторое время после взрывов оставались заблокированными на стадионе. Взрывы совершили террористы-смертники – по данным префекта полиции Мишеля Кадо, при них были пояса шахидов.

Затем террористы обстреляли бар La Belle équipe на улице Шаронн, бар Le Carillon и ресторан Le Petit Cambodge на перекрестке улиц Биша и Алибер, пиццерия La Casa Nostra на улице де ла Фонтен дю Руа. Кроме того, на бульваре Вольтера еще один смертник произвел взрыв.

Также был захвачен концертный зал «Батаклан», в котором проходил концерт американской группы Eagles of Death Metal. На момент захвата в зале находилось 1500 человек. В ходе этой атаки погибло больше всего людей – по разным данным, от 78 до 100 человек. Операция по освобождению заложников продлилась около получаса, все трое террористов, удерживавших здание, были убиты.[1]

В результате данной террористической операции было уничтожено 8 террористов, как известно некоторые из них смертники, которые расстались со своей жизнью самостоятельно. Вечер в Париже унес жизни около 140 мирных жителей города.

Следующий террористический акт, произошедший 11 апреля 2017 г. в немецком городе Дортмунд.

Инцидент произошел перед непосредственным отъездом игроков из отеля к стадиону «Сигнал Идуна Парк» в Дортмунде, где в 21:45 час. должен был начаться первый четвертьфинальный матч Лиги чемпионов между «Боруссией» и «Монако». От детонации вылетели передние стекла автобуса.

В результате взрыва пострадал 26-летний испанский защитник «Боруссии» Марк Бартра, он доставлен в больницу. Польский футболист немецкой команды Лукаш Пищек сообщил, что взрыв произошел, когда игроки подходили к автобусу. «Когда мы направлялись к автобусу и проходили мимо припаркованных машин, произошел взрыв. Сейчас все в порядке. Осколок стекла угодил Марку Бартре в руку, его увезли в госпиталь», - сказал Пищек.[2]

---

[1] Ночь террора: в Париже произошел крупнейший в истории Франции теракт // РБК. URL: http://www.rbc.ru/society/14/11/2015/5646d3419a79474622766268 (дата обращения 14.11.2015 г.)

[2] Взрыв произошел рядом с автобусом футбольного клуба «Боруссия», есть пострадавший // ТАСС. URL: http://tass.ru/sport/4174819 (дата обращения 11.04.2017 г.)

Сам пострадавший вскоре после произошедшего события прокомментировал ситуацию следующим образом: «Семья - мое все. Они - моя причина бороться с худшими в моей жизни обстоятельствами, которых я никогда я никому не пожелаю. Боль, паника и непонимание происходящего и того, сколько это еще продлиться... эти 15 минут были самыми долгими и трудными в моей жизни. Тысячи людей - СМИ, разного рода организации, клуб и коллеги - дали мне силу двигаться дальше. Мне нужно было выговориться, чтобы вскоре быть готовым на 100 процентов».[1]

У всех этих событий есть определенная связь теракты, совершенные в Париже и в Дортмунде, возможно, были спланированы по национальному признаку, так как оба матча проходили между немецкими и французскими командами. Почему возникают такие предположения? Потому что 28 октября 2017 года в интернете появился постер с изображением главного тренера сборной Франции Дидье Дешама, где он назван «врагом Аллаха».[2]

Но это был только первой случай использования террористами подобной формы проявления угроз в виде постера в интернете. Подобные угрозы в свой адрес получили лучшие игроки мира Лионель Месси и Криштиану Роналду, а также коллажи, которые касаются чемпионата мира в России – 2018. На этих постерах изображены террористы, смотрящие на главную арену будущего чемпионата – московские «Лужники», а также одна из главных звезд предстоящего ЧМ – аргентинец Лионель Месси, который сидит за решеткой и из его глаз течет кровь. «На России скоро не будет врагов Аллаха. Огонь моджахедов сожжет вас», - такие лозунги сопровождают шокирующие плакаты с намеками на террористические атаки, которые могут произойти во время ЧМ-2018.[3]

На первый взгляд стандартные запугивания от террористов в преддверии масштабного спортивного события, но в случае с Россией опасения гораздо значимые. Ведь наша страна имеет большие масштабы и расстояния между города, что в свою очередь усложняет контроль над потенциальными действиями террористов. Очень важным фактором для волнения является то, что в России очень много сторонников организации ИГИЛ.

Таким образом, спортивный терроризм становится своеобразной силой в руках террористов, ведь население мира в буквальном смысле живет спортом, наполняет стадионы и близлежащие территории, организованные

---

[1] Бартра – о взрывах в Дортмунде: «Эти 15 минут были самыми трудными в моей жизни» // БОМБАРДИР. URL: https://bombardir.ru/news/503543 (дата обращения 14.04.2017 г.)

[2] Террористические группировки ИГИЛ угрожают Дешаму, считая его врагом Аллаха // sports.ru. URL: https://www.sports.ru/football/1056937474.html (дата обращения 28.10.2017 г.)

[3] ИГИЛ угрожает Месси: Почему чемпионат мира на России может стать «праздником террора» // depocектор. URL: https://sector.depo.ua/rus/football/chomu-chempionat-svitu-na-rosiyi-mozhe-stati-svyatom-teroru-20171026664412 (дата обращения 26.10.2017 г.)

для спортивного досуга, для террористов всегда было и есть важным масштаб их действий, а спортивные события таковыми являются. Уже совсем скоро на территории Российской Федерации пройдет чемпионат мира по футболу 2018 года, и террористические угрозы вызывают волнение. Нашим чиновникам необходимо усилить контроль над объектами турнира и повысить уровень безопасности, чтобы посещение турнира футбольными болельщиками было не опасным, подобный опыт у России как у страны-организатора имеется.

Машкина Татьяна Сергеевна,
студентка 4 курса юридического факультета КубГАУ
Научный руководитель:
Степанова Кристина Витальевна,
преподаватель кафедры уголовного права

КРИПТОВАЛЮТА КАК ИННОВАЦИЯ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА

В настоящее время все большее распространение получает «электронная валюта» Bitcoin (биткойн), представляющая собой виртуальное средство платежа и накопления (текстовую последовательность, состоящую из букв латинского алфавита и цифр). Криптовалюта не обеспечена реальной стоимостью, не содержит информации о ее держателях (все ее использование анонимно). При этом выпуск биткойнов может быть осуществлен любым пользователем, установившим на свой компьютер специальную программу.

Оборот биткойнов обеспечивают организации и предприниматели, осуществляющие прием криптовалюты в качестве средства платежа за оказанные услуги или предоставленный товар, либо трейдеры, которые обменивают их на различные валюты (рубли, доллары США и т.д.) на онлайн-биржах.

Настоящий инструмент перераспределения финансовых потоков не урегулирован российской правовой системой, а, следовательно, его обращение полностью децентрализовано. В России криптовалюта признана денежным суррогатом на основании ст.27 ФЗ «О центральном банке РФ» [1], вследствие чего запрещена к обращению и использованию на территории РФ.

Однако, с такой точкой зрения можно поспорить. В вышеуказанной статье 27 ФЗ «О центральном банке РФ», а также в ст. 128 ГК РФ указано, что деньги являются имуществом, наличные деньги – вещи, а безналичные денежные средства – иное имущество. А криптовалюта, в частности биткоин, обладает специфическими свойствами, благодаря которым не может быть денежным суррогатом, так не включает в себя признаки денег, а так

же не служит эквивалентом стоимости товаров и услуг. Кроме того, в информационном сообщении Росфинмониторинга "Об использовании криптовалют" от 06.02.2014 г. указано, что криптовалюты в силу децентрализации не имеют субъекта, обеспечивающего их условную платежеспособность, то есть по существу являются спекулятивным «товаром», не имеющим реальной ценности, однако способным иметь высокую спекулятивную ценность в силу своей анонимности и надежности транзакций [3].

Как известно, в магазинах оплатить товары биткоином не получится, а на анонимных интернет-площадках покупки совершаются исключительно биткоинами. Примером такой площадки может послужить «NORA.BIZ», так называемый «форум черной ITиндустрии». Площадка специализируется на продаже наркотиков различного рода, предоставлении работы «закладчикам», но кроме этого там присутствуют и магазину оружия, поддельных документов и т.д.

Доступ к сайту неоднократно закрывался Роскомнадзором, поэтому сайт находится в зоне onion анонимной сети Tor (TheOnionRouter, программное средство так называемой луковой маршрутизации), Анонимная сеть Tor примечательна тем, что сообщения в ней неоднократно шифруются и отсылаются через несколько сетевых узлов, называемых луковыми маршрутизаторами. Каждый такой маршрутизатор удаляет слой шифрования, чтобы открыть трассировочные инструкции и отослать сообщения на следующий маршрутизатор, где все повторяется. Из-за этого промежуточные узлы не знают источник, пункт назначения и содержание сообщения, а итоговый узел не знает ничего, кроме условного имени адресанта. И, учитывая, что эта интернет-площадка одна из множества других, тем более о некоторых известно лишь ограниченному кругу лиц, суммарных оборот площадок насчитывает невообразимые цифры, если, к примеру, суммарный оборот площадки SilkRoad с 2011 г. по 2013 г. (до момента задержания владельца ФБР), составил около 9,5 млн. биткоинов, что по курсу на настоящий момент составляет около 4 триллионов рублей.

В результате, можно сделать вывод, что криптовалюта может представлять реальную угрозу при использовании ее в анонимных сетях, по причине того, что она, во-первых, не перехватывается провайдером, во-вторых, не регулируется законом, в-третьих, используется анонимно.

Кроме того, в свой информации от 27.01.2014 г. «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн» ЦБ указал, что в связи с анонимным характером деятельности по выпуску «виртуальных валют» неограниченным кругом субъектов и по их использованию для совершения операций граждане и юридические лица могут быть, в том числе непреднамеренно, вовлечены в противоправную деятельность, включая финансирование терроризма. Кроме того, ЦБ предупреждает, что предоставление российскими юридическими лицами услуг по обмену «виртуальных валют» на рубли и иностранную валюту, а также

на товары (работы, услуги) будет рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций по финансированию терроризма [2].

Однако, в Российской Федерации невозможна борьба с такого рода деяниями, так как по сути статус криптовалюты не определен.

Именно поэтому считаем необходимым разработать нормативно-правовые акты, регулирующие статус криптовалют, правила их оборота и выпуска, правила декларирования доходов, полученных в результате купли-продажи, выпуска и т.п., также необходимо сделать деятельность субъектов, осуществляющих деятельность с криптовалютами, лицензируемой.

Необходимость таких мер обусловлена тем, что в настоящее время не существует критериев отличия незаконного использования от законного, только после установления правил легального оборота можно успешно бороться с оборотом нелегальным, в том числе с финансированием террористической деятельности.

Кроме того, межправительственная организация ФАТФ в своем докладе «Новые террористические риски» отмечает, что цифровые валюты привлекли террористов и преступников, потому что они предлагают анонимность транзакций и пользователей, скорость сделок, низкую волатильность и надежность [4]. Правоохранительные органы заметили, что некоторые террористические веб-сайты используют биткоины для приема пожертвований. Власти также обнаружили в онлайн-дискуссиях среди террористов, что те использовали виртуальную валюту для покупки оружия. Одно из подразделений ИГИЛ (ISIL) ранее предложило использовать Bitcoin для поддержки терроризма.

В докладе приводится недавний случай, когда подросток из Вирджинии Али Шукри Амина, который был арестован за использование Twitter для продвижения терроризма, инструктировал людей, как использовать Биткоин. У Амина в Twitter было более 4000 последователей.

Помимо этого, в 2015 году были обнаружены счета террористической группировки «Исламское государство» в биткоинах на 3 млн долларов, также было выявлено, что доля виртуальных валют достигает 1-3 % от общего объема незаконных доходов ИГ, что эквивалентно 4,7-15,6 млн долларов.

Став легализованной государством криптовалюта, потеряет свою актуальность среди террористических организаций, ввиду того, что все транзакции потеряют былую анонимность и на них будут распространяться те же правила, что и на транзакции с денежными средства, при таких обстоятельства незаконные операции будут в поле зрения правоохранительных органов.

Таким образом, мы приходим к выводу, что криптовалюта – это явление, которое уже на протяжении более трех лет не только удерживает свое положение в распределении финансовых потоков, но и становится бо-

лее популярнее, на что указывает стремительно растущий рост ее курса по отношению к другим валютам. Это означает, что возможность ее использования террористическими организациями становится все больше за счет привлекающей их анонимности использования такого источника финансирования. При таких обстоятельствах складывается ситуация, при которой не избежать необходимости разработки нормативного регулирования статуса и оборота криптовалюты. Чем раньше законодатель придет к такому выводу, тем больше вероятность предотвратить негативные явления, которые может породить децентрализованный характер криптовалюты.

Литература:

1. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 18.07.2017) "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.09.2017) // http://www.pravo.gov.ru - 01.07.2017)
2. Информация ЦБ РФ от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн» // https://www.cbr.ru/press/PR/?file=27012014_1825052.htm
3. Информационное сообщение Росфинмониторинга «Об использовании криптовалют» от 06.02.2014 // http://www.fedsfm.ru/news/957
4. Доклад ФАТФ «Новые террористические риски» // http://www.eurasiangroup.org/ru/

Некрасова Анастасия Владимировна,
курсант 3 курса факультета по подготовке специалистов
для подразделений ООП и ООБ
Краснодарского университета МВД РФ
Научный руководитель:
Самойлов Сергей Федорович,
начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД РФ,
доктор философских наук, профессор

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В СРЕДЕ РОССИЙСКИХ ПРАВОРАДИКАЛОВ

Праворадикализм представляет собой сложное явление, в котором имеют место две идеологические противоположности. Первая противоположность заключается в том, что праворадикализм может быть как социальным, так и политическим. Специфика социального праворадикализма заключается в рассмотрении индивидом себя, прежде всего как представителя определенной расы и нации, с одновременным необоснованным обвинением в своих проблемах представителей других национальностей и

рас. Социальный праворадикализм, как правило, спонтанен и ситуативен как, например, массовое недовольство «засильем кавказцев» на рынках, бытовой антисемитизм, негативное отношение к иммигрантам и т.д. Он создает программу действий только либо в предельно общем виде: «Россия для русских», либо, напротив, он предельно конкретен: «отомстим за смерть такого-то, убьем всех (кавказцев, евреев, цыган и т. д.). С.Ф. Самойлов отмечал, что «в обоих случаях социальному праворадикализму не свойственно формирование целостной картины социально-политической жизни, раскрытие закономерностей ее развития, разработка детальной программы действий, как индивида, так и социальной группы. Все эти задачи решаются уже политическим праворадикализмом»[1].

Противоречия меду социальным и политическим праворадикализмом проявляются в том, что носители социальной идеологии – участники движениян-скинхедов, ультраправые футбольные фанаты, некоторые автономные праворадикалы не способны к устойчивой политической деятельности и не способны к созданию устойчивых и перспективных организаций в социально-политическом плане. С другой стороны, члены ультраправых организаций не способны сформулировать простые и понятные лозунги, реалистичную программу действий, которые могли бы объединить потенциальный электорат праворадикального движения в единое целое.

Несмотря на существенные различия между социальным и политическим праворадикализмом между ними есть нечто общее, оно заключается в их ксенофобском характере, который перекладывает ответственность на представителей других наций и стран. По этой причине политический праворадикализм, несмотря на свою нацеленность на кардинальное переустройство социально-политической жизни, сопряженное с насилием и войной, пользуется, пусть и незначительной, социальной поддержкой.

Второе противоречие, свойственное праворадикализму заключается в выборе важнейшей ценности данного мировоззрения. В качестве таковой может быть выбрана как раса, так и нация, в зависимости от этого идеология праворадикализма может иметь либо расистский, либо националистический характер. Конечно же, расизм вполне может уживаться с национализмом, однако соединение данных идеологических установок приемлемо далеко не для всех участников праворадикального движения, что, в частности, проявилось в различии оценок событий на Украине в среде российских ультраправых. Несмотря на данное противоречие, праворадикальное движение вбирает в себя и расизм, и чистый национализм. Причина этого опять-таки кроется в единой природе обоих идеологических противоречий, которую можно определить как этноцентризм. Под этноцентризмом следу-

[1] Самойлов С.Ф., Тимофеева Н.И. Социально-политическая стратегия автономных праворадикалов. Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2015. С. 168-172.

ет понимать рассмотрение своего социального окружения через призму представлений, ценностей и норм своей этнической общности с одновременным недоверием или враждебностью по отношению к представителям других этносов. Таким образом, этноцентризм, как в форме расизма, так и в форме национализма, генетически близок ксенофобии. Благодаря этому, праворадикальная идеология, несмотря на все многообразие своих форм, имеет единый связующий центр – ненависть к представителям других этносов.

Теперь, когда определены принципы придающие целостность праворадикальной идеологии, необходимо указать основные идеологические различия, существующие в современном российском праворадикальном движении. Эти различия приводят к возникновению нескольких идеологических течений внутри праворадикального движения, которые представлены большим количеством политических организаций. Важнейшими из них следует признать:

1. Национал-традиционализм – течение в русском национализме, ориентированное на идеи монархизма, православного фундаментализма и империализма. Большинство национал-традиционалистов выступает за ликвидацию национальных автономий и присоединение к России территорий населенных преимущественно русскими, а также за вхождение в ее состав Белоруссии и Украины. В настоящее время национал-традиционализм представлен такими политическими организациями, как Российское имперское движение (РИД), Русский общенациональный союз (РОНС), Российский имперский союз (РИС).

2. Национал-республиканство – течение в русском национализме, выступающие за создание в России авторитарного и унитарного государства. В качестве образца социально-политического и экономической модели развития признает китайскую модель. Большинство национал-республиканцев нетерпимо относится к космополитизму и интернационализму. Важнейшими партиями национал-республиканцев в разное время являлись: Российская народная партия России (РНПР), Национал-республиканская партия России (НРПР), Партия Свободы (ПС).

3. Национал-демократия– течение в русском национализме, представляющее собой сочетающие черты националистической и либерально-демократической идеологии. Основной целью национал-демократии является «переформатирование» Российской Федерации, создание на ее базе русского национального государства, состоящего из новых административных единиц, созданных по географическому принципу и не предполагающих национальных автономий.

4. Национал-социализм – перенесенная на почву русского национализма идеология гитлеровской Германии, представляющая собой соединение социализма с национализмом и расизмом. В настоящее время российского национал-социализма имеет место несколько идеологических кон-

цепций, предлагающих русскую версию гитлеровской идеологии. Различие между ними определяется соотношением между национализмом и расизмом, отношением к православию, оценкой гитлеризма и т.д. Одной из разновидностей российского национал социализма является так называемый русизм.

С.Ф. Самойлов, отмечая важность данной проблеме в современном обществе полагал, что «сложность идеологии и организации современно праворадикального движения позволяет ввести понятие праворадикальной среды охватывающую собой все многообразие идеологических доктрин и социально-политических объединений националистического и расистского характера»[1].

События на Украине оказали существенное воздействие на праворадикальное движение в России. Сила этого воздействия столь мощной, что появились основания утверждать о наличии идеологического раскола праворадикальной среды . Внешне это выразилось:

– в ожесточенной идеологической полемике между различными националистическими организациями ;

– в участии представителей националистических организаций и группировок в вооруженных формированиях как Украины, так и Новороссии;

– в выходе ряда организаций из объединения «Русские»;

– в проведении в Москве 04.11.2014 двух «Русских маршей» под диаметрально противоположными лозунгами, что свидетельствует о наличии разногласий в националистическом движении.

Причина поляризации мнений участников праворадикального движения в оценке событий на Украине не является случайной и связана с идеологической двойственностью самой праворадикальной среды. И действительно, ее идеологическую базу составляют два близких по характеру, но вместе с тем различных принципа. Первый принцип связан с рассмотрением в качестве высшей ценности нации, второй – с признанием в качестве таковой белой расы. И хотя объединяющим началом для обеих ценностей является принцип этноцентризма, между ними есть кардинальное и не столько, теоретическое, сколько практическое различие. Сталкиваясь с необходимостью, решать вопрос: какую из противоборствующих сторон украинского кризиса ему следует поддерживать, праворадикал вынужден сначала определить, что для него обладает большей ценностью: национальная или расовая идентичность .

Следует подчеркнуть, что решение данного вопроса осуществляется на организационном, идеологическом и личностном уровнях. На организационном уровне раскол праворадикального движения проявился в уже упомянутом выходе из объединения «Русские» НСИ и РИД . При этом необходимо подчеркнуть, что данные организации находятся на различных

[1] Самойлов С.Ф., Насиров М.Н. К проблеме различения понятий социального и политического радикализма. Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2. С. 13-17.

идеологических платформах. Так, РИД можно уверенно отнести к национал-традиционализму, тогда как идеологической базой НСИ, несмотря на все на все попытки ее конспирации, несомненно, является национал-социализм. Поэтому если для РИД поддержка Новороссии является естественной, то для НСИ она не столь идеологически закономерна, поскольку большинство национал-социалистических групп и организаций поддерживают украинских националистов. Во многом это связано с тем, что НСИ видит в гитлеризме прежде всего националистическое, а затем уже расовое учение. Организационный раскол в праворадикальной среде может проходить не только в межпартийных объединениях, но и внутри организаций. Например, один из участников нацистской группировки «Реструкт» Роман Железнов был исключен из нее за связь с украинским националистическим движением «Правый сектор» и непосредственное участие в военных действиях в составе батальона «Азов». Скорее всего, Железнов является не единственным членом «Реструкта», воюющем на Юго-Востоке Украины на стороне официальных властей. При этом глава этой организации Максим Марцинкевич резко отрицательно отнеся к действиям своего бывшего соратника. В целом организационный раскол в российском праворадикальном движении выглядит следующим образом: РОНС (Российский общенациональный союз), НДП (Национально–демократическая партия), ЭПО «Русские» в конфликте на Донбассе поддерживают Украину, тогда как в РИД (Российское имперское движение), НСИ (Национал-социалистическая инициатива), МЕД (Международное Евразийское движение) поддерживают ДНР и ЛНР.

Личностный уровень раскола среди участников праворадикального движения также принял серьезные масштабы. Так, по словам Дмитрия Демушкина на Донбассе имели место случаи, когда знакомые русские националисты стреляли друг в друга. Данный и подобные ему факты вызывают серьезную озабоченность среди российской правоохранительной системы, в первую очередь потому, что противостояние между праворадикалами может вылиться на улицы российских городов и ухудшить криминогенную обстановку в стране. Стремятся избегнуть обострения отношений внутри праворадикального движения и его лидеры, но уже по совсем другим мотивам. В частности, тот же Демушкин предпринимает все доступные ему меры по сглаживанию противоречий между праворадикальными партиями и группировками, возникших в связи украинским кризисом.

В целом можно утверждать, что всплеск идеологического противостояния в среде российских праворадикалов по вопросу отношения к кризису на Украине прошел. Скорее всего, мощного силового противостояния между праворадикальными группировками не будет. В целом праворадикальное движение выходит из украинского кризиса ослабленным. Собственно националистические лозунги не пользуются популярностью среди широких социальных слоев. В этой ситуации единственным способом для праворадикалов вернуть утраченные позиции будет разыгрывание эконо-

мической карты, т.е. организация социальных протестов под лозунгами улучшения экономической ситуации в стране. Отсюда следует, что в ближайшее время праворадикальные силы будут искать пути усиления своей социальной деятельности. Для этого, в случае резкого ухудшения экономической ситуации, будет временно консолидироваться с либеральной оппозицией, чтобы стать одной из сил протестного движения.

Литература:

1. Беликов С.В. Бритоголовые // Молодежные субкультуры Москвы / сост. Д.В. Громов, отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009.

2. Антипов А., Харламов В. Виды неформальных молодежных объединений экстремистской направленности (на примере Санкт-Петербурга) // Профессионал: Популярно-правовой альманах МВД России. 2008. № 2 (82).

3. Дельцова Т.Ю. Молодежная субкультура России начала XXI в.: тенденция экстремизма // Изв. выс. учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2006. № 4.

4. Самойлов С.Ф., Насиров М.Н. К проблеме различения понятий социального и политического радикализма. Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2. С. 13-17.

5. Самойлов С.Ф., Тимофеева Н.И. Социально-политическая стратегия автономных праворадикалов. Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2015. С. 168-172.

Усманов Ильгиз Миншакирович,
курсант 042 учебной группы
факультета подготовки специалистов по программам высшего образования
Казанского юридического института МВД России
Усманова Назиля Мунировна,
курсант 042 взвода,
факультет подготовки специалистов по программам высшего образования,
Казанский юридический институт МВД России

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ПРОФИЛАКТИКА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Противодействие политическому, молодежному и религиозному экстремизму является одной из важнейших проблем на современном этапе не только в нашей стране, но и во всем мире. Агрессивно настроенные группировки выбирают, прежде всего, национализм или разного рода экстремизм, чтобы прорекламировать себя. Этим они удовлетворяют свои амбиции в политической борьбе за власть и влияние. Это обусловлено тем, что экстремизм во всех его проявлениях ведет к нарушению гражданского ми-

ра и согласия, подрывает общественную безопасность и государственную целостность Российской Федерации, создает реальную угрозу сохранению основ конституционного строя, межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия[1].

Статистические данные показывают, что имеет место рост численности радикальных группировок, основанных на идеологии национальной, расовой и религиозной нетерпимости, отмечается возрастание количества разнообразных экстремистских проявлений, увеличивается количество протестных акций, несанкционированных митингов, пикетирований и шествий. Вызывает значительный общественный резонанс деятельность деструктивных сект, молодежных неформальных объединений радикальной направленности (неонацисты, "скинхеды", футбольные фанаты). Растет и число преступных проявлений экстремизма и терроризма. Так, если в 2011 году в Российской Федерации было зарегистрировано 622 преступления террористического характера и 622 преступления экстремистской направленности, то в 2012 году - 637 и 696; в 2013 г. – 661 и 896, в 2014 г. 1127 и 1024, в 2015 г. - 1531 и 1308, в 2016 г. – 2227 и 1499, а за 8 месяцев 2017 г.- 1394 и 1071 соответственно[2].Так, за 8 месяцев 2017 г. на территории России правоохранительными органами за совершение преступлений экстремистской направленности было выявлено 646 человек, террористического характера - 579 преступников. В целом же общее количество выявленных лиц, причастных к совершению преступлений экстремистской направленности, в России с 2005 по 2017 г. превышает 5000 человек[3].

С развитием современных «Интернет» технологий, увеличением скорости передачи информации, усовершенствованием программного обеспечения, экстремистские сообщества перешли на более высокий уровень организации, стали активно использовать международную сеть «Интернет», как инструмент вербовки и привлечения в свои ряды все больше и больше сторонников. Представители деструктивных организаций и движений используют сеть «Интернет» в целях разжигания межнациональной, расовой и религиозной вражды, создания информационных порталов, искажающих новости и формирующих «нужное» общественное мнение. В результате чего происходит постепенное врастание экстремистской идеологии в повседневную жизнь.

---

[1] См.: Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 N Пр-2753)//http://www.scrf.gov.ru. (дата обращения: 09.09.2016г.).

[2] Статистические данные взяты из экспресс-информации ГИАЦ МВД РФ «Отчет о преступлениях террористического характера, экстремистской направленности и связанных с террористической деятельностью» за период с 2006 по 2016 гг., а также за 8 месяцев 2017 года. URL: http: //10.5.0.16/csi/ (дата обращения: 06.09.2017 года).

[3] Статистические данные взяты из экспресс-информации ГИАЦ МВД РФ «Отчет о преступлениях террористического характера, экстремистской направленности и связанных с террористической деятельностью» за период с 2006 по 2016 гг., а также за 8 месяцев 2017 года. URL: http: //10.5.0.16/csi/ (дата обращения: 06.09.2017 года).

Первоначально Интернет регулировался только законами «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124-1, Федеральным законом «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ и Федеральным законом от 27.07.2006 №149-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», то есть теми, которые действовали и вне Сети[1]. Это порождало ряд проблем: часто было сложно установить автора и источник экстремистского контента, и не была законодательно закреплена ответственность дальнейших распространителей «вредной» информации. Кроме того, не были ясны роли хостинг-провайдеров, которые предоставляли место для экстремистского контента, а также интернет-провайдеров, которые не блокировали к нему доступ.

С использованием возможностей специализированных подразделений органов внутренних дел фиксируются действия виновных лиц, обеспечивается обнаружение фиксация и изъятие следов преступления и т.д.

Полнота и качество документирования экстремисткой деятельности в сети «Интернет» во многом определяет успешное раскрытие и расследование преступлений указанной категории. Основной целью при этом является не только выявление, установление и задержание лиц, причастных экстремистской деятельности, но и фиксация всех обстоятельств, связанных с этой деятельностью, проверка их достоверности в целях дальнейшего использования в ходе легализации накопленных материалов.

В соответствии с частями 3-5 ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2] Правительство Российской Федерации приняло постановление, утвердившее Правила создания, формирования и ведения единой автоматизированной информационной системы «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено»[3].

---

[1] Закон Российской Федерации от 27.12.1991 №2124-1 (ред. от 03.07.2016) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016); Федеральный закон от 07.07.2003 №126-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О связи»; Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ(ред. от 06.07.2016) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

[2] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собр. законодательства РФ. – 2006. - №31(1ч.). – Ст.3448.

[3] См.: Постановление Правительства РФ от 26 октября 2012 г. № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещен» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 44. Ст. 6044.

Основаниями для включения в единый реестр доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие запрещенную информацию экстремистского характера, являются вступившее в законную силу решение суда о признании информации, распространяемой посредством сети «Интернет», запрещенной информацией, а равно решение Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в отношении информации, распространяемой посредством сети «Интернет», решение о запрете к распространению которой на территории Российской Федерации уже принято судом.

При выявлении противоправных действий в сети «Интернет», в первую очередь следует установить IP-адрес, доменное имя сайта и физическое место расположения сервера, а также организацию, зарегистрировавшую доменное имя сайта, на котором размещена противоправная информация.

Для получения информации о владельцах и администраторах доменных имен следует обратиться к организации, зарегистрировавшей доменные имена интересующих сайтов. Наиболее популярными регистраторами доменных имен в Российской Федерации являются: ЗАО «Региональный сетевой информационный центр», ООО «Регистратор доменных имен РЕГ.РУ», ООО «Регтайм», ЗАО «Регистратор», ООО «СэйлНэймс» и др.

Установить IP-адреса пользователя (оборудования), которое использовалось при совершении противоправных действий в сети «Интернет», возможно запросив владельцев и администраторов доменных имен (сайтов).

Установить провайдера, предоставляющего услуги связи пользователям, использующим интересующий IP-адрес, возможно при помощи сервисов доменных зон domw.net, whois-service.ru и др.

Для получения сведений о конечных пользователях интересующего IP - адреса, необходимо запросить Интернет-провайдера, присвоившего конкретный IP-адрес.

В случае выявления фактов распространения экстремистских материалов, внесенных в опубликованный список экстремистских материалов Министерства юстиции Российской Федерации, необходимо обратить внимание на то, что состав преступления, предусмотренный ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации образует лишь прямая направленность умысла лица, распространяющего данные материалы. В случаях отсутствия прямого умысла, распространение экстремистских материалов является административным правонарушением, ответственность за которое предусмотрена ст. 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

При выявлении фактов публикаций в сети «Интернет» материалов, содержащих признаки экстремизма, необходимо точно квалифицировать

указанное противоправное деяние с целью организации максимально полного предварительного исследования и постановки перед экспертами исчерпывающих вопросов.

В случаях, когда противоправное деяние экстремистской направленности связано с нарушением уже вступившего в силу решения суда, необходимо получить заверенную копию решения судебной инстанции, которая в дальнейшем ляжет в основу доказательной базы материалов проверки.

Для признания материала экстремистским, а также в целях документирования фактов противоправной деятельности необходимо проведение предварительного исследования, к которому могут привлекаться эксперты из различных областей знаний. В связи с этим необходимо учитывать предмет, объекты и задачи назначаемых предварительных исследований и экспертиз, которые подробно расписаны на Интернет-ресурсе ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России по адресу: sudexpert.ru/possib/lingv.php.

Значительную роль на данном этапе документирования играет участие специалиста и заключение эксперта о нахождении на сервере интересующей информации. Также подобная информация, расположенная в сети «Интернет», в тех же целях может быть зафиксирована в ходе осмотра с участием понятых при помощи фото и видеосъемки изображения на мониторе ПЭВМ, а его описание должно быть отражено в протоколе осмотра и подписано понятыми и участниками осмотра.

Для доказывания экстремистской деятельности после соответствующей проверки с соблюдением положений главы 11 УПК Российской Федерации могут использоваться и иные данные, полученные в результате оперативно-разыскной деятельности. Порядок представления результатов оперативно-разыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, регулируется согласованной с Генеральной прокуратурой Российской Федерации инструкцией, утвержденной приказом МВД России от 27 сентября 2013 г. №776.

Перед правоохранительными органами и в первую очередь перед органами внутренних дел, как наиболее многочисленному и максимально приближенному к населению, стоит задача в полной мере использовать все возможности, которые им предоставляет законодательство в деле предупреждения распространения экстремистской идеологии, а также пресечения экстремистских проявлений со стороны отдельных граждан, групп, и организаций. Очевидно, что изучение вопросов противодействия и профилактики распространения экстремизма в сети Интернет целесообразно осуществлять в рамках уже существующих учебных курсов с привлечением в учебный процесс практических сотрудников правоохранительных органов осуществляющих соответствующую деятельность.

Своевременное выявление преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, позволит не только предотвратить распространение экстремистской идеологии, но воспрепятствовать вербовке новых членов экстремистских сообществ и организаций.

Варданян Елена Артаваздовна,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин РЮИ МВД РФ,
кандидат философских наук

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЕДИНКИ КАК СПОСОБ ОСМЫСЛЕНИЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Формирование осознанной гражданской позиции, идейного убеждения в правильности выбранного государственного курса, самостоятельного мышления обучающихся в процессе изучения философских, политических и идеологических течений современности является непосредственной задачей преподавателя в высших учебных заведениях органов внутренних дел. Эффективность целевого учебного процесса и формирование уровня осознанности находится в прямой зависимости от использования современных методик преподавания, существенным аспектом которых является активное вовлечение учащихся к самостоятельному поиску дополнительных знаний и интерактивные подходы к передаче необходимой информации.

Каким образом можно сформулировать учебные задачи для стимулирования самостоятельной работы и изучения новых тем, формирования политико-правового мышления, основанного на приоритете общечеловеческих ценностей, господства права и закона во всех сферах человеческой жизни? Какие рекомендации дать обучающимся, чтобы способствовать развитию осознанного подхода к анализу современной политической обстановки, отказу от догм и идеологических стереотипов, противоречащих идеологии государства? Как сделать так, чтобы изучаемые учебные темы в политологии интриговали и заинтересовывали обучаемых, мотивировали к поиску дополнительной информации и, как следствие, формировали осознанную гражданскую позицию?

Современные требования к передаче информации диктуют новые форматы учебного процесса. Так, например, Бенджамин Блум, психолог Университета в Чикаго, еще в 1956 году предложил свой метод оценки успешности обучения - таксономию, которая определяет шесть навыков когнитивного развития мышления. Цели образования, по мнению Блума, должны быть направлены на три области: когнитивную – соблюдение требований к освоению содержания предмета (»знаю»), психомоторную – развитие двигательной, нервно-мышечной деятельности («чувствую/понимаю») и аффективную («создаю») – эмоционально-ценностное отношение к изучаемому материалу. Таксономия Блума ориентирует деятельность педагога к разработке задач различного уровня, чтобы достичь соответствующих результатов усвоения знания: помнить, понимать, применять, анализировать, оценивать и создавать. Подход Блума к образова-

тельному процессу позволяет зафиксировать, что для достижения стойких результатов обучения необходимо направить обучаемого на конкретные действия, свидетельствую о достижении заданного уровня знаний.[1]Татьяна Черниговская, российский ученый в области нейронауки и психолингвистики утверждает, что исследования мозга изменят жизнь в 21 веке и формирование осознанности происходит в условиях быстроменяющегося отражения новой картины мира, не поддающейся своевременному осмыслению в философии, психологии и педагогике[2].

Открытия когнитивной психологии в образовательной практике[3], методы организационно-деятельностных игр (учебных и моделирующих игр), успешная практика коучингового подхода к обучению с целью активизации самостоятельного мышления, адаптация технологий психолого-педагогического обучения взрослых (андрагогики) с учетом особенностей процесса обучения в условиях высоких требований и физических нагрузок в юридических вузах органов внутренних дел позволяют предложить новый формат обучения – проведение «идеологических поединков» на основе изучаемого содержательного материала социально-политических дисциплин в целях формирования у обучаемых собственной картины мира и обнаружения в учебном материале новых уровней смысла, в том числе соотнесение нового материала с тем, что уже известно, объяснение того, как он связан с реальной жизнью.

Суть проведения занятия в формате «поединков» заключается в создании сценария ролевой игры и проведении активного диалога между его участниками. Каждый из участников получает свою роль, видение конфликтной или учебной задачи из этой роли, определение цели, которую игрок должен достичь в результате проведенного диалога. За диалогом наблюдают эксперты, перед каждым из которых поставлены аналитические задачи, определены критерии суждения и выставления оценок.

Поединки – это интеллектуальное публичное единоборство двух игроков, где каждый стремиться показать свое мастерство в решении заданной задачи и продемонстрировать имеющиеся знания, умение глубоко видеть ситуацию, задавать содержательные вопросы, навыки убеждать и слышать другого. По окончании поединков эксперты выносят решения о преимуществах, удачных ходах и ошибках каждого участника и кратко объясняют свой выбор. Участники имеют возможность учиться на комментариях экспертов.

---

[1] Б. Блум. Таксономия образовательных целей: сфера познания. 1956. Электронная версия перевода на www.intuit.ru

[2] Т. Черниговская. Как мы мыслим? Разноязычие и кибернетика мозга. Публичные лекции на www.polit.ru

[3] П. Брайн. Запомнить все: усвоение знаний без скуки и зубрежки. Альпина Паблишер. 2015.

За основу проведения занятий в формате «Идеологических поединков» взята авторская социальная технология «Управленческие поединки», разработанная В.К. Тарасовым (Школа управленческой борьбы, г. Таллинн) и применяемая для обучения развития и оценки руководителей и кадрового резерва различных организаций[1]. Технология впервые была применена в 1982 году, а уже в 1992 году была признана технологией мирового уровня для обучения и совершенствования деятельности отраслевых профессионалов. В настоящее время технология вышла за рамки только учебных аудиторий и проводится в формате чемпионатов, инициируемых Федерацией управленческих поединков, как в России, так и в других странах.

Сценарная задача в отношении проведения «Идеологических поединков» определена как возможность выступления учащегося с утверждением позиции «Мы лучшая идеология для новой России», исходя из содержательного плана занятий. Например, при изучении темы «Социально-политическая мысль в России» учащиеся-игроки готовили ролевые позиции по вопросам сущности русского радикализма, консерватизма, либерализма; по вопросам раскрытия темы «Современные политические идеологии и течения» основное содержание современных идей либерализма/ неолиберализма, консерватизма/неоконсерватизма, правого и левого радикализма. При освоении темы «Политические партии, общественно-политические организации и движения в политической жизни общества» игроки выступали от имени партийных активистов парламентских партий современной России.

В раскрытии темы основному игроку помогает «секундант». Его задача отслеживать при проведении «поединка» позицию оппонента и, поддерживая основного игрока, вступать в дискуссию по заявленным оппонентам идеологическим позициям.

Не менее важная роль принадлежит экспертам каждого поединка. Экспертные позиции распределены по трем важным аспектам усвоения знаний – «знаю»(1), «чувствую/понимаю»(2), «создаю»(3): умение оценить содержательность выступления (1); умение оценить соблюдение формальных требований (2); умение оценить ораторское мастерство, убедительность выступающего, новизну ценность и практическую применимость транслируемой информации.

В каждой позиции решение принимают по три эксперта, с обязательной аргументацией своей точки зрения по заданным экспертным параметрам.

Необходимость ограничения «разноправленности» и «расфокусированности» суждения обучающихся-экспертов, методология экспертной работы предусматривает контрвариативность с целью оценить как положи-

[1] В.К. Тарасов. «Искусство управленческой борьбы. Технологии перехвата и удержания управления. Добрая книга. 2014

тельные , так и отрицательные стороны каждого игроков, развития навыка альтернативного мышления, умения видеть позитивные и негативные последствия в каждом заданной позиции. Таким образом, единой позиции оценки игрока или идеологической платформы у экспертов быть не может. Объективная оценка с разных сторон возлагает на эксперта дополнительную нагрузку по предварительному поиску дополнительных знаний и ответственность за объяснение своей позиции, а у игроков эмоциональную вовлеченность в игровой процесс и нахождение нестандартных решений аргументирования своей позиции для достижения победы в поединках.

Таким образом, организация и проведение занятия в формате «идеологических поединков» имеет несколько этапов:

1. Изучение заданного материала по вопросу социально-политических предпосылок, мировоззренческих истоков, этапов становления и эволюции идеологической платформы, современные тенденции распространения идеологической позиции;

2. Постановка целей игры для игроков и экспертов;

3. Распределение ролей: выборы основных игроков и их секундантов, готовых работать в «идеологической команде»

4. Подготовка «игрового пространства» и «игровой навигации»;

5. Проведение «Идеологического поединка», состоящий из 2 или 3 раундов (по усмотрению преподавателя, хронометражом по 4 минуты каждый раунд);

6. Выбор экспертами игрока-победителя;

7. Аргументация экспертной оценки (хронометражом 1 минута выступления каждого эксперта)

8. Обсуждение итогов игры в целом.

Сценарный план деловой игры выглядит следующим образом:

Ведущий озвучивает основную тему поединков и приглашает игроков и секундантов занять свои места. Озвучивается регламент и хронометраж выступлений, очередность выступления игроков, проводится жеребьевка выбора «первого» игрока.

Первый раунд поединка длится четыре минуты и предполагает выступление каждого игрока хронометражом по две минуты с изложением основных позиций идеологической платформы по заданным параметрам.

Второй раунд поединка состоит из чередования вопросов и ответов каждого игрока с уточнением идеологической позиции своего оппонента, общим хронометражом до четырех минут. В данном раунде свои знания активно демонстрирует знания обучающийся-секундант.

Третий раунд проводится в формате свободной дискуссии для уточнения позиций каждой стороны, демонстрации умения свободно использовать и применять имеющиеся у «идеологической команды» знаний.

По окончании раундов эксперты единовременно выносят свой вердикт по предпочтению выбора победившего игрока демонстрацией кар-

точки с номером выбранного игрока. Далее каждый эксперт, хронометражом до одной минуты, аргументирует свой выбор, исходя из заданной экспертной позиции.

Например, при оценке темы «Политические партии, общественно-политические организации и движения в политической жизни общества» эксперты были разделены на следующие три позиции: «Независимые эксперты», «Избирательная комиссия», «Избиратели».

В качестве рассматриваемых параметров оценки «Независимые эксперты» проводили оценку достоверности изложения исторических и политических фактов, дат и событий; умению игрока характеризовать и описывать особенности современного парламентаризма в России и расстановки политических сил; полноту раскрытия партийной платформы с точки зрения предлагаемой модели идеального государства «Какой должна стать новая Россия?», предлагаемых экономических и социальных изменений; модели организация социального порядка (в том числе систем правопорядка и обеспечения безопасности) и государственного управления. Оценке подлежало и знание игроком электоральной базы изучаемой партии, ее политических авторитетов (основоположников идеи), умение аппелировать к харизме ее политического лидера, излагать позицию партии в области международного сотрудничества и внешней политики. Несомненным достоинством в оценке игрока считается вынесение вердикта экспертом о свободном владении игроком излагаемым материалом, умении приводить конкретные примеры и факты, задавать содержательные вопросы оппоненту, логичность их формулировки в контексте обсуждения, умение анализировать и обобщать излагаемый материал.

Эксперты альтернативной позиции выносят вердикт из ролевой позиции «Избирательная комиссия». Они отслеживают соблюдение игроком регламентных и формальных требований и оценивают:

1) соблюдение хронометража выступления
2) умение слушать и слышать оппонента, отвечать на поставленные оппонентом вопросы и вступать с ним в дискуссию по заданной теме, полемизировать;
3) умение сравнивать свою партийную позицию с позицией оппонирующей партии;
4) умение работать в «идеологической команде» совместно с своим секундантом;
5) соблюдение заданного правила (например, уметь давать определения понятиям «партия», «партийная система», запрета на слово «также», поддержки фокуса выступления вводной фразой «Мы лучшая партия для новой России»;
6) соблюдение принципа «уважения» к излагаемой оппонентом позиции.

Третья группа экспертов аргументирует свой выбор игрока из ролевой позиции «Избиратель» и выносит оценку игрокам по следующим параметрам: насколько эмоционально и убедительно выступал игрок, его секундант и, в целом, «идеологическая команда»; насколько игроки смогли излагать свою позицию на доступном «избирателям» языке, избегая штампов и семантически необоснованных речевых оборотов; насколько «идейно» игроки смогли продемонстрировать и защитить выдвигаемую партийную позицию, вести контр-дискуссию, задавать оппоненту острые и провокационные вопросы; насколько своевременно в контексте обсуждения смогли привести сильные аргументы, факты, реальные (актуальные) примеры, рассказать детали, найти соответствующие метафоры и образы; создать «игровой образ» и проявить нестандартное мышление, умение предвидеть и прогнозировать дальнейшее развития событий.

Проведение занятия в формате «идеологических поединков» стимулирует обучаемых проявлять интеллектуальные способности к обобщению, анализу, системности мышления и эмоционально вовлекаться в обсуждаемую тему. Все это, несомненно, способствует формированию осознанной гражданской позиции, совершенствует навыки самостоятельного мышления и выбора политических альтернатив в возможных ситуациях нестабильности политического курса и идеологических конфликтов.

Васильева Анна Сергеевна,
доцент кафедры философии,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И. Т. Трубилина
Васильева Татьяна Сергеевна,
аспирант кафедры философии,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И. Т. Трубилина

РАДИКАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ М. А. БАКУНИНА

Понимание современных форм радикальных и экстремистских феноменов строится на оценки историко-социальных событий. Важнейшими свидетелями являются литературные источники, тексты, в которых представители радикально настроенных граждан выразили свои позиции и чаяния. Анархистская доктрина М.А. Бакунина является классикой европейского радикализма. Нигилистская позиция данного политического деятеля и философа по сей день применяется в анархической критике политических, социальных и этических явлений. Гегельянская позиция Бакунина предполагала диалектическую оценку общественной жизни и признания необходимыми революционные процессы, которые предполагают совершенствование общественной жизни, а насилие и разрушение выступают, в

таком случае, в качестве неприглядных, но неизбежных механизмов. Построение нового общества должно быть связано с переустройством всей системы образования. Уже в древности важность воспитания признавалась такими философами как Сократ, Платон и Аристотель, видевшими в нем условие успешного взаимодействия людей, а также в целом благо для самого человека. Осмысление представлений Бакунина об образовании позволит проанализировать предпосылки антиэтатистских теорий общественной жизни. Кроме того, мы сможем понять нравственно-этических потенциал этих теорий, выявить антропологические принципы построения радикализма, зародившегося в России и Европе в качестве кардинального противопоставления уже сложившимся политико-социальным системам.

Бакунин не предлагает системно разработанную концепцию образования. Просвещение народа философ рассматривал как необходимый элемент на пути освобождения народа: «Признание в мире, вне его и над ним, высшего бесконечного существа; богопризнания и богопочитания всякого рода; учение о бессмертной душе и загробных наградах и наказаниях и неразрывно связанное с ними существование *церквей*, попов - посредников и примирителей с богом, чудотворцев, пророков и *богопомазанных законодателей и царей*; так же как необходимо из них вытекающее существование богопоставленных *государств* со всем их историческим хламом: с правом государственным, уголовным, гражданским; с наследственною собственностью и деспотизмом семейным; с полицейской властью и военным насилием; все эти темные порождения религии были несомненно продуктом того первобытного рабства, в котором наш род погрязал в начале своей истории, когда он только что стал выделяться из рода горилл или других обезьян»[1]. Позитивисткая позиция Бакунина строится на традиции Просвещения, во многом заложившего основы представления о развитии знания независимого от установок религиозных и требований государственной идеологии. Восхваляя позитивную науку, Бакунин опирается на материалистические принципы, считая их основой «освобождения» человека. С его точки зрения, невежество народа должно быть искоренено; в нем он видит основу угнетения и рабства. Мыслитель считает, что отсутствие образованности у народа – это вполне осмысленная воля правительства – «оно поняло, что просвещение народа будет гибельно для него, для государственной власти, для целой империи»[2]. Таким образом, просвещение – это путь освобождения от оков не только идеологических, но и социальных, политических, экономических. Бакунин делает вывод, что существование империй основано на «народном невежестве». Однако главным тезисом оказывается идея, что образованность народных масс в России XIX века не может быть достигнута без кардинальных изменений в политической и экономической системах.

[1] Бакунин М. А. Наука и народ / М. А. Бакунин. Философия. Социология. Политика. - М.: Издательство «Правда», 1989 г. С. 125-144., С. 130.

[2] Там же. С. 139.

«…Образование есть несомненная сила, и как бы плохо, поверхностно и уродливо ни было образование наших высших сословий, нет сомнения, что оно вместе с другими причинами способствует удержанию власти и силы в руках привилегированного меньшинства»[1]. Данный тезис следует за новоевропейской установкой, сформулированной Ф. Бэконом – «знание - сила», - и предвосхищает теорию «знания-власти» М. Фуко.

Бакунин – один из известнейших на Западе русских политических философов. В его представлении о значении просвещения и образования сплелись все новаторские идеи XIX столетия, в первую очередь, развиваемые философами-социалистами, коммунистами. Оно предстает как квинтэссенция передовых и радикальных позиций своего времени. Хотя мыслитель не сообщает на какие именно элементы системы Л. Фейербаха он опирается, мы можем проследить неразрывную связь с антропологическим материализмом, с критической позицией на роль религии в обществе.

Бакунин не считает, что образование в условиях жесткой эксплуатации может создать условия для освобождения человека: «… несмотря на все наше уважение к великому вопросу всестороннего образования, мы утверждаем, что не в нем теперь главный интерес ля народа. Первый вопрос для народа – его экономическое освобождение, которое необходимо и непосредственно влечет за собой его политическое, а вслед за тем и умственное, и нравственное освобождение»[2]. Аргументы мыслителя такие, что с ними невозможно не согласиться: «… как вы с вашими детьми стали бы учиться после 13, 14, 16 часов оскотинивающего труда, при нищете, при неуверенности в завтрашнем дне»[3]. Бакунин предлагает, по сути, социологическую позицию, согласно которой человеческие качества, особенно нравственные, находятся в детерминированной зависимости от условий среды. Улучшение экономической, политико-правовой общественной обстановки позволит свободу сделать полноценной.

Критика религии Бакуниным проводится в подобном ключе: «…желание защитить метафизическую, отвлеченную или воображаемую свободу людей, свободную волю приводит к отрицанию действительной свободы»[4]. Соответственно, уничтожается любое представление о свободе человека, остается только божественная воля, которая может наделять привилегиями отдельных людей. Кроме того, по мысли философа, разум человека признается чем-то незначительным в таком случае, приводя к невозможности развития науки.

---

[1] Бакунин М. А Наука и насущное революционное дело / М. А. Бакунин. Философия. Социология. Политика. - М.: Издательство «Правда», 1989 г. С. 144-188., С. 153.

[2] Бакунин М. А. Всестороннее образование / М. А. Бакунин. Анархия и Порядок: Сочинения. - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000 г. С. 350-373, С. 372.

[3] Там же. С. 372.

[4] Там же. С. 369.

Мыслитель провозглашает необходимость равного образования для всех людей, что расширит горизонты свободы. Бакунин представляет будущую систему образования разделенной на две части: общую и специальную. На первой стадии предполагается глубокое ознакомление детей с различными областями научного знания, связями между ними. Таким образом, образование на первом этапе должно обеспечить каждому молодому человеку способность самостоятельного выбора будущей профессии. Естественно, это не исключает ситуации, когда человек пожелает отказаться от выбранного поприща, «но так как мы искренние, а не лицемерные поклонники *личной свободы* и во имя этой свободы ненавидим от всего сердца принцип власти и всевозможные проявления этого божественного противочеловеческого принципа; так как мы ненавидим и осуждаем всей силой нашей любви к свободе власть родительскую и учительскую, находя их одинаково безнравственными и пагубными… то мы поддерживаем против всех опекунов мира, официальных и официозных, полную и безусловную свободу для детей самим выбирать и определять свою будущее поприще»[1]. Однако в свете современных событий, данная позиция сомнительна, так как расширение проблематики этико-смысловой наполненности человеческой жизни, ее экзистенциальное измерение, сложность человеческой психики всегда сохраняют элемент сомнения в «правильности выбора». Возможно, в обществе больших возможностей и человеческой солидарности, признание общественной полезности деятельности, избавит человека от душевных мучений.

Научное и теоретическое образование должно сочетаться, по мысли Бакунина, с прикладными навыками. Человека необходимо не только приучать к труду, создавать условия для адаптации. Поэтому прикладную часть, философ делит также на два уровня: общий и специальный. Первый, соответственно, строится на совокупном знании «всех индустрий». Второй позволит испробовать свои знания и навыки в прикладной деятельности.

Необходимой частью образовательного процесса является опыт социальной, человеческой нравственности, которая «основана… на презрении власти и уважении к свободе и человечеству»[2]. Сущность этой нравственности проявляется в уважении к труду, признании трудовой деятельности благороднейшим из занятий. Бакунин комментирует возможную критику, предполагающую деление на умственный и физический труд, утверждая необходимость объединения обоих видов. В связи с этим, в его творчестве подвергается негативному анализу идея роли гения в истории. Бакунин утверждал, что «гениальность» явление сомнительное. Его мысль заключалась в признании общего высокого уровня образованности, что разрешит вопрос об индивидуальной исключительности способностей отдельного человека.

[1] Там же. С. 364.
[2] Там же. С. 365.

Принципа построения образовательной системы строятся на положениях всеобщей свободы и равенства. Их радикальность состояла в том, каким образом должны быть подготовлены условия для развития такого типа образования. Путь лежал через революцию, подготовленную революционными организациями. Хоть Бакунин и не может дать четкой, дифференцированной теории образования, он предлагает вполне адекватный проект, соотносящий знания человека с социальной практикой. Свобода как фундамент общественной жизни, по Бакунину, раскрывается в идеи автономности человеческой воли, которая при этом всегда должна соотноситься с принципом коллективности. Ведь человеческая личность феноменолизируется только в рамках общественного, в рамках взаимодействия человека с человеком. Экономический рост современной цивилизации позволил воплотить некоторые чаяния Бакунина.

Канашевич Надежда Михайловна,
профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института Министерства внутренних дел
Республики Беларусь, кандидат исторических наук, профессор
Козичев Никита Владимирович,
курсант факультета милиции Могилевского института
Министерства внутренних дел Республики Беларусь

ЭКСТРЕМИЗМ В АРСЕНАЛЕ ГИБРИДНЫХ ВОЙН, НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Реальностью современного мира стало глобальное распространение экстремизма и терроризма. О стремительном развитии этой тенденции свидетельствует то, что в авторитетном толковом словаре, изданном Оксфордским университетом (1996), а затем в России (2001), еще отсутствовали статьи «экстремизм» и «терроризм»[1]. В последние годы проявления экстремизма и терроризма в странах Западной Европы стали «обыденным явлением». Тем не менее, не определены общепринятые в научном сообществе дефиниции этих явлений. Изучение уголовного и административного законодательства государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, показывает, что содержащиеся в соответствующих кодексах составы экстремистской и террористической деятельности существенно различаются по своим признакам.

[1] Политика: Толковый словарь: русско-английский. – М.: «ИНФРА- М», изд. «Весь Мир», 2001. –768с.

В данной статье будем руководствоваться самым общим пониманием экстремизма как социально-деструктивного явления, проявляющегося в приверженности крайним взглядам, мерам и действиям, выражаемого в проявлении агрессии, применении нелегитимного насилия, протестных противоправных деяниях. Экстремизм выступает одной из идейных основ терроризма – политики насильственных действий против гражданского населения с целью навязывания власти определенной линии поведения, а террористические акты, в свою очередь, являются крайней формой реализации экстремистской идеологии.

В современном мире появились новые факторы активизации и новые технологии экстремистской и террористической деятельности, что свидетельствует о сложности и многоплановости данного явления, способности быстро адаптироваться к новым условиям. В силу этого возросло значение понимания социального контекста и форм модификации экстремизма в современном мире. В этой связи обратим внимание на принципиально новый момент: активное использование различных проявлений экстремизма в качестве важнейшего компонента, так называемых, «гибридных войн», что продемонстрировали события в Ираке, Ливии, Сирии, Украине.

Гибридная война – особый вид вооруженного противостояния стран, для которого характерно соединение классических и нетрадиционных инструментов ведения вооруженных действий – вовлечение в них как профессиональных военных, так и иррегулярных формирований, наемных сил и экстремистски настроенных гражданских лиц (повстанцев, сепаратистов, мятежников), организацию протестных массовых беспорядков, партизанской войны, террористических атак и кибервойн, которые поддерживаются извне финансами и оружием, пособнической деятельностью спецслужб и спецмиссий, а внутри страны – псевдорелигиозными и националистическими организациями, олигархами, организованной преступностью.

В предисловии к справочнику Military Balance - 2015 понятие гибридная война объясняется как использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, использующих дипломатические возможности; масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации; прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий; в сочетании с экономическим давлением и терроризмом[1] .

Увеличение в современном мире количества нетрадиционных вооруженных локальных конфликтов, основанных на разработанной на Западе стратегии непрямых действий, в которых особая роль отводится экстремистским силам, обусловлено тем, что силовое решение глобальных поли-

[1] Миф о "гибридной войне" [Электронный ресурс] – 2016. Режим доступа: http://topwar.ru/75928-mif-o-gibridnoy-voyne.html – Дата доступа: 20.10.2017.

тических конфликтов сегодня ограничено императивом сохранения цивилизации. В современном мире оказался несостоятельным тезис Карла фон Клаузевица о войне, как легко управляемой шпаге, которой политики фехтуют по всем правилам искусства. Соединение ядерной технологии с технологией связи и электронного оружия позволило создать такие виды оружия массового поражения, применение которых угрожает существованию самой человеческой жизни и делает невозможными крупномасштабные боевые действия с применением ядерного оружия, хотя, в свете последних событий вокруг Северной Кореи, нельзя это исключать полностью.

Известный испанский социолог и экономист Мануэль Кастельс предложил принять новую социовоенную парадигму войны в информационную эпоху. Он считает, что политики технологически развитых стран могут сохранить в своем арсенале войну, но только при условии взаимного неприменения ядерного оружия и соблюдения трех правил:

1. война должна вестись профессиональной армией без массового вовлечения населения (кроме чрезвычайных обстоятельств);

2. война должна быть короткой и даже мгновенной, чтобы, не истощив ресурсы, и не подняв в общественном мнении вопрос об оправданности этой акции, обменными ударами определить истинное состояние технологического дисбаланса между воюющими сторонами или нанести противнику опустошительный удар;

3. война должна быть чистой, со стерильным восприятием убийства и страдания, скрытой от публики, наблюдающей это возбуждающее шоу из своих гостиных и вызывать глубокие патриотические чувства, что требует тесной связи ведения войны с профессиональным управлением подачей новостей в СМИ для создания нужного образа войны [1] .

В работе испанского ученого, написанной в 90-е годы XX столетия, не было учтено, что в информационную эпоху, наряду со сценарием мгновенной войны с использованием профессиональной армии при условии неприменения ядерного оружия сохраняется возможность свободной «силовой игры» государств, в локальном масштабе, на основе стратегии непрямых действий. На смену традиционным войнам и военным конфликтам в XXI веке пришли, так называемые, «гибридные формы» их ведения, что привело к увеличению количества вооруженных конфликтов. На протяжении веков война ассоциировалась с вооруженным противостоянием людей, находящихся по разные стороны фронта. В настоящее время появились и в локальных масштабах реализуются новые виды войн, которые могут не иметь черты вооруженного конфликта, но представляют собой не что иное, как войну.

[1] Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – Пер. с англ., под науч., ред., О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608с.

В новой Военной доктрине Республики Беларусь дан системный анализ изменения угроз национальной безопасности, возникших в результате обострения противоречий между мировыми и региональными центрами в условиях глобализации, проанализированы принципиально новые изменения в формах и способах разрешения этих противоречий [1]. Сегодня в глобальном масштабе происходит передел рынков, перераспределение финансовых потоков и производительных сил, обострение конкуренции, обозначаются контуры новых центров мирового и регионального экономического лидерства, и как следствие – обостряются противоречия за передел сфер влияния и стремление отстаивать свои геополитические интересы военными и невоенными средства. В XXI веке не воюют фронтами, более того, и войны не объявляют, ставка делается на активное инспирирование внутреннего вооруженного конфликта посредством механизма «цветных революций».

Вооруженная борьба по правилам гибридных войн также носит захватнический характер. Однако ее первичной целью является не захват территории, природных ресурсов, материальных ценностей страны, подвергаемой массированной военно-информационной атаке, хотя это, безусловно, является ее глубинной побудительной причиной. Это «война управляемого хаоса», ее первичной целью является обеспечение подрыва государства изнутри посредством дезорганизации его социальной сферы и экономики, воздействия на массовое сознание и экспертные суждения лиц, ответственных за принятие государственных решений, перемена устоев государственной политики, чтобы свергнуть законную власть и создать марионеточное государство, управляемое в интересах глобальных центров силы. Поэтому, основным компонентом гибридных войн являются экстремистские действия и террористические атаки, информационные кампании в форме информационных войн, с жестким, агрессивным воздействием на общественное сознание, чтобы резко изменить политическую ситуацию в пользу определенной группы (государства).

Помимо традиционного оружия в таких войнах активно используют специальные технологии – организация протестных выступлений экстремистских лиц и террористические атаки, информационные, технические, глобальные сетевые устройства, сочетание классической пропаганды и изощренных пиар-акций. Вооруженные конфликты по типу гибридных войн отличает активное манипулирование массовым сознанием приемами посредством масштабного использования СМИ и киберпространства.

Республика Беларусь не является страной с выраженной угрозой экстремизма, цветных революций или гибридных войн. В стране сохраняется общественно-политическая и социальная стабильность, конфессиональный

[1] Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2016 г. № 412-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

мир и межкультурное взаимодействие между представителями более 80 национальностей, проживающих здесь. Однако геополитическое положение республики, граничащей с политически нестабильными государствами, а также продолжающиеся вооруженные конфликты в странах Ближнего Востока и Северной Африки, в Сирии и Украине, усиление потоков мигрантов из воюющих стран требуют усиленного внимания правоохранительных органов к потенциальным источникам экстремистских и террористических угроз. Терроризм также не обошел стороной нашу страну. 11 апреля 2011 года в Минском метрополитене прогремел взрыв, в результате которого погибли 15 человек и получили ранения различной степени тяжести около 400 человек.

Новые или изменившиеся факторы национальной безопасности потребовали уточнения официально принятых в государстве взглядов на обеспечение его военной безопасности – принятия новой Военной доктрины Республики Беларусь. В этом документе определены меры противодействия пропаганде деструктивной экстремистской идеологии, созданию на территории Беларуси террористических и экстремистских организаций, подготовке членов незаконных вооруженных формирований, организации и проведению массовых беспорядков, актов терроризма. Впервые подробно разъяснена сущность понятия «незаконное вооруженное формирование» [1]. Комитет государственной безопасности и Министерство внутренних дел Республики Беларусь постановлением от 30 сентября 2016 г. № 24/268 утвердили Положение о профилактических, режимных и организационных мерах предупреждения террористической деятельности и минимизации ее последствий на критически важных объектах Беларуси. Не приветствуется возвращение в Беларусь лиц, принимавших участие в боевых действиях на территории Украины и высказывавших намерение дестабилизировать обстановку в нашей стране.

С конца 2010 года в республике действует новая Концепция национальной безопасности, в основу которой был положен комплексный подход к обеспечению национальной безопасности, не ограничивающейся сегодня не только военной безопасностью. В соответствии с этим документом формирование, проникновение и распространение идеологии экстремизма, либо деятельность придерживающихся или распространяющих подобные взгляды лиц определялись как внутренний источник угроз национальной безопасности Беларуси [2]. Однако до последнего времени Уголовный кодекс республики не содержал ни одной нормы, предусматривающей

[1] Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2016 г. № 412-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

[2] Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г. № 575: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

ответственность за экстремизм. В условиях изменения угроз национальной безопасности потребовалось совершенствование нормативно-правовой базы в сфере борьбы с проявлениями экстремизма. 20 апреля 2016 года в Закон Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» были внесены поправки, обеспечивающие возможность адекватного реагирования правоохранительных органов на современные угрозы экстремизма. В ст.1 Закона расширено понятие экстремистской деятельности и содержится исчерпывающий перечень видов экстремистской деятельности граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства; определено, что представляют собой «экстремистские материалы» и «экстремистская организация», основания и порядок признания деятельности и действий экстремистскими (ст. 9-11), меры по противодействию изданию и распространению экстремистских материалов (ст. 14) Беларуси [1].

На противодействие распространению нацистской символики направлено дополнение в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях в виде статьи 17.10, предусматривающей ответственность за пропаганду и(или) публичное демонстрирование и(или) распространение нацистской символики или атрибутики. Ст. 17.11 Кодекса устанавливает административную ответственность за распространение, изготовление, хранение, перевозку информационной продукции, содержащей призывы к административной деятельности или пропагандирующей ее [2]. В республике имеются прецеденты, когда нарушители данных статей Кодекса по решению судов были подвергнуты административным взысканиям.

За годы становления Республики Беларусь как независимого государства было создано правовое поле в области противодействия экстремизму, сложилась эффективная государственная система реагирования на изменение угроз национальной безопасности, осуществляется активное сотрудничество органов внутренних дел республики с правоохранительными структурами других государств. Однако, наряду с достигнутым, многие вопросы, связанные с совершенствованием правового пространства в сфере противодействия экстремизму, требуют своего решения.

Полагаем необходимым создать в рамках СНГ и Евразийского экономического союза по направлению противодействия экстремизму комплексную правовую базу координации действий в рассматриваемой сфере посредством унификации национального законодательства на основе модельных законодательных актов.

---

[1] О противодействии экстремизму [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2007 г., № 203-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

[2] Кодекс об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой 17 дек. 2002 г.; одобрен Советом Республики 2 апр. 2003 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

Гришай Анна Владимировна,
студентка 3 курса магистратуры КУБГУ по направлению ГПГУ

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАКТИК: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Применение инноваций в административных практиках России в последние несколько лет постоянно на слуху, и это не случайно, ведь приоритетным компонентом в экономическом развитии нашего государства является именно инновационная деятельность. Государственная инновационная политика является составной частью социально-экономической политики, направленной на становление и поддержание экономики, которая способна конкурировать с другими странами на мировом рынке, а также на развитие потенциала высокотехнологичных разработок и научных исследований[1].

Актуальность проблемы внедрения инноваций в сфере публичного управления России связана со стратегией развития новой государственности, которая, с одной стороны, направлена на создание мощного государства, способного решать крупные внутренние и внешние проблемы, с другой - на формирование демократического, правового, социально ориентированного и подконтрольного народу государственного образования.

В последнее время тема инноваций обсуждается и в нашем государстве, просматриваясь не только на уровне производства, но и в применении к государственному управлению, коммерческим структурам и к стране в целом. Рассмотрим вопрос, связанный с проектной деятельностью в государственном и муниципальном управлении. Прежде всего, отметим, что на сегодняшний день существует огромное количество различных определений понятия «проект» и «проектная деятельность». Это связано с тем, что, с одной стороны, управление проектами – чрезвычайно широкая сфера, охватывающая все отрасли и виды человеческой деятельности, а с другой стороны, оно очень тесно соприкасается с другим видом деятельности по реализации тех или иных задач – процессами, поэтому очень важно проекты и процессы четко разделять. При этом, несмотря на все разнообразие определений, все авторы сходятся в том, что всем проектам присущи определенные общие черты:

Проект всегда имеет конечную цель, которая имеет высокую степень уникальности.

Проект всегда ограничен по ресурсам, к которым традиционно относят финансовые, временные и человеческие.

---

[1] Ананьева Н.В. Влияние POS-материалов на повышение объема продаж // Перспективы науки, 2015, №5 (68). С. 78-81.

Для достижения результатов проекта требуется эффективная координация всех его составных элементов.

В Методических рекомендациях по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти, которые были утверждены в 2014 году, дается следующее определение проекта: проект – это комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленный на создание уникального результата в условиях временных и ресурсных ограничений [1].

Что касается проектной деятельности в сфере государственного и муниципального управления, то отдельную регламентацию в этой сфере в отечественной практике можно разделить на две большие части: регламентация проектов государственного и муниципального уровня и регламентация проектов, которые можно условно назвать проектами уровня организации. К первой группе относятся целевые программы всех уровней, начиная от государственного и заканчивая муниципальным, т.е. все то, что регламентируется федеральным и региональным законодательством (в частности, Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской федерации» [2], Методическими указаниями Минэкономразвития России [3] и др.). Ко второй группе относятся проекты, направленные на повышение качества государственного управления. Такого рода проекты регламентированы только одним документом – Методическими рекомендациями по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти[4].

Если свести воедино определения проекта и инновации, то можно сформулировать следующее определение: инновационным проектом в сфере государственного и муниципального управления является комплекс взаимосвязанных мероприятии, направленных на создание инноваций, т.е. новых или значительно улучшенных способов и методов реализации государственных и муниципальных функций, и осуществляемых в рамках временных и ресурсных ограничений.

Исходя из выше сказанного, следует отметить, что инновационное развитие набирает тенденции во всем мире, как в сфере производства, так и в государственном управлении, коммерческой либо же сфере услуг.

Для стимуляции инновационной деятельности используются такие виды инструментов: институциональные, экономические, организационные, инфраструктурные и информационные инструменты.

---

[1] Ананьева Н.В. Влияние POS-материалов на повышение объема продаж // Перспективы науки, 2015, №5 (68). С. 78-81.

[2] Алексина С.Б. Мерчендайзинг. Учебное пособие / С.Б. Алексина, Г.Г. Иванов. – М.: Форум. Инфра-М., 2014. – 152 с.

[3] Андреева Е.А. Специальные события как важнейший инструмент рекламной кампании современного торгового предприятия // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития, 2014, №19/1. С. 47-53.

[4] Ананьева Н.В. Влияние POS-материалов на повышение объема продаж // Перспективы науки, 2015, №5 (68). С. 78-81.

Под инновационными проектами понимаются, прежде всего, проекты, так или иначе связанные с внедрением в государственное управление информационно-коммуникационных технологий, в частности, проекты по переводу государственных услуг в электронный вид. Принимая во внимание все приведенные выше определения, следует отметить, что, несмотря на то, что повсеместное внедрение ИКТ в деятельность органов государственной власти и местного самоуправления является, несомненно, чрезвычайно важной задачей на пути повышения эффективности их работы, инновационные проекты следует понимать шире и включать в их круг любые проекты, связанные с оптимизацией и перестроением организационных структур, а также оптимизацией и реинжинирингом бизнес-процессов.

Абрамов Максим Алексеевич,
ЧОУ ВО «Ессентукский институт управления, бизнеса и права»,
кандидат социологических наук

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПАТРИОТИЗМ КАК УСЛОВИЯ ПАССИВНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ОБЩЕСТВА К РАЗВИТИЮ ЭКСТРЕМИЗМА

Аннотация: В статье рассматриваются патриотизм и правосознание, как основные факторы формирования пассивной устойчивости общества к экстремистской угрозе. Рассматривается разноплановый характер их противоречия идеологии экстремизма и одновременно – момент идейного пересечения установок патриотизма и развитого правосознания. Доказывается, что правосознание и патриотизм обладают взаимной обусловленностью.

Ключевые слова: экстремизм, патриотизм, правосознание, преступность, социальная аксиология.

В современном социальном знании все более активно ставится проблема развития экстремизма. Ряд авторитетных исследователей обращает внимание на уровень интенсивности проблемы[1], сферы появления экстремизма[2], причины его развития и последствия для общества[3], связанные с

[1] См.: Кубякин Е.О. Формирование установок толерантности в молодежной среде как элемент системы противодействия экстремизму // Общество и право. 2010. № 3. С. 288-292; Кубякин Е.О. Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде в контексте обеспечения национальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2010. № 1. С. 16-18.

[2] Кубякин Е.О. Особенности формирования и проявления экстремизма в молодежной среде / монография / Е. О. Кубякин; М-во внутренних дел Российской Федерации, Краснодарский ун-т. Краснодар, 2011.

[3] Плотников В.В. Институциональные последствия социальной трансформации глобального уровня // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 3 (50). С. 56-64.

его наличием. В этих условиях актуализируется вопрос о мерах по противодействию экстремистской угрозе[1], в числе которых можно выделить момент активной системы противодействия, связанной с деятельностью правоохранительных органов, и пассивной устойчивости общества к экстремистской угрозе, связанной с уровнем противодействия экстремистской идеологии и, в частности, с социальными установками, прямо противоречащими экстремистским идеологемам. Поскольку экстремизм представляет собой противоправную деятельность, направленную против основ государственности, на наш взгляд, преобладающее значение в сфере естественной устойчивости общества перед угрозой экстремизма являются патриотизм и правосознание. При этом исходная принципиальная позиция заключается в том, что патриотизм и правосознание не только дополняют друг друга в вопросе противодействия экстремистской угрозе, но и оказывают взаимное конструктивное воздействие как пересекающиеся предметно конструктивные социальные установки. Обратимся к категории правосознания.

Само по себе правосознание представляет собой сложный объект изучения, поскольку оно включает в себя, с одной стороны, развитое знание нормативно-правовой базы, с другой – ценностную ориентацию на следование букве закона. В этом смысле, например, человек с высшим юридическим образованием, совершающий противоправную деятельность, не может рассматриваться как человек с развитым правосознанием, равно как и неграмотный в правовом плане, но высокоморальный член общества. Вместе с тем, наличие пробелов в знании законодательства разрешается своевременным информированием населения при столкновении с трудными правовыми вопросами, равно как и в процессе школьного и вузовского образования. Вместе с тем, нельзя отрицать тот факт, что в ряде случаев имеет место пренебрежение к закону, в результате чего основная мотивация при принятии решения о совершении или несовершении противоправной деятельности имеет не столько ценностный, сколько прагматический характер. Послушание членов общества, их следование законам, зачастую определяется наказуемостью противоправных деяний и вероятностью возмездия. Очевидно, что в условиях, когда вероятность совершения преступления определяется эффективностью правоохранительных органов, развитие преступности происходит достаточно интенсивно.

Здесь мы видим классическую ситуацию: общество стремится к определенному состоянию отношений внутри него, и при этом на участников социального процесса оказывается двойственное влияние. Внешнее влияние ориентировано на контроль действий посредством поощрений, наказаний и статусного изменения. Влияние изнутри связано с системой ценностей субъекта действия, его собственными мотивами, установками,

[1] Кубякин Е.О. Формирование установок толерантности в молодежной среде как элемент системы противодействия экстремизму // Общество и право. 2010. № 3. С. 288-292.

устремлениями[1]. В рассмотренном выше случае с проблемой преступности снижение эффективности внутреннего регулятивного принципа, связанного с ценностным аспектом правосознания, в конечном итоге приводит к повышению нагрузки на внешние регулятивные механизмы. Практика тоталитарных режимов свидетельствует о том, что даже в случае повышения интенсивности и тотальности наказания, преступления совершаются. Их статистика ниже, однако статистику преступности в принципе достаточно сложно учитывать по причине феномена латентной преступности и сокрытия факта преступления. Однако то, что даже при условии тотальности наказания имеют место случаи противоправной деятельности, свидетельствует о значимости правосознания, как ценностно-ориентированного регулятивного принципа[2].

Возвращаясь к вопросу о том, каким образом может быть решена проблема низкого уровня ценностной ориентированности населения на соблюдение норм закона, следует обратить внимание на то, с чем у большинства членов общества ассоциируется закон. При условии, что факт наличия законов принимается большинством как норма, сами законы представляют собой объект непрерывного обсуждения, причем зачастую – с критической позиции. В общественном сознании прочно укоренилась точка зрения, что право и политика тесно связаны, при этом сведения о законах и, в частности, их оценку, население приобретает в рамках рассмотрения программ тех или иных участников политического процесса. Безусловно, законодательная деятельность представляет собой одну из основных функций института политической власти, однако прочное связывание политической и правовой сфер приводит к одному деструктивному последствию: отношение к нормативной сфере или состоянию правопорядка переносится на власть и, напротив, отношение к текущей власти и государству в целом становится одним из ведущих факторов оценки области права.

Сам факт наличия подобной взаимосвязи не является чем-либо однозначно негативным или позитивным. Можно судить о том, что наличие подобного рода связей способствует как развитию конструктивных процессов, так и деструктивным тенденциям. Так, например, сторонники политического меньшинства могут с пренебрежением относиться к принимаемым законом не столько в силу их противоречивости или нецелесообразности, сколько в силу того, что они являются инициативой представителей другого политического блока. Еще одним примером неприятия сферы права является ситуация, когда отношение к обществу в целом завязано на ряд деструктивных установок. И здесь негативное отношение к государству

---

[1] Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. - 873 с.

[2] Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. - Серия «Мир культуры, истории и философии». - СПб.: Издательство «Лань», 2000. - 608 с.

может повлечь за собой пренебрежение принятыми в нем условностями взаимодействия.

В определенной мере проведенный выше обзор позволяет сделать вывод о том, что правосознание может существовать как в чистом виде – в качестве направленной установки на принятие законов и следование им, так и на уровне символической связи отношения к закону с какой-либо другой развитой мировоззренческой установкой. Так, например, развитое религиозное сознание выступает как достаточно мощное основание конструктивной с точки зрения права деятельности, равно как и приверженность традициям предполагает момент следования нормативным установлениям. Однако, проблема рассмотренных факторов принятия закона состоит в том, что зачастую нормы, диктуемые религией или традициями, противоречат нормам законодательства. Так, например, в Российской Федерации запрещено многоженство, разрешаемое исламом, а принятый в некоторых кавказских народах обычай воровства невест противоречит нормам права и допускается исключительно на уровне инсценировки, реализуемой на свадьбах. Таким образом, ни религия, ни традиции не могут в полной мере содействовать развитию правосознания в силу разнообразия вероисповеданий и передаваемых в различных местностях традиций. Вместе с тем, рассмотренный выше принцип, согласно которому отношение к государству переносится на сферу права, позволяет судить о высокой степени взаимосвязи между правосознанием и патриотизмом. При этом патриотизм, в силу его общесоциальной ориентации, не может быть рассмотрен как некое частное решение проблемы в силу того, что потенциальным объектом патриотических установок может быть любой член общества[1].

Следует обратить внимание на важный момент: патриотические установки определяют не только оценку государства (и, следовательно, символическое перенесение этой оценки на область законодательных норм), но и стремление к достижению этим государством состояния процветания[2], что автоматически предполагает неприятие деструктивных процессов в обществе, к числу которых, безусловно, относится и криминальная деятельность. Таким образом, патриотизм выступает как одно из важнейших ценностных оснований нормативно определенной деятельности. Одновременно с этим, очевидно, что высокий уровень конструктивных патриотических установок противоречит возможности развития экстремизма.

---

[1] Карманова Д.А. Патриотизм как общественное отношение: социально-философский анализ: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Карманова Дарья Александровна; [Место защиты: Иван. гос. ун-т].- Иваново, 2007.- 159 с.

[2] Дурягина А.И. Государство как основной объект проявления патриотизма // Патриотизм как фактор развития российской государственности / Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Ассамблея народов России, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, Московский дом национальностей; [под общ. ред. И.В. Бочарникова]. – М.: Московский дом национальностей, 2015. – 368 с., С. 43-54

Не меньшую значимость в данном случае имеет и обратный аспект: развитое правосознание предполагает момент уважения государственности, конституционных основ общества и прав человека, что напрямую противоречит как целям экстремистских действий, так и средствам их реализации. Таким образом, патриотизм и правосознание представляют собой важные факторы противодействия экстремизму, которые не только способствуют снижению экстремистской угрозы, но также обладают взаимодополняющим характером.

Литература:

1. Дурягина А.И. Государство как основной объект проявления патриотизма // Патриотизм как фактор развития российской государственности / Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Ассамблея народов России, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, Московский дом национальностей; [под общ. ред. И.В. Бочарникова]. – М.: Московский дом национальностей, 2015. – 368 с., с. 43-54

2. Карманова Д. А. Патриотизм как общественное отношение: социально-философский анализ : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Карманова Дарья Александровна; [Место защиты: Иван. гос. ун-т]. - Иваново, 2007.- 159 с.

3. Кубякин Е.О. Особенности формирования и проявления экстремизма в молодежной среде / монография / Е.О. Кубякин; М-во внутренних дел Российской Федерации, Краснодарский ун-т. Краснодар, 2011.

4. Кубякин Е.О. Формирование установок толерантности в молодежной среде как элемент системы противодействия экстремизму // Общество и право. 2010. № 3. С. 288-292.

5. Кубякин Е.О. Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде в контексте обеспечения национальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2010. № 1. С. 16-18.

6. Куликов Е.М., Кубякин Е.О., Плотников В.В. Экстремизм как социально-управленческая проблема трансформирующегося российского общества // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 230-234.

7. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. - 873 с.

8. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. - Серия «Мир культуры, истории и философии». - СПб: Издательство «Лань», 2000. - 608 с.

9. Плотников В.В. Деструкция и дисфункция социальных институтов: анализ жизнеспособности государственной системы // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 44-46.

10. Плотников В.В. Институциональные последствия социальной трансформации глобального уровня // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 3 (50). С. 56-64.
11. Плотников В.В., Кубякин Е.О. Противодействие социальной деструктивности в условиях глобальной трансформации общества: управленческий аспект // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 2. С. 35.

Белашова Яна Юрьевна,
специалист по учебно-методической работе
кафедры философии и социологии
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»
Кропчина Наталья Олеговна,
преподаватель-методист
факультета переподготовки и повышения квалификации
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»

ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА: АНОНИМНОСТЬ И ПУБЛИЧНОСТЬ КАК ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АГРЕССИИ

Аннотация: информация – один из самых динамичных инструментов воздействия на общество. В наши дни цифровые коммуникации обеспечили не только практически мгновенное распространение информации, но и возможность ее неограниченного тиражирования. С учетом того, насколько серьезную роль играют установки общественного сознания в социальной активности, деструктивные информационные процессы представляют собой серьезную угрозу стабильности общества. В этом контексте особую проблематичность приобретает сфера Интернет-коммуникации, на уровне которой свободный процесс распространения информации периодически используется для повышения уровня социальной напряженности и провокации населения на осуществление экстремистской деятельности. В статье рассматриваются следствия общедоступной возможности анонимного общения, рассматриваются перспективы развития ситуации.

Ключевые слова: информационная безопасность, экстремизм, анонимность, Интернет, коммуникация, социальная деформация.

Информационная безопасность – сравнительно новый термин, однако сложно переоценить его значение в современном мире. Развитые каналы коммуникации представляют собой не только великолепную возможность по осуществлению общения и рабочего взаимодействия, но и новое, пока еще не до конца вписанное в нормативную сферу общества поле взаимодействия, в котором имеет место благоприятная почва для развития де-

структивных процессов. Одна из основных проблем, связанных с регуляцией отношений в области онлайн-коммуникаций является анонимность участников взаимодействия. Рассмотрим подробнее основные проблемы, связанные с анонимностью в Интернет-среде.

Одним из важных аспектов коммуникации является ее нормативная определенность: существуют сложившиеся в ходе социальной эволюции нормы взаимодействия, соблюдение которых определяется внутренними социальными установками членов общества, а также внешними механизмами социального контроля. Значение этих механизмов весьма велико: с одной стороны, они определяют позитивные, социально одобряемые формы взаимодействия, с другой – налагают ограничения на деструктивные формы коммуникативных практик. Это определяет момент ответственности, связанный с реакцией сообщества на те или иные проявления члена общества. Ответственность за некорректные формы социальной деятельности вариативна: от институционально определенных штрафных санкций и вплоть до общественного порицания. В результате имеет место ситуация, когда далеко не все интенции социального взаимодействия выходят на уровень коммуникации. Одним из следствий наличия социальных ограничений является накопление агрессии, связанное с невыраженными деструктивными установками сознания отдельных членов общества. При этом, поскольку возникновение конфликтов интересов представляет собой достаточно распространенное явление, можно судить о систематическом подавлении наиболее деструктивных реакций у отдельных представителей социальной среды.

В этих условиях момент социального контроля представляет собой один из решающих факторов, ограничивающих действия членов коммуникации. Табуированность тех или иных социальных проявлений находится в прямой взаимосвязи со степенью тотальности ответственности, имеющей место в той или иной ситуации. Отсюда, например, логично наличие практики «откровенных разговоров» с незнакомцами, зачастую реализуемых во время совместных поездок в транспорте, а также повышенного уровня агрессии или аморального поведения отдельных членов общества вне среды их социальной включенности. Налицо закономерность: при сохранении в неизменном виде общего уровня личных табуированных потребностей, их реализация становится тем более интенсивной, чем меньше риск получения негативной адресной реакции, определяющей статусные характеристики человека.

В современном обществе пространство коммуникации существенно изменилось, причем речь идет как о различиях между малыми населенными пунктами и крупными городами, в которых момент анонимности развит значительно более сильно, а также имеются широкие возможности по смене круга общения, так и о возникновении специфического поля комму-

никации, гарантирующего практически полную анонимность – сферы Интернет-коммуникации.

Феномен онлайн-общения связан с возможностью использования цифровых технологий для осуществления взаимодействия на текстовом уровне, а также, в отдельных случаях – с использованием вербальной коммуникации и видеосвязи. При этом преобладающее значение имеет именно текстовый формат, исторически наиболее ранний в структуре онлайн-общения и имеющий ряд преимуществ в сравнении с вербальным контактом в режиме реального времени. При этом характер коммуникации предполагает возможность полного сокрытия личности, что дает участникам общения практически полное освобождение от риска получения адресных негативных санкций[1]. В результате происходит существенное изменение характера коммуникативных практик, реализуемых в Интернет-пространстве: значительно более частым явлением становится реализация конфликтных моделей, оскорбление личности, намеренная провокация собеседника и иные формы социально деструктивной активности[2][1]. По сути, имеет место социальная деформация, связанная с нарушением баланса между областью внутренних социальных потребностей и системой социального контроля.

Здесь следует сделать важную оговорку: повышение уровня социальной агрессии в условиях анонимности может иметь место в том случае, если основные ограничители деструктивной деятельности имеют внешний характер. Те члены общества, деятельность которых основана на личном принятии социальных норм и ценностей, не используют возможности по безнаказанному деструктивному поведению в условиях анонимности потому, что с точки зрения воспитания и принятых норм подобного рода поведение остается для них неприемлемым. Таким образом, деструктивные формы онлайн-общения и общий уровень интенсивности реализации негативных моделей представляет собой своеобразный маркер, демонстрирующий эффективность (и неэффективность) воспитательного процесса, реализуемого в обществе.

Еще одним специфическим аспектом онлайн-коммуникации становится формирование «масок» - искусственных личностей, формируемых отдельными субъектами коммуникации с различными целями, от психологических экспериментов и желания развлечься и вплоть до реализации мошеннических схем.

Важной проблемой в данном случае становится то, что область Интернет-коммуникации, будучи полем взаимодействия, одновременно превращается в специфическую среду, на уровне которой реализуется момент

[1] Радайкин М. Ф. Кратко о проблеме анонимности в сети Интернет // Пробелы в российском законодательстве. 2013. №2. С.25-28

[2] Иванюшкин И. А. Интернет-зависимость: социокультурный контекст (педиатрические аспекты) // Российский педиатрический журнал. 2013. №3. С.57-61

социализации. Иными словами, современное поколение воспитывается в ситуации, когда одна из основных сфер взаимодействия допускает момент вседозволенности, а реализация деструктивных моделей и выплеск социальной агрессии представляет собой обыденную практику, практически норму. Это приводит к частичной деформации системы социальных ценностей, невольному или осознанному принятию деструктивных моделей, отходу от конструктивных социальных установок и развитию системы стереотипов, основанных на реализации конфликтных моделей. Типичным примером такого негативного стереотипа является образ «школьника», сочетающий в себе неопределенный набор негативных качеств, свойственных невоспитанным или излишне максималистичным участникам коммуникации. В результате происходит негативное маркирование целой социальной группы с навязыванием отрицательных по своей направленности ожиданий, которые либо просто создают некомфортную среду для личности, либо, что намного опаснее – задают следование негативным ожиданиям.

Однако основная проблема, связанная с анонимностью в Интернет-среде, состоит в том, что она представляет собой чрезвычайно удобную площадку для актуализации социальной напряженности и дальнейшего управления ее ростом, с возможностью дальнейшего перенаправления в сторону какой-либо социальной группы или государства. Экстремизм в Интернет-среде представляет собой чрезвычайно опасное явление, поскольку его влияние, при условии удачной для автора сообщения подачи, может распространиться на многомиллионную аудиторию. Момент неограниченного тиражирования информации в сети определяет проблематичность суждения о частных случаях экстремизма в сети Интернет. Каждый такой случай публичен.

Особо проблематичным является то, что область онлайн-коммуникации по обозначенным выше причинам уже является сферой проявления агрессии, и потому ее перенаправление может быть реализовано значительно проще, нежели в ходе прямого межличностного контакта.

В целом, обозначенные проблемы онлайн-среды во многом связаны с тем, что она представляет собой чрезвычайно молодое, еще находящееся на этапе становления социальное пространство. Это определяет отсутствие сложившейся нормативной базы по ряду вопросов, возможность существования явно деструктивных социальных явлений, отсутствие устоявшихся механизмов контроля. В настоящее время все эти моменты находятся на стадии развития, что позволяет судить о перспективах изменения условий коммуникации в онлайн-среде в пользу более приближенного к принятым в обществе нормам модели взаимодействия и необходимости социологических и социально-правовых разработок в данной сфере.

Литература:

1. Иванюшкин И. А. Интернет-зависимость: социокультурный контекст (педиатрические аспекты) // Российский педиатрический журнал. 2013. №3. С.57-61

2. Михайлов С. В. Интернет как социальное явление: Дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 : Ульяновск, 2003 169 с.

3. Радайкин М. Ф. Кратко о проблеме анонимности в сети Интернет // Пробелы в российском законодательстве. 2013. №2. С.25-28

Дубина Альбина Шагидулловна,
доцент кафедры прикладной и бизнес-информатики
Пензенского казачьего института технологии (филиала)
Московского государственного университета
технологии и управления ми. К.Г. Разумовского,
кандидат социологических наук

СИСТЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ПЕНЗЕНСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. В тексте статьи говорится о том, какие основные угрозы по совершению террористических акций могут возникнуть на промышленных предприятиях, каким образом проходит оценка данных угроз и как возможно предупредить возникновение террористических актов на предприятиях промышленности.

Ключевые слова: террористический акт, промышленные предприятия, паспорт АТЗ, АТК.

В Российской Федерации полномочия по предотвращению террористических актов возложены на специально уполномоченные федеральные органы исполнительной власти и спецслужбы такие как: ФСБ России, МВД России, СВР России, а также МЧС России и другие сформированные организации и сообщества.

Форма работы между правоохранительными органами и органами управления по делам государственной обороны и чрезвычайных служб, а также между руководством привлекаемых сил при ликвидации чрезвычайных ситуаций, вызванных крупномасштабными террористическими акциями, решается заранее и утверждается подписанием необходимых положений о совместной работе.

В результате анализа всевозможных сценариев реализации террористической акции выбирается совокупность мер по защите объекта и уменьшению вероятных последствий.

Оценка террористических угроз для существующих зданий, которых можно отнести к критическим инфраструктурам, реализуется в процессе процедуры декларирования безопасности этого сооружения. Выбор самых уязвимых инфраструктур города возможен при разработке паспортов безопасности административно-территориальных единиц.

Целью разработки паспорта антитеррористической защищенности объекта является информационное обеспечение руководства и уполномоченных сотрудников эксплуатирующих организаций, правоохранительных органов и иных органов государственной власти при планировании и осуществлении ими деятельности по антитеррористической защите объекта. Оформление паспорта АТЗ начинается с определения категории объекта. Категорирование объекта проводится специально создаваемой распоряжением руководителя (объекта) объектовой комиссией. После категорирования объекта рабочая группа приступает к оценке достаточности мероприятий по физической защите объекта. Данные по категорированию объекта и оценке достаточности мероприятий по физической защите объекта составляют основу паспорта АТЗ.

Требования по антитеррористической защищенности объектов промышленности Российской Федерации соответствуют положениям следующих нормативных документов:

- Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных произведет венных объектов»;

- постановления Правительства Российской Федерации от 1 июля 1995 г. № 675 «О декларации безопасности промышленного объекта Российской Федерации»;

- постановления Правительства Российской Федерации от 13 сентября 1996 г. № 1094 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;

- Государственному стандарту Российской Федерации ГОСТ Р 22.0.02-94 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Термины и определения основных понятий» и др.

Комплекс сопротивления терроризму на промышленных предприятиях и объектах инфраструктуры России обеспечивает сумму задач и предоставляет решение описанных функций:

– Анализ условий защищенности промышленных предприятия. Анализ опасности, влияющих на сооруженные объекты. Оценка незащищенности сооружений.

– Оценка нормативно-правового управления антитеррористической безопасности промышленных предприятий.

– Подготовка деятельности сил гражданской обороны при террористических актах с использованием токсичных химических средств.

– Подготовка деятельности сил гражданской обороны при террористических актах с использованием биологических разрушающих агентов.

– Подготовка деятельности сил гражданской обороны при террористических актах, сопутствующих радиоактивным загрязнением прилегающих объектов.

– Подготовка деятельности сил гражданской обороны при прекращении ЧС, спровоцированных значительными террористическими актами, повлекшими уничтожением всевозможных объектов.

В качестве мероприятий по борьбе и ликвидации террористических акций на промышленных предприятиях применяют следующие меры:

− обучение всех категорий работников правилам поведения и порядку работы в условиях угрозы и применения террористами различных видов взрывчатых, химических, биологических и иных опасных для жизни веществ, проведение разъяснительной работы среди работников промышленных предприятий по правилам безопасности и поведения при очистке промышленного объекта от взрывоопасных предметов.

Промышленные предприятия являются объектом особой опасности из-за массового скопления работников на ограниченном пространстве.

Для предупреждения и пресечения вероятности совершения террористического акций в рабочий процесс промышленного предприятия вводится система организационно-профилактических мер, помогающих избежать или максимально сократить потери людей при совершении террористического акта.

Комплекс организационно-профилактических мер содержит в себе осуществление инструктажей с работниками промышленных предприятий всех уровней по противодействию террористическим рецидивам; организации инвентаризации основных и запасных входов-выходов; организации инвентаризации помещений, сдаваемых в аренду; организация осмотров территории и помещений промышленного предприятия; создание въезда автотранспорта на территорию промышленного предприятия; создание пропускного режима; реализацию уборки территории и помещений промышленного предприятия; реализацию информационного обеспечения в сфере антитеррористической деятельности; проведение проверки работоспособности прямой телефонной связи дежурных служб промышленного предприятия с дежурной частью УВД; проведение проверок работоспособности технических средств защиты (кодовых замков, электронных замков, домофонов и т.д.), проведение тренировок работников промышленных предприятий в сфере антитеррористической деятельности.

Директор промышленного предприятия назначается ответственным за состояние антитеррористической защищенности своего предприятия. На него возлагается координация работы подразделений промышленного предприятия по противодействию террористическим проявлениям, организует взаимодействие с территориальными органами МВД и ФСБ России. Функции постоянно действующего органа управления в сфере антитеррористической деятельности выполняет АТК промышленного предприятия.

АТК разрабатывает план работы антитеррористической комиссии, план совместных с УВД организационно-профилактических мероприятий по предупреждению и пресечению террористических проявлений, планы

проведения инструктажей и тренировок в сфере антитеррористической деятельности, другую планирующую и организационно-распорядительную документацию, контролирует выполнение организационно-профилактических мероприятий, выявляет нарушения в антитеррористической защищенности промышленного предприятия, проводит разъяснительную работу среди работников предприятия в сфере антитеррористической деятельности и подготавливает отчеты о проделанной работе. АТК проводит свои заседания по мере необходимости, но не реже одного раза в квартал. Комиссия по мере необходимости, но не реже одного раза в квартал, совместно с территориальными органами УВД, ФСБ России, охраны проводит полное детальное обследование антитеррористической защищенности промышленного предприятия. Результат обследования оформляется актом.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993: [офиц. текст по состоянию на март 2003 г.]. – СПб.: Линия, 2004.

2. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» (в ред. от 3 июля 2005 г.). Концепция национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации 17 декабря 1997 г. № 1300 (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. №24).

3. Белов П.Г. Методологические основы национальной безопасности. – СПб.: ГПУ, 2014. - С. 307.

4. Дубина, А. Ш. Современное социально-экономического положение экономически не успешных промышленных предприятий (на примере г. Пенза) II Четвертая международная научно-практическая социологическая конференция "Продолжая Грушина". 27–28 февраля 2014 г. – Материалы конференции – М: ВЦИОМ, 2014 – С. 376–377.

5. Кудрявцев В.Н. Предупреждение терроризма / В.Н.Кудрявцев // Об щественные науки и современность. – 2004. – № 1.

6. Сигалъ М.Д. Угрозы терроризма и чрезвычайные ситуации техногенного характера / М.Д.Сигаль, Н.А.Махутов, В.И.Степанчиков // Про блемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 2004.

Кашин Олег Валериевич,
экстерн аспирантуры
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

ПРИВИТИЕ НОРМ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ХОДЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В АРМЕЙСКОЙ СРЕДЕ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОБСТАНОВКИ

Аннотация: в статье рассматриваются опосредованные факторы развития экстремизма, связанные с отношением членов общества к государству. В этом контексте ставится вопрос о том, что уровень патриотического воспитания военнослужащих оказывает комплексное воздействие на состояние экстремистских тенденций. На основании проведенного анализа доказывается, что патриотизм в среде военнослужащих положительно сказывается на их внешней социальной оценке, что, в конечном итоге, определяет конструктивные социальные установки граждан.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, социальные нормы, подготовка военнослужащих.

Практика показывает, что проблема экстремизма не может быть разрешена исключительно на уровне противодействия возникающим фактам социально-деструктивной деятельности. Как отмечают исследователи проблемы экстремизма, его возникновение связано с состоянием институциональной сферы государства[1], характером социального развития членов общества, их социальным мировоззрением и спецификой личностного самоопределения[2]. В данном контексте чрезвычайно большое значение приобретает уровень патриотизма в обществе. Исходя из той предпосылки, что армия представляет собой одно из важнейших оснований оценки государства, можно сделать вывод о том, что состояние института армии напрямую определяет гордость за страну и шанс принятия связанной с высокой оценкой государства конструктивную форму самоопределения. Традиционным шагом от формирования этого понимания становится утверждение необходимости улучшения условий воинской службы. Вместе с тем, большое значение имеет не только то, какие условия способно организовать государство для военнослужащих, но и то, как оцениваются населени-

[1] См.: Куликов Е.М., Кубякин Е.О., Плотников В.В. Экстремизм как социально-управленческая проблема трансформирующегося российского общества // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 230-234; Плотников В.В. Деструкция и дисфункция социальных институтов: анализ жизнеспособности государственной системы // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 44-46.

[2] Кубякин Е.О. Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде в контексте обеспечения национальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2010. № 1. С. 16-18.

ем сами военнослужащие. И здесь значимость их патриотического воспитания приобретает ключевое значение.

Развитие в среде военнослужащих патриотических установок является одним из основных составляющих элементов воспитательной работы [3]. Здесь следует обратить внимание на важный момент: деятельность военнослужащих представляет собой, с точки зрения социальной прагматики, область социальной активности, в которой преобладающее значение имеют интересы государства, в то время как носители социальной активности тратят свой временной и трудовой ресурс без какой-либо существенной выгоды для себя. Этот момент практически полной самоотдачи с незначительным материальным вознаграждением определяет возникновение конфликта интересов военнослужащих-призывников и общества, однако ситуация конфликта становится возможной лишь в том случае, когда в мировоззрении призывника личные интересы доминируют над общесоциальными.

В этом отношении патриотическая составляющая воспитательного процесса призвана сформировать адекватное представление о значении воинской службы и, в частности, мотивировать военнослужащих к ее эффективному несению[1]. Вместе с тем, помимо нивелирования ценностного конфликта в воинских коллективах, существует и еще одна важная функция патриотического воспитания: оно ориентирует солдат на конструктивную деятельность, мотивируя ее интересами общества, создавая в сознании солдат положительный образ военнослужащего-патриота. Одной из положительных характеристик в данном случае является социальная активность, направленность на оптимизацию социальной ситуации и разрешение возникающих в обществе проблем. Речь идет об активности социальной позиции, в которой зазор между констатацией проблемы и действиями по ее устранению стремится к нулю.

Здесь есть два важных аспекта: с одной стороны, патриотизм предполагает смещение акцентов социальной деятельности, перенаправление ее от следования личным интересам к принятию интересов группы и, рассматривая шире – общества в целом[2]. Изменение социальной аксиологии, стремление к развитию позитивных форм взаимодействия, представляет собой важнейшее основание повышения социальной значимости действий конкретного человека. Вместе с тем, существует и другая сторона, связанная не столько с ценностными установками военнослужащих, сколько с

---

[1] Боровых А.С., Логинов К.Г. Чейда И.И. Формирование у курсантов профессионально- значимых качеств личности [Текст] / А. С. Боровых, К. Г. Логинов, И. И. Чейда. - Иваново: ИПТУ МВД России, 1998.-230 с.

[2] Костылев С.В. Формирование нравственно-патриотических ценностей курсантов военных училищ в полиэтническом регионе (постановка проблемы) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2008. №7. С.56-60.

нормами взаимодействия, что определяет форму социальной активности и ее векторы. Для того, чтобы проиллюстрировать данный момент, необходимо обратить внимание на различие между ценностями и нормами в социальной деятельности. Социальные ценности предполагают момент значимости какой-либо сферы для человека, в то время как нормы определяют конкретную оптимальную форму социального процесса и граничные состояния, при которых он утрачивает свой конструктивный характер. В этом смысле, например, принятие одних и тех же ценностей может сопровождаться различиями на уровне норм поведения. Так, при сходных установках, связанных с признанием ценности семьи, могут кардинальным образом различаться приемлемые формы взаимодействия.

Здесь обнаруживается видимое противоречие: если патриотизм представляет собой общую ценностную установку, а его объектом является общество в целом, каким образом возможно, что в ходе патриотического воспитания реализуется привитие социальных норм, которые обладают вполне конкретной определенностью? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо первоначально обратить внимание на то, что нормы социального взаимодействия могут не только даваться как некий готовый продукт воспитательной деятельности или образец, но и получать свое обоснование в ходе воспитательного процесса. Рассмотренное выше разделение норм и ценностей не предполагает, что они не взаимосвязаны. Речь идет скорее о теоретической детализации, которая допускает как наличие неактуализированных в ценностном плане норм взаимодействия, так и ненормальных в социальном плане установок, выходящих за рамки общей определенности конструктивных отношений.

Патриотическое воспитание реализует установку на принятие коллективных ценностей и, в частности, предполагает актуализацию общепринятых на уровне социальной системы норм. Здесь важным является то, что стремление к достижению высокого уровня развития общества и его общего процветания предполагает утверждение конструктивной формы общественной организации, одной из составляющих которой является приведение системы социальных отношений к нормативно определенной форме.

На этом уровне актуализируется важный момент: одним из важнейших факторов, лежащих в основе девиантного поведения, является акцентуация члена общества на индивидуальной сфере потребностей, что предполагает общую трактовку значимости конкретных социальных действий с точки зрения личных интересов. Патриотические установки предполагают преобладание общесоциального аспекта, что, в свою очередь, означает смещение социальной аксиологии от субъективно-ситуативной трактовки социальной деятельности в сторону ее идеального рассмотрения с точки зрения значения того или иного действия для общества. Речь идет о качественном развитии личности, в рамках которого критерии оценки окружа-

ющих явлений существенно меняются, результатом чего становится изменение характера поведения человека.

Ситуация, когда армия представляет собой не только обязанность, но и значимое средство личностного роста, может существенно повысить кредит доверия государству. Таким образом, патриотическое воспитание военнослужащих служит одновременно привитию патриотических установок в среде населения. С учетом того, что социальные оценки населением эффективности государственной политики и корректности функционирования основных государственных институтов являются важным фактором противодействия экстремизму (или, напротив, в случае негативной оценки – фактором подверженности экстремистским тенденциям), патриотическое воспитание военнослужащих является одним из важных оснований стабилизации социальной ситуации.

Литература:

1. Боровых,А. С., Логинов, К. Г. Чейда И. И. Формирование у курсантов профессионально- значимых качеств личности [Текст] / А. С. Боровых, К. Г. Логинов, И. И. Чейда. - Иваново: ИПТУ МВД России, 1998. - 230 с.

2. Карманова Д. А. Патриотизм как общественное отношение: социально-философский анализ : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Карманова Дарья Александровна; [Место защиты: Иван. гос. ун-т].- Иваново, 2007.- 159 с.

3. Костылев С. В. Формирование нравственно-патриотических ценностей курсантов военных училищ в полиэтническом регионе (постановка проблемы) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2008. №7. С.56-60

4. Кубякин Е.О. Особенности формирования и проявления экстремизма в молодежной среде / монография / Е. О. Кубякин ; М-во внутренних дел Российской Федерации, Краснодарский ун-т. Краснодар, 2011.

5. Кубякин Е.О. Формирование установок толерантности в молодежной среде как элемент системы противодействия экстремизму // Общество и право. 2010. № 3. С. 288-292.

6. Кубякин Е.О. Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде в контексте обеспечения национальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2010. № 1. С. 16-18.

7. Куликов Е.М., Кубякин Е.О., Плотников В.В. Экстремизм как социально-управленческая проблема трансформирующегося российского общества // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 230-234.

8. Плотников В.В. Деструкция и дисфункция социальных институтов: анализ жизнеспособности государственной системы // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 44-46.

9. Плотников В.В. Институциональные последствия социальной трансформации глобального уровня // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 3 (50). С. 56-64.
10. Плотников В.В., Кубякин Е.О. Противодействие социальной деструктивности в условиях глобальной трансформации общества: управленческий аспект // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 2. С. 35.

Кокурина Наталья Владимировна

ПОТЕНЦИАЛ УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Аннотация: в статье уделяется внимание проблеме раскрытия потенциала участия молодежи в политических процессах. С позиции автора, современная российская молодежь нуждается в положительных и конструктивных моделях реализации преобразующего потенциала. Отсутствие таковых моделей имеет ряд деструктивных последствий, среди которых можно назвать: политическую апатию, деятельность ради деятельности, участие в противоправных политических манипуляциях и провокациях.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, социальное развитие, модернизация, потенциал молодежи.

Участие молодежи в политике - это явление характерно для каждого времени, но в каждый период оно по-своему уникально. Например, в 19 веке это студенческие движения в России, которые несли революционный и либеральный характер. А 17 веке, напротив, в России Петр I оправлял молодое поколение в Европу, чтобы полученными ими знаний и опытом модернизировать государство в целом.

Значение молодежи в политике страны являлось показателем ее состояния (развития), векторов ее влияния в общественной жизни и внешней политике. Вместе с тем, в стране традиционном строем общества, молодежи не предавали значения и не воспринимали как реально действующую социальную группу. Только в XVIII-XIV веках она заявила о себе в политике в ходе буржуазных революций и модернизации.

В современном мире школьники и студенты особенно заинтересованы в политической деятельности. На это ссылается ряд современных исследователей[1]. Изучая из курсов обществознания и истории основы поли-

[1] См.: Маркина Наталья Леонидовна, Твирова Юлия Александровна, Шумилова Ольга Евгеньевна Молодежь и политика // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2014. №1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-i-politika-1 (дата обращения: 03.10.2017); Яценко Н.А. Участие молодежи в политике // интернет ресурс. URL: http://na-journal.ru/2-2012-gumanitarnye-nauki/66-uchastie-molodezhi-v-politike (дата обращения: 12.11.2017).

тики и как реализовать свои идеи в жизнь, учась на ошибках прошлых поколений, молодые люди показывают стремление в построении «правильного общества», и представители власти «дают» им эту возможность. В школах образуются ученические советы, предводители которых участвуют в тех или иных социально-политических движениях. Делегаты из сферы власти периодически проводят в учебных заведениях лекции о современном обществе, рассказывают о важности нынешней молодежи, что в ее руках находится будущее страны, вводят в курс дела о решениях власти. Другими словами, создают почву юному поколению для мыслей о нынешней политике.

Однако, хочется заметить, что старшее поколение, давая пищу для размышления об управлении государством и векторах его действий, ограничивает ювентизацию, т.е. путь к как таковой политике закрыт. Налицо традиционные модели геронтократии. Юность и неопытность закрывают глаза взрослым на реальные качества прогрессивных представителей поколения 21-го века.

Такая предвзятость вполне обоснована, ведь для многих быть политическим деятелем, значит быть популярным. Это является показателем статуса и престижа, что в свою очередь повышает роль среди сверстников. Таким образом, политика для не малого количества школьников и студентов лишь инструмент для достижения своих целей. Нередко активная молодежь становится средством, а точнее объектом политических манипуляций.

Контрастность проблематики привела к тому, что современное поколение студентов и школьников, непонимающее своей истиной роли в обществе, участвуют в различных акциях для донесения своих мыслей руководству страны. Порой эти акции перетекают в нечто большее, что приводит к отрицательным последствиям для сознания подрастающего поколения. По мнению авторитетного исследователя молодежного экстремизма Е.О. Кубякина, отсутствие положительных сценариев применения социальной активности молодежи может стать объектом различного рода манипуляций и провокаций[1] [1, 2, 3]. Молодежи присущ героизм и альтруизм, но именно он, как неуправляемая сила (без должного уровня социального развития с одной стороны) и (без положительных вариантов реализации с другой) способен стать силой разрушения.

Но нужна ли в современной политике молодежь? Безусловно, да. Свежие идеи, модернизация, новые политические кадры невозможны без вмешательства «свежей крови». Она придает развитию страны динамику,

[1] Кубякин Е.О. Особенности формирования и проявления экстремизма в молодежной среде / монография / Е. О. Кубякин ; М-во внутренних дел Российской Федерации, Краснодарский ун-т. Краснодар, 2011; Кубякин Е.О. Формирование установок толерантности в молодежной среде как элемент системы противодействия экстремизму // Общество и право. 2010. № 3. С. 288-292; Кубякин Е.О. Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде в контексте обеспечения национальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2010. № 1. С. 16-18.

является одним из залогов положительного роста. В современном трансформирующемся обществе именно молодежь способна быстрее всего адаптироваться под высокие скорости социальных изменений.

Литература:

1. Кубякин Е.О. Особенности формирования и проявления экстремизма в молодежной среде / монография / Е. О. Кубякин; М-во внутренних дел Российской Федерации, Краснодарский ун-т. Краснодар, 2011.
2. Кубякин Е.О. Формирование установок толерантности в молодежной среде как элемент системы противодействия экстремизму // Общество и право. 2010. № 3. С. 288-292.
3. Кубякин Е.О. Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде в контексте обеспечения национальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2010. № 1. С. 16-18.
4. Маркина Наталья Леонидовна, Твирова Юлия Александровна, Шумилова Ольга Евгеньевна Молодежь и политика // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2014. №1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-i-politika-1 (дата обращения: 03.10.2017).
5. Яценко Н.А. Участие молодежи в политике // интернет ресурс. URL: http://na-journal.ru/2-2012-gumanitarnye-nauki/66-uchastie-molodezhi-v-politike (дата обращения: 12.11.2017).

Коротких Виктория Николаевна,
заместитель начальника научно-исследовательского отдела
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»

МОДЕЛИ ГЕНДЕРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОЛЛЕКТИВЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация: В условиях активного развития угрозы экстремизма обостряется необходимость конструктивной, слаженной работы сотрудников правоохранительных органов. По этой причине необходимо сведение к минимуму факторов, понижающих функциональную эффективность коллективов ОВД. Одним из таких факторов остается наличие гендерных стереотипов, определяющих усложненный характер взаимодействия между мужской частью коллектива и сотрудницами ОВД. Статья посвящена анализу проблемы о поиску направлений оптимизации ситуации.

Ключевые слова: экстремизм, гендер, правоохранительные органы, модели взаимодействия в коллективе, гендерные стереотипы.

Экстремизм является одной из основных угроз стабильности современного общества. Его проявления носят как явный характер открытого силового конфликта, так и характер латентного накопления деструктивных тенденций, что зачастую представляет не меньшую, а даже большую опасность для устойчивости социальной среды, поскольку противодействие одномоментному выплеску накопившейся социальной агрессии требует значительно больших силовых ресурсов, нежели борьба с периодически возникающими фактами деструктивной активности. По этой причине представляется чрезвычайно важной эффективная деятельность сотрудников правоохранительных органов, направленная на выявление деструктивных процессов развития экстремизма и, в частности, поиск и устранение механизмов воспроизводства экстремистских моделей в обществе.

На фоне этой значимой цели приобретает актуальность вопрос о повышении эффективности работы правоохранительных органов, что является одним из опосредованных факторов эффективной борьбы с экстремизмом. При этом проблема шире, нежели только лишь поиск носителей экстремистской деятельности и ее пресечение. Эффективность правоохранительных органов определяет, в том числе, и положительный имидж государства, что является важным условием повышения стабильности общественной структуры. В этих условиях большое значение приобретает формирование эффективной рабочей обстановки в коллективах ОВД, организация конструктивного механизма взаимодействия, при котором усилия работников ОВД будут направлены на максимально эффективное выполнение должностных обязанностей. Любые факторы, снижающие эффективность группового взаимодействия сотрудников ОВД, должны быть исследованы, и, по возможности – устранены. Одним из таких факторов, приводящих к усложнению системы отношений в коллективах сотрудников ОВД является действие гендерных стереотипов, усложняющих взаимодействие сотрудниц ОВД с мужской частью коллектива.

Наличие гендерных стереотипов представляет собой одну из сложных проблем как для сотрудниц ОВД, вынужденных сталкиваться с особым, замешанным на стереотипах отношением, так и для руководителей структурных подразделений МВД, перед которыми зачастую встает вопрос нормализации отношений в коллективе.

Наиболее явная проблема состоит в том, что сфера деятельности сотрудников полиции традиционно рассматривается как «мужская», что существенно усложняет профессиональную работу сотрудниц ОВД. Здесь имеет место набор профессиональных и гендерных стереотипов, существование которых определяет исходное статусное неравенство в профессиональном коллективе. Речь идет как об уровне ожиданий, различающемся в зависимости от гендерней принадлежности сотрудника полиции, так и о сложностях в рамках коллективной работы. Здесь сразу следует отметить важный момент: несмотря на то, что российское общество активно дви-

жется в сторону модернизации, существует достаточно серьезная социальная традиция, в рамках которой выстраивается система ожиданий и оценок. Это тем более актуально в силу многонационального и поликонфессионального характера российского общества. Поясняя сказанное, следует отметить, что гендерное разделение наиболее интенсивно развито в традиционных обществах, и в данном отношении можно констатировать наличие ряда этнических групп, на уровне которых отношение к женщинам связано с четко выраженной традицией ролевой определенности «слабого пола», с характерным набором функций и возможностей. Не менее существенно и то, что на уровне религиозного сознания в отдельных религиях также регламентируется место женщины в обществе. Хотя данные суждения противоречат конституционной идее равноправия, сложно отрицать их значение в рамках непосредственной социальной коммуникации.

Вместе с тем следует обратить внимание, что проблема значительно шире, нежели традиционно рассматриваемая тематика неравнозначности социальных оценок в деятельности мужчин и женщин. В обществе существуют устойчивые модели взаимодействия, основанные на гендерной специфике субъектов коммуникации[1], в результате чего можно судить о наличии трех возможных вариантов коммуникативной практики: «мужского», «женского» и смешанного. Существует множество работ, посвященных гендерной психологии, в которых рассматривается специфика среды взаимодействия, определяемая полом участников коммуникативного процесса. Один и тот же человек, в зависимости от гендерных характеристик среды взаимодействия может вести себя различным образом, что проявляется на уровне выбора тем обсуждения, формы выражения мысли, способа самопозиционирования. Попадание мужчины в женский коллектив, равно как и попадание женщины в мужской, часто приводит к ролевому конфликту, связанному либо с некомфортным характером коммуникации для представителя статистического меньшинства (в случае, если характер взаимодействия членов коллектива не меняется), либо с подсознательным восприятием инородности нового члена коллектива, присутствие которого делает табуированными отдельные, комфортные для окружающих формы взаимодействия. По этой причине тяжелая психологическая обстановка в трудовом коллективе зачастую ошибочно оценивается как результат установки на притеснение представителя другого пола. На деле речь идет о кризисном характере самой ситуации, основанном на стереотипных моделях реализации коммуникативного процесса.

Здесь следует обратить внимание на важный аспект: изменение гендерного состава коллектива представляет собой событие, которое активи-

[1] См.: Кузнецова Е.Б. Психология соперничества в контексте тендерного подхода: Автореф. дис.. канд. психол. наук. Хабаровск, 2007; Курбатов В. И., Романовская В. С. Пол и гендер: различные аспекты в анализе // Теория и практика общественного развития. 2005. №2 С.67-70.

зирует полоролевые модели социального действия. Речь идет не только о характере отношения непосредственно к новому члену коллектива, но и о том, каким образом меняется характер самопозиционирования. В частности, присутствие женщины в мужском коллективе активизирует момент конкурентной борьбы, направленной на привлечение внимания представителя другого пола[1], в результате чего, с одной стороны, может возрасти эффективность работы (при условии, если общепринятым критерием оценки является уровень профессионализма сотрудников), с другой – очевидна интенция на рост конфликтности в коллективе.

В данном отношении существует два возможных направления разрешения проблемной ситуации: нивелирование гендерного аспекта путем активного включения в несвойственную с точки зрения гендерных стереотипов форму коммуникации, либо деактуализация неформального аспекта взаимодействия в рамках интенсификации непосредственно формализованной профессиональной деятельности. Рассмотрим данные варианты подробнее.

Перенятие женщиной традиционно воспринимаемой в качестве «мужской» модели коммуникации представляет собой один из эффективных способов нивелирования гендерных различий. В современной практике коммуникации достаточно распространенным является рассмотрение мужской составляющей коллектива отдельных женщин посредством модели восприятия, снимающей большую часть гендерной определенности. Зачастую таких участниц социальной коммуникации, перенявших свойственную мужскому коллективу модель взаимодействия определяют как «пацанку», «своего парня» и т.д. Вместе с тем, данная практика отражает, в первую очередь, вариант вливания в коллектив, реализуемый на индивидуальном уровне самими носителями отягощенной гендерными стереотипами профессиональной деятельности. Значительно больший интерес представляет возможное изменение общего фона взаимодействия, реализуемое на уровне регулятивных функций общества. И здесь очевидную актуальность приобретает принцип формализации отношений, в рамках которой неформальное взаимодействие сводится к минимуму, а в процессах формирования статусно-ролевой определенности решающую роль играют профессионально значимые личностные качества и актуальные достижения, возникшие в ходе трудовой деятельности.

Следует обратить внимание на то, что возникновение гендерных противоречий и связанные с ними тенденции находят отражение, преимущественно, в неформальной сфере взаимодействия сотрудников ОВД. Разрешение обозначенных проблем может быть связано как с общим развенчанием гендерных стереотипов на уровне информационного пространства

[1] Кузнецова Е.Б. Психология соперничества в контексте тендерного подхода: автореф. дис.. канд. психол. наук. Хабаровск, 2007.

общества (в частности, этому способствуют продукты культуры, отражающие момент деятельности сотрудниц ОВД – книги, кинофильмы и т. д.), так и со смещением общей структуры взаимодействия в область формализованной, рабочей коммуникации.

Как становится видно из проведенного обзора, гендерная проблема в коллективах ОВД неоднозначна, однако в целом преобладает деструктивный аспект стереотипизации гендерного аспекта данной профессиональной деятельности. По этой причине, в условиях необходимости общего укрепления структуры ОВД перед лицом угрозы развития экстремизма в обществе, рассмотренный аспект организации функциональной деятельности полицейских коллективов должен быть учтен при планировании управленческих мер по оптимизации деятельности правоохранительных органов.

Литература:

1. Кузнецова Е.Б. Психология соперничества в контексте тендерного подхода: Автореф. дис.. канд. психол. наук. Хабаровск, 2007.

2. Курбатов В.И., Романовская В.С. Пол и гендер: различные аспекты в анализе // Теория и практика общественного развития. 2005. № 2. С. 67-70.

3. Петрова Р.Г. Гендерология и феминология. М.: Дашков и К, 2010. 272 с.

Краснокутский Дмитрий Николаевич,
соискатель кафедры философии и социологии
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»

«ВИРТУАЛЬНОЕ» ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ КАК СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Социальные сети Интернета с каждым годом усиливают свою значимость в российском обществе. В российском обществе в начале XXI в. наблюдается рост аудитории виртуальных сетевых объединений, усиливается интенсивность контактов, что свидетельствует о переходе компьютерно-опосредованной коммуникации в сферу повседневной реальности. Вместе с тем, происходящие социокоммуникативные изменения в социальной системе не встречают адекватной управленческой реакции, что выражается в противоречивых мерах государства в отношении социальных сетей Интернета: с начала 2000-х г. был пройден путь от практически полной вседозволенности до достаточно жестких мер нормативно-правового регулирования активности граждан в социальных сетях. Ситуация осложняется тем, что современные общественные науки недостаточно внимания

уделяют данной проблеме, особенно – прикладным проектам, ориентированным на сотрудничество с управленческими структурами. В частности, одним из наиболее эффективных инструментов объективного, системного анализа социальных сетей Интернета выступает социологический мониторинг эффектов коммуникации, как явных, так и латентных.

По мнению С.Г. Белобородова, виртуальные сообщества отличаются тем, что их члены общаются и действуют исключительно в интернет-пространстве. Основными достоинствами таких сообществ являются неограниченная свобода в выборе «стержня», абсолютная мобильность, многочисленность как критерий актуальности. Недостатков здесь два – полное отсутствие реального влияния и высокая «текучесть» членов.[1]

В основе функционирования социальных сетей Интернета лежит специфическая межличностная, групповая коммуникация, которая возводится в ранг массовой. Именно этот факт придает уникальность социальным сетям как новым медиа. Также необходимо обратить особое внимание на характер коммуникации – не непосредственной, а технически опосредованной.

Именно интернет-общение дает возможность удовлетворить ряд потребностей и интересов, весьма затрудненных в реальной, повседневной жизни. Здесь отсутствуют многие барьеры и ограничения коммуникации, однако, данная ситуация может рассматриваться как в позитивном, так и негативном аспектах.

Как отмечают исследователи, среди распространенных применений сервисов Интернета одними из наиболее интересных являются разнообразные трансформации собственной идентичности, под которыми подразумевается как частичное изменение (сокрытие или отрицание фактов) сведений о себе, лежащих в основе самопрезентации, так и конструирование сетевой идентичности, по большинству параметров отличной от реальной – вплоть до выбора другого имени, пола, биографии, профессии и т.п., представления чужих, в том числе случайно выбранных фотографий.[2]

Именно поэтому в центре внимания научного социологического анализа социальных сетей Интернета находится их взаимосвязь с объективной реальностью (в какой мере данные структурные элементы глобальной сети соответствуют объективной реальности). Сложность ситуации с социальными сетями заключается в том, что их пользователи обладают фактически неограниченной возможностью для введения в заблуждение своих интернет-собеседников в ходе построения своего интернет-профиля. Это зна-

[1] Белобородов С.Г. Формирование Интернет-сообществ как способ самоорганизации и влияния на власть http://politjournal.spb.ru/120114.html (дата обращения 10.06.2017).

[2] Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2013. №1. С.66-69.

чительно усложняет контроль и управление данной сферой интернет-пространства, так как при соблюдении минимальных мер по конспирации, такие псевдо- пользователи социальных сетей могут осуществлять троллинг, провоцировать виртуальные конфликты, при определенных обстоятельствах грозящих трансформироваться в реальные.

Стоит подчеркнуть, что активность в социальных сетях сама по себе представляет элемент ухода от физической реальности в виртуальную – это общеизвестный факт. Вместе с тем, тенденции эскапизма имеют далеко идущие негативные последствия – как для личности, так и для социума. Как отмечает М.С. Безбогова, Интернет предоставил множество возможностей уйти от реальности в вымышленный мир: онлайн-общение, массовые игры, новости, развлечения, а теперь и социальные сети – все это позволяет человеку отойти от проблем и барьеров, существующих в его жизни. Однако сеть дает не только возможность убежать из мира, но и возможность построить в нем собственный, что сказывается не только на восприятии индивидом объективной реальности, но и на его психике.[1]

Становится очевидным, что активность в социальных сетях Интернета оказывает существенное влияние на социально-психологический облик личности, формирует ее мировосприятие, систему ценностей, отношение к социальным нормам. Однако должной научной рефлексии данная, весьма актуальная проблема, до настоящего времени фактически не получила. В этой связи необходимо акцентировать внимание на возможностях социологического анализа аудитории социальных сетей. Имеющийся на сегодняшний день в распоряжении эмпирической социологии арсенал количественных и качественных методов, разнообразных методик и техник сбора первичной информации, ее обработки и анализа позволяет уверенно решать задачи направленные как на детальный анализ аудитории социальных сетей, специфики взаимодействия между акторами интернет-коммуникации, так и, едва ли не самое главное, замерять разнообразные эффекты функционирования сетевой интернет-коммуникации.

Именно такая исследовательская стратегия предоставляет возможность для количественно-качественного всестороннего анализа проблемы функционирования социальных сетей Интернета. В данном случае, целесообразно сосредоточить внимание на следующих элементах исследовательской стратегии:

– изучение социально-психологических, социально-возрастных и социокультурных характеристик аудитории социальных сетей, ее многоуровневая сегментация по ряду ключевых признаков;

[1] Безбогова М.С. Социальные сети как фактор формирования социальных установок современной молодежи: дис. … канд. психол. наук. М., 2016. С.5.

– анализ сообщений в социальных сетях Интернета, посредством количественной (контент-анализ) и качественной (традиционный анализ) стратегии, выявление основных эффектов виртуальной коммуникации;

– изучение мнений экспертного сообщества по проблеме взаимодействия и взаимовлияния социальных сетей Интернета, с одной стороны, и основных сфер общественной жизни (политической, экономической, социальной, духовной), с другой стороны;

– анализ перспектив развития событий с учетом непрекращающегося роста социального влияния Интернета, в том числе и сегмента социальных сетей, в контексте нарастающих проблем информационной перегрузки, информационного неравенства и т.п.;

– исследование проблем, связанных с проникновением радикальных, экстремистских идей в пространство социальных сетей Интернета, особенностей воздействия подобных сообщений на сознание и поведение пользователей глобальной сети;

– выработка рекомендаций для государственных управленческих структур, ответственных за обеспечение правопорядка и законности в информационно-коммуникационной сфере.

Отмеченные социологические методики позволяют осуществлять эффективный анализ поведения курсантов образовательных учреждений МВД России в социальных сетях Интернета. Подобный подход позволяет оперативно выявлять и классифицировать и девиантные тенденции в поведенческих стратегиях курсантов. Данная задача выглядит весьма перспективной в условиях реформирования системы МВД, когда особенно важно, чтобы кадровый резерв полиции не отличался склонностью к девиантному поведению. В данном аспекте необходимо обратить особое внимание именно на возможности социологического анализа проблемы – как эмпирического, так и прикладного.

Риски и угрозы, связанные с негативными последствиями для курсантов МВД, могут быть весьма серьезными, вследствие чего необходимо осуществлять ряд системно организованных действий со стороны института государства, в том числе – министерства внутренних дел. Однако необходимо осуществлять продуманные, грамотные, взвешенные мероприятия, которые не должны воплощаться лишь в запретах и репрессиях; специфика молодежного возраста такова, что курсанты будут искать возможности преодоления запретов даже под угрозой санкций. Именно поэтому нужно обучать курсантов МВД компьютерной грамотности, расширять их познания в области кибербезопасности и т.п. Становится очевидным, что реализация подобного комплексного подхода должна опираться на масштабные прикладные социологические исследования, без которых велик риск субъективизма и волюнтаризма при принятии важных управленческих решений, а также шаблонности и неэффективности действий

Литература:

1. Безбогова М.С. Социальные сети как фактор формирования социальных установок современной молодежи: дис. … канд. психол. наук. М., 2016.

2. Белобородов С.Г. Формирование Интернет-сообществ как способ самоорганизации и влияния на власть http://politjournal.spb.ru/120114.html (дата обращения 10.06.2017).

3. Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2013. №1.

Кузьменко Ирина Сергеевна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
ФГКОУ ВО «Краснодарский Университет МВД России»,
кандидат социологических наук

СОЛИДАРИЗАЦИЯ В ДЕСТРУКТИВНЫХ ГРУППАХ КАК ОСНОВАНИЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА ДЕСТРУКТИВНЫХ ГРУПП

Аннотация: в статье рассматривается роль недостатка солидарности, как фактора нарушения общественного процесса. Одновременно с этим проводится анализ механизмов функционирования социальных групп деструктивной направленности, объединяющим фактором для которых выступает деструктивная форма солидарности.

Ключевые слова: преступность, солидарность, криминальная субкультура, криминальная социализация, деструктивные группы.

Современное общество характеризуется высоким уровнем развития деструктивных процессов. Речь идет как о дисфункции основных социальных институтов[1], так и о предрасположенности общественной структуры к возникновению самодеструктивных тенденций, к числу которых относятся

[1] См.: Плотников В.В. Деструкция и дисфункция социальных институтов: анализ жизнеспособности государственной системы // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 44-46; Плотников В.В. Институциональные последствия социальной трансформации глобального уровня // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 3 (50). С. 56-64; Плотников В.В., Кубякин Е.О. Противодействие социальной деструктивности в условиях глобальной трансформации общества: управленческий аспект // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 2. С. 35.

преступность, внутренние конфликты, экстремизм[1]. В этих условиях представляет высокую степень интереса ответ на вопрос о причинах деструктивных тенденций. Одним из ключевых направлений исследовательской деятельности, раскрывающим обозначенную проблему, является теория солидарности. В рамках этой теории, с одной стороны, объясняется ситуация недостатка консолидации усилий членов общества в достижении конструктивного результата, с другой – раскрываются механизмы развертывания деструктивных тенденций.

Генеральная линия исследования солидарности связана с рассмотрением ее конструктивного значения, а основные проблемы, формулируемые в контексте данной концепции, в конечном итоге могут быть сведены к проблеме недостатка солидарности в обществе[2]. Такая постановка вопроса справедлива и оправдана, однако необходимо обратить внимание на несколько односторонний подход в рассмотрении солидаризационных процессов: коль скоро солидарность представляет собой одно из основных интегрирующих оснований общественной структуры, справедливо применять данный концепт не только при анализе конструктивных форм общественной организации, но и при рассмотрении деструктивных по своему проявлению социальных образований. Это позволяет произвести постановку вопроса о деструктивных формах солидарности, наличие которых в обществе определяет циклическое возникновение негативных явлений. И в данном случае глубокое рассмотрение проблемы недостатка солидаризации и, в частности, основных факторов, которые определяют низкий уровень интегративных функций общества, может иметь методологическое значение при разработке системы мер по борьбе с деструктивными социальными группами и структурами.

В данном контексте хотелось бы обратить внимание на такую серьезную проблему, как криминальная деятельность. Анализ причин и факторов формирования деструктивной деятельности позволяет судить о том,

---

[1] См.: Кубякин Е.О. Особенности формирования и проявления экстремизма в молодежной среде / монография / Е. О. Кубякин ; М-во внутренних дел Российской Федерации, Краснодарский ун-т. Краснодар, 2011; Кубякин Е.О. Формирование установок толерантности в молодежной среде как элемент системы противодействия экстремизму // Общество и право. 2010. № 3. С. 288-292; Кубякин Е.О. Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде в контексте обеспечения национальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2010. № 1. С. 16-18; Куликов Е.М., Кубякин Е.О., Плотников В.В. Экстремизм как социально-управленческая проблема трансформирующегося российского общества // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 230-234.

[2] См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М., 1996; Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873с; Парсонс Т. Система современных обществ/Пер, с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. - М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.

что она существует в двух основных срезах: как естественный процесс актуализации социального конфликта либо как систематическая деятельность, являющаяся нормой для конкретного человека или группы лиц. И если единичные преступления могут не являться формой выражения социальной позиции человека (непредумышленное преступление, потеря самоконтроля и т. д.), то систематическая противоправная деятельность с необходимостью предполагает наличие исходных социальных установок, определяющих склонность к совершению преступлений. И здесь имеет место два варианта: существование институтов криминальной социализации, (в случае с экстремизмом – механизмов трансляции деструктивных установок), либо развитие на уровне отдельного человека или группы лиц негативной формы социального мировоззрения, естественным результатом наличия которой становится активное нарушение принятой в обществе структуры взаимодействия. Если второе предполагает индивидуальные социальные отклонения либо наличие социального опыта, способствующего отторжению нормативных установок общества, то первый вариант связан с существованием социальной прослойки, ориентированной на совершение преступных действий. Иными словами, для того, чтобы приобрести на уровне мировоззрения глубокое пренебрежение законом, необходимо либо самостоятельно прийти к этой установке сознания, либо получить ее извне. И на этом уровне актуализируется первый важный вопрос, который хотелось бы осветить в рамках данной работы – характер социальных структур, формирующих тенденции формирования деструктивных установок общественного сознания у отдельных членов общества. Второй вопрос связан с тем, что субъекты деструктивной деятельности склонны объединять усилия для максимально эффективного осуществления социально опасных действий. И здесь важно то, что залогом сотрудничества является общность интересов. Следует признать, что в современном обществе широко распространена ситуация группового совершения преступлений, более того, имеет место разветвленная сеть преступных группировок, осуществляющих свою деятельность втайне от правоохранительных органов. Таким образом, интеграция развивающейся личности в деструктивную среду, равно как и объединение субъектов противоправной деятельности, предполагает момент солидаризации.

Рассмотрим данный аспект подробнее: в основе солидарности лежит общность интересов, при этом это может означать как объединение по критерию совпадения интересов, так и интерес, вызванный приобщением к мировоззрению другого человека. При этом основанием солидаризации могут выступать как сами по себе интересы, так и приемлемые личностью формы их реализации. Это значит, что в основе групповой криминальной деятельности лежит, с одной стороны, общность интересов преступников, с другой – приемлемость преступления, как социальная установка. При этом характер интересов может предполагать наличие как законных, так и

противозаконных форм их удовлетворения. Таким образом, доминирующим фактором в развитии преступности является, в первую очередь, растабуированность социальной формы преступной деятельности.

В этом контексте можно выделить простейший принцип деструктивной солидаризации, связанный со стремлением к трансляции личного мировоззрения и одновременно – с реализацией и трансляцией негативных социальных моделей. Так, подростковые банды выступают в качестве простейшего института криминальной социализации и одновременно – представляют собой одну из простейших форм интеграции с целью совместной криминальной деятельности.

Одним из наиболее существенных оснований деструктивной солидаризации является наличие особой субкультуры, на уровне которой реализуется трансляция антиобщественных ценностей, формируются критерии внутренней статусной оценки в криминальной среде, создаются продукты культуры, в той или иной форме пропагандирующие криминальную деятельность и асоциальное поведение. Что характерно, в отличие от прямой преступной деятельности, запрещенной законом, трансляция элементов криминальной субкультуры не запрещена законом, ввиду чего происходит ее активное и беспрепятственное распространение. Одной из отличительных особенностей криминальной субкультуры является то, что на ее уровне реализовано первичное противодействие системе общественных санкций, направленных на снижение уровня преступности. Если говорить конкретнее, то тюремное заключение, выступающее в качестве основной формы уголовного наказания, рассматривается как один из важных этапов становления личности преступника, а его авторитет во многом связан с количеством отбываемых сроков тюремного наказания и статусом, достигнутым в среде заключенных.

Здесь следует обратить внимание на важную проблему: изначально тюремное заключение рассматривалось как мера исправительного воздействия, однако высокий уровень концентрации криминальных элементов и наличие у них развитого самосознания, оправдывающего социально неприемлемые формы поведения, превращает тюрьмы в институт криминальной социализации, на уровне которого реализуется конкурентная борьба за статус в криминальной среде, формирование неформальных объединений и их дальнейшее функционирование после выхода на свободу.

Таким образом, в основе объединения преступных элементов лежит не только направленность на совершение противоправных действий, но также и особая идеологическая система, обосновывающая на ценностном уровне их приемлемость для субъекта социального действия. При этом, поскольку криминальные ценности складываются в специфическую субкультуру, имеет место также и момент маркированности склонных к неправовым действиям субъектов социальной активности, а также набор общих сфер интересов и точек пересечения, который определяет возможность поиска единомышленников среди носителей криминальных установок.

В совокупности это позволяет сделать вывод о том, что преступность в современном мире вышла на уровень институционализации, что определяет самовоспроизводство криминальных структур посредством трансляции специфических мировоззренческих установок в социальной среде. Сходные тенденции реализуются и в области развития экстремистских организаций. Таким образом, в современном обществе существуют механизмы деструктивной солидаризации, нарушение действия которых может существенно снизить уровень социальной угрозы. Это определяет один из основных приоритетов нормализации общественных отношений.

Литература:

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М., 1996

2. Кубякин Е.О. Особенности формирования и проявления экстремизма в молодежной среде / монография / Е. О. Кубякин; М-во внутренних дел Российской Федерации, Краснодарский ун-т. Краснодар, 2011.

3. Кубякин Е.О. Формирование установок толерантности в молодежной среде как элемент системы противодействия экстремизму // Общество и право. 2010. № 3. С. 288-292.

4. Кубякин Е.О. Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде в контексте обеспечения национальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2010. № 1. С. 16-18.

5. Куликов Е.М., Кубякин Е.О., Плотников В.В. Экстремизм как социально-управленческая проблема трансформирующегося российского общества // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 230-234.

6. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873с.

7. Парсонс Т. Система современных обществ/Пер, с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. - М.: Аспект Пресс, 1998.- 270 с.

8. Плотников В.В. Деструкция и дисфункция социальных институтов: анализ жизнеспособности государственной системы // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 44-46.

9. Плотников В.В. Институциональные последствия социальной трансформации глобального уровня // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 3 (50). С. 56-64.

10. Плотников В.В., Кубякин Е.О. Противодействие социальной деструктивности в условиях глобальной трансформации общества: управленческий аспект // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 2. С. 35.

Ростова Антонина Тимофеевна,
доцент кафедры физики, электротехники и электроэнергетики
Пятигорского Института сервиса, туризма и дизайна (филиал),
кандидат физико-математических наук, доцент

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ДОСТИЖЕНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ

Аннотация: в статье рассматривается проблема диалога поколений, как фактора устойчивости общества к экстремистским тенденциям. Рассматриваются социальные характеристики молодежи, основные механизмы передачи социальных установок, ценностей и норм поведения и проблемы, связанные с их функционированием в социальной среде. Доказывается, что состояние институциональной сферы общества через характер самоопределения молодежи косвенно определяет уровень интенсивности факторов развития экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, социальная преемственность, конфликт поколений, ценности, общество.

Стабильность общества во многом определяется тем, насколько высока степень общности социальных установок населения. Наличие противоречивых социальных позиций влечет за собой ситуацию, когда государство не может удовлетворять интересы всех групп населения. Расхождение в социальных установках может иметь различную природу – его источником могут быть культурные различия, разница в социальном положении, различия в социальных установках, связанные с возрастом членов общества и их личной историей социального становления. Для современного общества сохранение внутренней стабильности тем более важно, что существуют достаточно развитые деструктивные тенденции, направленные на разрушение его структуры. Текущий социальный процесс можно рассматривать как соотношение конструктивных векторов общественного развития и деструктивных тенденций.

Одной из наиболее опасных тенденций в современном обществе по праву считается экстремизм, представляющий собой целенаправленную установку на разрушение текущей структуры отношений. При этом, как отмечает ряд авторитетных исследователей[1], одной из наиболее подверженных экстремистским тенденциям социальных групп является молодежь. По этой причине высокую степень актуальности приобретают кон-

[1] См.: Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. №5

структивные механизмы привития молодежи социально приемлемых моделей взаимодействия и ценностных установок, а также способов мировоззрения, позволяющих корректно оценивать текущее состояние общества и культуры. Все это в совокупности определяет значимость момента социальной преемственности в диалоге поколений.

Итак, нарушение процесса передачи содержания культуры и норм социального поведения представляет собой основанию деформации общественной структуры. И здесь имеет место серьезная проблема, связанная с тем, что наряду с процессами передачи социального опыта, ценностных установок, моделей поведения, реализуется встречный процесс развития социального конфликта между представителями разных поколений. Очевидным следствием развития подобного рода конфликта является снижение уровня социальной преемственности и, как следствие – нарушение характера протекания общественных процессов.

Одновременно с этим можно отметить тот факт, что во многие эпохи люди констатируют несоответствие морального облика молодежи, их способа поведения, и ожиданий старшего поколения. Таким образом, конфликт между поколениями существует на различных этапах общественного развития, однако социальная преемственность на определенном уровне все же реализуется. Для того, чтобы проанализировать данный момент, необходимо обратиться к вопросу о том, на каком уровне реализуется социальная преемственность и, в частности – в какой социальной сфере наиболее серьезно развертывается конфликт поколений.

В первую очередь следует обратить внимание на то, что социальная преемственность реализуется в рамках основных институтов социализации. И потому большое значение имеют институты семьи, религии, образования и экономики (последнее имеет значение в силу того, что трудовой коллектив также представляет собой среду социализации). Кроме того, большое значение имеет неформальная среда коммуникации, на уровне которой реализуется момент трансляции социальных ценностей и отдельных элементов мировоззрения[1].

Анализируя проблему конфликта между поколениями, следует отметить, что наиболее интенсивно он проявляется в той сфере, где разница в возрасте имеет статусное значение, а именно в рамках института семьи. Непослушание молодежи, стремление к самостоятельному принятию решений, желание снятия налагаемых в рамках семьи ограничений представляет собой то основание, которое предполагает конфронтацию между старшим поколением и молодежью. Одновременно с этим отмечается наличие расхождений во вкусах, взглядах, сферах интереса, что определяет невозможность адекватной оценки старшим поколением молодежи (равно

[1] См.: Игнатенко Т. И. Интерсубъективная социальная память как форма социокультурной преемственности // Известия ВолгГТУ. 2008. №5. С.44-46

как и молодежью – старшего поколения). Фактически речь идет о том, что имеет место сразу две формы оценки социального статуса и значимости личности, которые расходятся как в критериях оценки, так и в ее характере. И потому достижения молодежи, воспринимаемые в рамках коммуникативной среды сверстников, зачастую не принимаются старшим поколением, которое обладает собственными критериями оценки, в которые социальные приоритеты молодежи не вписываются.

Следует обратить внимание на то, что обозначенный конфликт имеет ролевую природу: социальная роль младшего представителя семейной группы предполагает момент послушания, в то время как представления о взрослом человеке, как субъекте самостоятельного принятия решений, предполагают выход из-под родительской опеки и поиск собственных путей развития. Кроме того, набор ролевых обязанностей зрелого человека предполагает высокую меру социальной ответственности, что серьезным образом влияет на распределение приоритетов и ценностей[1], в то время как социальная позиция молодежи предполагает значительно меньшую меру ответственности и, как следствие – наличие кардинально иного набора приоритетов. В этом смысле нарушение преемственности как отсутствие прямого соответствия между установками старшего поколения и молодежи еще не свидетельствует об отсутствии в обществе механизмов передачи норм поведения и ценностных ориентиров. Речь идет скорее о том, что социальные характеристики молодежи, как социальной группы, определяют существенный уровень стремления к самостоятельности, максимализм в социальных оценках, а также высокий уровень свободной социальной энергии, далеко не всегда реализуемой конструктивно.

Несмотря на то, что развитие конфликта поколений приводит к существенным деструктивным последствиям на уровне института семьи и, в частности, отрицательно сказывается на характере социальной преемственности, реализуемой на его уровне, было бы чрезмерно категоричным судить о том, что ситуация представляет собой острый кризис, а будущее общества плачевно ввиду неспособности передачи современной молодежи адекватных социальных установок. Помимо института семьи существуют и другие сферы, на уровне которых реализуется передача социального опыта и одновременно – социальной аксиологии[2]. В первую очередь следует обратить внимание на институт образования. В рамках образовательной сферы реализуется активная передача опыта человечества, при этом само по себе образование представляет не только активный учебный, но и воспитательный процесс. Привитие учащимся дисциплины, передача социально значимых ценностных установок, формирование социального ми-

[1] См.: Игнатенко Т. И. Интерсубъективная социальная память как форма социокультурной преемственности // Известия ВолгГТУ. 2008. №5. С.44-46;

[2] Игнатенко Т. И. Интерсубъективная социальная память как форма социокультурной преемственности // Известия ВолгГТУ. 2008. №5. С.44-46

ровоззрения – все это реализуется в рамках образовательной среды и закладывает фундамент личности. При этом зачастую установки, заложенные в молодом возрасте, срабатывают значительно позже, в ходе приобретения личного опыта и изменения статусно-ролевой определенности.

Что касается института религии, следует отметить, что его формирующее воздействие универсально и не соотносится с возрастной определенностью. По этой причине в обществах с сильно развитым религиозным сознанием значительно более сильно развита социальная преемственность. Отдельного внимания заслуживает и то, что на уровне религии регламентируются, в том числе, и семейные отношения, ввиду чего актуальная для западного общества проблема конфликта поколений не имеет столь явной остроты в ряде традиционных обществ.

Наконец, обратим внимание на характер социализации, реализуемый в рамках трудового коллектива и среды неформальной коммуникации. На уровне рабочего коллектива взаимодействия определено функциональной сферой, при этом работники могут различаться по критерию возрастной определенности, что при отсутствии внешних различий по социальному статуса становится положительным фактором коммуникации между представителями различных возрастных групп, не отягощенной исходными противоречиями. На уровне неформальной группы, в которую включен человек, напротив, можно наблюдать актуализацию возрастных противоречий, поскольку круг общения формируется исходя из общности интересов, и в данном случае окружением молодых людей являются такие же представители молодежи.

Таким образом, развитие конфликта поколений не является фактором, определяющим невозможность социальной преемственности, однако, безусловно, чем ниже уровень конфликтности между представителями различных возрастных групп, тем более эффективным является процесс передачи социального опыта. И здесь мы видим значимую зависимость: чем выше эффективность основных институциональных сфер и их актуальность в сознании молодежи, тем более конструктивным является общий процесс передачи социальных ценностей и установок. Таким образом, нормализация институциональной сферы и одновременно – ее актуализация в сфере общественного сознания представляют собой важные факторы формирования конструктивного межпоколенческого диалога, что косвенно способствует снижению интенсивности предрасположенности молодежи к экстремизму.

Под актуальностью институциональных сфер в социальном мировоззрении понимается не только осознание значимости функциональных процессов, но и наличие развернутых представлений о личном включении в их протекание, момент «виртуальной включенности», связанный с осознанием не только текущего социального положения, но и последующего пути развития. Этот момент осознанности социального развития является одним из приоритетов современной системы воспитания.

Литература:
1. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. №5
2. Игнатенко Т. И. Интерсубъективная социальная память как форма социокультурной преемственности // Известия ВолгГТУ. 2008. №5. С. 44-46.
3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. - 873 с.

Светиков Сергей Александрович,
соискатель кафедры философии и социологии
ФГКОУ ВО «Краснодарский Университет МВД России»

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ДЕСТРУКТИВНЫХ УСТАНОВОК

Аннотация: в современном социальном дискурсе категория справедливости приобрела специфический политический окрас, будучи объектом многократных спекуляций. Этот концепт, связанный с установкой на вскрытие проблемы неравенства, выступает как один из основных идейных моментов леворадикальных течений. В статье рассматриваются основные аспекты самооправдания деструктивной активности посредством категории социальной справедливости. Рассматриваются способы стабилизации общественного сознания и деактуализации проблемы социального неравенства.

Ключевые слова: общество, социальная справедливость, делинквентное поведение, оправдание деструктивной деятельности.

Процессы глобальной трансформации затрагивают структуру общества, формируют кризисные тенденции[1], расшатывают установки сознания членов общества и, как следствие – ведут к обширному выплеску деструктивной социальной энергии. Наиболее подверженной деструктивным тенденциям становится молодежь, зачастую принимающая некорректные мо-

[1] См.: Плотников В.В. Деструкция и дисфункция социальных институтов: анализ жизнеспособности государственной системы // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 44-46; 8. Плотников В.В. Институциональные последствия социальной трансформации глобального уровня // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 3 (50). С. 56-64; 9. Плотников В.В., Кубякин Е.О. Противодействие социальной деструктивности в условиях глобальной трансформации общества: управленческий аспект // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 2. С. 35.; 1. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873с.

дели оценки и действия, совокупным результатом которых становится развитие экстремизма в обществе[2, 3, 4, 5]. При этом, что характерно, развитие деструктивных процессов сопровождается их трактовокй в русле конструктивных установок на достижение общественного согласия и социальной справедливости. Ниже приведен анализ категории социальной справедливости и той смысловой редукции, которую она претерпевает в ходе социально-политического дискурса.

Экстремизм поведение представляет собой одну из серьезных проблем современного общества, и одной из важных задач социального знания становится определение оснований и причин его существования. Понимание проблемы на уровне механизмов ее возникновения является одним из условий ее разрешения. И в этом отношении представляет интерес такое измерение вопроса об экстремизме, как его социально-феноменологические основания. Претворение в жизнь деструктивных моделей взаимодействия предполагает, с одной стороны, их наличие на уровне мировоззрения отдельных членов общества, с другой – признание приемлемости конкретных деструктивных действий. И здесь мы приходим к проблеме ценностного обоснования социальной деструктивности.

Существует несколько распространенных мировоззренческих моделей, на уровне которых реализуется обоснование делинквентного поведения. К их числу относятся:

- представление о вынужденном совершении преступления, обоснованном силой внешних обстоятельств;

- ценностные установки криминальной субкультуры, противоречащие общему набору аксиологических установок общества;

- представления об альтернативных путях реализации принятых в обществе ценностей.

Если идеи вынужденного преступления, равно как и особенности криминальных субкультур, достаточно широко исследованы на уровне современного социального знания, то возникновение альтернативных форм реализации социальных ценностей, противоречащих нормативной сфере общества, представляет собой достаточно слабо изученную тематику. Между тем, очевидно, что данная форма деструктивных социальных установок по своей опасности в ряде случаев превышает как ситуативную делинквентность, так и осознанное принятие криминальных моделей.

В первую очередь следует пояснить, что подразумевается под альтернативными путями реализации социальных ценностей. В данном случае речь идет о том, что реализации подвержены позитивные ценностные установки, однако модели их реализации выходят за рамки нормативной определенности общества [5][1]. В результате реализуется ситуация, когда

[1] См.: Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873с.

действия человека противозаконны, однако на уровне его мировоззрения их оценка положительна. Обоснование противозаконных действий опасно тем, что оно задает общий фон развития социальной деятельности и возводит противоправные деяния в ранг нормы. Если сравнить криминальную субкультуру и идеологию оправдания деструктивной деятельности социальными ценностями, особенностью последней становится то, что имеет место притязание на новый социальный порядок, в то время как криминальная субкультура признает свое противоречие с общественными нормами. В результате реализуется парадоксальная ситуация: носители криминальной субкультуры в определенной мере признают текущую структуру общественных отношений и их выбор относится, в первую очередь, к личному нарушению сложившихся нормативных установлений, тогда как носители идеологии оправдания противозаконных действий ориентацией на социальные ценности стремятся, в конечном итоге, к изменению самого социального порядка. По своему характеру такие действия относятся к числу экстремистских.

Проиллюстрируем сказанное ранее на уровне конкретных примеров. Достаточно распространенной на уровне развлекательной литературы является фигура «народного мстителя», который восстанавливает справедливость незаконными методами. Что характерно, на уровне воспринимающей аудитории подобного рода персонажи получают положительный отклик, что отчасти связано с наличием серьезного расхождения между формальной и неформальной моделями взаимодействия. Приемлемость силового конфликта, как способа разрешения возникших противоречий, укорененная в социальном мировоззрении ряда членов российского общества, явно противоречит формализованным моделям социального действия. Вместе с тем, речь идет о том, что в классической постановке вопроса о цели и средствах зачастую люди неявно принимают идею оправдания отхода от норм благим характером преследуемой цели. Таким образом, вместо безусловного неприятия деструктивной деятельности имеет место оценка ее прагматики.

Одним из основных ценностных ориентиров, посредством обращения к которому реализуется оправдание деструктивной деятельности, является категория справедливости. Причем имеет место как оправдание самовольного принятия на себя социальных функций правоохранительных органов и судебной структуры (так называемое линчевание, или самосуд), так и обращение к категории социальной справедливости, посредством которого производится склонение к социально деструктивным действиям. В условиях достаточно сильно выраженного социального неравенства последнее представляет собой одну из наиболее серьезных проблем в силу потенциальной массовости проявления деструктивных тенденций.

Здесь следует сделать небольшое отступление и обратить внимание на то, что большинство революций совершалось именно на волне недо-

вольства населения своими социальными условиями, при которой идея социальной справедливости становилась доминирующим основанием оправдания деструктивной деятельности. Здесь реализуется следующий принцип: если государство неспособно создать условия для реализации социальной справедливости, силовое решение проблемы может быть рассмотрено в качестве оправданного. Как итог, реализуется классическое посягательство на власть с целью изменения социального порядка. И в этом смысле уникальной характеристикой российского общества является то, что на протяжении длительного исторического промежутка идея революционных действий с целью установления социальной справедливости являлась официально приемлемой, более того – активно насаждалась на уровне идеологической работы представителей советской власти. Для этого периода характерна активная пропаганда коммунистических ценностей, включение в школьную программу произведений, на уровне которых дается негативная оценка угнетающих классов и, напротив, положительная оценка носителей революционного сознания. В этом смысле, например, понятна хрестоматийная популярность образа Робин Гуда, как «носителя активной классовой борьбы».

Несмотря на то, что советский период ушел в прошлое, плоды воспитательной работы, реализованной в это время, а также культурное наследие советской эпохи сохраняют свою актуальность и по сей день. Российское общество осуществило переход от социалистической к капиталистической модели отношений, сформировалась рыночная экономика, наметились тенденции усугубления различий в уровне жизни населения. И на фоне всех этих процессов вполне закономерной становится тенденция роста социального недовольства, а также возникновения спекуляций по поводу социальной справедливости, ориентированных на развитие деструктивных моделей действия.

В современном российском обществе деструктивная реализация идеи социальной справедливости связана, в первую очередь, с развитием левого радикализма. Речь идет о реализации деструктивного потенциала общества, связанного с расхождением в уровне жизни населения, осознание которого неминуемо приводит к негативному отклику [6][1]. На этом фоне богатство рассматривается в качестве «доказательства» причастности либо самого носителя материальных ценностей, либо его родственников к противозаконным схемам личного обогащения.

Связывание богатства и честности представляет собой один из ведущих стереотипов, реализуемых на уровне леворадикальной идеологии. Что характерно, подобного рода установки делают неприемлемым личный социальный рост, поскольку стремительное изменение социальных условий

[1] См.: Нугаев М. А., Нугаев Р. М. Левые идеологии в современной России: проблемы становления // ВЭПС. 2014. № 4. – С. 252–258.

может быть негативно расценено привычным социальным окружением. Одновременно с этим, признание зажиточной части населения скрытыми преступниками определяет моральный аспект противоправной деятельности в их адрес, которая рассматривается как «восстановление справедливости», «наказание».

Очевидно, что для современного общества подобного рода установки являются деструктивными, причем речь идет не только о негативных последствиях развития леворадикальных течений, но и о спонтанной преступной деятельности, вызванной агрессией в адрес более зажиточных членов общества. Кроме того, факт неприятия зажиточного населения страны определяет скрытую табуированность личного развития, которое также может быть расценено как свидетельство причастности воровству, коррупционным схемам и т. д.

Таким образом, категория социальной справедливости превращается в объект политической спекуляции, посредством которого производится манипуляция общественным сознанием. Деструктивные формы актуализации категории справедливости приводят к ее искажению, сведению к идее уравнительного деления. В этих условиях, для недопущения развития экстремистских тенденций необходимо наладить конструктивный диалог между представителями основных социальных слоев, и одновременно посодействовать снижению разрыва между количественными показателями благосостояния наиболее богатых членов общества и уровнем материальных ресурсов, доступных членам менее обеспеченных в материальном плане социальных групп.

Литература:

1. Кубякин Е.О. Особенности формирования и проявления экстремизма в молодежной среде / монография / Е. О. Кубякин ; М-во внутренних дел Российской Федерации, Краснодарский ун-т. Краснодар, 2011.

2. Кубякин Е.О. Формирование установок толерантности в молодежной среде как элемент системы противодействия экстремизму // Общество и право. 2010. № 3. С. 288-292.

3. Кубякин Е.О. Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде в контексте обеспечения национальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2010. № 1. С. 16-18.

4. Куликов Е.М., Кубякин Е.О., Плотников В.В. Экстремизм как социально-управленческая проблема трансформирующегося российского общества // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 230-234.

5. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873с.

6. Нугаев М. А., Нугаев Р. М. Левые идеологии в современной России: проблемы становления // ВЭПС. 2014. № 4. – С. 252–258.

7. Плотников В.В. Деструкция и дисфункция социальных институтов: анализ жизнеспособности государственной системы // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 44-46.

8. Плотников В.В. Институциональные последствия социальной трансформации глобального уровня // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 3 (50). С. 56-64.

9. Плотников В.В., Кубякин Е.О. Противодействие социальной деструктивности в условиях глобальной трансформации общества: управленческий аспект // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 2. С. 35.

Тюнь Андрей Петрович,
старший преподаватель кафедры
правовых и социально-экономических дисциплин
Ейского филиала Ростовского
государственно экономического университета (РИНХ)

ИНСТИТУТ ПОЛИЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Социальный институт полиции занимает важное место в институциональной матрице реформируемого российского общества начала XXI в. Одной из основных стратегических задач института полиции является обеспечение действия норм права в процессе функционирования общества, периодически попадающего под влияние одного или нескольких рискогенных факторов. Важное значение социального института полиции в современной социальной системе обусловлено тем, что именно его успешное функционирование позволяет преодолевать дезорганизационно-дисфункциональные тенденции, различного рода угрозы и вызовы стабильному, прогрессивному развитию общества. Именно этим обстоятельством объясняется повышенное внимание не только социологов, но и представителей других общественных наук к социальному институту полиции.

Сложная, многоуровневая конструкция институциональной структуры российской полиции значительно осложняет ее анализ, особенно на теоретико-прикладном и эмпирическом уровнях познания; вместе с тем, такое положение задает новые векторы социологического анализа проблемы, позволяет формировать перспективные модели анализа института полиции в условиях реформируемого российского общества.

Необходимо учитывать тот факт, что российское общество на протяжении последнего десятилетия находится в состоянии реформирования. Это не могло не отразиться на ключевых социальных институтах и подсистемах, в том числе и на полиции, которая оказалась глубоко интегрирова-

на в процесс реформирования. Модернизация и совершенствование российской полиции были определены политикой Президента России, деятельностью МВД РФ, и отражены в программе реформы полиции от 2011 года.[1] Однако до настоящего времени в научной литературе не было сформировано целостного взгляда на последствия проводимых реформ по отношению к функционированию именно социального института полиции. Происходящие одновременно социально-коммуникативные трансформации российского общества, виртуализация системы социальных взаимодействий, развитие интернет-коммуникации не могли не отразиться на функционировании социального института полиции. Становится очевидным, что высокие скорости социальных изменений начала XXI в. диктуют необходимость создания оперативно верифицируемых моделей социологического анализа социального института полиции в целях корректировки реформы и повышения ее эффективности.

Угрозы виртуального мира для физической реальности в обществе XXI в. весьма существенны. В принципе, одной деструктивной активности в виртуальной реальности вполне достаточно, чтобы серьезно дестабилизировать обстановку и в физической, повседневной реальности. Например, в сентябре 2017 г. Россию охватила волна «телефонного терроризма», а новизной ситуации стало использование злоумышленниками возможностей виртуальной среды, в частности, IP-телефонии.[2] При этом ущерб от эвакуации из-за массовых звонков о «минировании» зданий по всей России с 10 по 17 сентября составил (по данным источников в ряде российских СМИ) 300 млн рублей.[3]

В этой связи становится очевидным, что результативность социологического анализа института полиции (особенно на фундаментальном и теоретико-прикладном уровнях) во многом зависит от глубины исследования общетеоретических аспектов функционирования данной институциональной структуры. Именно поэтому для социологической науки представляет интерес как теоретическая, так и практическая стороны работы полиции.

Автором было проведено эмпирическое исследование общественного мнения населения о российской полиции (метод сбора первичной информации, объем выборки – 934 человека, проживающие в Краснодарском крае). Как показал опрос, большинство опрошенных высказали положительное или скорее положительное отношение к полиции (66,4% в целом). Противоположной точки зрения придерживаются лишь 31,9% участников

[1] Указ Президента РФ от 01 марта 2011 года № 248 «Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации».

[2] https://www.kriminalnews24.ru/criminal/rossiu-zahlestnyla-volna-telefonnogo-terrorizma.html

[3] https://360tv.ru/news/obschestvo/epidemiya-telefonnyh-teraktov-vo-skolko-lozhnyj-vyzov-obojdetsya-shutniku-i-gosudarstvu-103845/

исследования, выбравших варианты ответа «скорее отрицательное» и «отрицательное». Затруднились дать содержательный ответ 3,7% респондентов. Становится очевидным: несмотря на то, что большинство опрошенных демонстрируют положительное отношение к полиции, имеется достаточно большая группа населения (почти каждый третий), кто негативно или скорее негативно относится к полиции.

Как показало исследование, несколько большая по численности (по равнению с остальными) группа участников исследования – 39,1% – указала, что работа полиции изменилась в лучшую сторону. В то же время противоположного мнения придерживаются 21,1%, наблюдающие негативные тренды в работе российской полиции. Значительная часть респондентов (35,6%) не заметила каких-либо серьезных изменений в работе полиции за последние два года. Полученные данные свидетельствуют о том. что в настоящее время необходимо активизировать работу по реформированию полиции.

На вопрос о том, в какой мере полиция способна осуществлять профилактику правонарушений, наибольшая по численности группа респондентов предпочла ответ «частично» (38,8%). Порядка трети респондентов (30,5%) настроены скептически, ответив «практически не способна». «Оптимисты» составляют 21,4% от общего числа опрошенных, эти люди уверены, что полиция способна осуществлять профилактику правонарушений в полной мере. Почти каждый десятый опрошенный затруднился ответить – 9,3%.

Следует обратить внимание на то, что в обществе XXI в. большинство населения хочет видеть полицию более профессиональной, открытой, уважительной, демократичной. Очевидно, что реформирование полиции (это показывает анализ теоретических и эмпирических материалов) перестраивается медленней, чем формируются и «материализуются» ожидания людей. Однако общий тренд модернизации общества не оставляет иных вариантов развития проблемной ситуации.

Необходимо принимать во внимание условия открытого общества XXI в., где действия полицейских находятся под гораздо более пристальным взором населения, чем это имело место раньше, в эпоху, когда не было Интернета и смартфонов, позволяющих на высоком уровне вести фото- и видеозапись и оперативно размещать информацию в Интернете, находясь практически в любой пространственно-временной точке. Люди, «вооружившись» современными информационно-компьютерными и телекоммуникационными технологиями, вольно или невольно становятся арбитрами степени успешности производимых изменений в системе МВД. Однако данное обстоятельство пока недостаточно глубоко рефлексируется в системе МВД и, несмотря на активное реформирование, в этой сфере еще многое предстоит сделать в целях адаптации к условиям электронного государства и открытого общества. Учитывая спектр поставленных в данном

параграфе проблем, вполне закономерным выглядит стремление социологов к детальному анализу, как функций, так и дисфункций института полиции в условиях российского общества начала XXI в.

Литература:
1. Указ Президента РФ от 01 марта 2011 года № 248 «Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации».
2. https://360tv.ru/news/obschestvo/epidemiya-telefonnyh-teraktov-vo-skolko-lozhnyj-vyzov-obojdetsya-shutniku-i-gosudarstvu-103845/
3. https://www.kriminalnews24.ru/criminal/rossiu-zahlestnyla-volna-telefonnogo-terrorizma.html

Васькова Ксения Владимировна,
курсант 3 курса факультета по подготовке специалистов
для подразделений ООП и ООБ
Краснодарского университета МВД России
Научный руководитель:
Самойлов Сергей Федорович,
начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор философских наук, профессор

СУБКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДЫ РОССИЙСКИХ НС-СКИНХЕДОВ

Среди молодежи наибольшей склонностью к участию в праворадикальном движении обладают представители субкультуры скинхедов. Для правильного понимания сходства и различия между праворадикальными движениями и скинхедами необходимо знать, что нс-скинхеды представляют собой только одно из направлений молодежной субкультуры праворадикалов. Так, наряду с нс-скинхедами существуют и другие, не менее влиятельные направления данной субкультуры: традиционные скинхеды, SHARP, RUSH-скинхеды и др. Данный факт означает, что существует не только ложность общего представления обо всех скинхедах как о расистах и нацистах, но и о наличии у нс-скинхедов возможности, например, пополнения своих рядов за счет других групп или конспирации (негласной) своей деятельности, выдавая себя за представителей других движений.

Вместе с этим, идеологическое разнообразие субкультуры скинхедов создает конкретные предпосылки для сбора информации об экстремистском течении данной субкультуры, а также позволяет сформировать определенную социальную базу, способную оказать противодействие распространению праворадикальных идей в молодежной среде. Рассматривая

субкультуру нс-скинхедов как элемент праворадикальной среды, необходимо подчеркнуть, что она, как и все другие субкультуры молодежи, имеет принципиально нецентрированный характер. Данный факт существенно влияет на идеологию и социально-политическую концепцию этого направления скинхедов. В статье С.Ф. Самойлова подчеркивается: «Неустойчивость социальной структуры нс-скинхедов связана с тем, что их субкультура имеет преимущественно молодежный характер и участниками данного направления является в большинстве молодежь в возрасте от 15 до 25 лет»[1]. В отличие от конкретно политических движений молодежи, таких как комсомол и гитлерюгенд, нс-скинхеды не являются сторонниками какой-либо одной политической партии. Поэтому концепции субкультуры нс-скинхедов могут быть стихийными, у них может отсутствовать единый организующий центр и стремление к завоеванию политической власти, протестное мышление и поведение конкретного социально-политического идеала и политической программы, которую можно реализовать на практике. Вместо организованной политической жизни субкультура нс-скинхедов предлагает представителям молодежи такую возможность как реализовать потребность в риске, выразить агрессивность, поиск определенного смысла своего существования, удовлетворить гедонистические потребности. Иными словами, субкультура направляет молодежь, которая имеет способность мыслить праворадикально, не столько на будущее, сколько на настоящее, на спонтанное действие, а не на рациональную и организованную деятельность.

По этой причине идеологическая концепция скинхедов носит рамочный характер, т.е. может включать в себя предельно простой набор положений, выражающий определенный социально-политический идеал, обозначить идеологических противников и возможных союзников, сформулировать модель социального поведения. Таким образом, националистическая политизация субкультуры скинхедов, с одной стороны, носит ограниченный характер, направлена, а с другой – сформировывает узкий круг лиц, способных осуществлять политическую деятельность на более организованном уровне. Поэтому, субкультура нс-скинхедов является одной из самых благоприятных сред для пропаганды и привлечения новых членов для праворадикальных групп и организаций.

Все многообразие группировок нс-скинхедов можно разделить на три вида:

– не большие, дворовые по своему характеру организации молодежи, включающие в себя не более 10 –15 человек, которые имеют своего лидера. Данные группировки представляются первичными и наименее устойчивыми образованиями скинхедов;

[1] Самойлов С.Ф. Внешние признаки субкультуры участников праворадикального движения нс-скинхедов. Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 258-262.

– относительно крупные группировки от нескольких десятков до нескольких сотен человек. в состав данных организаций часто входят лица, которые проживают в разных районах большого города;

– группировки, которые находятся под политическим руководством какой-либо одной праворадикальной партии, имеющей региональные представительства.

Примером дворовой группировки служит «команда» «Белые охотники». Она возникла около 1997 г. и даже в начале 2000-х гг. продолжала свое существование. Данная организация в 1998 г. «прославилась» избиениями азербайджанцев. Основанием отнесения данной группировки к «дворовым» служит тот факт, что по ряду свидетельств большинство ее членов проживали в районе станции метро «Улица Подбельского»[1]. При этом провозглашение данной организации себя «филиалом» известной международной организации скинхедов «Честь и кровь» не должно вводить в заблуждение, потому что все ее филиалы в Восточной Европе являются самозванными.

В качестве примера крупной и при этом группировки чисто скинхедовской направленности можно привести московскую «команду» «Объединенные бригады 88». Предполагают, что данная группировка возникла на базе других скинхедовских «команд», таких как «Белые бульдоги» и «Славянское братство». Большинство членов группировки, ее актив составляли несколько десятков активистов, каждый из которых для проведения акций мог собрать до 30 бойцов. По ряду фактов самой крупной акцией «Объединенных бригад 88» стало участие в погроме рынка в Царицыно, произошедший 30 октября 2002 г. Но деятельность данной группы не ограничивалась совершением преступлений экстремистской направленности. Так, организация занималась собственным бизнесом, например, торговлей военной амуницией и автозапчастями. Вместе с этим, данная группировка занималась шоу-бизнесом, который выразился в приглашении в Россию нескольких скинхедовских зарубежных музыкальных коллективов. Некоторое время «ОБ 88» имели собственный сайт.

Наконец, примером третьей разновидности группировок скинхедов может быть «Московский Скин-Легион» (МСЛ), который возник как самостоятельное объединение, но со временем подчинился политическому руководству такой праворадикальной партии «Русской Национальный Союз», возглавляемой Константином Касимовским. Данная, на настоящий момент уже не существующая партия, изначально нацеливала свою работу с нс-скинхедами, создала отдел по работе с ними и печатала в своем журнале ориентированные на против идеологии скинхедов статьи. В период

[1] Самойлов С.Ф., Тимофеева Н.И. Социально-политическая стратегия автономных праворадикалов. Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2015. С. 168-172.

своего расцвета «Легион» насчитывал около 200 человек. С развалом партии прекратил свою активную деятельность и МСЛ. В настоящее время партиями праворадикалов, которые стремятся взять под контроль группировки скинхедов и превратить их в свои организации молодежи являются Народная национальная партия, одним из лидеров которой является С. Токмаков и Российская партия свободы во главе с Юрием Беляевым.

Насиров М.Н., и Самойлов С.Ф., исследуя данную проблему отмечали, что «для всех группировок нс-скинхедов характерны то, что они имеют краткосрочное существование, текучесть членов организации, отсутствие в группировке дисциплины, не разработанной идеологии и четкой политической программы»[1]. По этой причине они могут быть отнесены не собственно групповому уровню праворадикальной среды, а к стихийному уровню. Аморфность социальных образований скинхедов особо наглядна при их сопоставлении с группировками футбольных фанатов.

Примерами политических групп с праворадикальными идеологиями могут служить существовавшие в разные годы группировки: Национал-социалистическое общество (НСО), группировка Боровикова-Воеводина, Боевая организация русских националистов (БОНР). Чаще всего праворадикальные группировки состоят из бывших нс-скинхедов и ставят перед собой следующие задачи:

– пропаганда идей национализма, неофашизма, неонацизма, расизма и ксенофобии посредством печатных изданий, поддержки музыкальных групп, разделяющих соответствующую идеологию, распространения в Интернете экстремистских материалов;

– физическая и идеологическая подготовка боевиков;

– проведение различных экстремистских акций;

– организация противоправного преследования лиц, подозреваемых в педофилии и наркоторговле;

– совершение убийства на почве расовой, национальной, идеологической и иной ненависти;

– участие в боевых действиях на Украине;

– посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов в качестве мести за исполнение ими своих служебных обязанностей.

По своей структуре и характеру праворадикальные группировки, в отличие от образований скинхедов более устойчивы, идеологически однороднее, централизованы и законспирированы. Жесткое противостояние группировок праворадикалов с правоохранительными органами приводит к тому, что, с одной стороны, их существование недолговечно, а с другой – характеризуется способностью к постоянному переформатированию. Так, оставшиеся на свободе участники одной группировки через некоторое время создают новую группировку и продолжают свою противоправную деятельность.

[1] Самойлов С.Ф., Насиров М.Н. К проблеме различения понятий социального и политического радикализма. Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2. С. 13-17.

Литература:

1. Беликов С.В. Бритоголовые // Молодежные субкультуры Москвы / сост. Д.В. Громов, отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009.

2. Антипов А., Харламов В. Виды неформальных молодежных объединений экстремистской направленности (на примере Санкт-Петербурга) // Профессионал: Популярно-правовой альманах МВД России. 2008. № 2 (82).

3. Дельцова Т.Ю. Молодежная субкультура России начала XXI в.: тенденция экстремизма // Изв. выс. учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2006. № 4.

4. Самойлов С.Ф., Насиров М.Н. К проблеме различения понятий социального и политического радикализма. Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2. С. 13-17.

5. Самойлов С.Ф. Внешние признаки субкультуры участников праворадикального движения нс-скинхедов. Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 258-262.

6. Самойлов С.Ф., Тимофеева Н.И. Социально-политическая стратегия автономных праворадикалов. Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2015. С. 168-172.

Драчева Виолетта Игоревна,
курсант 3 курса факультета по подготовке специалистов
для подразделений ООП и ООБ
Краснодарского университета МВД России
Научный руководитель:
Самойлов Сергей Федорович,
начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор философских наук, профессор

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА В СРЕДЕ ВЕРУЮЩИХ МУСУЛЬМАН

На сегодняшний день религиозный экстремизм в виде исламского представляет собой один из серьезнейших вызовов, с которым столкнулось общество и правоохранительная система российского государства.

Для органов внутренних дел преступления, имеющие экстремистскую направленность представляют собой особую категорию противозаконного поведения, поскольку только в них в отличие от других видов преступлений важное значение имеет идеологическая составляющая. Со-

труднику необходимо осознавать с кем, как и для чего он вступает во взаимодействие или противоборство, в процессе профессиональной деятельности, умение выбирать правильную и уместную модель поведения.

Несмотря на то, что термин «традиционный ислам» прочно вошел в научный и политический лексикон он нуждается в пояснении, так как в зависимости от региона распространения данное понятие получает различное значение. Это объясняется тем, что суннитский ислам разделен на четыре религиозно-правовых школы-мазхаба, каждая из которых признает возможность существования других школ.

Понятие «радикальный ислам» также, как понятие «традиционный ислам» является неоднородным и представляет собой несколько религиозно-политических идеологий, ставящих перед собой основной целью построение шариатского государства либо на отдельной территории, либо в мировом масштабе.

Исследуя данную проблему, С.Ф. Самойлов отмечал, что «на сегодняшний день существует несколько направлений радикального ислама, такие как «Хизб-ут-Тахрир» и «Исламское государство» стремятся не вносить крупных изменений в традиционную догматику, ограничиваясь разработкой идеала в построении шариатского государства. Вместе с ними существуют течения, которые выступают за возвращение к первоначальному исламу, к примеру, салафизм»[1].

В процессе взаимодействия с лицами, которые исповедуют ислам, сотрудникам необходимо знать о социокультурных и психологических особенностях верующих мусульман:

1. Для мусульман религиозный долг имеет приоритет перед гражданским долгом.

2. Для мусульманина власть представляет собой неотъемлемый атрибут Бога.

3. Для мусульманина понятие религиозной чистоты неразрывно связано с необходимостью ее защиты, в готовности противостоять агрессивному злу.

4. Большую роль для людей, принадлежащих к арабо-мусульманской культуре, играют родственные связи.

5. Ислам законодательная религия, для которой важным моментом является признание и следование религиозному закону.

Интегративный характер идеологической модели противодействия включает в себя различную последовательность применения на экстремиста средств воздействия. При этом возможны различные комбинации элементов идеологической модели. Это значит, что сотрудник полиции может ставить в приоритет одно из указанных средств воздействия или стремится к их балансировке.

---

[1] Гирин А.В., Самойлов С.Ф. Особенности субкультуры религиозных экстремистских группировок. Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2015. С. 277-281.

Так как исламизм имеет религиозный характер, теологическая составляющая заключается в недопущении экстремистской интерпретации ислама, как несоответствующей духу данной религии. Ниже приводятся опровержения важнейших салафитских догматов:

Критика салафиткого понимания таухида.

Радикальный ислам делает из традиционного учения о единобожии (таухида) экстремистские выводы, считая, что правильное поклонение единому Богу может служить основанием не только спасения в будущей загробной жизни, но и права на существования в жизни реальной.

Специфика салафитского таухида заключается в разделении учений о единственности Аллаха как творца и Аллаха как предмета поклонения. Данное разделение дало салафитам право утверждать, что Бог в качестве творца не исключает самостоятельного существования мира, наличия в нем отдельных от Бога сил и поклонения им.

Таким образом, салафистский таухид незаконно разделятся на учение о Боге и учение, о поклонении ему и приписывает приоритет практического единобожия перед единобожием теоретическим, что не соответствует по содержанию Корану и Сунне.

Критика салафитского понимания имен и атрибутов Аллаха (сифат).

Одной из основных черт салафитского вероучения является его тяготение к человекоподобному пониманию Бога, которое вытекает из особой методологии понимания Корана. В исламе выделяются два крайних способа понимания текста Корана– аллегорический и буквалистский. Аллегорический подразумевает, что утверждение в Коране наличия у Аллаха антропоморфных признаков (рук, лица и др.) есть символическое выражение тайного знания.

Салафиты отрицают возможность какой-либо рационализации Корана, отстаивают его буквальное понимание в антропоморфизме атрибутов Аллаха. К примеру, они отказываются от признания аллегорией свидетельства Корана о наличии у Аллаха рук, лика и считают, что Он реально говорит, гневается и т.д.

Это противоречит буквальному салафитскому пониманию всех аятов Корана. К примеру, в аяте 48:10 «Поистине те, кто присягают тебе, присягают Аллаху. Рука Аллаха над их руками...» слово «рука» явно означает не часть тела, а символизирует всемогущество. Свой метод толкования салафиты считают верным и соответствующим исламу, поэтому называют его «методом праведных предков».

Критика салафитской интерпретации джихада.

Опровержение джихадизма следует начать с того, что воинственный характер аятов Корана связан не с желанием Аллаха покарать всех неверных, а с целью поддержать Своего Посланника и его сподвижников в борьбе с агрессивным невежеством язычников.

Получается, что джихад первоначально имел вынужденный характер. Самойлов С.Ф., раскрывая сущность данного положения, отмечал, что «подтверждением данной точки зрения может служить один из хадисов, в котором Пророк говорит своим сподвижникам о том, что, вернувшись из похода, они возвратились с малого джихада на большой. Под большим джихадом Пророк понимает духовную борьбу человека со своими грехами, слабостями, недостатками. На втором месте находится малый джихад («джихад меча» или «газават») – вооруженная борьба, направленная на защиту мусульман от напавшего неприятеля»»[1].

Морально-психологическая составляющая идеологического противодействия религиозному экстремизму ставит перед собой задачу преодоления «иммунитета» от морали, с помощью которого салафисты освобождают своих последователей от моральной ответственности перед обществом. Салафитская мораль снимает с человека ответственность за свои поступки, так как не считает неверных полноценными людьми.

Проводя моральную критику салафизма, следует помнить, что, С.Ф. Самойлов говорил: «Для того чтобы быть действенной она должна иметь религиозный фундамент. Поэтому представляется целесообразным провести критику действий салафитов сквозь призму мусульманских положений о дозволенном и запретном – хукм»[2].

В простой классификации согласно шариату действия делятся на запретные (харам) и дозволенные (халяль).

В целом, использования понятия хукма для разоблачения противоправных действий исламских экстремистов должно носить морально-психологический характер и демонстрировать лицу, вовлеченному в салафитскую идеологию, объективную сторону деяний, которые она оправдывает.

Социальная составляющая обращается к самой социальной реальности, и включает в себя осмысление изменений в жизни индивида, а именно способность сотрудника правоохранительных органов влиять на реальную обстановку, придает его доводам особую убедительность.

Во время профилактического обхода следует определять лиц, возможно и реально исповедующих мусульманскую религию и установлению того, насколько она может оказать влияние на сознание собеседника. Признаками принадлежности хозяина жилья к исламу может служить наличие: полки для Корана, которая располагается выше других полок с книгами;

---

[1] Самойлов С.Ф. Мировоззренческие барьеры коммуникативного процесса сотрудников полиции с верующими мусульманами и пути их преодоления. СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВЫЗОВАМ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ материалы XIX Международной научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2016. С. 110-120.

[2] Самойлов С.Ф. К проблеме анализа основных методов вербовки, применяемых исламистскими группировками. Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность межвузовский сборник научных трудов. Краснодарский университет МВД России. Краснодар, 2016. С. 134-143.

настенного религиозного календаря и цитат из Корана, располагающихся на стенах; ковриков для молитвы

При посещении мест проживания мусульман нельзя забывать, что дом для мусульманина это священное пространство. В нем осуществляется поклонение Богу. Все, что находится в доме свято, поэтому основная задача гостя заключается в том, чтобы не привнести в его жилище скверну. Поэтому при посещении мусульманских домов рекомендуется соблюдать этикетные правила.

Главной особенностью работы по противодействию распространения экстремизма в целом и религиозного экстремизма в частности, заключается в том, что она обладает не только социальной, но и личной значимостью. И действительно сотрудник полиции, осуществляя мероприятия по профилактике распространения экстремизма, вынужден постоянно увеличивать свой багаж сведений в области мировоззренческого знания и формировать навыки общения с носителями различных религий и идеологий. Успешное решение данной задачи будет означать создание важнейшей предпосылки для победы здоровых сил общества над экстремистской идеологией и моделью поведения.

Литература:

1. Беликов С.В. Бритоголовые // Молодежные субкультуры Москвы / сост. Д.В. Громов, отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009.

2. Антипов А., Харламов В. Виды неформальных молодежных объединений экстремистской направленности (на примере Санкт-Петербурга) // Профессионал: Популярно-правовой альманах МВД России. 2008. № 2 (82).

3. Дельцова Т.Ю. Молодежная субкультура России начала XXI в.: тенденция экстремизма // Изв. выс. учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2006. № 4.

4. Гирин А.В., Самойлов С.Ф. Особенности субкультуры религиозных экстремистских группировок. Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2015. С. 277-281.

5. Самойлов С.Ф. К проблеме анализа основных методов вербовки, применяемых исламистскими группировками. Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность межвузовский сборник научных трудов. Краснодарский университет МВД России. Краснодар, 2016. С. 134-143.

6. Самойлов С.Ф. Мировоззренческие барьеры коммуникативного процесса сотрудников полиции с верующими мусульманами и пути их преодоления. СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВЫЗОВАМ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ материалы XIX Международной научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2016. С. 110-120.

Колосова Виктория Алексеевна,
курсант 3 курса факультета по подготовке специалистов
для органов предварительного следствия и дознания
Краснодарского университета МВД России
Научный руководитель:
Самойлов Сергей Федорович,
начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор философских наук, профессор

АВТОНОМНЫЕ ПРАВОРАДИКАЛЫ: ОСОБЕННОСТИ СУБКУЛЬТУРЫ И ИДЕОЛОГИИ

В настоящее время праворадикальное движение представляет собой один из источников экстремистской угрозы, с которой приходится сталкиваться российской правоохранительной системе. В отличие от криминала экстремизм осуществляет идеологическое обоснование своей противоправной деятельности. Вместе с тем, в настоящее время ряд течений в праворадикальном движении в частности автономные праворадикалы, совершают общекриминальные преступления для сокрытия преступлений экстремистского характера. Например, убийство на почве расовой и национальной ненависти может изображаться как убийство, совершенное по корыстным мотивам. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения проблемы конспирации экстремистской деятельности имеющей место в праворадикальной среде.

Праворадикализм представляет собой сложное явление, в котором имеют место две идеологические противоположности. Первая противоположность заключается в том, что праворадикализм может быть как социальным, так и политическим. Противоречия меду социальным и политическим праворадикализмом проявляются в том, что носители социальной идеологии – участники движения нс-скинхедов, ультраправые футбольные фанаты, некоторые автономные праворадикалы не способны к устойчивой политической деятельности и не способны к созданию устойчивых и перспективных организаций в социально-политическом плане. С другой стороны, члены ультраправых организаций не способны сформулировать простые и понятные лозунги, реалистичную программу действий, которые могли бы объединить потенциальный электорат праворадикального движения в единое целое.

Несмотря на существенные различия между социальным и политическим праворадикализмом между ними есть нечто общее, оно заключается в их ксенофобском характере, который перекладывает ответственность на представителей других наций и стран.

Второе противоречие, свойственное праворадикализму заключается в выборе важнейшей ценности данного мировоззрения. В качестве таковой может быть выбрана как раса, так и нация, в зависимости от этого идеология праворадикализма может иметь либо расистский, либо националистический характер. С.Ф. Самойлов, исследуя данный вопрос утверждал, что «конечно же, расизм вполне может уживаться с национализмом, однако соединение данных идеологических установок приемлемо далеко не для всех участников праворадикального движения, что, в частности, проявилось в различии оценок событий на Украине в среде российских ультраправых. Несмотря на данное противоречие, праворадикальное движение вбирает в себя и расизм, и чистый национализм»[1].

В настоящее время праворадикальное движение породило достаточно сложное социально-политическое явление, которое можно определить как праворадикальную или националистическую среду. Под праворадикальной средой следует понимать общность людей, в той или иной степени разделяющих ультраправые политические взгляды.

По своей социальной структуре праворадикальная среда весьма разнообразна и включает в себя социальные группы различной степени общности: от политических партий и общественно-политических движений до групп в социальных сетях. В самом общем виде социальная структура праворадикальной среды может быть представлена в виде трех основных слоев: стихийного, группового и организационного.

Верхний слой, стихийный слой праворадикальной среды имеет в социально-организационном отношении максимально аморфный характер и представлен лицами, сочувствующими различным формам националистической идеологии. Второй слой праворадикальной среды представлен экстремистскими группами, которые обладают значительно большей степенью сплоченностью и идеологической определенностью, нежели молодежная националистическая субкультура. В организационном плане групповой второй слой праворадикальной среды состоит из небольших, замкнутых групп, которые могут иметь как политический, так и религиозный, а так же смешанный религиозно-политический характер. В противоположность носителям идеологии нс-скинхедов и участникам экстремистских группировок члены националистических ультраправых организаций имеют конкретную идеологическую концепцию, из которой вытекает программа политических действий.

Современные исследование современного состояния праворадикального движения в России позволяет сделать следующие выводы о том, что характер субкультур входящих в состав праворадикальной среды за последнее время сильно изменился. Подтверждением этому могут служить следующие факты:

[1] Самойлов С.Ф., Тимофеева Н.И. Социально-политическая стратегия автономных праворадикалов. Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2015. С. 168-172.

1) Отход субкультуры нс-скинхедов от привычного для нее стиля одежды и образа жизни. Данное обстоятельство обусловлено как воздействием на нее правоохранительной системы, противодействующей проявлениям экстремизма со стороны нс-скинхедов, так и восприятием участниками данной субкультуры идеологии автономных праворадикалов. В частности, эти изменения выразились в принятии многими участниками скинхед-движения здорового образа жизни, отказа от внешней демонстрации принадлежности к нему.

2) Традиционная субкультура нс-скинхедов не исчезла, но стала оказывать воздействие на субкультуру футбольных фанатов, которая в последнее время вобрала в себя многие черты скихедовской идеологии и атрибутики. Соединение субкультур нс-скинхедов и футбольных фанатов, обладающих высокой степенью социальной организации, при определенных обстоятельствах может создать серьезную угрозу правопорядку.

3) Субкультура автономных праворадикалов в настоящее время испытывает некоторые сомнения в эффективности насильственных и террористических методов борьбы с действующим правопорядком и проявляет интерес к разработке методов распространения экстремистской идеологии в широких слоях общества с перспективой организации массовых беспорядков и возможно насильственного изменения конституционного порядка.

4) Идеологи различных ультраправых политических организаций и партий в настоящее время стремятся к консолидации праворадикального движения, пережившего раскол в связи с поляризацией мнений по поводу событий, произошедших на Украине. По этой причине они будут стремиться к объединению на почве необходимости борьбы с действующим конституционным порядком. В свою очередь, такая борьба скорее всего будет происходить не под откровенно экстремистскими лозунгами, а под видом борьбы за соблюдение законности и установление социальной справедливости.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в праворадикальном движении происходит процесс, который можно определить как субкультурный сдвиг. С.Ф. Самойлов говоря об этой важной проблеме, полагал, что «для правоохранительных органов данный процесс означает необходимость совершенствования методов выявления и предотвращения преступлений экстремистской направленности»[1]. В частности, сотрудникам по борьбе с экстремизмом следует быть готовыми к следующим проявлениям экстремистской деятельности участников праворадикального движения:

[1] Гирин А.В., Самойлов С.Ф. Особенности субкультуры религиозных экстремистских группировок. Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2015. С. 277-281.

1) Организацией пропаганды праворадикальной идеологии в форме осуществления различных социальных проектов и появления, связанных с ними интернет сообществ и интернет ресурсов;

2) Усилению проявлений экстремизма в среде футбольных фанатов;

3) Совершенствованию методов конспирации участниками праворадикальных групп своей принадлежности к экстремистской идеологии и деятельности;

4) Сокрытию убийств совершаемых на почве расовой и национальной ненависти посредством их выдачи их за убийства по иным, прежде всего корыстным мотивам.

5) К попыткам проникновению представителей праворадикальных групп, прежде всего национал-традиционалистской ориентации в народные дружины.

6) Активизации участия праворадикальных организаций в т. н. «протестном движении» и использование ими в своих политических программах социально ориентированных лозунгов.

Таким образом, в настоящее время праворадикальная среда, будучи одним из потенциальных источников совершения преступлений экстремистской направленности демонстрирует тенденцию к сокрытию своей деятельности.

Литература:

1. Кант И. Критика чистого разума. М., Мысль, 1994, с. 80.

2. Кант И. Критика чистого разума. М., Мысль, 1994, с. 233.

3. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками/Т.2: От Канта до Ницше: М., Терра, 2000, с. 229.

4. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками/Т.2: От Канта до Ницше: М., Терра, 2000, с. 229.

5. Гегель Г. В. Ф. Система наук. Ч. 1/Феноменология духа. СПб., Наука, 2002, с. 9.

6. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб., Наука, 2003, с. 60.

7. Самойлов С.Ф., Тимофеева Н.И. Социально-политическая стратегия автономных праворадикалов. Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2015. С. 168-172.

8. Гирин А.В., Самойлов С.Ф. Особенности субкультуры религиозных экстремистских группировок. Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2015. С. 277-281.

Кубякин Евгений Олегович,
профессор кафедры психологии и педагогики
Краснодарского Университета МВД России,
доктор социологических наук, доцент

СПЕЦИФИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ФОКУС-ГРУППОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОПРОСА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АДЫГСКОГО, ТАТАРСКОГО, ЛЕЗГИНСКОГО И УЗБЕКСКОГО ЭТНОСА)

Статья подготовлена в рамках участия в проекте РНФ № 15-18-00093 «Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах (на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных/земляческих групп)»

Аннотация: в настоящей статье рассматриваются особенности и перспективы развития межнациональных отношений на территории Краснодарского края по результатам проведенного ранее фокус-группового исследования (на примере опроса представителей адыгского, татарского, лезгинского и узбекского этноса).

Ключевые слова: этнос, диаспора, землячество, идентификационные стратегии, межнациональные отношения.

В ходе проведенной исследовательской работы (проект РНФ № 15-18-00093 «Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах (на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных/земляческих групп)») было произведено фокус-групповое исследование среди респондентов, представлявших различные диаспоры, локализованные на территории Краснодарского края. В ходе опроса были получены разнообразные материалы, проливающие свет на специфику протекания межнациональных отношений. В настоящей статье отражены основные результаты проведенного исследования (в том числе, его опубликованных ранее результатов[1]).

Одним из важных аспектов, определяющих характер межэтнического взаимодействия, является степень сплоченности этнических групп, что определяется, в частности, характером функциональности групповых объединений. С учетом того, что компактное проживание может происходить

[1] Маркин В.В., Кубякин Е.О., Плотников В.В. Дискурс феномена этнорегиональной идентификации в модельном Южнороссийском регионе (аналитический обзор социологических исследований в Краснодарском крае) // Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения Сборник статей. Москва, 2016. С. 85-103.

в результате миграции, большое значение имеет характер действий диаспор и землячеств по отношению к вновь прибывшим членам этнической группы. В рамках исследования был поставлен вопрос об эффективности адаптационной деятельности диаспор и землячеств на территории Краснодарского Края. В результате были получены следующие результаты.

Как показал опрос представителей адыгской этнической группы, для них территориальное деление Краснодарского края и Республики Адыгея - «это условное разделение, мы жили в одном регионе изначально, из-за этого существенной разницы мы не замечаем. Конечно, на данный момент, это абсолютно два разных субъекта, но мы этого не ощущаем. Изначально населенные пункты, в которых мы жили, находились в Адыгее, но работали мы в Краснодаре».

Для татар характерно сравнительно невысокое воздействие диаспор на процесс адаптации. Так, одна из участниц опроса отмечает следующее: «Сама я из СССР, родилась в Татарии, выросла в Туркмении, училась в Казахстане, побывала на Урале, Молдавии, теперь проживаю на Кубани. Везде, где бы я не жила, со мной рядом было очень много людей, совершенно разных национальностей, все мы жили довольно дружно, различий по национальностям не было, поэтому мое восприятие основано на той почве, в которой я росла, многонациональной толерантной во всех смыслах». Еще один участник обсуждения отметил, что знает «поволжских татар всего 3 тысячи, в крае порядком 30 тысяч, когда мы только переехали сюда, очень хотелось найти земляков татар, нашел, познакомились и общаемся до сих пор». При этом характерно наличие высокого уровня межкультурной коммуникации, осуществляемой несмотря на сохранение значимости внутринациональных связей.

Ситуация у лезгинов неоднозначна. С одной стороны, имеет место компактное проживание, с другой – высокий по интенсивности процесс ассимиляции. При этом большое значение приобретает взаимосвязь кланового характера: «межклановые особенности тоже играют немалую роль, сегодня лезгинов около 450 тыс. человек, в Дагестане около 226 тыс., остальные 224 тыс. проживают на огромных просторах российской империи. Но, стоит отметить, конечно, что в Дагестане нет особых перспектив для развития, семьи проживают в общинах, люди тянутся туда, где им хорошо. Но государственная национальная политика, тем не менее, иногда это в расчет не берет».

Что Наибольшие сложности по адаптации испытывают узбеки. Как отметил один из респондентов, «для многих узбеков Краснодарский край, это тоже своего рода родина, но немного в ином смысле. У нас есть своя официальная, так сказать, родина, имеющая свое географическое расположение. Местными жителями в основном считают себя армяне. При этом есть община, но она не действует. Сам менталитет не позволяет принимать участие в различных мероприятиях. Власть Узбекистана, подчеркиваю, за-

конодательно воспринимает это как уголовно наказуемое деяние. Община здесь выступает как организация. Даже те, кто стал гражданином Российской Федерации, отказываются принимать участие в каких-либо мероприятиях».

Немаловажное значение имеет также характер оценки представителями этнических групп условий проживания в конкретном регионе. Это включает в себя как социально-экономического аспекта проживания, так и характер внешней коммуникации. Анализ данного аспекта способствует формированию адекватной оценки характера межэтнического взаимодействия. Большое значение опроса именно представителей национальных групп, находящихся в меньшинстве, обусловлено тем, что для них плотность межнациональных контактов значительно более высока и, соответственно, определение степени конструктивности межэтнического взаимодействия может дать значительно более достоверные результаты при условии опроса представителей диаспор и землячеств, проживающих в регионе.

В этом отношении респонденты продемонстрировали, что представители их этнических групп имеют достаточно благоприятные условия проживания на территории края. «Я говорил о том, что каждый ощущает комфорт по-своему. Это комфорт в разных сферах нашей жизни. Помимо этого существует и дискомфорт. Он проявляется в незнании людьми своей истории, неграмотности в этом отношении и незнании правды. Если человек, не зная нашу историю, историю адыгов, начинает грубить и в несоответствующем тоне спрашивать, зачем я сюда приехал и т.д., то в отношении таких людей, конечно же, будет негативное отношение тоже», - отметил один из опрошенных. Вместе с тем, отмечены были также факты наличия негативных форм социального контакта между представителями различных этносоциальных групп. Один из опрошенных отметил следующее: «Хочется еще раз добавить, что печально наблюдать, как человек, вроде бы с высшим образованием, не знает хотя бы истории своего государства, не говорю о других, даже путают адыга с узбеком и т.д. Был также случай в моей жизни, когда, опять же из-за неграмотности и отсутствия элементарных знаний о культуре и этике, нам грубили и хамили, не понимая при этом, что у каждого из народов есть свои обычаи и традиции, и мы, как уважающие себя люди, должны уважать культуру друг друга. Увы, к сожалению, не все это знают».

Вот как характеризуют проживание на территории Краснодарского края татары: «Если брать исторический аспект, то коренными непосредственно являются адыгейцы, черкесы, это мое мнение. Еще стоит упомянуть здесь о запорожских казаках, они тоже относятся к коренным жителям, более позднее, стали появляться русские и другие национальности и мы приобрели статус многонационального народа».

Как отмечают представители узбекской национальной группы, проживание бок о бок с представителями других национальных групп пред-

ставляет собой устоявшуюся традицию данного региона: «В Краснодарском крае исторически проживают русские, казаки, чеченцы, узбеки и украинцы». Как отметил другой респондент, «Краснодар это Кубань, так что и проживают здесь кавказский и русский народы». Интересно мнение опрашиваемых относительно национальной принадлежности казаков: «Казаки очень давно проживают на территории Краснодарского края, также как и русские, поэтому, на мой взгляд, они являются основой населения. Вспомнил случай, когда казаки говорили, что они не русские, а именно казаки, т.е., они, выделяют себя в отдельную категорию населения. Здесь также проживают армяне, несмотря на противоречия и некоторые конфликты, что были ранее, много разных национальностей, поэтому нет смысла обращаться к истории». Характерным является замечание одного из респондентов: «Здесь, насколько я могу судить, хоть и много национальностей, но живут они в Краснодарском крае намного дружнее, чем в Москве, хотя, учитывая то, что каждая национальность неповторима и своеобразна, все живут в мире друг с другом и что, самое главное, с уважением друг к другу».

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что в настоящее время имеет место достаточно благоприятное отношение к межнациональным бракам, что имеет особое значение с учетом высокой значимости семейного уклада в национальной культуре ряда рассматриваемых народностей.

«Сейчас очень много смешанных браков, все зависит опять же от грамотности людей, о желании преодолевать какие-то бытовые трудности в плане религии, языка и т.д. Ведь у каждого человека может быть своя вера, взгляды и др. Самое главное в таких браках это то, что из себя представляет сам человек» - выразил общее мнение представитель адыгской этнической группы, поясняя свою мысль следующим, - «традиции каждого должны, несомненно, сохраняться и передаваться из поколения в поколения, чтобы исключить угрозу утраты менталитета и культуры в целом». Схожую позицию проявляют и татары: «Мы уже говорили о толерантности, поэтому считаем это вполне нормальным явлением, думаю, присутствующие здесь меня поддержат»; «У меня муж хохол, а дочка записана, как татарка, сама вышла за поляка и теперь у меня внучка полячка, это не мешает нам. В целом количество межнациональных браков увеличивается». Подобного рода суждения выражали и представители других национальных групп.

Подводя итог проведенному обзору, можно выделить следующие значимые тенденции в развитии межнациональных отношений на территории Краснодарского Края:

1. Наиболее интенсивную деятельность по адаптации членов национальной группы к условиям проживания в Краснодарском крае производят татарская и лезгинская группы. Деятельность адыгов по адаптации реализуется естественным образом, что во многом связано с исторической и со-

циокультурной характеристиками проживания данной группы. Что касается узбеской национальной группы, влияние диаспор или землячеств на адаптацию вновь прибывших представителей этнической группы незначительно.

2. Существуют серьезные затруднения в оценке рассмотренных диаспор и землячеств в социально-экономические и культурные процессы Краснодарского края, что речь в данном случае идет не столько о деятельности диаспор и землячеств, как самостоятельных социальных структур, сколько о включенности в социальную жизнь региона отдельных их представителей. Как показали результаты опроса, наибольшую степень включенности в социальную жизнь региона проявляют адыги, наименьшую – узбеки. В целом можно судить о том, что сами по себе диаспоры и землячества по большей части проявляют нейтральность, иными словами – векторы их социальной активности направлены на осуществление внутренней деятельности.

3. Наибольшие сложности в осуществлении идентификационных процессов проявляются в среде узбекской этнической группы. Напротив, наибольшую эффективность осуществления идентификационных процессов демонстрируют представители татарской и адыгской этнических групп. Это обусловлено существенной их включенностью в социальные процессы принимающего общества.

4. К числу преобладающих механизмов формирования национальной идентичности относятся высокий уровень сопричастности достижениям представителей этнической группы, проведение разнообразных культурных мероприятий, передача национальных ценностей в рамках деятельности института семьи. Тем более значимым становится тот факт, что для представителей современных этнических групп рассматривается в качестве приемлемого формирование семей среди представителей различных национальных групп.

Проведенный обзор свидетельствует о том, что обстановка в Краснодарском крае является в целом благоприятной и имеет хорошие перспективы развития.

Литература:

1. Маркин В.В., Кубякин Е.О., Плотников В.В. Дискурс феномена этнорегиональной идентификации в модельном Южнороссийском регионе (аналитический обзор социологических исследований в Краснодарском крае) // Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения Сборник статей. Москва, 2016. С. 85-103.

Якуба Альберт Владимирович,
старший преподаватель кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
кандидат социологических наук

ВЛИЯНИЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ НА СОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Не секрет, что информационно-компьютерная революция, происходящая в переходный период к информационному обществу, подготовила базу для более глубоких социальных изменений. Они охватывают все уровни общества – социальное устройство, хозяйственную жизнь и труд, области политики и образования.

Благодаря активному внедрению сетевых технологий в жизнь социума обеспечивается постоянный интерактив, т. е. непрерывная обратная связь. В такой ситуации человек перестает быть незаметным «мелким винтиком» некоего социального механизма, от имени которого он выступает. У него резко повышается степень ответственности за собственные слова и поступки, формируется новая самооценка, более высокая и устойчивая. Человек превращается из пассивного приемника информации в активного и избирательного участника коммуникационного процесса. Доступ к Интернету имеет огромное социальное значение. Он дает необходимые предпосылки для формирования открытого общества.

Повышается социальная мобильность, стираются информационные барьеры, формируются новые ценности и принципы деловой культуры. Человек меняет свой образ жизни и создает новую культурную среду и модели социального поведения.

Как полагает А.Н. Шеремет, дальнейшее развитие Интернета в России, увеличение его аудитории как средства массовой коммуникации приведет к тому, что большая часть членов сообщества примет новые социальные роли, определяемые новой информационной культурой: пользователь сети, активный участник массовой коммуникации и т. д. Следует отметить, что в настоящее время домашняя компьютеризация достигает такого уровня, когда компьютер и Интернет становятся агентами первичной социализации наряду с ближайшим окружением ребенка[1].

Коренное изменение основ социализационного процесса подрастающего поколения имеет как положительные, так и отрицательные социальные последствия. С одной стороны, у подростков расширяется кругозор, доступ практически к любой информации дает широкие возможности для творческой активности, самореализации, повышения интеллектуально-

[1] Шеремет А.Н. Интернет как средство массовой коммуникации: социологический анализ. Екатеринбург, 2003. С. 117–121.

го и образовательного уровня. С другой стороны, практически полная потеря контроля взрослыми над информационными потоками, воздействующими на детей, приводит к ряду негативных эффектов.

Проблема даже не в информационной перегрузке молодежи и хаотичном наслоении в ее сознании самой разнообразной информации, что ведет к отклонениям в процессе социализации. Основная сложность – усвоение нежелательной информации с точки зрения социализационного и воспитательного процесса[1]. Например, в настоящее время в Интернете всякий желающий подросток и даже ребенок сможет ознакомиться с порнографическими материалами, сценами сексуального насилия. Проблемой является и бесконтрольное усвоение молодежью, подрастающим поколением нецензурной брани и криминального жаргона, знакомство с материалами, пропагандирующими потребление алкоголя, наркотиков, описывающими преимущества такого образа жизни. Не может не вызывать беспокойства информация о специфике взрывчатых веществ, ядов, возможностях их изготовления и применения. Несложно найти в сети Интернет радикальную религиозную литературу, вступить во взаимодействие с различного рода сектами. Сложившаяся ситуация не может не вызывать тревогу и озабоченность общественности, ученых, политиков.

Сейчас в Интернете публикуется самая разнообразная информация, в том числе противоречащая правовым и моральным нормам поведения. Виртуальная среда предлагает много материалов, от которых следует ограждать несовершеннолетних, чего, к сожалению, на практике не происходит. Молодежь в наибольшей степени подвержена воздействию Интернета, потому что в этой среде особенно много любителей острых ощущений, бунтарей, одиноких, любопытных, доверчивых, – таковы социально-возрастные особенности молодежи. Ее также отличает тяга ко всему новому и, вообще, романтизация новизны. Именно поэтому молодежь в числе первых реагирует и начинает использовать самые разнообразные культурные и коммуникативные стимулы, такие как Интернет.

Информационная среда в Интернете предоставляет возможности публикации новостей и материалов на условиях полной анонимности или с использованием круговой системы ссылок. Именно скандалы с сайтами «Кавказ», «Коготь» и множества их московских и региональных последователей создали Интернету негативную репутацию[2].

Как уже отмечалось, Интернет играет ключевую роль в процессе социализации современного общества. Выступая элементом социальности,

---

[1] Исаев Н.А., Паньков С.Л. Противодействие распространению наркотиков посредством глобальной сети Интернет // Девиантное поведение и Интернет (опыт социологического анализа): сб. науч. ст. / под ред. М.Е. Поздняковой и Л.В. Карнаушенко. М., 2008. С. 25.

[2] Шевченко И.А. Политические интернет-технологии в трансформирующемся обществе: дис. … канд. полит. наук. Ставрополь, 2005. С. 62.

Интернет и виртуальная реальность в целом, созданная с помощью новых информационных технологий, становится мощным агентом вторичной социализации человека: социализации применительно не только к сетевым сообществам, но и к офлайновой действительности – к тому реальному обществу, в котором человек живет. Специфика социализации в обществе интернет-коммуникаций состоит во все большей опосредованности влияния ее агентов. Усиление тенденции к гиперразвитию «опосредованной социальности», проявляющееся в возрастании роли различных посредников (прежде всего технического плана) в социальных процессах, влияет и на процесс социализации, поскольку она все больше подпадает под влияние симуляционных образований, искажающих действительные социальные связи и отношения. «Опосредованная социальность» отражает замену универсализации глобализацией, возникновение господства самопроизвольных, стихийных и беспорядочных процессов, возрастание неопределенности человеческого бытия[1].

Совмещение жизни индивида в реальном и виртуальном пространствах формирует третичную социализацию, которая представляет собой интериоризацию норм, ценностей, паттернов поведения, принятых в конкретном сетевом сообществе, членом которого стал данный индивид, или являющихся общепринятыми в социальной общности киберпространства в целом. Третичная социализация в случае интериоризации ценностей и паттернов некоторых сетевых сообществ может перерождаться в «опрокинутую» социализацию, т. е. обеспечивать приобщение к нормам и ценностям, не отвечающим ни историческому прошлому, ни целям общества, ни накопленному культурному потенциалу. Это «опрокидывание назад» связано с архаизацией культуры, т. е. с общим процессом примитивизации общественных установлений, с разрушением господствующих в обществе культурных норм, правил и способов поведения, которые могут происходить в виртуальном пространстве или его сегменте, несмотря на всю техническую оснащенность[2].

Становится очевидным, насколько опасна потеря контроля над информационными потоками в современном обществе. Молодое поколение в процессе социализации нередко усваивает антиценности, аморальные принципы, криминальные практики и прочие дисфункциональные элементы социокультурной системы координат, обусловливающие их дальнейшую «взрослую» жизнь в обществе. Именно дисфункциональность социокультурной системы координат (или, как ее часто называют, духовно-нравственная деградация) молодого человека приводит к дальнейшим поведенческим девиациям, в том числе экстремизму.

---

[1] Чистяков А.В. Социализация личности в обществе интернет-коммуникаций: социокультурный анализ: дис … д-ра социол. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 3–15.

[2] Чистяков А.В. Социализация личности в обществе интернет-коммуникаций: социокультурный анализ: дис … д-ра социол. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 3–15.

Рожковский Виталий Борисович,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»,
доктор философских наук, доцент

ПРОЦЕССЫ ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ

Сакрализация – процесс онтологизации религиозного опыта, определенных духовно-религиозных ценностей. Посредством сакрализации повседневной жизни человека, от самого рождения до смерти, происходящем в истории культуры, истории человечества на протяжении тысячелетий, священное (религиозное) неизбежно вошло в нашу личную и общественную жизнь.Как замечает Ж.-Л. Нанси, «чтобы прийти к священному через религию, необходимо посредничество Церкви.Священное институализируется… мы «учимся» ему, поскольку мы живем в обществе, и поэтому повседневно связаны со священным[1]. Однако процессы сакрализации в культуре современности и общественном сознании приобрели в большей степени «купированный» характер, поскольку за последние столетия гораздо большее влияние оказывают на человечество конфронтационные им процессы секуляризации и десакрализации.

В современной секулярной культуре, являющейся производной от тех процессов, которые начались несколько столетий назад в европейской «христианской» культуре, случилась деонтологизация той стороны духовного опыта человека, которая выражена целым рядом христианских идей, например, таких, как смирение, жертвенность, сострадание и др. Если даже в христианской среде, в частности, смирение становится каким-то психологическим «довеском» к жизни в церковной среде, то что же говорить о современном секулярном обществе. Деонтологизация же означает не то, чтобы сами христианские идеи перестали быть онтологическими, но скорее как бы утрату чувствительности к ним в обществе и культуре в целом. В культуре возвышается ценность человеческого самостояния, самодостаточности и происходит произвольный отказ от христианского содержания общественного сознания. Этот произвольный отказ есть, по сути говоря, то произвольное напряжение индивидуальной воли в культуре, которое, например, М. Хайдеггер увидел еще в нигилизме Ф. Ницше. Почему случилась эта деонтологизация? На этот вопрос трудно окончательно ответить. Мы не знаем точно ее истоков. Можно так же предположить, что сама современная ситуация, в которой оказался человек, онтологически

[1] Сакральное в современном обществе. Диспут: Подорога. Нанси.[Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.russ.ru/pole/Sakral-noe-v-sovremennom-obschestve Дата обращения: 25.11.2017

глубже этого вопроса. Проявляется это в том, что даже в радикальном отрицании важнейших экзистенциальных измерений жизни, современный человек все-таки не выпадает из пространства христианских идей и процесса сакрализации отдельных сторон своей жизни, так, он продолжает испытывать собственное личностное смирение-умаление с его как бы оборотной, «негативной» стороны – в нарастающем отчаянии. Это отчаяние является свидетельством надрыва христианского сознания в европейской культуре, где и закладывались универсальные гуманистические ценности, который Ф. Ницше выразил своим известным афоризмом.

Что же остается от религиозно-священного? Можно назвать это «кенозическим ядром» религии[1] (Дж. Ваттимо), благодаря которому в определенном контексте (как бы на контрасте) даже процессы десакрализации помогают быть ближе, откровеннее искренней религиозной вере человеческому восприятию. Т.е., образно говоря, «кенозическое ядро» есть живое зерно священного, явным образом не связанное с институтом Церкви, «зерно», способное даже вследствие утраты тех или иных сложившихся ранее культурных и общественных форм религиозности, сохранять жизнеспособность для общественного сознания на некоем глубинном, архетипическом уровне и проявляться на поверхности общественной жизни в некие переломные исторические периоды, когда происходит слом ветхих форм. В христианской культуре подобное «кенозическое ядро» проявлялось, например, в разные времена в феноменах личного подвига жертвенного мученичества, юродства. В этих феноменах можно наблюдать противостояние религиозной жизни «профанной» социальности, духа - проявлениям фарисейства и формализма в жизни людей.

Положение религии в современном мире сложное, можно даже сказать, противоречивое. Так, в современной России, согласно статистике, несмотря на декларируемый общий светский характер государства, к тем или иным религиозным конфессиям себя причисляет не менее 70% граждан России, причем за последние 20-25 лет число верующих выросло примерно в 4 раза.Несмотря на продолжающийся в течение последних трех столетий общемировой процесс секуляризации (вытеснения религии из общественной жизни), для многих религия продолжает являться важнейшей частью личной жизни и жизни в неких «островках» социальности, образованных деятельностью церковных, в том числе, образовательных институтов.В современном мире в целом намечается положительная тенденция отношения к религии. Ее можно наблюдать по тому значению, какое вновь приобретает религия в политической жизни (казалось бы, уже совершенно светской) (конфликты на Ближнем Востоке), и в повседневной жизни, где усиливается интерес к чему-то запредельному, тайному (правда, в большей степени этот интерес проявляется на примитивном религиозном уровне, в виде

[1] Ваттимо Дж. После христианства. М., 2007. С.10.

распространения суеверий, возрождения языческих обычаев и т.д.). Особую актуальность приобретают в современном мире процессы воцерковления России, ее культуры. Для обычного – «разбожествленного» сознания то, что сейчас происходит в России (с конца 80-х годов) является как бы «поворотом» вспять, к возрождению волшебного очарования миром. Этот «поворот» словно не поддается рациональному объяснению. Между тем, согласно многим социологическим опросам, в России среди других социальных институтов наибольшим доверием пользуется Церковь. Такое доверие – это не следствие политических лозунгов, как это можно утверждать об исламском фундаментализме. Можно так же говорить о возрождении интереса к религиозной культуре, религиозному мышлению. Что означают эти отмечаемые взаимопротиворечивые процессы в общественном сознании?

Как отмечает В. Подорога, «в современном обществе идут два процесса: один – процесс «*десакрализации*»; и второй, получивший у В.Н. Топорова имя «*гиперсакрализации*». Десакрализация – это тот мир, в котором мы сейчас живем и работаем, в каждое мгновение нашей жизни он что-то теряет из качеств священного, и за редким случаем возвращает себе обратно»[1]. По мнению В. Подороги, это следствие некоего глобального процесса духовно-исторического самопознания человечества. Однако мы видим, что такое самопознание является признаком некоего расщепления в духовно-мировоззренческом опыте (десакрализация-гиперсакрализация). Парадоксальным образом, с одной стороны, «десакрализация только помогает укрепить институт веровательной практики и по-настоящему отделить его от общественных структур» (В. Подорога). С другой стороны, мы находим, что наряду с процессами десакрализации и секуляризации идут процессы активизации противообщественного религиозного экстремизма, как своего рода гиперсакрализации, возрождении архаических бесчеловечных аскетических практик, например, в радикальном исламе ведущих на практике (в социальной и политической сфере) к конфессиональной нетерпимости, отрицанию гуманистических общечеловеческих ценностей, разрушению культурных архетипов-памятников «инаковой» религиозной культуры.

Эти экстремистские явления, как ни парадоксально, непосредственно связаны с процессами десакрализации. К этому можно отнести и участившиеся «постмодернистские» примеры оскорбления, высмеивания религиозных чувств верующих, примеры, которые свидетельствуют отнюдь не о антисоциальном юродстве, аутентичном христианскому опыту. Так же, как и разрушение памятников древности и христианских храмов движением ИГИЛ – не проявление подвига, подобногоподвигу древних христианских мучеников, восстающих против языческого идолопоклонства. Разница в

[1] Сакральное в современном обществе. Диспут: Подорога. Нанси.[Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.russ.ru/pole/Sakral-noe-v-sovremennom-obschestve Дата обращения: 25.11.2017

том, что в рамках христианского опыта мы имеем дело с аутентичным, целостным религиозным сознанием, а в случае с религиозным экстремизмом – с опытом расщепленного сознания.

Каким же образом в таком случае оценивать феномены с одной стороны, «оскорбления чувств верующих», а с другой, религиозного экстремизма? Можно говорить о двух критериях оценки. Во-первых, это критерий моральный - на основе наличия-нарушения неких общепринятых ценностей. Во-вторых, культурологический – от традиционных ценностей, сохраняющих жизнеспособность в культуре и влияющих на формирование национальной идентичности. Если говорить о законодательстве РФ, то следует отметить, что такие критерии, в частности, в законодательстве «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г.) обозначены. Так же они в значительной степени в стратегическом плане получают воплощение в религиозной и национальной политике России.Однако, по-видимому, не хватает интерпретативной практики применения этих критериев в современных условиях.

Литература:

1. Ваттимо Дж. После христианства. М., 2007.
2. Сакральное в современном обществе. Диспут: Подорога. Нанси. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.russ.ru/pole/Sakral-noe-v-sovremennom-obschestve

Коркмазов Алим Викторович,
преподаватель кафедры огневой подготовки
Северо-Кавказского Института повышения квалификации филиал
Краснодарского университета МВД России

ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА МЕЖДУНАРОДНОМУ ПОРЯДКУ И БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: в статье проводится примеры внутренне- правовых и политических различий террористических организаций за пределами Европы. Также в данной статье рассматриваются основныеопределения и восприятия проблем, связанных с разрешением вопрос «терроризма». Выводы автора могут быть использованы в изучении вопроса противодействия терроризму в России и зарубежных странах.

Ключевые слова: многосторонняяборьбастерроризмом, борьбастерроризмом, реагирование, многосторонняяборьбастерроризмом, угрозанасилия.

Начиная с 2001 года, отмечается существенное увеличения числа постановлений, инициатив и отдельных мероприятий, зафиксированных в

письменной форме главным образом с 2002 по 2004 год. Мы бы назвали данные явления посттеррористическим синдромом 11 сентября, но имевшие ряд положительных моментов, один из которых консолидация государств в борьбе с терроризмом. Но все же, обращают на себя внимание существенные различия между разными государствами и организациями.

В данной статье рассматриваются вопросы,связанные с термином «терроризм», который отражает политические, экономические и идеологические установки тех сил, которые осуществляют акты террора. То есть столкновение интересов в этих сферах приводят к возникновению социальных конфликтов.

Рассматривая данный вопрос можно прийти к выводу, что масштабы таких столкновений могут быть самыми различными: начиная с патологического противопоставления собственного «я» всему обществу или даже человечеству со стороны отдельных индивидуумов и заканчивая жестким противоборством целых государственных систем, которое, например, характеризовало отношения между лагерем социализма и развитыми империалистическими державами в годы «холодной войны». Анализ множества определений и понятий «терроризм», сформулированных на законном уровне и на международных конгрессах конференциях и съездах, выдвинутых ведущими террологами- учеными и известными политиками, показывает отсутствие единства в понимании феномена терроризма среди социалистов.

Однако в имеющейся литературе неизменно встречаются общие признаки, компоненты, комплекс которых, и способен дать достаточно объективное представление о терроризме, как социально-политическом феномене:

1. Терроризм предполагает наличие определенной цели в политической, социально-экономической или идеологической сферах;

2. В отношении противостоящей стороны применяется насилие в той или иной форме либо угроза использования такового;

3. Угроза насилия или само насилие сопровождается устрашением, направленным на частичную или полную психологическую деморализацию объекта воздействия («страх-это конечное воздействие, а не побочный продукт терроризма», сам терроризм в таком контексте- это «способ управления социумом посредством превентивного устрашения»);

4.Объектом террористического воздействия, может быть двойственным: непосредственный, которым могут быть материальные объекты, некоторые категории граждан, определяемые по политическому, социальному, национальному, религиозному или иному принципу, либо случайные люди, и конечный или стратегический объект, которым является конституционный строй либо один из его элементов (территориальная целостность, порядок управления, экономическая мощь и тому подобное).

Уровень риска террористических актов свести до нуля очень трудно, но нужно бороться для того чтобы минимизировать эту угрозу, а также быть готовым к последствиям совершаемых терактов. Реагирование на происшествие, независимо от того, было ли это событие природным, техногенным или технологическим, системы реагирования, существующие для ликвидации последствий природных катастроф, могут также использоваться для снижения уровня воздействия террорис 17 февраля 2004 года министры внутренних дел Германии, Франции, Испании и Италии договорились о создании коллективной системы безопасности четырех стран. Главы МВД предложили правительствам и парламентам своих стран несколько законопроектов, унифицирующих антитеррористические законы в этих государствах, причем образцом подобного законодательства считаются документы, разработанные во Франции и Испании террористического акта на граждан. Меры реагирования на любое из подобных событий должны в полной мере задействовать существующие структуры, включая Механизм защиты гражданского населения, который был создан в ЕС для реагирования на прочие значительные европейские или международные кризисы. В случае происшествий с трансграничными последствиями потребуется быстрый обмен операционными данными, согласованность СМИ и взаимной оперативной поддержки с использованием всех имеющихся средств, включая военные ресурсы. От способности ЕС принимать согласованные и коллективные решения будет зависеть степень эффективности и результативности реагирования. Создание механизма координации в условиях кризиса в ЕС вместе с необходимыми оперативными процедурами позволит обеспечить согласованность мер реагирования ЕС на террористические акты. Члены Евросоюза имеют большой опыт в обеспечении реагирования в чрезвычайной ситуации. Тем не менее, по-прежнему имеется необходимость в наличие в ЕС при поддержке общеевропейских институтов, включая Еврокомиссию, коллективный ресурсов для общего реагирования в случае крайней необходимости, когда ресурсов одной страны ЕС будет недостаточно, и такая чрезвычайная ситуация представляет серьезную угрозу для всего Евросоюза. Для обеспечения такой гарантии необходимо провести оценку и усовершенствовать действующую систему взаимной поддержки – механизм гражданской обороны.

Крайне необходимо вывести общий подход по оценкам рисков, которые могут иметь наиболее серьезные последствия на региональном, общеевропейском и общемировом уровнях. Эти усилия должна дополнить общая база данный ЕС, с перечислением ресурсов и средств, для каждого член Евросоюза, который сможет в случае чрезвычайных происшествий оперативно предоставить другим странам ЕС информацию.

Одно из главнейших явлений в реагировании – проявление солидарности, помощь и компенсация пострадавшим от терактов и членам их семей, не только на национальном уровне, но и на уровне Евросоюза. Члены

ЕС должны выплачивать соответствующие компенсации пострадавшим. На международном уровне существует необходимость оказания помощи гражданам ЕС в третьих странах, защита и содействие военным и гражданским ресурсам в условиях проведения операций по ликвидации кризисных ситуаций.

Среди ключевых приоритетов «реагирования» должны быть:

-принятие механизмов координации в кризисных ситуациях ЕС и соответствующих им операционных процедур;

-пересмотр законодательства по механизмам гражданской обороны сообщества;

-введение оценки риска как инструмента информирования в процессе создания ресурсов для реагирования на теракт;

-улучшение координации между международными организациями в области управления реагированием на террористические акты и иные катастрофы;

-обмен надлежащей практикой и разработка подходов к оказанию помощи пострадавшим от террористических актов и их семьям.

Среди немаловажных факторов по борьбе с терроризмом является многосторонняя борьба с терроризмом. Борьба с терроризмом является, на сегодняшний день, одной из главных тем обсуждения разных учреждений и организаций.

Литература:

1. Коркмазов А.В. Психолого - педагогическая готовность преподавателей к формированию ценностной ориентации студентов с целью повышения эффективности самостоятельной работой/А.В. Коркмазов// Международный научно-исследовательский журнал «Успехи современной-науки и образования».-2016 -№9 –Т-1 С.176-177.

2. Коркмазов А.В. Психолого-педагогическая готовность преподавателей системы повышения квалификации к управлению самостоятельной работой студентов: методологические основы./А.В. Коркмазов// Международный научно-исследовательский журнал «Успехи современнойнауки и образования».-2016 -№9 –Т-1 С.160-161.

3. Нагоева М.А. Некоторые аспекты назначения и производства судебно-почерковедческой экспертизы при расследовании преступлений экстремистской направленности. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 138-139.

4. Нагоева М.А. Проблемы использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в процессе доказывания по уголовным делам. // В сборнике: Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе 2015. С. 135-139.

5. Ролофф Р. Пределы и возможности эффективной многосторонности, Нью-Йорк 2010. С. 311–325.

6. Шапиро Дж, Беймэн Д. Преодоление трансатлантических разногласий в борьбе с терроризмом, Вашингтон, 2006. С. 33–50.

7. Шнеккенер У. Многосторонняя борьба с терроризмом - возможности и пределы, Берлин 2007, С. 99–112.

Чапурко Татьяна Михайловна,
профессор кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
Кулик Станислав Александрович,
аспирант Кубанского государственного университета,
Челяп Тимур Муратович,
магистрант Южного института менеджмента

СОЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Распространенность экстремистских проявлений в современной России - это реальный показатель неблагополучия состояния общества переходного типа. В связи с чем вопрос об экстремистских проявлениях широко обсуждается в средствах массовой информации и правоохранительной системе, поскольку имеется распространение экстремистских идей, ведущих к коррозии всей общественно-политической и социальной жизни, а, значит, к размыванию государственных институтов, которые обязаны обеспечивать, охранять и защищать права, свободы и законные интересы человека.

Особенностями современного экстремизма являются как рост масштабности, способствующий наращиванию потенциала и превращению экстремистских группировок во влиятельные структуры политической жизни, так и усиление жесткости действий экстремистов, многообразия форм деятельности, использования последних достижений науки и техники, а также стремления добиться широкого общественного резонанса.

До тех пор, пока общество будет находиться в кризисном состоянии, в условиях нестабильности, в силу отсутствия эффективного государственного механизма управления страной, социальная дезориентация определенной части граждан будет непрерывно «воспроизводить» экстремизм. Стабильность современного общества возможна только при наличии известного мировоззренческого единства населения, в основе которого лежит совпадение экономического, нравственного и правового способов миропонимания людей, существующих в одну эпоху и в одном социальном пространстве. Сама жизнь современного социума обозначила необходимость дальнейшего совершенствования правовой базы для регулирования

экстремальных процессов в обществе. Решение этой задачи невозможно без знания социально-психологической специфики экстремальной среды, а также понимания таковой как целостного социального явления.

Поэтому тема борьбы с экстремизмом остается одной из самых популярных не только в «верхах», но и в «низах» в связи с тем, что экстремизм стал опасен не для той или иной политической силы, которая в данный момент находится у власти, а для демократической государственности в целом. По своей сути экстремизм, представляя собой одну из форм радикального отрицания общественно-политических и социально-правовых норм и правил в государстве, воздействует как на отдельно взятых личностей, так и определенных групп. И это касается не только межконфессиональных, межэтнических отношений, но и межнациональных конфликтов, которые в социальной жизни населения могут привести к реформам, революциям, бунту, кровавому восстанию, террору, а также возможным требованиям смены власти и даже общественного строя.

По определению понятия экстремизма соглашаемся с мнением Марковой Ю.В. - как негативного социально-правового, криминогенно-криминального явления, обусловленного выражением полярных установившимся социальным и правовым нормам и практике взглядов, реализуемых через действия прямо или опосредованно направленных на изменение основ конституционного строя страны; возбуждение политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды через применение насилия (угрозу его применения), причинение имущественного либо физического вреда, а равно призывы к указанным действиям[1]. В этой связи резко повышается значимость исследования процесса детерминации данного явления, поиска оптимальных мер его профилактики, в том числе и средствами уголовно-правового и криминологического характера.

Необходимо отметить, что социально–экономические кризисы, коррупция государственных институтов, падение жизненного уровня, страх перед будущим и многое другое породили преступность экстремистского характера. Спектр наносимого ею вреда социуму чрезвычайно широк, а проявления варьируются от психологического и материального ущерба обществу и государству до лишения жизни конкретных индивидов. Последствия преступных проявлений экстремизма могут проявляться как сразу после совершения соответствующих деяний, так и иметь долгосрочные перспективы[2].

В настоящее время, проникая во все сферы жизнедеятельности общества, экстремизм обрел масштабы, которые без преувеличения позво-

[1] Маркова Ю.В. Предупреждение преступлений совершенных группами несовершеннолетних экстремистской направленности Автореф. Дисс. к.ю.н. Н.Новгород 2008.

[2] Узденов Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия. Автореф. дисс. к.ю.н. -М., 2008.

ляют отнести его к одной из угроз национальной безопасности России. Резко увеличивается число экстремистских групп с характерными для них чертами воинствующей ограниченности, жесткой авторитарностью мышления, нетерпимостью ко всему «чужому», стремлением решить сразу все проблемы[1]. Так, количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности с 2003 по 2017 год возросло более чем в 3 раза, и до 80% участников экстремистских организаций составляют лица в возрасте до 30 лет[2].

Распространение молодежного экстремизма в России стало одной из острейших проблем. Увеличивается количество преступлений, поднимается уровень насилия, его проявления становятся все более жестокими и профессиональными. Экстремизм как приверженность крайним взглядам и действиям стал повседневной реальностью нашего существования, превратился в угрозу национальной безопасности государства. В этой ситуации проблема борьбы с молодежным экстремизмом становится общегосударственной задачей.

Современное общество неизбежно встанет перед необходимостью осознания той опасности, которую таят в себе молодежные экстремистские организации, имеющие, как правило, финансовую подпитку и стремящиеся дестабилизировать, а затем разрушить существующие общественные институты для достижения своих целей. Только при активном взаимодействии органов государственной власти, правоохранительной системы и общественных организаций возможно создание «заслона» развитию экстремизма.

Заслуживающей внимания представляется точка зрения политолога Е.П. Олифиренко, представляющей круг факторов, детерминирующих экстремизм в молодежной среде как «негативные тенденции воспроизводства социального статуса молодежи и ограничение возможностей ее самореализации в важнейших сферах жизнедеятельности, чрезмерная дифференциация общества по статусам и доходам, социальная незащищенность молодежи»[3].

Данные причины, по мнению авторов, институциональны, обусловлены в свою очередь дисфункциями политических институтов. Еще один ряд причин, которые также носят общесоциальный характер, - это социокультурные факторы: «затрудненный доступ к качественному образованию, манипулятивность средств массовой информации, архаизация политической культуры в русле религиозной и этнонациональной нетерпимости»[4].

---

[1] Русанова О.А. Экстремизм – социологические интерпретации.

[2] Официальный сайт МВД России // www. mvdinform. ru

[3] Олифиренко Е.П. Молодежный религиозный экстремизм в современной России и пути его преодоления (на материалах Северо-Кавказского федерального округа): Автореф. дис. ... к. полит. н., Краснодар, 2012. С. 13.

[4] Там же: С. 13.

Следует отметить, что одной общей социальной детерминанты экстремистских преступлений в молодежной среде не существует. Экстремизм в молодежной среде - продукт и последствие жизнедеятельности современного общества. Тем не менее можно выделить ряд конкретных, детерминирующих молодежный экстремизм предпосылок: уровень жизни населения и молодой его части; невнимание, игнорирование государством молодежи как самой чувствительной в социально-экономической, социально-политической, социальной правовой перспективах части российского общества; криминализация общества и экономики; несостоятельность в части социализационной функции института семьи и брака; деформированная, извращенная мораль и нравственность общества; неконтролируемая миграция; специфичность молодежного сознания вместе с несформированностью политических, экономических, религиозных приоритетов; высокий уровень потребления психотропных веществ; вмешательство западной культуры, в том числе посредством средств массовой информации, в традиционно высоконравственные российские образцы; потребление молодежью негативных образов, несвойственных культурам народов Российского государства и др.

Молодежный экстремизм при должном подходе государства и гражданского общества вполне поддается искоренению. И такая работа ведется. Основные принципы противодействия экстремистской деятельности раскрываются в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002г. № 114-ФЗ (в ред. от 23.11.2015) - признание, соблюдение и защита прав человека и гражданина, а равно, законных интересов организации; законность; гласность; приоритет обеспечения безопасности РФ; приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями иными организациями, гражданами в антиэкстремисткой деятельности; неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности[1].

И все это должны делать соответствующие субъекты: федеральные органы государственной власти, органы власти регионов и местного управления, которые в приоритетном порядке осуществляют профилактические, воспитательные и пропагандистские меры, направленные на предупреждение экстремизма в связи с федеральным законом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[2]

В то же время, в российском обществе есть и очень позитивные моменты проявления молодежных настроений в противовес противоправно

[1] «О противодействии экстремистской деятельности»: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) ФЗ // СЗ РФ. 29.07.2002. № 30, ст. 3031; http://www.pravo.gov.ru - 23.11.2015.

[2] «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»: Федеральный закон № 182-ФЗ от 23.06.2016г. // Российская газета. 2016. 25.06.

настроенным группам молодежи. В качестве примера можно привести существующую неформальную группу «Брат за сестру. Помощь девушкам», которая имеет своих представителей как минимум в 12 городах России (Москва, Волгодонск, Челябинск, Санкт-Петербург, Тобольск, Тюмень, Уфа, Миасс, Липецк, Тамбов, Тверь, Воронеж). Так, группа, объединяющая молодых людей, не несет какой-либо религиозной или политической направленности, целью ее деятельности является общественно полезное занятие - оказание безвозмездной помощи девушкам, женщинам: встретить или проводить в ночное время, помочь в решении каких-либо вопросов[1].

Можно привести примеры многочисленных групп, занимающихся волонтерскими проектами помощи больным детям, бездомным животным и так далее.

Имеются и разработки частных исследователей, предлагающих закрепление целей и ценностей национального развития, защиту конституционного порядка, поддержание целостности системы власти, реформу государственного устройства, антиолигархическую реформу экономики, сотрудничество власти с общественными объединениями, развитие образования и воспитание молодежи[2].

Проблема профилактики и предупреждения экстремизма многогранна, включает идеологические, политические, социально-экономические сферы, в связи с чем особое внимание следует уделять не только религиозным течениям радикальной направленности, но и различного рода экстремистским молодежным группировкам, которые для достижения своих целей все чаще используют методы насилии.

Противодействие экстремизму требует систематической профилактической работы с привлечением всех «здоровых» сил общества, но главную ответственность должно взять на себя государство как координатор всех действий. Стратегия должна предусматривать меры, направленные на устранение условий, которые подпитывают национально-этнические конфликты. Экстремистская идеология, этническая, национальная и религиозная дискриминация, политическая изоляция, социально-экономическая маргинализация и отсутствие надлежащего государственного управления - те условия, которые дают питательную среду развития экстремизма, а высокая степень обеспокоенности законодателя этой проблемой в современном российском обществе выразилась в принятии ряда документов антиэкстремистского блока[3]. Поскольку лучшая форма борьбы с конфликтами -

---

[1] Проект «Брат за сестру». Защита и помощь девушкам. URL: https://vk.com/bratzasestruvrn.

[2] http// www.zlev.ru/34_5.htm

[3] Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006г. № 148-ФЗ О внесении изменений в статьи 1 и 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»; Федеральный закон от 24.07.07. №211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму».

это стратегия, направленная на их предотвращение путем ранней профилактики.

Заметим, завершение XX века ознаменовалось серьезными геополитическими изменениями: так, распад СССР став, отчасти, закономерным результатом сложившихся межнациональных противоречий, не имевших возможности для мирного и демократического разрешения, не только не стал решением национального вопроса, но и, напротив, усугубил имевшиеся проблемы, породив новые, но уже гораздо более жестокие и кровавые конфликты. Наибольшего накала межэтнических и межконфессиональных конфликтов достигли территории со сложным этническим и конфессиональным составом, а также на территориях с преобладанием какой-либо одной национальности.

Вместе с тем, интенсивность процессов мировой интеграции, хотя и сопряжена в большей степени с прогрессивными изменениями в государстве, тем не менее, усиливает социальную дезорганизацию общества, продуцирует эскалацию социального диспаритета вкупе с другими негативными процессами, стимулирующими преступность, которая в XXI веке превратилась в одну из самых сложных социальных проблем.

В заключение отметим основные задачи, стоящие перед государством и обществом по профилактике межнациональных, межконфессиональных конфликтов, в целях укрепления и сохранения общественной стабильности, конституционного строя, благополучия и мира необходимо рассматривать в соответствии с Федеральным законом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации[1]: - устранение причин и условий, способствующих возникновению и активизации межнациональных конфликтов; - снижение социальных разногласий в обществе; - стабилизация политической обстановки в стране, создание атмосферы общественного согласия, недопущение острых политических, межнациональных и межконфессиональных конфликтов; - повышение культурно-образовательного уровня населения в общем, связанное с изучением религии, ее истории, культуры, традиций в частности; - противодействие вовлечению граждан в религиозно-экстремистские группы, организации; - противодействие распространению информации и литературы, направленных на разжигание межнациональных, межконфессиональных конфликтов, на унижение достоинства других вероучений; - создание толерантности и мира между этническими группами.

Литература:

1. «О противодействии экстремистской деятельности»: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30, ст. 3031; http://www.pravo.gov.ru - 23.11.2015.

[1] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон № 182-ФЗ от 23.06.2016г. // Российская газета. 2016. 25.06.

2. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон № 182 от 23.06.2016г. // Российская газета. 2016. 25.06.

3. Олифиренко Е.П. Молодежный религиозный экстремизм в современной России и пути его преодоления (на материалах Северо-Кавказского федерального округа): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2012. С. 13.

4. Проект «Брат за сестру»: защита и помощь девушкам. URL: https://vk.com/bratzasestruvrn.

5. http // www.zlev.ru/34_5.htm

6. Русанова О.А. Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе: на примере Северо-Кавказского региона // Вестник Московского государственного университета. Сер 18. Политология и социология. 2005. № 2.

Немира Сергей Васильевич,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного аграрного университета
имени И.Т. Трубилина

ПОВТОРНАЯ И ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК СПОСОБЫ ПРОВЕРКИ ДОСТОВЕРНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА

Традиционно в теории уголовного процесса проведение повторной и дополнительной экспертиз считается одним из способов проверки достоверности заключения эксперта[1]. Тем не менее, на протяжении длительного времени дискуссионными остаются вопросы о разграничении повторной и дополнительной экспертиз, о необходимости назначения повторной экспертизы в конкретных случаях. Несмотря на то что, процессуальная и гносеологическая сущность этих двух экспертиз абсолютно различны, законодатель помещает их в одной норме, представляя такие формулировки, которые затрудняют уяснение оснований назначения и целей производства указанных экспертиз.

В ч.1 ст. 207 УПК РФ говориться о том, что дополнительная экспертиза назначается в случаях недостаточной ясности или полноте заключения эксперта, а также при возникновении новых вопросов в отношении ра-

[1] Никуленко, А.Н. Оспаривание заключения эксперта по уголовному делу / А.Н. Никуленко // Уголовный процесс. – 2015. – № 5 (125). – С. 39-40; Хмелева, А.В. Отдельные вопросы назначения судебных экспертиз и оценки заключения экспертов / А.В. Хмелева // Эксперт-криминалист. – 2015. – № 2. – С. 23-25, и др.

нее исследованных обстоятельств уголовного дела. Надо полагать, указанная формулировка закона не совсем удачна. Как обоснованно подчеркивает А.В.Кудрявцева, «неясность и неполнота заключения эксперта сами по себе зачастую являются поводом для сомнения в обоснованности и правильности заключения эксперта. Неясность заключения эксперта предопределяется субъективными и объективными факторами. Неясным может быть заключение в силу незнания субъектом доказывания (следователем, лицом, производящим дознание, судьей) терминологии той отрасли специальных знаний по которым проводилась экспертиза, низкой квалификации самого субъекта доказывания, непонимания отдельных положений заключения эксперта (объективный фактор). Представляется, что неясность заключения эксперта может быть вызвана нечеткостью выводов и отдельных формулировок, их расплывчатостью (объективный фактор). Представляется, что неясность заключения эксперта может быть преодолена с помощью допроса эксперта. Если же в ходе допроса выясниться, что неясность заключения вызвана пороками самого исследования, то в этом случае должна назначаться не дополнительная, а повторная экспертиза»[1].

В УПК РСФСР использовалась формулировка «сомнение в его правильности», которая употреблялась в связи с необходимостью производства повторной экспертизы. Поэтому в литературе отмечалось, что сомнение в правильности может возникнуть в силу того, что оно противоречит иным материалам дела[2].

В действующем УПК РФ вместо термина «сомнение в правильности» используется выражение «наличие противоречий в выводах эксперта или экспертов», которое относится к основаниям назначения повторной экспертизы.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» указывается, что «под недостаточной ясностью следует понимать невозможность уяснения смысла и значения терминологии, используемой экспертом, методики исследования, смысла и значения признаков, выявленных при изучении объектов, критериев оценки выявленных признаков, которые невозможно устранить путем допроса в судебном заседании эксперта, производившего экспертизу»[3].

---

[1] Кудрявцева, А.В. Указ. соч. С. 124.

[2] Калуцких, А.М. К вопросу о достаточности случаев обязательного назначения судебной экспертизы по уголовным делам / А.М. Калуцких // Вестник магистратуры: научный журнал. – 2012. – № 12 (15). – С. 78-79; Коновалов, С.Г. Оценка заключения эксперта судом и органами предварительного расследования / С.Г. Коновалов // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: Мат-лы XIX Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2014. – С. 197-199; Попов, И.А., Кучин, В.В. Оценка заключения эксперта следователем, дознавателем, прокурором, судом / И.А. Попов, В.В. Кучин // Публичное и частное право. – 2015. – № 1. – С. 168-171.

[3] URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12081630/

Вместе с тем, отдельные авторы полагают, что законодатель предусматривает назначение дополнительной экспертизы не только при недостаточной ясности или полноте заключения первичной экспертизы, но и в случаях возникновения у следствия новых вопросов из-за недостаточного объема исследований, а также, если выводы эксперта не вытекают из содержания и результатов исследований, противоречат им и друг другу. Кроме того, данные сомнения могут возникнуть и при сопоставлении экспертного заключения с другими материалами уголовного дела и обнаружении при этом существенных противоречий либо при получении новых доказательств, расходящихся с данными, полученными в ходе экспертного исследования[1].

Однако, неполным можно считать такое заключение эксперта, которое не разрешает некоторые из поставленных перед экспертом вопросов или сужает их объем. Когда в ходе проведения экспертизы были исследованы не все объекты, не исследованы или не учтены все обстоятельства, имеющие значение для решения поставленных вопросов, не применены все необходимые для данного случая методы исследования[2]. Исходя из этого, понятие «полноты исследования» справедливо относится к обоснованности заключения эксперта[3]. Поэтому сомнение в обоснованности заключения эксперта является основанием для назначения повторной экспертизы.

В то же самое время в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» разъясняется, что «в соответствии с частью 1 статьи 207 УПК РФ основаниями для проведения дополнительной экспертизы, поручаемой тому же или другому эксперту, являются недостаточная ясность или полнота заключения эксперта либо возникновение новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела. Неполным является такое заключение, в котором отсутствуют ответы, а все поставленные перед экспертом вопросы, не учтены обстоятельства, имеющие значение для разрешения поставленных вопросов»[4].

На мой взгляд, если эксперт не ответил на все вопросы, которые поставлены перед ним, не учел все обстоятельства, имеющие значения для разрешения поставленных перед ним вопросов, значит он нарушил мето-

---

[1] Петрухина, А.Н. Оценка заключения эксперта в уголовном судопроизводстве: монография / А.Н. Петрухина. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 33-34; Кузнецов, А.А. основные направления оценки заключения эксперта / А.А. Кузнецов // Вестник Омской юридической академии. – 2015. – № 1 (26). – С. 63-65.

[2] Орлов, Ю.К. Процессуальные вопросы дополнительных и повторных экспертиз / Ю.К. Орлов // Вопросы теории судебной экспертизы. – М., 1977. – С. 90.

[3] Орлов, Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. Учебное пособие / Ю.К. Орлов. – М.: Юрист, 1995. – С. 49.

[4] URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12081630/

дику производства данного вида исследования, что в свою очередь и вызывает сомнение в его компетентности и достоверности представленного заключения[1].

В этой связи отдельные авторы считают, что основное отличие повторных экспертиз от дополнительных заключается в том, что при повторной экспертизе решаются те же самые вопросы заново, поскольку ответы на них вызывают сомнение по существу, поэтому ее производство поручается другому эксперту. Дополнительная экспертиза может быть поручена тому же эксперту[2].

Представляется, что «полнота» заключения эксперта является одной из категорий, составляющих его достоверность, и, соответственно, «недостаточная полнота» заключения эксперта может использоваться в качестве оснований для назначения повторной или дополнительной экспертиз.

В связи с эАтим действующее уголовно-процессуальное законодательство необходимо усовершенствовать в вопросе определения надлежащих оснований назначения дополнительной или повторной экспертиз, изложивч.1 ст. 207 УПК РФ в новой редакции:

«1. При недостаточной ясности заключения эксперта, не вызванные сомнением в его достоверности, которые невозможно устранить путем допроса, а также при возникновении новых вопросов в отношение ранее исследованных обстоятельств уголовного дела, может быть назначена дополнительная судебная экспертиза, производство которой поручается тому же или другому эксперту».

---

[1] Немира, С.В. Оценка достоверности содержания заключения эксперта / С.В. Немира // Актуальные проблемы судебной власти, прокурорского надзора, правоохранительной и правозащитной деятельности, уголовного судопроизводства: сб. науч. статей / под общей и научной редакцией О.В. Гладышевой, В.А. Семенцова. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2014. – С. 173-174.

[2] Россинский, С.Б. Уголовный процесс России. Курс лекций. 2-е изд. исправл. и доп. / С.Б. Россинский – М.: Эксмо, 2008. – С. 201; Шапиро, Л.Г. Проблемы правового регулирования института судебной экспертизы в судопроизводстве / Л.Г. Шапиро // Современная юридическая наука и правоприменение: сб. науч. трудов (III Саратовские правовые чтения): сборник тезисов докладов (по материалам Всероссийской научно-практической конференции, г. Саратов, 3-4 июня 2010 г. СГАП). – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «СГАП», 2010. – С. 228-229; Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. В.М. Лебедева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – С. 522.

Аношков Виктор Евгеньевич,
магистр политологии,
воспитатель Ставропольского Президентского кадетского училища
Галкина Елена Вячеславовна,
профессор Северо-Кавказского федерального университета
доктор политических наук, профессор

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА И МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

Противодействие терроризму – один из актуальных вопросов современности, который требует решения незамедлительно, коррективы вносятся каждый день, как со стороны государства, так и гражданского общества.

Сущность терроризма – это стратегия и тактика политических насильственных действий, систематического преднамеренного устрашения общества путем влияния на принятие решений органами государственной власти и местного самоуправления, международными организациями. Виды терроризма: социальный, политический, мировоззренческий, уголовный (криминальный), международный, ядерный, кибертерроризм, химический, биологический и т.д.

Под политическим терроризмомв широком смысле понимаются все проявления террористической активности, направленные на изменение общественного строя в целом или в какой-либо его части. В узком смысле под политическим терроризмом подразумевается борьба, направленная на предотвращение (или принятие) каких-либо решений, относящихся к государственному устройству[1].

Россия присоединилась к Европейской и международной конвенциям по борьбе с терроризмом. Представляется, что борьба с терроризмом и его ликвидация являются важнейшими задачами, стоящими перед мировым сообществом. Один из ее элементов - разработка более четкого определения терроризма, что способствовало бы эффективной борьбе с этим злом. Эта инициатива в первую очередь исходит от ООН.

После событий 11 сентября 2001 г. в США стало ясно, что ни одно,даже самое мощное государство в мире, не способно оградить себя оттеррористической угрозы. Спецслужбы и армия самого сильного государства вмире не смогли предотвратить теракты. Опасность террористических групп кроется в ихфанатичности, обособленности и мобильности. Для терроризма нет границ. Глобализация способствует размыванию границ меж-

[1] Галкина Е.В., Гундарь Е.С. Политический экстремизм в современном мире: Учебное пособие. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. – С. 29-30.

ду государствами, и невольно она раскрыла границы и для экстремизма и терроризма во всем мире.

Современный терроризм приобрел ряд новых характерных черт, связанных с изменениями в субъектах и объектах террористической деятельности, всредствах и масштабах нападения, способах организации и исполнения террористических актов[1]. Методы современного терроризма крайне разнообразны и включают в себя силовые акции, основанные не только на устрашении, но и опосредованном воздействии на противника. Новой тенденцией современного терроризма является и то, что сам терроризм значительно «помолодел», а именно в террористическую деятельность вовлекаются достаточно молодые люди, и это является серьезной социальной проблемой.

По-прежнему в современном мире крайне опасен такой вид политического терроризма, в котором террористические действия осуществляют террористы-одиночки, подверженные влиянию радикальных политических идей. Причем, в этом участвуют не только мужчины, но и женщины-террористки. Исторически известен хрестоматийный пример женщины-террористки – скромная сельская учительница Вера Засулич, увлекшись народничеством, решила стрелять в градоначальника Санкт-Петербурга Трепова; первая казненная женщина-террористка Софья Перовская. Недавний теракт в Нью-Йорке 31 октября 2017 г. был совершен террористом-одиночкой, выходцем из Узбекистана Сайфуллой Саиповым. В результате погибли 8 человек, более 15 было ранено.

Однако мировая общественность сегодня имеет дело уже не «политически идеологизированным» поведением отдельной личности, а с международным терроризмом, владеющим передовыми ресурсами, и переплетенным с «интригами мировых держав».

Здесь важную роль, наряду с низким материальным положением экстремистов-одиночек, играют факторы религиозной фанатичности (в ряде случаев, приверженности радикальному исламу, запрещенной террористической группировки ИГИЛ), психологии, патологии, наркомании, несогласия с политикой руководства страны и т.д. Став на путь осуществления насильственных действий, экстремисты-одиночки способны нанести вред не только отдельным гражданам, но и всему обществу. Уже в настоящее время террорист-одиночка вполне может обладать достаточными техническими знаниями, чтобы похитить, купить или произвести оружие для террористического акта. Для доставки этого оружия к цели потребуется максимум один или два помощника. Террористов, действующих в одиночку или очень малыми группами, будет труднее выследить, если они не совершат ошибки или не попадутся случайно.

[1] См.: Грачев С.И., Корнилов А.А. К вопросу о дефиниции «терроризм» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. - №3. – С. 240-244.

Так, в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.среди основных источников угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности являются деятельность террористических организаций, группировок и отдельных лиц, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя РФ и т.д. Так, в 36 пункте Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. указывается: « Российская Федерация при обеспечении национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй Российской Федерации»[1].

Основные принципы противодействия терроризмув Российской Федерации изложены в ФЗ РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»[2]. В нем, в частности, отмечается: обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина; приоритет защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности; неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности; системность и комплексное использование политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер противодействия терроризму; сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами в противодействии терроризму; сочетание гласных и негласных методов противодействия терроризму; конфиденциальность сведений о специальных средствах, технических приемах, тактике осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом, а также о составе их участников; недопустимость политических уступок террористам; и др.

Еще одним важным документом, в котором определены угрозы, риски, опасности для РФ, является Военная доктрина Российской Федерации. Документ обновлен 25 декабря 2014 г. в связи со сложной международной обстановкой, угрозами со стороны стран НАТО, введением антироссийских санкций со стороны США, Канады, ЕС и др.[3] Так, среди внутренних военных опасностей указывается деятельность террористических органи-

---

[1] Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. №683 «О Стратегии национальной безопасности РФ» // Официальный Интернет-портал правовой информации. Режим доступа: www.pravo.gov.ru

[2] Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. – 2006. – 10 марта.

[3]Военная доктрина Российской Федерации (25 декабря 2014 г.) // Российская газета. – 2014. - №6570 (298). – 30 декабря.

заций и отдельных лиц, среди внешних опасностей – растущая угроза глобального экстремизма (терроризма), п. 16 указывает на угрозы ядерного терроризма.

Представляется важным отметить, что в мире появляются все новые формы и виды терроризма (например, женщины-смертницы), и борьба с терроризмом ставится как общегосударственная задача. В Российской Федерации выработана политика федеральных властей по предотвращению и пресечению экстремизма и терроризма. Эта общегосударственная программа состоит из следующих блоков: правовые меры борьбы с терроризмом, включающие в себя законодательные акты, а также международные конвенции по борьбе с терроризмом и организованной преступностью; общепредупредительные меры, в том числе, установление контроля над «рынками» оружия и другими средствами массового поражения; административно-режимные меры, к которым относят и меры по межгосударственному сотрудничеству в области борьбы с терроризмом и экстремизмом; специальные (оперативные, розыскные, технические и охранные) меры предупреждения террористических проявлений[1].

На глобальном уровне ряд известных и значимых организаций участвуют в борьбе с терроризмом: ООН, ОБСЕ, ОДКБ, «Большая двадцатка», БРИКС, ШОС, АТЭС, СНГ и др. Эти организации постоянно участвуют в профилактике международного экстремизма и терроризма, устранении последствий террористических актов.

Так, отметим, что на Совете глав правительств Содружества Независимых государств (СНГ) 3 ноября 2017 г. в Ташкенте, среди девятнадцати обсуждавшихся вопросов приоритетным остается противодействие финансированию террористической деятельности. И это не случайно, так как эта проблема была и остается злободневной, наряду с другими важными, такие как энергетическая безопасность, торгово-экономическое взаимодействие стран содружества. Так, председатель российского правительства Д.А. Медведев отметил: «Есть другие важные вопросы, они касаются борьбы с международным терроризмом, это реальная угроза. Любые проявления терроризма приносят огромные проблемы, как правило, это сопровождается человеческими трагедиями. Противодействие таким актам, противодействие финансированию такой деятельности остается одним из приоритетов в рамках Содружества»[2].По результатам встречи была принята совместная Декларация об обмене информации по борьбе с терроризмом, а также создании совместной ПВО против террористических атак.

Подчеркнем, что противодействие терроризму должно рассматриваться всемицивилизованными странами в качестве одной из основных общегосударственныхзадач и национальных приоритетов.

---

[1] Галкина Е.В., Гундарь Е.С. Указ. соч. – С. 66.

[2] Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ. Режим доступа: http://www.cis.minsk.by/news.php?id=8483. Дата обращения: 03.11.2017.

Кривцов Александр Сергеевич,
аспирант 1 курса кафедры зарубежной истории,
политологии и международных отношений
Северо-Кавказского федерального университета

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОНЯТИЙ

Терроризм и экстремизм как явления имеют давнюю историю, оба понятия связаны с нарушением политической деятельности государства. Выявление соотношения понятий терроризма и экстремизма позволит выявить схожие и отличные качества, присущие каждому из этих терминов.

Значительный научный интерес представляют работы Е.С. Назаровой (Гундарь)[1], А.Ю. Пиджакова, А.Б. Соловьева, которые адресованы политико-правовым нюансам исследования политического экстремизма и терроризма в России. В этих трудах изучаются проблемы разделения категорий «экстремизм» и «терроризм», предлагаются авторские трактовки терроризма, политического экстремизма, рекомендованы разнообразные классификации экстремизма и терроризма.

Довольно важные труды о политическом экстремизме принадлежат А.Ю. Пиджакову. В своих работах он не раз исследовал вопрос необходимости разделения категорий «политический терроризм» и «политический экстремизм». Он считает, что: «Необходимо отличать политический терроризм от политического экстремизма, – схожего, но не тождественного явления. Понятие экстремизма значительно шире: террористические методы нередко используются экстремистскими организациями для осуществления их целей»[2].

Кроме этого, А.Ю. Пиджаков, выразил согласие с большей частью исследователей, которые трактуют понятие «экстремизм» в широком и узком ключе, дал свое определение «узкого» толкования категории «экстремизм», объединив его с событиями настоящего времени: «Для характеристики текущего момента часто достаточно узкой трактовки политического экстремизма как незаконной деятельности политических движений и партий, а также должностных лиц и рядовых граждан, направленной на насильственное изменение существующего государственного строя и на разжигание национальной и социальной розни»[3].

---

[1] Назарова Елена Сергеевна. Политический экстремизм и его роль в современных конфликтах: Дис. ... канд. политол. наук. Ставрополь, 2001.

[2] Пиджаков А.Ю. Борьба с политическим терроризмом и экстремизмом (международно- и национально-правовые проблемы). СПб., 2003. С. 89.

[3] Пиджаков А.Ю. Борьба с политическим терроризмом и экстремизмом (международно- и национально-правовые проблемы). СПб., 2003. С. 89.

Но в этом случае экстремистская деятельность определяется только как нацеленная на «насильственное изменение существующего строя», но ничего не говорится о государственном экстремизме ради сохранения государственного устройства (например, тоталитарного режима) и насильственного сдерживания, допустим, приверженцев демократических реформ.

По мнению И.Ю. Сундиева, экстремизм и терроризм сегодня сопряжен с противоречиями глобализационных процессов. Ведь для некоторых государств экстремизм и терроризм являются внутренней проблемой, обусловленной их самобытной жизнью, там, где присутствуют незаконченная модернизация, ресурсы и неустойчивая власть.

Таким образом, в глобализирующемся мире экстремизм и терроризм стоит исследовать именно с «политико-криминологической» точки зрения, «любая другая позиция (экономическая, религиозная, националистическая и т.д.) по отношению к данному вопросу вторична, так как будет отводить внимание ученого от исследования первостепенных предпосылок, ее обуславливающих» [1].

На мой взгляд, экстремизм и терроризм сегодня необходимо исследовать, применяя комплексный подход, принимая во внимание разнообразные факторы: политические, экономические, религиозные, психологические и другие, потому что в условиях глобализирующегося мира экстремизм, равно как и терроризм, принимает многоаспектную форму как феномен, сопровождающий глобализационный процесс.

Основным практическим итогом рассмотрения понятий «политический экстремизм» и «экстремизм» стало выявление несостоятельных, не конкретных факторов в трактовке политического экстремизма. Такое погружение в категориальную область политического экстремизма обусловлено, прежде всего, тем, что, только детально изучив историю данного явления, установив основные аспекты этого понятия, а также ключевые предпосылки, содействующие распространению экстремизма, можно не только оперативно предотвращать преступления экстремистской направленности, но и исключить вероятную незаконную широкую трактовку данного феномена.

Разнообразные формы терроризма и экстремизма как неминуемая угроза характерны для современного мира. И Россия не исключение. Учитывая значительную степень общественной угрозы, уровень преступлений террористического и экстремистского уклона можно расценивать как крайне высокий[2].

---

[1] Сундиев И.Ю. Экстремизм в условиях развертывания глобального кризиса: экспозиция явления // Научный портал МВД России. 2009. № 2. С. 65.

[2] Титаренко И.Н. Противодействие религиозно-политическому экстремизму и терроризму: информационно-идеологическое воздействие против насилия / И.Н. Титаренко//Информационное противодействие угрозам терроризма. - 2013. - № 21 (21). - С. 17-26.

В российском уголовном праве данные две группы преступлений закреплены как автономные: преступления экстремистского характера причислены к угрозам для основ конституционного строя и безопасности государства, а преступления террористической направленности – к посягательствам на общественную безопасность. Таким образом, российское уголовное законодательство не отображает генетической взаимосвязи экстремизма и терроризма. В литературе часто выражались желания однозначно разграничить терроризм и экстремизм, но они маловероятны.

Экстремизм – это стремление к радикальному разрешению социальных конфликтов, по этой причине он подразумевает и обосновывает важность использования насильственных методов, в том числе и разные формы терроризма. Следовательно, в теории уголовного права превалирует позиция, согласно которой, терроризм – это крайняя и самая опасная форма экстремизма, эти категории связаны как видовое и родовое, а ряд ученых даже отмечают терроризм экстремистов. Собственно такой расклад между экстремизмом и терроризмом закреплен в международном праве, где о терроризме говорится как об одной из форм экстремизма.

Таким образом, исследование международно-правовых документов и нормативно-правовых актов России дает возможность резюмировать, что экстремизм и терроризм – это феномены не просто взаимосвязанные, но и взаимопроникающие. Терроризм наделен всеми характерными чертами экстремизма плюс особые признаки, свойственные именно этой форме экстремизма, по этой причине совершенно обоснованно ставить вопрос о преступлениях, которые имеют сразу признаки и экстремизма, и терроризма.

Но российское уголовное законодательство не ведает такими составами преступлений, которые отражали б действительно имеющийся факт совершения преступлений террористического характера с элементами экстремизма. Поэтому, террористические акты, осуществленные по причинам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо из-за неприязни к какой-либо социальной группы, а тем более – в структуре экстремистской организации, нужно квалифицировать по совокупности правонарушений[1].

В судебной системе непосредственно такое должно быть отношение к квалификации террористических актов, осуществленных представителями экстремистского сообщества в общем русле их преступной деятельности.

[1] Авдеев В.А., Авдеева О.А. Основные направления реализации уголовно-правовой политики РФ в сфере предупреждения преступности: сравнительный анализ федеральных и региональных начал // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 47 - 61.

Ерофеев Илья Михайлович,
первый секретарь Департамента информации и печати МИД России,
первый секретарь второго класса (дипломатический ранг),
соискатель кафедры мировых политических процессов факультета
управления и политики МГИМО МИД России

СМИ ГЕРМАНИИ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Отдельные политические инструменты, которые можно отнести к элементам «мягкой силы», были известны с Античности и широко применялись государствами. Еще китайский философ Лао-цзы, живший в VII в. до н. э., исследовал «мягкие» методы воздействия для установления своей власти[1]. Однако сама концепция «мягкой силы», заключающаяся в использовании государством накопленного культурного и политического потенциала в качестве инструмента продвижения национальных интересов, была разработана американским политологом неолиберального толка Дж. Наем в 80-х гг. XX в., а термин «мягкая сила» прочно закрепился в научном дискурсе с публикацией в 1990 г. его книги «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской мощи»[2]. Ученый впервые представил «мягкую силу» не как теоретический идеал, к которому государства должны стремиться, а как эффективную политическую технологию, позволяющую добиваться реализации национальных интересов без применения экономического давления или военной силы, которые он относил к «жесткой силе». Вместе с тем, разделение Дж. Наем силы государства на «мягкую» и «жесткую» стало самым дискуссионным положением его концепции. Так, по мнению мирового ученого сообщества, в том числе германских политологов, «мягкая сила» не может существовать без поддержки ее на государственном уровне экономическими методами, равно как и правительственные и неправительственные организации не могут функционировать, не получая финансовую подпитку для реализации программ гуманитарного сотрудничества, культурного и образовательного обмена.

В Германии концепция Дж. Ная не была признана на официальном уровне в качестве необходимого инструмента германской политики и, в отличие от России («Концепция внешней политики России 2013 г.»[3]), не нашла отражение в нормативных правовых актах. Однако германские уче-

---

[1] Арин О.А. От Сунь Цзы до Джозефа Ная // Азия и Африка сегодня. – 2013. – № 5. – С. 55–61.

[2] Nye Joseph S. Bound to lead: the changing nature of American power. Basic Books, 1990. 167 p.

[3] Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 года // Официальный сайт МИД России. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/ 122186 (дата обращения: 18.12.17).

ные С. Слоан[1], Х. Борхерт, Т. Йегер, А. Хезе и К. Оппермann внесли существенный вклад в ее разработку. Особенностью подхода германской политологической школы к изучению концепции «мягкой силы» является ее сосредоточенность на рассмотрении практики применения инструментов «мягкой силы» (Н. Клабунде[2], Т. Бергер[3]) и отождествление «мягкой силы» с публичной дипломатией (Ш. Майстер[4], М. Баун[5]). В современном германском научном дискурсе проблематика использования «мягкой силы» регулярно поднимается в рамках конференций, организуемых «Немецким обществом внешней политики» («DGAP»), и периодически освещается крупными общефедеральными СМИ Германии.

Еще до оформления в виде концепции «мягкая сила» активно применялась обоими государствами разделенной Германии, политические элиты которых в полной мере осознавали значимость культурного и идеологического воздействия для успешной реализации «собственного» проекта развития. Так, по мнению кандидата политических наук МГИМО МИД России Л.Р. Рустамовой, «именно благодаря ресурсам «мягкой силы» Германии удалось добиться существенных экономических успехов и восстановить свое положение на международной арене»[6]. Если до объединения Германии в 1990 г. политика ФРГ по созданию положительного образа страны и, соответственно, применение ею «мягкой силы» служили целям скорейшего объединения, восстановления политического «статуса кво», реабилитации в глазах мирового политического и финансового истэблишмента, а также мировой общественности, то с момента присоединения ГДР внешнеполитические задачи страны значительно расширились, основные принципы ее внешней политики подверглись корректировке. После относительно непродолжительного периода адаптации восточных земель, гармонизации внутренней политики и окончательного восстановления экономического потенциала все ресурсы «мягкой силы» уже объединенной Германии, с учетом ошибок прошлого, были переориентированы на формирование привлекательного образа страны в мировом масштабе

---

[1] Sloan S., Borchert H. Hard Power und Soft Power: Plädoyer für ein erneuen Transatlantischen Vertrag. In: Thomas Jäger, Alexander Höse, Kai Oppermann (Hrsg.): Transatlantische Beziehungen: Sicherheit – Wirtschaft – Öffentlichkeit, VS Verlag, 2005. – S. 523–527; Kersten J. Soft Power und Militär. Eine Untersuchung zum Afghanistan-Einsatz der Bundeswehr. Universitätsverlag Potsdam, 2013. – 107 s.

[2] Klabunde N. Cultural Diplomacy as Soft Power and the Need for Cultural Knowledge in Germany's Mission in Afghanistan, Institute for Cultural Diplomacy.

[3] Berger T. A Perfectly Normal Abnormality: German Foreign Policy after Kosovo and Afghanistan. – Japanese Journal of Political Science. – Vol. 3. – Issue 2. – Nov. 2002.

[4] Meister S. Reframing Germany’s Russia policy- an opportunity for the EU. – Policy brief. – 2014 – URL: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR100_GERMANY_RUSSIA_ BRIEF_AW.pdf (дата обращения: 19.12.17).

[5] Baun M. Germany and Central Europe: Hegemony Re-examined. German Politics, vol. 14, n. 3/2005.

[6] Рустамова Л.Р. «Мягкая сила» во внешней политике современной Германии»: дис. … канд. полит. наук. – М.: МГИМО(У), 2016. – С. 4.

и достижение лидирующего положения на европейском континенте. При этом, как считает профессор МГИМО МИД России Н.В. Павлов, «Политика Германии должна была не указывать на ее стремление к возвышению, взятию реванша, а скрывать ее усиление и мощь под дипломатичными формулировками о новой роли Германии в мире, ее желании внести вклад в мировое развитие»[1]. Как показывает время, с этой задачей германское политическое руководство справилось успешно. Это произошло во многом благодаря продвижению тех же самых элементов «мягкой силы» внутри Германии, что и за ее пределами, а также активному политическому содействию в развитии гражданского общества и тесному сотрудничеству с прессой. Результаты таких целенаправленных действий не заставили себя ждать, уже в 1999 г. Германия впервые с момента ее капитуляции в 1945 г. приняла участие в военной операции на территории иностранного государства, действуя в составе международной коалиции, не имевшей соответствующей санкции Совета Безопасности ООН (речь идет о военно-воздушной операции «Союзная сила» («Operation Allied Force») НАТО против Союзной Республики Югославия (СРЮ) в период с 24 марта по 10 июня 1999 г.). Именно этот исторический момент можно считать окончанием процесса политической реабилитации Германии, страна де-факто была признана равноправным актором международных отношений.

Анализируя концепцию и ресурсный потенциал германской «мягкой силы», немецкие исследователи сходятся в том, что она является неотъемлемым и необходимым компонентом внешней политики страны[2]. Говоря о возможности эффективного использования инструментов «мягкой силы», германские ученые обычно обращаются к финансово-экономической сфере, на которой строится привлекательность Германии в Европейском Союзе. Вместе с тем, другие исследователи, например Т. Кляйне-Бокхов и Г. Мауль, ссылаясь на историческое прошлое Германии, отмечают, что при всем богатстве «мягкой силы» успешность германского воздействия на другие страны в социо-гуманитарной и экономической сферах заключается в доверии, поскольку: «Сила государства основывается на том, что о его силе думают другие»[3].

Именно поэтому, Институт имени Гете, основанный первоначально как педагогический вуз для обучения немецкому языку, получил в 1960 г. в распоряжение все германские государственные федеральные учреждения культуры за рубежом и был преобразован в ключевую организацию, занимающуюся продвижением культуры и немецкого языка за пределами стра-

---

[1] Павлов Н. Внешняя политика Берлинской республики: новый «германский путь»? // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 2. – С. 63–75.

[2] Kersten J. Soft Power und Militär. Eine Untersuchung zum Afghanistan-Einsatz der Bundeswehr. Universitätsverlag Potsdam, 2013. – 107 s; Kleine-Brockhoff T., Maull H.W. The Limits of German Power. Internationale Politik. – Vol. 12. – 2011. – P. 8–11; Klabunde N. Cultural Diplomacy as Soft Power and the Need for Cultural Knowledge in Germany's Mission in Afghanistan, Insitute for Cultural Diplamcy. – 9 p.

[3] Kleine-Brockhoff T., Maull H.W. The Limits of German Power. Internationale Politik. Vol. 12. – 2011. – P. 8–11.

ны. Не менее важная роль в популяризации германской «мягкой силы» была отведена таким известным политическим фондам Германии, в том числе представленным и активно функционирующим в России, как Фонд Конрада Аденауэра («ХДС» («CDU») – Христианско-демократический союз), Фонд Фридриха Эберта («СДП» (« SPD») – Социально-демократическая партия), Фонд Фридриха Наумана («СвДП» («FDP») – Свободная демократическая партия).

Говоря о значимости для «мягкой силы» государства его миграционной политики, культуры, образования и научных достижений, Дж. Най не рассматривает роли СМИ как важнейшего инструмента их продвижения внутри страны и за рубежом. Вместе с тем, СМИ, бесспорно, играют определяющую роль в формировании общественного сознания и являются основным инструментом «мягкой силы». В связи с этим необходимо упомянуть исследования отечественных политологов, а именно И.А. Сафранчука, который, анализируя элементы «мягкой силы» СССР еще до появления концепции «мягкой силы» Дж. Ная, сформулировал основные факторы успешного продвижения национальных интересов, среди которых он отметил «оперативность информационных кампаний по освещению тех или иных событий и их достоверность»[1]; Е.А.Костарева, который подчеркивает, что «СМИ, распространяя национальный язык, обычаи и культуру определенной нации, исполняют роль инструмента ее «мягкой силы», фактически вдохновляя других принимать эту культуру, избегая дорогостоящих, несущих тяжелые последствия, «жестких» методов»[2], а также О.В. Зегонова, по мнению которого «СМИ, выступавшие первоначально непосредственно как средство распространения информации, т. е. передачи ее от одного источника многим получателям, перешли сегодня в ранг самостоятельных акторов мировой политики[3].

Говоря о роли СМИ в германском обществе, необходимо отметить, что они выступают не только как инструмент, но и как фактор «мягкой силы», оставаясь средством распространения информации и, в то же время являясь движущей силой, предопределяющей характер публикуемого контента. Очевидно, что СМИ все более активно становятся частью общественной и социальной жизни, осваивая и внедряя новые коммуникационные технологии. Они транслируют точку зрения различных политических движений и групп, помогают в работе государственных органов власти, выполняют гуманитарную и благотворительную функции, а самое главное – определяют наше восприятие реальности. Германский философ и социолог Н. Луман, рас-

[1] Сафранчук И.А., Синегубов А.Л. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Дипломатическая служба. – 2014. – № 1. – С. 6–10.

[2] Костарев Е.А. СМИ как «мягкая сила» // Вопросы управления. – URL: http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2011/02/03/ (дата обращения: 19.12.17).

[3] Зегонов О.В. Роль «глобальных» СМИ в мировой политике. М., 2009. – С. 9. – URL: https://mgimo.ru/files/106865/Avtoreferat_ Zegonov.pdf (дата обращения: 19.12.17).

суждая о роли СМИ, писал: «Все, что мы знаем об обществе, о мире, в котором мы живем, и все, что мы вообще знаем – всем этим мы обязаны медиа»[1].

Сегодня среднестатистический житель Германии тратит более 10 часов в день на средства массовой информации, читая газеты и журналы, слушая радио, просматривая телевизионные программы и пользуясь Интернетом[2]. Около 30 лет жизни современный человек тратит на прием и обработку информации[3]. СМИ окружают нас повсеместно, вне зависимости от возраста, образования и социального статуса; процесс передачи ими информации приобрел непрерывный и трансграничный характер. Наряду с традиционными СМИ (печать, радио, телевидение), появились и стремительно захватывают мировой медиарынок электронные СМИ и социальные сети. Очевидно, что растущая информатизация и цифровизация современного общества ведет к формированию его зависимости от источников информации и инструментов ее передачи. В связи с вышеизложенным сложно переоценить значимость СМИ в продвижении «мягкой силы» государства.

Ведущими германскими общефедеральными СМИ, занимающими главенствующую позицию в формировании и общественного мнения и являющимися основными проводниками германской «мягкой силы» как на территории страны, так и за ее пределами, являются Общественное телевидение Германии «АРД»[4] («ARD»), Второе германское телевидение «ЦДФ»[5]

---

[1] Luhmann N. Die Realität der Massenmedien (Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, Vorträge G 333), Opladen 1995; second, extended edition 1996. (English translation: *The Reality of the Mass Media*, Stanford: Stanford University Press, ISBN 978-0-8047-4077-7)

[2] Klenk Ch. Macht und Einfluss der Medien in Deutschland, 2010. – URL: https://www.owep.de/artikel/40/macht-und-einfluss-medien-in-deutschland (дата обращения: 19.12.17).

[3] Там же.

[4] Общественное телевидение Германии «АРД» основано в 1950 г. В него входят 9 телерадиокомпаний федерального уровня и иновещательная компания «Дойче Велле» («Немецкая Волна»). Центральное бюро «АРД» находится в г. Мюнхене. В состав его руководящих органов входят представители земельных властей и правящих политических партий. Большая часть эфира – информационные и аналитические программы, документальные фильмы. «АРД» имеет собственные телестудии в 26 зарубежных странах. Московский корпункт является одним из самых крупных (более 2000 минут эфирного времени в год); сфера его деятельности охватывает Россию и страны СНГ. Материалы о России носят преимущественно критический, нередко предвзятый характер.

[5] Телерадиокомпания «ЦДФ» основана в 1963 г. В настоящее время является крупнейшим общефедеральным телевидением Германии и занимает третье место по популярности в стране. «ЦДФ» владеет телекомпаниями «ЦДФ-инфо», «ЦДФ-нео», «ЦДФ-культур», располагает долевым участием в компаниях «3-Сат» (совместно с «АРД», австрийским и швейцарским телевидением), «АРТЕ» (германо-французский информационно-публицистический канал), «КиКа» (детский телеканал, принадлежащий в равных долях «АРД» и «ЦДФ»). Совместно с «АРД» и 16 федеральными землями «ЦДФ» управляет национальной радиовещательной корпорацией «Дойчландрадио». «ЦДФ» располагает 17 студиями внутри Германии, а также 18 за рубежом. Все передачи транслируются из г. Майнце (Германия), там же находится штаб-квартира компании. Российская тематика в новостных материалах телеканала подается преимущественно в критической тональности.

(«ZDF») и иновещательная государственная телерадиокомпания Германии «Дойче Велле»[1], полностью финансируемая из средств федерального бюджета. В соответствии со статистическими данными Федерального министерства финансов Германии в 2016 г. на работу «Дойче Велле» было выделено финансирование в размере 301,8 млн евро[2] – сумма, сопоставимая, согласно исследованию германского политолога К. Лемана, с общими затратами России в этом же направлении[3].

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что особенности использования Германией «мягкой силы» обусловлены историей ее политического и экономического развития в XX в. Еще до научного обоснования Дж. Наем его концепции германский политический истеблишмент стремился создать привлекательный имидж страны, используя такие ресурсы «мягкой силы», как культура, развитая экономика, научные достижения и сознательное гражданское общество. При этом эффективность формирования позитивного имиджа Германии за рубежом заключается в ее многоплановости за счет обеспечения широкого иностранного представительства и активной работы германских НПО, правительственных фондов и ведущих СМИ.

В современном глобальном информационном пространстве наивно рассчитывать на объективность, взывать к справедливости и отказу от «двойных стандартов». Опыт Германии показывает, что СМИ необходимо принимать как самостоятельную политическую силу и выстраивать партнерские отношения с ними. Вышеизложенное является условием повышения «мягкой силы» страны.

---

[1] Немецкая общественно-правовая медиакомпания «Дойче Велле». Основана в 1953 г. Выполняет задачи иновещания с глобальным охватом теле- и радиоаудитории в большинстве регионов мира. Основной внешнеполитический рупор правительства Германии. Располагает мультимедийной интернет-платформой dw.de, работающей на 30 языках (вещание на русском языке ведется с августа 1962 г.), круглосуточным спутниковым телевещанием на английском, арабском, испанском и немецком языках (на Европу, значительную часть Северной Америки, а также Северную Африку и Ближний Восток). «Дойче Велле» также распространяет через зарубежные партнерские телекорпорации свои получасовые еженедельные тележурналы на русском, индонезийском, португальском, сербском, турецком языках и хинди. Все эти передачи доступны и через Интернет. Сохраняется радиовещание на коротких волнах, в том числе на ряде африканских языков. В репортажах о России в основном телекомпания часто критикует политический курс руководства страны, концентрируется на правочеловеческой проблематике.

[2] Федеральный бюджет Германии на 2016 г. – URL: https://www.bundeshaushalt-info.de/fileadmin/de.bundeshaushalt/content_de/dokumente/ 2016/soll/epl04.pdf#page=102 (дата обращения: 19.12.17).

[3] Lehmann Ch. «SOFT-POWER»-RANKING: DEUTSCHLAND IST DRITTSTÄRKSTER PROPAGANDA-EXPORTEUR, 2016. – URL: https://de.news-front.info/2016/06/15/soft-power-ranking-deutschland-ist-drittstarkster-propaganda-exporteur-von-christian-lehmann/ (дата обращения: 19.12.17).

Шакун Евгений Витальевич,
слушатель 5 курса,
Краснодарского университета МВД России

МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В период развития социологии в обществе усилилось понимание социализации, как той части процесса становления личности, в ходе которого развиваются наиболее общие, основные, устойчивые черты личности, отражающиеся в социально организованной деятельности, регулируемой ролевой структурой общества.

В представлениях Т. Парсонса, индивид в процессе социализации «вбирает» в себя общие ценности во время общения со «значимыми другими», в результате чего следование общезначимым нормативным стандартам становится частью его мотивационной структуры, его потребностью[1].

Ю. Хабермас предложил «критическую теорию», согласно которой социализация охватывает только часть личности. Одна из них представляет собой общественную сущность личности, другая же ее часть позволяет держать некоторую дистанцию по отношению к существующему обществу, которое только мешает человеку самоутвердиться[2].

В российской социологической мысли самое полное и наиболее приемлемое обоснование обновленной трактовки процесса социализации принадлежит А.И. Ковалевой и ее ученикам. Основополагающими значениями в ней выступают многогранные социализационные траектории, которые олицетворяют собой интегральный показатель характера социализации, определяющий ее объективную и субъективную стороны, демонстрируют характеристики направленности и результативности[3].

По мнению М.Ю. Попова, социализация – это процесс усвоения индивидом образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей, необходимых для его успешного функционирования в данном обществе[4]. Социализация заключается в богатом многообразии взаимопроникающих процессов усвоения, накопления и обогащения опыта предыдущих поколений с целью его передачи потомкам индивидом и со-

---

[1] Социология: словарь-справочник / под общ. ред. Ю.Г. Волкова. Краснодар, 2006. С. 229–231.

[2] Аверьянов Л.Я. О проблемах молодежи и не только о них // Социол. исслед. 2008. № 10. С. 156.

[3] Зубок Ю.А., Чупров В.И. Становление и развитие отечественной социологии молодежи // Социол. исслед. 2008. № 7. С. 114.

[4] Попов М.Ю. Правовая социализация личности как ресурс социального порядка. М., 2006. С. 7–8.

циальной группой в ходе их материальной и духовной деятельности, в сложной системе межличностных и коллективных отношений[1].

С.И. Сергейчик обращает свое внимание на термин «гражданская социализация». По его мнению, это понятие отражает процесс усвоения каждым индивидом определенной системы норм, ценностей, знаний, и традиций в трудовой, политической и правовой сферах жизнедеятельности, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества. Содержание его определяют три элемента:

1) профессиональная социализация, которая позволяет молодому человеку освоить трудовые навыки, приобрести знания, и опыт в одной или ряде профессий;

2) правовая социализация, которая направленная на устранения среди молодежи правового нигилизма, уяснение каждым молодым гражданином своих прав и обязанностей;

3) политическая социализация, способствующая повышению активности каждого индивида в защите своих прав и свобод, в управлении государственными и общественными делами[2].

В своих научных исследованиях В.А. Бобахо и С.И. Левикова указывают на широкую значимость неформальной среды в процессе социализации[3]. Этот процесс происходит под воздействием разнообразных условий и обстоятельств, которые оказывают свое влияние на формирование не только из деятельности общественных институтов и целенаправленного воспитательного процесса, но и под особым влиянием таких, как правило, неконтролируемых факторов, какими являются неформальная среда общения со сверстниками, взгляды и настроения, бытующие в обществе[4].

В социологической науке выработаны определенные критерии, которые позволят сделать вывод об успешной социализации, а также те признаки, которые непосредственно указывают на сбои в данном процессе. В своих научных трудах на процесс социализации личности обращает свое пристольное внимание Е.И. Пронина отмечает следующие критерии успешной социализации молодежи, к которым следует стремиться молодому поколению как к некоему идеалу: социальная адаптивность в современном обществе, самоорганизация, активность, ответственность, социально-экономическая автономность, наконец, экономическая самостоятельность и стремление приобрести материальную независимость от родителей, связанную в ближайшие годы с выбором профессии и началом тру-

---

[1] Там же.

[2] Сергейчик С.И. Факторы гражданской социализации учащейся молодежи // Социол. исслед. 2002. № 5. С. 107–111.

[3] Бобахо В.А., Левикова С.И. Современные тенденции молодежной культуры… 1996. № 3. С. 58.

[4] Бобахо В.А., Левикова С.И. Современные тенденции молодежной культуры… 1996. № 3. С. 58.

довой деятельности[1]. Все эти факторы возможны лишь в случае информационной и социально-гуманитарной грамотности и компетентности молодого человека[2].

Сама социализация в своем развитии направлена на обеспечение постоянного личностного роста. Характерно и немаловажно учитывать, что на процесс социализации тесно влияет та внешняя обстановка в рамках которой проходит социализация. Необходимо учитывать, что процесс социализации непосредственно формирует тот тип личности который характерен для развития моральных и нравственных ценностей представителя молодого поколения. По общим правилам социологии социализация признается успешной, если личность проходящая процесс социализации усваивает, присущи данному обществу, социальной общностью ценности, осваивает необходимые в данном обществе социальные роли, социально необходимые нормы, существующие в обществе стереотипы поведения и нормы которые регулируют отношения в обществе. Этот процесс социализации должен происходить как планомерное движение вверх. В той или иной мере это не простой, весьма противоречивый, динамически развивающийся процесс, который, особенно в молодые годы, что не маловажно, сопровождается кризисами. Одни кризисы удается преодолеть, другие не всегда получается преодолеть. Сам по себе человек не во всех случаях может справиться с этим не всегда простым кризисом социализации, и дальнейшее развитие его личности может пойти не по тому пути который ожидаем. Социализация не всегда бывает успешной. Более того, можно обратить внимание на то, что ее результат практически никогда не достигает идеала, как на общем социальном, так и на личностном уровне, а само общество, его социальные институты и организации не всегда удовлетворены теми результатами которые получает личность в процессе социализации и это так же в некоторой степени зависит от того, что само общество порой не реализуют сполна свои социализационные функции. Очень часто остается некоторый неиспользованный резерв возможностей. В некоторой мере может возникнуть и преобладание негативных влияний на личность, в результате в ней сформируются и могут заметно проявляться нежелательные для общества черты.[3] Человек,по своей социальной структуре представляя собой сложнейшее социальное, психологическое и биологическое образо-

---

[1] Пронина Е.И. Особенности социализации молодежи России на современном этапе развития // Будущее России: стратегии развития: // Всерос. науч. конф. «Сорокинские чтения-2005», 14–15 дек. 2005 г. М., 2005.

[2] Пронина Е.И. Особенности социализации молодежи России на современном этапе развития // Будущее России: стратегии развития: // Всерос. науч. конф. «Сорокинские чтения-2005», 14–15 дек. 2005 г. М., 2005.

[3] Ковалева А.И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социол. исслед. 2003. № 1. С. 111–112.

вание, даже при позитивных внешних для него условиях может оказаться за чертой социально одобряемого поведения.

Основные критерии отклонения социализации можно определить по различным основаниям, исходя из ракурса анализа: социального (состояние общества, институтов социализации, характер стихийных влияний и т. д.), типичного личностного и группового (девиантное поведение, кризисы социализации, а также социальной идентичности и т. д.).

Такая ситуация особенно негативно сказывается на современной молодежи. Расширение пространства для самостоятельного выбора действий молодых людей имеет как положительные, так и отрицательные стороны, а также может стать определенным условием для развития отклоняющейся социализации. Одним из весьма распространенных и не редко встречающихся ее проявлений является ускоренная социализация. Она связана с преждевременным обретением молодежью социальных ролей и вынужденной идентичностью. Это и раннее вынужденное приобщение детей и молодежи к труду, и ранние браки или создание брачных пар, и различные формы социальных девиаций. В данном случае можно говорить о принудительной социализации как разновидности социализационной ненормы. Принудительная социализация рассматривается здесь как не соответствующий социализационной норме процесс преждевременного освоения подрастающим индивидом социальных ролей взрослого человека, вынужденного подражания суррогатным моделям индивидуального и группового поведения, неразборчивого освоения низкопробных образцов культуры.

Содержание

Алексеенко И.Л. Вопросы профилактики межконфессиональных и межэтнических конфликтов…… 3

Маршак А.Л., Красина Я.С. Доля трудовой занятости мигрантов в системе прекариата: социокультурный обмен…… 7

Ковальчук О.Г. Вопросы противодействия экстремизму в рамках подготовительного этапа международного спортивного мероприятия……. 17

Вашрова Н.В. Роль религиозного фактора в формировании идеологической и организационной основы экстремизма в современном мире…….…... 19

Рожкова Л.В., Дубина А.Ш. Крайние формы девиантного поведения, распространенные среди работников промышленных предприятий в Пензенском регионе…….. 25

Рачипа А.В., Янкина И.А. Динамика оценок эффективности государственного управления и безопасности граждан: взгляд российской молодежи……. 29

Кобец П.Н. О современных тенденциях проявления терроризма, его природе и причинах…… 32

Степаненко В.В. Совместная работа государства и гражданского общества по предупреждению экстремизма футбольных фанатов…..... 37

Гулевский А.Н., Гулевская Н.А. Антропологические основания терроризма…….…… 45

Скворцов И.П. Социальная солидарность в реалиях национальной безопасности современной России…….. 50

Карнаушенко Л.В. Радикальные теории государства в контексте проблемы экстремизации сознания российской молодежи…….. 53

Вакула И.М., Контарев А.А. О стратегии противодействия молодежному экстремизму и терроризму в Северо-Кавказском и Южном федеральных округах……. 57

Бельский В.Ю. Глобализация и формирование глобальной среды экстремистской деятельности: новые социальные технологии….. 63

Шикунов Д.В. Внесистемная оппозиция как дестабилизирующий фактор национальной безопасности России..… 68

Лягушкин И.В. Идеология криминального экстремизма как источник угроз безопасности личности, общества и государства…… 74

Намнясев В.В. Уголовно-правовая характеристика мошенничества, совершаемого с использованием средств сотовой связи…….. 78

Самойлов С.Ф. Роль социально-гуманитарного знания в процессе изучения и противодействия экстремистской угрозе…….. 82
Плотников В.В., Кубякин Е.О. Экстремпарантность и экстремизм: к вопросу об основаниях проблемы……. 85
Плотников В.В. Государство и экстремизм: опыт социально-философской рефлексии……. 95
Куликов Е.М. Проблема использования результатов социологического мониторинга деструктивного коммуникативного воздействия на аудиторию глобальной сети Интернет…… 103
Гришай Е.В., Манацков И.В., Коровников А.Л. Условия и причины, влияющие на вовлечение лиц в экстремистскую и террористическую деятельность……..……... 107
Гришай Е.В., Людкевич Ю.Н. Социальная и криминологическая характеристика экстремизма……..... 115
Стрелецкий Я.И. Украина: экстремизм как этноцид……... 120
Юрченко В.М. Духовно-нравственные основы обеспечения национальной безопасности России, противодействия экстремизму и терроризму……. 126
Юрченко И.В. Сетевой анализ конфликтного и интеграционного взаимодействия в публичной политике в контексте разработки технологий противодействия экстремизму….. 130
Сулима И.И. Методика профилактики экстремизма в многонациональных коллективах……... 135
Стригуненко И.К. Предупреждение девиантного поведения молодежи как одно из условий борьбы с экстремизмом в современной России……..……... 140
Плотников В.В. Экстремизм и концепт пограничной ситуации в современном социально-политическом пространстве…….. 146
Юмашева Е.В., Задворная Е.В., Юмашев Д.В. Терроризм в контексте кибератак: современное состояние и перспективы сохранения безопасности……...……. 151
Корелов О.А. Возможные предпосылки позитивной коррекции экстремистских взглядов……..…….. 156
Москаленко С.Г. Тенденции трансформации молодежного экстремизма в XXI веке……..... 162
Грачев С.И., Жидков А.В. Информационный детерминант в системе антитерроризма……... 165
Грачев С.И., Мольков С.Н. Проблемные аспекты противодействия идеологии этнонационального экстремизма…….. 169
Желнакова Н.Ю. Значение общероссийской идентичности молодежи в системе противодействия экстремизму на Северном Кавказе…….. 173
Капранова Ю.В. К вопросу о понятиях «экстремизм» и «терроризм»……... 176

Чернядьева Н.А. О становлении международного варианта терроризма…… 180
Легенина Т.Б. Региональная национальная политика в Северо-Кавказском поликультурном регионе и ее значение в профилактике экстремизма и терроризма (на примере Ставропольского края)…..……. 187
Васильева А.С., Васильева Т.С. Дуалистичная природа экстремизма в антиутопии Филипа Дика……. 192
Якуба А.В., Сулейманов Р.А. Проявление действий экстремистского характера среди футбольных болельщиков…… 197
Стригуненко Ю.В. Социальная дезадаптация как фактор роста экстремизма в современном российском обществе……. 200
Тимченко А.А. Теоретико-методологические основания социологического опровержения религиозного фундаментализма….. 206
Пилюгина Ю.Г. Проблема распространения религиозного экстремизма в учреждениях пенитенциарной системы……... 214
Пеструилов А.С., Кошкарова Ю.А. Проблема формирования нравственных смысловых установок как фактор противодействия идеологии экстремизма……..... 220
Герман Р.Э. Интерпретации исторического прошлого как структурный элемент террористических идеологий……. 227
Ступина О.А. Формирование профессионального самосознания будущего офицера полиции в борьбе с терроризмом и экстремизмом…… 230
Манина Т.А. Формирование профессиональной компетенции курсантов Каснодарского уиверситета МВД России на занятиях по иностранному языку……..... 235
Базыленок А.В. Институты государства и гражданского общества: о контрадикции понятий……... 240
Моисеев С.В. Изменение географического вектора экстремистской и террористической угроз: новые вызовы региональной безопасности..... 246
Алимпиев А.А. К вопросу попытки осмысления социальных и психологических причин совершения массовых беспорядков…… 253
Бондарь В.В. Противодействие попытке насильственного изменения основ конституционного строя Российской Федерации в 2017 году…… 258
Васильев И.А., Алехин В.П. Система государственного противодействия экстремизму: международный аспект…… 262
Васильев И.А., Васильев Д.А., Алехин В.П. К вопросу о противодействии в борьбе с терроризмом…… 267
Лысенко А.М. Спортивный терроризм – новый вызов нашего времени…… 272
Машкина Т.С., Степанова К.В. Криптовалюта как инновация финансирования терроризма……. 275

Некрасова А.В., Самойлов С.Ф. Идеологические противоречия в среде российских праворадикалов……. 278
Усманов И.М., Усманова Н.М. Оперативно-розыскная профилактика распространения экстремизма в сети Интернет…….. 283
Варданян Е.А. Идеологические поединки как способ осмысления политологических знаний и формирование гражданской позиции обучающихся…… 288
Васильева А.С. Васильева Т.С. Радикальная концепция образования М. А. Бакунина……..... 293
Канашевич Н.М., Козичев Н.В. Экстремизм в арсенале гибридных войн, нормативно-правовые основания противодействия экстремистской идеологии в Республике Беларусь……. 297
Гришай А.В. Инновационные проекты в государственном управлении административных практик: особенности реализации….. 303
Абрамов М.А. Правосознание и патриотизм как условия пассивной устойчивости общества к развитию экстремизма…….. 305
Белашова Я.Ю., Кропчина Н.О. Проблема информационной безопасности общества: анонимность и публичность как факторы распространения и развития социальной агрессии…….. 310
Дубина А.Ш. Система противодействия терроризму на промышленных предприятий в Пензенском регионе……. 314
Кашин О.В. Привитие норм социального взаимодействия в ходе патриотического воспитания в армейской среде как фактор стабилизации социальной обстановки…….. 318
Кокурина Н.В. Потенциал участия молодежи в политических процессах……..... 322
Коротких В.Н. Модели гендерного взаимодействия в коллективе сотрудников полиции как фактор противодействия экстремизму: проблемы и пути решения……... 324
Краснокутский Д. Н. «Виртуальное» девиантное поведение курсантов образовательных организаций МВД России как социально-управленческая проблема……..….... 328
Кузьменко И.С. Солидаризация в деструктивных группах как основание воспроизводства деструктивных групп…… 332
Ростова А.Т. К вопросу о необходимости достижения преемственности социальных ценностей в условиях дестабилизации общественной структуры……..…….. 337
Светиков С.А. Социальная справедливость как объект деструктивных установок……..... 341
Тюнь А.П. Институт полиции в контексте противодействия девиантному поведению……..…... 346
Васькова К.В., Самойлов С.Ф. Субкультурные особенности среды российских НС-скинхедов…….. 349
Драчева В.И., Самойлов С.Ф. Деятельность участковых уполномоченных полиции по профилактике проявлений экстремизма в среде верующих мусульман……...…….. 353

Колосова В.А., Самойлов С.Ф. Автономные праворадикалы: особенности субкультуры и идеологии……..... 358
Кубякин Е.О. Специфика и перспективы развития межнациональных отношений на территории Краснодарского края по результатам фокус-группового исследования (на примере опроса представителей адыгского, татарского, лезгинского и узбекского этноса)……... 362
Якуба А.В. Влияние сети Интернет на сознание молодежи на современном этапе развития общества……. 367
Рожковский В.Б. Процессы десакрализации общественного сознания и религиозный экстремизм……. 370
Коркмазов А.В. Терроризм как угроза международному порядку и безопасности……. 373
Чапурко Т.М., Кулик С.А., Челяп Т.М. Социально-криминологические проблемы профилактики экстремизма в современном российском обществе……..... 377
Немира С.В. Повторная и дополнительная экспертизы как способы проверки достоверности заключения эксперта…….. 383
Аношков В.Е., Галкина Е.В. Противодействие терроризму: стратегическая задача современного государства и мирового сообщества…… 387
Кривцов А.С. Политический экстремизм и терроризм: взаимосвязь понятий……..……. 391
Ерофеев И.М. СМИ Германии как инструмент «мягкой силы»……. 394
Шакун Е.В. Молодежные субкультуры в современной России….. 400

Научное издание

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ: ФИЛОСОФСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции

(24 ноября 2017 г.)

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Н. А. Никитиной*

ISBN 978-5-9266-1292-6

Подписано в печать 20.12.2016. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 23,8. Тираж 100 экз. Заказ 651.

Краснодарский университет МВД России.
350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128.